ISSN 1998-6785

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2026 *Т. 20, № 3*

Научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" выходит в свет с 2006 года; с 2009 года издается ежеквартально.
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–30578 от 12.12.2007 г. ISSN 1998-6785.
Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет". Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Целью журнала является содействие разработке методологии междисциплинарного синтеза знаний о региональных (социально-территориальных) системах, а также планированию на её основе регионоведческих исследований и региональной политики.
Среди основных задач нашего издания:

мониторинг и критическая оценка текущих публикаций и научной жизни регионоведческого сообщества (в первую очередь, в рамках российского Дальнего Востока);

организация дискуссии по теоретическим и методологическим проблемам регионоведения;

представление мнений и рекомендаций ученых по актуальным прикладным проблемам регионального управления;

пропаганда идей и методологии междисциплинарного синтеза;

подготовка и доведение до научной аудитории программ фундаментальных и прикладных регионоведческих исследований и освещение результатов их выполнения.

Авторами и читателями нашего журнала являются преподаватели вузов и сотрудники академических учреждений как Дальнего Востока, так и других регионов России, а также учёные из стран Азиатско-Тихоокеанского региона и СНГ.

Журнал включает следующие основные рубрики:

- Теория и методология регионоведческих исследований
- Историческое регионоведение
- Экономика и природопользование
- Социальные и демографические структуры
- Культурные и идеологические факторы регионализации
- Политические отношения и управление регионом
- Мировая система и международные регионы
- Междисциплинарные и системные исследования региона
- Регион в документах и свидетельствах
- Науковедение
- Дискуссия
- Рецензии и обзоры
- Научная жизнь

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в Перечень ВАК:
5.4.1. – Теория, методология и история социологии (социологические науки)
5.4.2. – Экономическая социология (экономические науки)
5.4.2. – Экономическая социология (социологические науки)
5.4.4. – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)
5.5.1. – История и теория политики (исторические науки)
5.5.1. – История и теория политики (политические науки)
5.5.2. – Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
5.5.3. – Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)
5.5.4. – Международные отношения (политические науки)
5.6.1. – Отечественная история (исторические науки).

Журнал индексируется в международной наукометрической базе данных Scopus

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Подписка на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" принимается во всех почтовых отделениях. Подписной индекс журнала – 79089.

Информация о статьях, опубликованных в журнале (с 2009 г.), размещается в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Редактор электронной верстки: В. Н. Караман
Графическое оформление: Я. А. Барбенко, В. Н. Караман, В. В. Постников.
Корректор: С. Е. Бакшеева

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.
Официальный сайт журнала: http://www.ojkum.ru
E-mail: ojkum@rambler.ru

Отпечатано в ресурсном информационно-методическом центре ФГБОУ ВО "Владивостокский государственный университет", 690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Вышло в свет 21.09.2026 г. Тираж 200 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Филипова Александра Геннадьевна – доктор социологических наук, заведующий лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Ответственный редактор

Журбей Евгений Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Бурлаков Виктор Алексеевич – кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Волынчук Андрей Борисович – доктор политических наук, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, профессор кафедры экономики и управления Владивостокского государственного университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Григоричев Константин Вадимович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник ФИЦ Иркутский институт химии имени А. Е. Фаворского СО РАН; профессор Иркутского государственного университета; проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета *(г. Иркутск, Россия)*.

Дударёнок Светлана Михайловна – доктор исторических наук, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *(г. Владивосток, Россия)*.

Золотухин Иван Николаевич – кандидат политических наук, заведующий кафедрой международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Изотов Дмитрий Александрович – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН *(г. Хабаровск, Россия)*.

Караман Вадим Николаевич – кандидат исторических наук, независимый исследователь *(г. Владивосток, Россия)*.

Киреев Антон Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Кожевников Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Кристоффersен Гайе – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса *(г. Нанкин, КНР)*.

Кузнецов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Латушко Юрий Викторович – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *(г. Владивосток, Россия)*.

Лебедева Марина Михайловна – доктор политических наук, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России *(г. Москва, Россия)*.

Лексютина Яна Валерьевна – доктор политических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета *(г. Санкт-Петербург, Россия)*.

Лукин Артем Леонидович – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Рыжова Наталья Петровна – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Университета Палацкого (г. Оломоуц, Чешская Республика).

Себенцов Александр Борисович – кандидат географических наук, заместитель директора по научной работе, старший научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН; ведущий научный сотрудник Центра перспективных социальных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации *(г. Москва, Россия)*.

Севастьянов Сергей Витальевич – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" *(г. Санкт-Петербург, Россия)*.

Хисамутдинова Наталья Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета *(г. Владивосток, Россия).*

Цэцэнбилег Цэвээн Дамарт – кандидат социологических наук, научный сотрудник Института философии Академии наук Монголии *(г. Улан-Батор, Монголия).*

Шестак Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Шин Беом-Шик – Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеульского национального университета *(г. Сеул, Республика Корея)*.

Широ Сасаки – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов *(г. Сираой, Япония)*.

Ячин Сергей Евгеньевич – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

The scientific and theoretical journal "Ojkumena. Regional Researches" has been published since 2006; since 2009 it has been published quarterly.
The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Mass Communications, Communications and Protection of Cultural Heritage. Registration certificate: PI № FS77–30578, dated December 12, 2007. ISSN 1998-6785.
Founder and publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vladivostok State University". Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

The main goal of the journal is to contribute to the development of a methodology for interdisciplinary synthesis of knowledge about regional (social-territorial) systems, as well as planning regional studies and regional policy based on it.
Among the main tasks of our journal:
monitoring and critique of the current publications and research in the field of regional studies (primarily, but not exclusively, the Russian Far East);
initiating and supporting discussions on the theoretical and methodological issues of regional studies;
presentation of opinions and recommendations of scientists on topical problems of regional management;
advancement of the ideas and methodology of interdisciplinary research;
development of the programs for fundamental and applied regional studies and publication of their results.

The authors and readers of our journal are university professors and members of academic institutions in both the Far East and other regions of Russia, as well as scientists from the countries of the Asia-Pacific region and the CIS.

The journal includes the following thematic sections:

- Theory and Methodology of Regional Studies
- Historical Regional Studies
- Economy and Nature
- Social and Demographic structures
- Cultural and Ideological Factors of Regionalization
- Political Relations and Management of the Region
- World System and International Regions
- Interdisciplinary and Systemic Research of the Region
- Region in the Documents and Testimonies
- Study of Science
- Discussion
- Reviews
- Scientific Life

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

Scientific specialties and the corresponding branches of science, for which the publication is included in the List of peer-reviewed scientific publications:
5.4.1. – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences)
5.4.2. – Economic sociology (economic sciences)
5.4.2. – Economic sociology (sociological sciences)
5.4.4. – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences)
5.5.1. – History and theory of politics (historical sciences)
5.5.1. – History and theory of politics (political sciences)
5.5.2. – Political institutions, processes, technologies (political sciences)
5.5.3. – Public administration and sector policies (political sciences)
5.5.4. – International relations (political sciences)
5.6.1. – Domestic history (historical sciences).

The journal is indexed in the Scopus database

"Ojkumena. Regional Researches" is an open access journal. All articles are made freely available to readers immediately upon publication.

Content of the journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Subscription to the journal "Ojkumena. Regional Researches" is accepted in all post offices. The journal's subscription index is 79089.

Information about articles published in the journal (since 2009) is placed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library (elibrary.ru).

Electronic layout: V. N. Karaman
Graphic design: Ya. A. Barbenko, V. N. Karaman, V. V. Postnikov.
Proofreader: S. E. Baksheeva

Editorial address: 692900, Primorsky Territory, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.
Official website of the journal: http://www.ojkum.ru
E-mail: ojkum@rambler.ru

Printed at the Resource Information and Methodological Center of Vladivostok State University, 690014, Vladivostok, 41 Gogol Street.

Published 21.09.2026. Circulation 200 copies. Price negotiable.

Editor in Chief

Alexandra G. Filipova – Doctor of Sociology, Head of the Laboratory for Comprehensive Research of Childhood, Vladivostok State University *(Vladivostok, Russia)*.

Executive Editor

Evgeny V. Zhurbey – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Viktor A. Burlakov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Communication and Media, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Anna V. Vinokourova – Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Andrey B. Volynchuk – Doctor of Political Sciences, Candidate of Geographical Sciences, Leading Researcher of the Department of International Relations of the Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor, Department of Economics and Management, Vladivostok State University *(Vladivostok, Russia)*.

Konstantin V. Grigorichev – Doctor of Sociology, Chief Researcher, A. E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry SB RAS; Professor, Irkutsk State University; Professor, Vice-Rector for Research and International Activities, Irkutsk State University *(Irkutsk, Russia)*.

Svetlana M. Dudaryonok – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences *(Vladivostok, Russia)*.

Ivan N. Zolotukhin – Candidate of Political Sciences, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Dmitry A. Izotov – Doctor of Economics, Leading Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences *(Khabarovsk, Russia)*.

Vadim N. Karaman – Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher (*(Vladivostok, Russia)*.

Anton A. Kireev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Vladimir V. Kozhevnikov – Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Gaye Christoffersen – Ph.D., Professor, Johns Hopkins University *(Nanjing, China)*.

Anatolij M. Kuznetsov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Yurij V. Latushko – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Island and Coastal Anthropology of APR, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences *(Vladivostok, Russia)*.

Marina M. Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychology, Head of Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russia)*.

Yana V. Leksyutina – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of American Studies, St. Petersburg State University *(St. Petersburg, Russia)*.

Artyom L. Lukin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Natalia P. Ryzhova – Doctor of Economics, Leading Researcher, Palacky University *(Olomouc, Czech Republic)*.

Aleksandr B. Sebentsov – Candidate of Geographical Sciences, Deputy Director for Research, Senior Researcher at the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Leading Researcher at the Center for Advanced Social Research, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration *(Moscow, Russia).*

Sergej S. Sevastyanov – Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics *(St. Petersburg, Russia)*.

Natalya V. Khisamutdinova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Intercultural Communication and Translation Studies, Vladivostok State University *(Vladivostok, Russia)*.

Tseveen Damart Tsetsenbileg – Candidate of Sociology, Researcher, Institute of Philosophy, Mongolian Academy of Sciences *(Ulaanbaatar, Mongolia)*.

Olga I. Shestak – Candidate of Historical Sciences, Head of Scientific Department, Far Eastern State Technical Fisheries University *(Vladivostok, Russia)*.

Beom-Shik Shin – Ph.D., Professor, Department of Political Science and International Relations, Seoul National University *(Seoul, Republic of Korea)*.

Sasaki Shiro – Ph.D., Professor, Department of Advanced Studies in Anthropology, National Museum of Ethnology, Director of the National Museum of Ainu Culture *(Shiraoi, Japan)*.

Sergej E. Yachin – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2026 **Т. 20, № 3**

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

ISSN 1998-6785

Владивосток 2026

Тема номера: Российский Дальний Восток и Северо-Восток Китая: трансграничная реальность в эпоху стратегических сдвигов

От редактора рубрики **9**

Ларин В. Л. Россия в структуре экономических связей Северо-Восточного Китая: постковидный ренессанс **11**

Олейников И. В. Регионы Байкальской Сибири и провинции Северо-Восточного Китая: внутренняя специфика субнационального взаимодействия **22**

Изотов Д. А. Дальний Восток России и Северо-Восток КНР: концептуальные модели торгово-экономических взаимодействий и реальность **33**

Волынчук А. Б., Песцов С. К., Болдырев В. Е. Комплементарность региональных политик приграничных территорий: институциональный подход и международный опыт **47**

Круглый стол

Ардальянова А. Ю., Бадмацыренов Т. Б., Винокурова А. В., Карбаинов Н. И., Кузнецов А. М., Сметанин Ф. А., Тиникова Е. Е., Яковлев А. И. Сохранить себя в меняющемся мире: локальная идентичность как ресурс и вызов **59**

Интервью

Стрельцов Д. В., Лексютина Я. В., Журбей Е. В. Секьюритизация памяти или стратегический разворот? Китайско-японский узел противоречий **66**

Теория и методология регионоведческих исследований

Алексеева Т. А., Минеев А. П. В поисках "скрытого порядка" в международных отношениях **77**

Историческое регионоведение

Петров А. С. Значение слабого контроля границ Российской империи в криминальном потенциале Восточной Сибири в начале XX в. **88**

Головинов А. В. Проблемы экономического развития Сибири в дискурсе авторов журнала "Сибирские записки" 1916–1919 гг.: областнические нарративы **100**

Заяц Н. А. Деятельность советской власти в Валуйском уезде в январе – июне 1918 г. **110**

https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3

Экономика и природопользование

Карпенко М. С., Морачевская К. А., Себенцов А. Б., Кузавко А. С. Приграничное экономическое сотрудничество на внутренних границах ЕАЭС: от эксплуатации советского наследия к новым кооперационным связям? **120**

Социальные и демографические структуры

Зубова О. Г., Филипова А. Г., Хуснутдинова М. Р. Амбивалентность восприятия школьниками технологий искусственного интеллекта **132**

Мировая система и международные регионы

Усенов А. М. Внешнеполитическая стратегия Турции в Центральной Азии **144**

Сафаров А., Николаев И. Ю. Нарративы внешней культурной политики РФ в Монголии (2022–2024 гг.) **151**

Науковедение

Киреев А. А. Социальные и гуманитарные исследования российского Дальнего Востока (2001–2025 гг.): библиометрический обзор **161**

OJKUMENA

Regional researches

2026 **Vol. 20, No. 3**

scientific-theoretical journal

Issued 4 times a year

Founded in 2006

ISSN 1998-6785

Vladivostok 2026

The Theme: The Russian Far East and Northeast China: Cross-Border Reality in an Era of Strategic Shifts

From the editor of the heading **9**

Larin V. L. Russia in the Structure of Economic Relations of Northeast China: Post-Covid Renaissance **11**

Oleinikov I. V. The Regions of Baikal Siberia and the Provinces of Northeast China: The Internal Specifics of Subnational Interaction **22**

Izotov D. A. The Russian Far East and Northeast China: Conceptual Models of Economic Interactions and Reality **33**

Volynchuk A. B., Pestsov S. K., Boldyrev V. E. Complementarity of regional policies in border regions: an institutional approach and international experience **47**

Round Table

Ardalyanova A. Yu., Badmatsyrenov T. B., Vinokurova A. V., Karbainov N. I., Kuznetsov A. M., Smetanin F. A., Tinikova E. E., Yakovlev A. I. Preserving Identity in a Changing World: Local Identity as a Resource and a Challenge **59**

Interview

Streltsov D. V., Leksyutina Ya.V., Zhurbey E. V. Memory Securitization or Strategic Realignment? The Nexus of Sino-Japanese Tensions **66**

Theory and Methodology of Regional Studies

Alekseeva T. A., Mineyev A. P. In Search of an "Implicate Order" in International Relations 77

Historical Regional Studies

Petrov A. S. The Impact of Weak Border Control in the Russian Empire on Crime in Eastern Siberia in the Early Twentieth Century **88**

Golovinov A. V. Problems of Siberia's Economic Development in the Discourse of Sibirskie Zapiski Contributors, 1916–1919: Siberian Regionalist Narratives **100**

Zayats N. A. The Activities of Soviet Authorities in Valuysky Uyezd, January–June 1918 ..... **110**

Economy and Nature

Karpenko M. S., Morachevskaya K. A., Sebentsov A. B., Kuzavko A. S. Cross-Border Economic Cooperation Along the Internal Borders of the EAEU: From Exploiting the Soviet Legacy to New Cooperative Ties? **120**

https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3

Social and Demographic Structures

Zubova O. G., Filipova A. G., Khusnutdinova M. R. Ambivalence in Schoolchildren's Perceptions of Artificial Intelligence Technologies AI **132**

World System and International Regions

Usenov A. M. Turkey's Foreign Policy Strategy in Central Asia **144**

Safarov A., Nikolayev I. V. Narratives of the Russian Federation's Foreign Cultural Policy in Mongolia (2022–2024) **151**

Study of Science

Kireev A. A. Social and Humanitarian Research of the Russian Far East (2001–2025): A Bibliometric Review **161**

От редактора рубрики

Авторы статей, представленных в рубрике "Российский Дальний Восток и Северо-Восток Китая: трансграничная реальность в эпоху стратегических сдвигов", рассматривают различные аспекты российско-китайского сотрудничества в условиях интенсификации трансграничных взаимодействий последних лет. Общая государственная граница, значительный экономический потенциал сопредельных территорий и возрастающая роль России и Китая в формировании новой архитектуры международных отношений создают предпосылки для расширения кооперационных связей. Вместе с тем мировой опыт показывает, что само по себе приграничное положение не является фактором развития. Его преимущества реализуются лишь при наличии эффективных механизмов трансграничного взаимодействия, позволяющих преобразовывать географическую близость в источник взаимных социально-экономических эффектов.

Именно поэтому приграничное взаимодействие представляет собой значительно более сложный процесс, чем простое увеличение интенсивности контактов. Его результаты определяются способностью государственных, региональных и местных акторов использовать возможности трансграничного пространства, согласовывать интересы и преодолевать институциональные, экономические и социокультурные барьеры. При этом расширение взаимодействия не гарантирует исключительно позитивных последствий, т. к. наряду с новыми возможностями оно способно усиливать территориальные диспропорции, воспроизводить асимметрии развития и формировать новые линии противоречий. Именно эта многомерность делает российско-китайское приграничье исключительно значимым объектом исследования как в теоретическом, так и в прикладном отношении.

Авторы двух первых статей обращаются к анализу хозяйственно-экономического взаимодействия приграничных регионов России и Китая, рассматривая его с различных исследовательских позиций. В работе В. Л. Ларина "Россия в структуре экономических связей Северо-Восточного Китая: постковидный ренессанс" на основе китайских официальных документов и таможенной статистики анализируются подходы провинций Северо-Восточного Китая к реализации поставленной центральным правительством задачи формирования "платформы открытости" Китая на Север. Совпадение принимаемых на региональном уровне решений с благоприятной конъюнктурой российского рынка обусловило быстрый рост взаимной торговли как на межгосударственном, так и на провинциальном уровнях. Вместе с тем автор показывает, что узкая товарная номенклатура, слабое инвестиционное взаимодействие и сохраняющаяся разнонаправленность интересов сторон по-прежнему ограничивают потенциал приграничного сотрудничества. В этих условиях особую актуальность приобретает задача координации экономического развития приграничных территорий в рамках российско-китайского стратегического партнёрства.

Статья И. В. Олейникова "Регионы Байкальской Сибири и провинции Северо-Восточного Китая: внутренняя специфика субнационального взаимодействия" позволяет взглянуть на проблему с российской стороны. Анализируя практику взаимодействия Байкальской Сибири с приграничными территориями Китая, автор показывает, что её развитие определяется преимущественно логикой коммерческого прагматизма. Иностранные инвестиции получают поддержку лишь при соответствии интересам крупных российских компаний, тогда как потенциально конкурентные проекты нередко сталкиваются с институциональными ограничениями. В результате, несмотря на значительное число совместных инициатив, субнациональное сотрудничество развивается значительно медленнее, чем позволяет существующий потенциал, оказываясь между стратегическими приоритетами федерального центра и сохраняющимися экономическими, инфраструктурными, правовыми и управленческими барьерами.

Две другие статьи рубрики расширяют аналитический фокус исследования проблематики трансграничных кооперационных взаимодействий, объединяя практический опыт с анализом концептуальных моделей и актуальных теоретических проблем. В статье Д. А. Изотова "Дальний Восток России и Северо-Восток КНР: концептуальные модели торгово-экономических взаимодействий и реальность" автор обращается к содержательной характеристике ряда концептуальных моделей совместного развития экономик Дальнего Востока РФ и Северо-Востока КНР, а также параметров российско-китайских торговых взаимосвязей в данных регионах. Он исходит из того, что тяготение экономики Дальнего Востока к странам АТР, расположенным в Северо-Восточной Азии, является объективным процессом. Возможные варианты его реализации, в зависимости от внутренних процессов в России и Китае, предстают в виде разных моделей внешнеэкономических взаимодействий Дальнего Востока, в которых СВК отводятся различные роли. В целом автор приходит к выводу, что для понимания имеющихся перспектив и ограничений совместного развития регионов двух стран важно соотнести характеристики данных моделей с реальными процессами экономического взаимодействия российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая.

В совместном исследовании А. Б. Волынчука, С. К. Песцова и В. Е. Болдырева "Комплементарность региональных политик приграничных территорий: институциональный подход и международный опыт" внимание сосредоточено на одной из фундаментальных проблем современного трансграничного сотрудничества – несоответствии между интенсивностью декларируемых взаимодействий и их реальными структурными результатами. Авторы предлагают рассматривать комплементарность как ключевую аналитическую категорию, позволяющую исследовать приграничное сотрудничество не только как совокупность проектов и соглашений, но прежде всего как процесс согласования различных институциональных конфигураций. Сопоставление международного опыта показывает, что эффективность трансграничного взаимодействия определяется не масштабом контактов, а способностью формировать устойчивые механизмы координации региональных политик. В российско-китайском приграничье такие механизмы пока складываются преимущественно вокруг отдельных инфраструктурных и инвестиционных проектов, не образуя целостной системы совместного управления развитием.

В целом, представленные в рубрике статьи рисуют достаточно широкую картину, хотя, безусловно, и не исчерпывающую всё многообразие проблем текущего состояния и перспектив трансграничных взаимодействий между российскими и китайскими приграничными регионами. Их авторы, помимо ряда полезных выводов, обращают внимание и на вопросы, расширяющие перспективы дальнейшей работы в поле соответствующих научных исследований.

С. К. Песцов

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 11–21.
Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 11–21.

Научная статья
УДК 339.5(510:470)
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/11-21

Россия в структуре экономических связей Северо-Восточного Китая: постковидный ренессанс

Виктор Лаврентьевич Ларин
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, larin.vic@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена внешнеэкономической политике северо-восточных территорий Китая и состоянию их экономических связей с Россией. На основе официальных китайских документов и таможенной статистики автор анализирует, каким образом провинции Северо-Востока решают поставленную правительством КНР задачу создания "платформы открытости" Китая на Север, отмечает существенный рост объёмов их экспорта в РФ и импорта провинции Хэйлунцзян, показывает товарную структуру их экспорта и импорта и увязывает происходящие изменения не столько с реализацией установок Пекина, сколько с благоприятной рыночной конъюнктурой в России. При этом сохраняется очень низкий уровень взаимных инвестиций и промышленной кооперации.
Ключевые слова: Северо-Восточный Китай, Россия, торгово-экономические связи, стратегия развития

Статья выполнена за счёт гранта Российского научного фонда No 25-18-20055 "Интересы и политика развития сопредельных с Россией территорий КНР и КНДР: согласование и взаимная адаптация стратегий как фактор социально-экономического развития юго-восточной части Дальневосточного федерального округа (ДФО)".

Для цитирования: Ларин В.Л. Россия в структуре экономических связей Северо-Восточного Китая: постковидный ренессанс // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 11–21.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/11-21

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/11-21

Russia in the Structure of Economic Relations of Northeast China: Post-Covid Renaissance

Viktor L. Larin
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East,
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, larin.vic@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the foreign economic policy of the northeastern territories of China and the state of their economic ties with Russia. Based on Chinese official documents and customs statistics, the author analyzes how the provinces of the Northeast solve the task set by the Chinese government of creating an "openness platform" of China to the North, notes a significant increase in the volume of their exports to the Russian Federation and imports of Heilongjiang Province, shows the commodity structure of their exports and imports and links the changes taking place not so much with the implementation of Beijing's guidelines as with favorable market conditions in Russia. At the same time, a very low level of mutual investment and industrial cooperation remains.
Keywords: *Northeast China, Russia, trade and economic ties, development strategy*

The study was supported by the Russian Science Foundation (RSF), grant No. 25-18-20055, "Development Interests and Policies of the Territories of China and the DPRK Adjacent to Russia: Coordination and Mutual Adaptation of Strategies as a Factor in the Socio-Economic Development of the Southeastern Part of the Far Eastern Federal District (FEFD)."

For citation: Larin V.L. Russia in the Structure of Economic Relations of Northeast China: Post-Covid Renaissance // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 11–21.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/11-21

Введение

Уже по исключительно географическим причинам приграничные с Россией территории Китая – провинции Хэйлунцзян, Цзилинь и Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ), а также близкая к ней провинция Ляонин – всегда имели особые виды на отношения со своим северным соседом. С начала политики реформ и открытости Россию стабильно рассматривали как важный ресурс их развития в трёх проекциях: рынок сбыта, источник сырья и транзитная зона для выхода на мировые рынки. Работа над новой моделью экономического роста КНР, одним из продуктов которой стала концепция "двойной циркуляции" (стимулирование внутреннего потребления и сбыта своей продукции за рубежом), придала новый импульс стратегии формирования "северного коридора открытости". В начале 2020-х гг. Пекин поставил задачи строительства плацдарма и инфраструктуры "открытости на север" перед правительствами всех четырёх близких к России территорий. Процесс

© Ларин В.Л., 2026.

принятия решений на местах неожиданно совпал с благоприятной для китайской экономики конъюнктурой внутреннего рынка России, что обусловило быстрый рост взаимной торговли как на межгосударственном, так и на провинциальном уровнях. Анализу этих двух процессов – формированию региональной стратегии "открытости на Север" и состоянию экономических связей Северо-Востока КНР с Россией – посвящена эта статья.

Идеология и организация

Идеология современного развития Северо-Восточного Китая базируется на двух "китах": "возрождении Северо-Востока" и создании "платформы открытости" Китая на Север. И это несмотря на то, что в предшествующие два десятилетия эта формула так и не заработала и регион стабильно числится в отстающих. В рейтинге провинций КНР по ВВП за 2024 г. провинция Ляонин расположилась на 16-м месте, Внутренняя Монголия – на 20-м, Хэйлунцзян – на 25-м, а Цзилинь – на 26-й строчке **[1]**. По сравнению с аналогичным рейтингом 2020 г. три региона остались на тех же позициях, и лишь Внутренняя Монголия поднялась на 2 строчки вверх, прежде всего за счёт развития новой (солнечной и ветровой) энергетики.

Конечно, улучшить социально-экономическое положение своих территорий их власти пытаются прежде всего путём более эффективного использования внутренних ресурсов. Ежегодно губернаторы провинций ставят перед правительствами такие задачи, как увеличение потребления собственной продукции, повышение эффективности инвестиций, технологические инновации, углубление реформ, "зеленая трансформация" **[9; 13]**. В то же время "углубление международного сотрудничества" через "строительство платформы и коридоров открытости на Север" также рассматривается в качестве ресурса "возрождения" региона. Российский внутренний рынок, природные и интеллектуальные ресурсы и транспортная инфраструктура (порты Приморского края и Транссибирская магистраль) предстают таким ресурсом во многих директивных документах центра и провинций.

Наиболее внятно российское направление прописано в документах по Хэйлунцзяну. Госсовет КНР, в 2019 г. принимая решение о создании зоны свободной торговли в этой провинции, чётко сформулировал её цели: "содействие всестороннему возрождению Северо-Восточного Китая, создание важного окна открытости на север и центрального узла для регионального сотрудничества с Россией и Северо-Восточной Азией" **[2]**. Соответственно, принятое в развитие этого решения Постоянным комитетом СНП провинции 24 апреля 2024 г. Положение о провинциальной зоне свободной торговли аналогичным образом ставит перед ней цель создать "центральный узел сотрудничества с Россией и Северо-Восточной Азией", а перед тремя составными частями этой зоны – Харбином, Хэйхэ и Суйфэньхэ – задачу "построить высокие платформы" для всестороннего взаимодействия с Россией **[23]**. Одобренный хэйлунцзянским правительством "План создания образцовой зоны национальной экологической цивилизации в Хэйхэ" в значительной степени ориентирован именно на использование экономического, энергетического, культурного и туристического потенциала соседнего г. Благовещенска **[16]**.

Провинция Цзилинь, которую правительство КНР также нацелило на строительство "платформы открытости Китая на Север" **[19]**, реализует два крупных перспективных проекта, связанных с Россией. Первый из них – это расширение интермодальных перевозок между Хуньчунем и портами Зарубино (Приморский край), Сокчо (Южная Корея), Ниигата (Япония). По замыслу руководителей провинции, транспортный узел провинции Цзилинь должен "связать между собой Бохайский залив, юго-восточное побережье Китая, Японию, Южную Корею и Юго-Восточную Азию по морю, Россию, Монголию, Северную Корею и Европу – по суше" **[21]**.

Второй проект – китайско-российская зона экономического сотрудничества Хуньчунь, трансформированная в 2020 г. в "пилотную зону трансграничной электронной коммерции". Её главное направление – создание "нового формата электронной торговли, подходящего для особенностей приграничной торговли между Китаем, Россией, Японией и Южной Кореей" **[20]**. По утверждению цзилиньских властей, Хуньчунь уже стал "каналом с самыми низкими логистическими затратами и самой высокой скоростью доставки продуктов

трансграничной электронной коммерции из Китая в Россию" **[14]**. Дополнившая эту зону хуньчуньская "образцовая зона морской экономики" также в значительной степени ориентирована на импорт морепродуктов из соседнего Приморского края **[5]**.

"Высококачественное развитие Внутренней Монголии" правительство КНР увязывает с участием региона в реализации инициативы "Пояса и пути", строительством экономического коридора Китай – Монголия – Россия и созданием двух "каналов открытости на Север" (向北开放东通道). Оба опираются на железнодорожную инфраструктуру и должны работать не только на Внутреннюю Монголию, но и на Восточное побережье КНР. В первом из них в качестве узловой точки выступает г. Маньчжоули, призванный соединить между собой порты Далянь (пров. Ляонин) и Циньхуандао (пров. Хэбэй) с Северо-Восточным Китаем и всех их – с Россией, Монголией и Европой. Второй узловой точкой является железнодорожный узел Эрлянь (Эрэн-Хото) на границе с Монголией, который сегодня обрабатывает более 70% грузов, проходящих между КНР и МНР. Он должен связать порт Тяньцзинь и треугольник Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй с Россией, Монголией и Европой **[4]**.

Что касается интересов самой Внутренней Монголии, то ей предписано развивать сотрудничество с Россией и Монголией в сельском и лесном хозяйстве, животноводстве и рыболовстве, энергетике, добыче полезных ископаемых, строительстве инфраструктуры и других областях, создавать промышленные парки в приграничных районах **[4]**. В целях обеспечения более благоприятных условий для выполнения этих задач 9 ноября 2023 г. правительство АРВМ подало заявку на утверждение зоны свободной торговли в автономном районе, а в феврале 2024 г. одобрило открытие Зоны китайско-российской приграничной торговли на железнодорожном погранпереходе Маньчжоули, порекомендовав всем причастным к её работе ведомствам и структурам "реализовывать преференциальную политику государства по содействию инновационному развитию приграничной торговли" **[12]**.

В ежегодных докладах о работе правительства провинции Ляонин Россия упоминается только в привязке к её участию в строительстве экономического коридора Китай – Монголия – Россия – одной из многих задач, которая была поставлена правительством КНР при создании Зоны свободной торговли в провинции в 2017 г. **[3]**. Хотя именно в Ляонине ещё во время пандемии, в 2023 г., была проведена первая китайско-российская конференция по развитию местных инвестиций и торговому сотрудничеству **[8]**.

Одним из важных ресурсов роста внутреннего потребления и, соответственно, экономического развития Китая в целом и Северо-Востока в частности считается туризм. В марте 2023 г. Министерство культуры и туризма КНР совместно с Госкомитетом по развитию и реформам утвердили План развития туризма на Северо-Востоке Китая на период до 2035 г. В соответствии с этим документом уже к 2030 г. Северо-Восток КНР должен быть "в основном превращен в курорт зимнего туризма мирового класса, занять ведущее место в развитии зеленого туризма в стране и стать образцовым местом реформ и инноваций в приграничном туризме" **[7]**. В числе конкретных задач – планомерное развитие трансграничного туризма, в т. ч. на реках Амур, Уссури и Туманная, оз. Ханка и в бассейне Японского моря, специальных туристических объектов и проектов, российско-китайских приграничных туристических зон и, в конечном итоге, – создание "кольца многоцелевого туристического сотрудничества в Северо-Восточной Азии".

Динамика экономических связей

В начале третьего десятилетия нынешнего века динамика внешнеэкономических связей Северо-Восточного Китая была в целом позитивной. В 2025 г. внешняя торговля Внутренней Монголии по сравнению с допандемийным 2019 г. выросла на 94%, провинции Хэйлунцзян – на 61%, а Цзилинь – на 21%. Провинция Ляонин оказалась единственной территорией Северо-Востока, чьи объёмы внешней торговли были ниже, чем в 2021 г. (*рис. 1*) **[25]**.

Главной причиной тому стало снижение товарооборота Ляонина с его главными партнерами на Северо-Востоке – Японией и Южной Кореей. Экспорт Ляонина в Японию в 2025 г. был на 1,9 млрд юаней меньше, чем в 2019 г. (61 и 62,9 млрд юаней соответственно), в то время как импорт сократился на

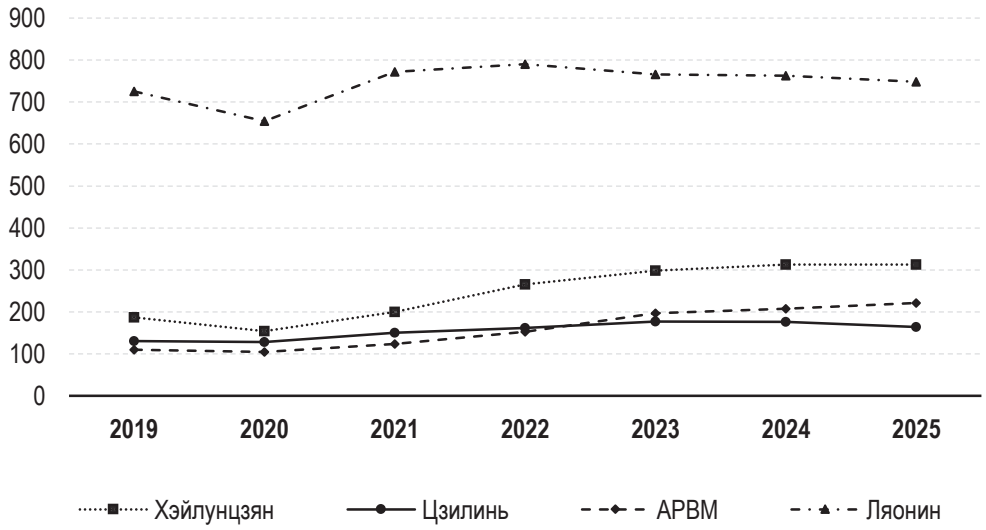

Рис. 1. Внешняя торговля территорий Северо-Востока КНР (в млрд юаней)
Источник: **[25]**.
Fig. 1. Foreign Trade of Northeast China's Regions (RMB billion)
Source: **[25]**.

10,5 млрд юаней (с 35,4 до 24,9 млрд юаней). На 1 млрд юаней был меньше импорт провинции из Южной Кореи, хотя экспорт немного – на 3 млрд юаней – подрос. Помимо того, на треть упал объём торговли провинции с Австралией, а с США и Европой (без России) прирост составил 6 и 3% соответственно **[25]**.

Негативные тенденции в экономических отношениях с соседними Японией и Южной Кореей, как и некоторыми другими странами Запада, были характерны и для других территорий Северо-Востока КНР. С 2019 по 2024 г. совокупный объём его экономических связей с Японией сократился на 14,7% (со 113,2 до 96,6 млрд юаней), с Австралией – на 42%, с США – на 1% **[25]**. Не получили заметного развития ни торговля, ни инвестиционное взаимодействие с Южной Кореей. Экономические связи с КНДР сократились до минимального уровня. Хотя при этом за время на 110% – главным образом за счёт активности АРВМ – увеличился товарооборот СВК с Монголией.

Совершенно иначе развивались экономические связи с Россией. Прежде всего заметно увеличились объёмы китайского экспорта. За 6 лет экспорт Ляонина в Россию вырос в 2,1 раза, Хэйлунцзяна – в 4,5 раза, АРВМ – в 6,7 раза, а Цзилини – в 13 раз *(рис. 2)*.

Экспорт Северо-Востока в РФ увеличился главным образом за счёт электромеханической продукции и транспортных средств, причём не только за счёт роста объёма, но и цен на эту продукцию. При этом заметна и некоторая специализация провинций.

Номенклатура экспорта Хэйлунцзяна в Россию была чуть разнообразнее, чем у других провинций Северо-Востока. Одних только игрушек и спортивного инвентаря в 2024 г. было поставлено российским компаниям на сумму почти 1 млрд юаней, на 2 млрд юаней – овощей и фруктов и на 4 млрд юаней – обуви. Но всё же в экспорте провинции доминировала механическая и электрическая продукция (машины, станки, оборудование и транспортные средства): в 2024 г. она составила 44,5% от общего объёма её поставок в Россию. Также диверсифицированным был экспорт провинции Ляонин. В нём механическая и электрическая продукция составляла ровно половину (49,4%), 12,6% экспорта пришлось на пластмассы и изделия из них, 7% – на сталь и изделия из неё. А вот в экспорте Цзилини и Внутренней Монголии ме-

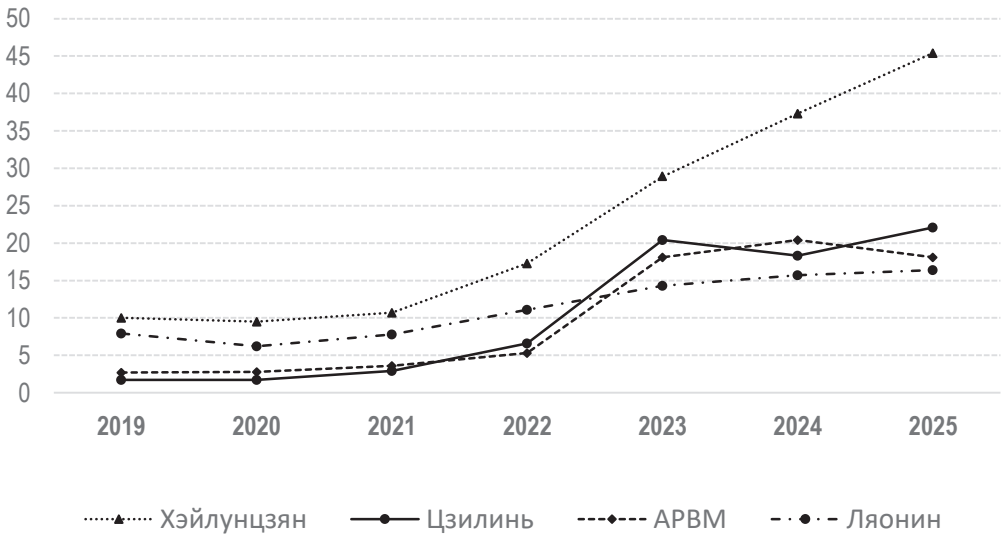

Рис. 2 Экспорт территорий Северо-Востока КНР в Россию (в млрд юаней)
Источник: **[25]**.
Fig. 2. Exports of Northeast China's Regions to Russia (RMB billion)
Source: **[25]**.

ханическая и электрическая продукция доминировала абсолютно, составляя 85,5 и 91,8% от стоимостного объёма экспорта в 2024 г. **[25]**.

Но и здесь многое зависело от конкретных контрактов. Так, Внутренняя Монголия поставила в этом году в Россию без малого 9,9 тыс. тягачей для полуприцепов и 10 тыс. грузовиков разных модификаций, Хэйлунцзян – 38,5 тыс. легковых автомобилей и 2,3 тыс. грузовиков, Цзилинь – 27,5 тыс. легковых, 7 тыс. грузовых авто и 9 тыс. тягачей. Всего Северо-Восток экспортировал в РФ в 2024 г. транспортных средств на 29,3 млрд юаней (16% общего объёма экспорта данной товарной группы из КНР в Россию). Очевидно, что значительную долю в этом экспорте составляла продукция, произведенная в других провинциях Китая. К примеру, производимые на Первом чанчуньском автозаводе модели (Hongqi, Jiefang и Bestune) не пользуются особой популярностью в России, и их основной экспортный поток идет в Юго-Восточную Азию, Латинскую Америку, Африку, Восточную Европу и на Ближний Восток **[22]**, а провинция поставляла в Россию преимущественно автомобили других производителей.

Импорт Северо-Востока из России с 2019 по 2024 г. также существенно вырос – со 153 до 242,4 млрд юаней, но немного сократился в 2025 г. (до 235 млрд юаней). Этот прирост произошёл преимущественно за счёт повышения активности провинции Хэйлунцзян (*рис. 3*). В импорте этой провинции безраздельно доминируют энергоресурсы: сырая нефть, газ, уголь, а также рудный концентрат. В 2024 г. через провинцию прошли 29 млн т сырой нефти (27% от всего импорта нефти КНР из РФ) и на 57 млрд юаней трубопроводного газа (62% стоимости импортированного КНР российского газа в этом году) **[25]**[1].

46% импорта провинции Цзилинь из РФ пришлось на морепродукты, 31% – на уголь и по 3,4% – на рудный концентрат и древесину. Внутренняя Монголия ввозила из РФ в наибольшем количестве рудный концентрат, древесину и уголь (соответственно 43%, 18,4% и 8,2% объёма импорта). Ляонин

[1] По данным китайской таможенной статистики, Китай импортировал из РФ 8,3 млн т сжиженного газа на сумму 35,5 млрд юаней, причём на долю четырех провинций Северо-Востока пришлось всего 200 тыс. т. О физическом объёме полученного трубопроводного газа таможня КНР информацию не даёт.

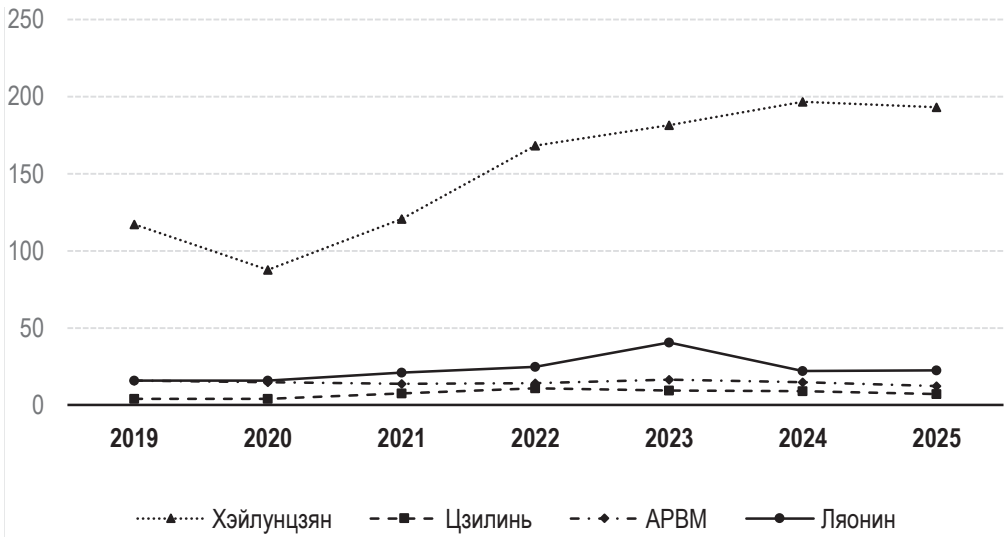

Рис. 3. Импорт территорий Северо-Востока КНР из России (в млрд юаней)
Источник: **[25]**.
Fig. 3. Imports of Northeast China's Regions from Russia (RMB billion)
Source: **[25]**.

– нефть и нефтепродукты (44% импорта), уголь и морепродукты (по 20,5% импорта из РФ).

Увеличению товарооборота способствовала как рыночная конъюнктура в России (освободившийся с уходом ряда западных компаний автомобильный рынок и появление свободных объёмов нефти и газа), так и улучшившаяся инфраструктура погранпереходов. 10 июня 2022 г. был открыт первый автомобильный мост между Китаем и Россией – Хэйхэ-Благовещенск, а 16 ноября – первый железнодорожный мост через р. Амур между Нижнеленинском и Тунцзяном, в результате чего в 2023 г. объём грузоперевозок на китайско-российских пограничных переходах вырос на 35% **[26, с. 14]**.

В целом доминирование Хэйлунцзяна в торговле Северо-Востока с Россией не вызывает сомнений: в общем объёме экспорта (102 млрд юаней в 2025 г.) на долю Хэйлунцзяна приходится 44,6%, а в импорте (232 млрд юаней) – 83,2%.

При этом Северо-Восток не играет ключевой роли в экономическом обмене между Китаем и Россией. На его долю в 2025 г. приходилось 13,8% экспорта (102 из 738,4 млрд юаней) и 26,2% импорта (232 из 886,2 млрд юаней), в значительной степени по причине прохождения через Хэйлунцзян нефте- и газопроводов.

В начале 2020-х гг. власти провинции Цзилинь также вынашивали планы по созданию перерабатывающей базы нефтехимии мощностью 10 млн т на основе использования нефтегазовых ресурсов России **[18]** и газификации провинции за счёт российского природного газа **[24]**, но сделать этого им пока не удалось.

Не наблюдалось в последние годы притока российских инвестиций на Северо-Восток. Официальная китайская статистика показывает, что в 2020–2023 гг. из РФ в КНР поступало от 10 до 40 млн долл. в год прямых инвестиций, а их накопленный объём к концу 2023 г. составил 1,15 млрд долл. **[6, с. 36]**. Провинция Хэйлунцзян за 2019–2023 гг. привлекла 1,47 млн долл. прямых инвестиций из России (0,1% от пришедших в провинцию иностранных капиталов) **[15]**, Внутренняя Монголия – 4,3 млн долл., причем 4,2 млн пришли в 2023 г. **[11]**, а статистические ежегодники Ляонина последних лет вообще не фиксируют российские инвестиции, видимо, из-за их незначительности, хотя решение правительства КНР о создании зоны свободной торговли в Ляонине нацеливало на создание в ней "передовых производственных пред-

приятий, стратегических новых отраслей, современных сфер услуг и других отраслей из Японии, Южной Кореи, России" **[3]**.

Немного большим по объёму, но столь же незначительным был и поток инвестиций из провинций Северо-Востока в Россию. Основными инвесторами выступали частные предприятия из Хэйлунцзяна, "как правило, небольшие по размеру, слабые в их устойчивости к риску и испытывающие недостаток в источниках финансирования" **[26, с. 6]**.

В 2023 г. начал восстанавливаться приграничный туризм между Россией и Китаем, который на Северо-Востоке рассматривается как важный экономический ресурс развития. Хэйлунцзян в 2023 г. принял 179,5 тыс., а годом позже – 365,3 тыс. россиян **[15]**, Цзилинь в 2023 г. – 22,7 тыс. **[17]**, что существенно меньше допандемийного 2019 г. (тогда их было 474,6 и 222,8 тыс. чел.), но свидетельствовало об оживлении отрасли.

Заключение

В целом условия для строительства "северного коридора" для выхода Китая на пространство Евразии в начале третьего десятилетия XXI в. сложились благоприятно. Уход западных конкурентов с российского автомобильного и высокотехнологичного рынков позволил китайским компаниям резко нарастить объёмы своего экспорта, а санкции Запада против российского нефтегазового сектора – увеличить масштабы импорта энергоресурсов из России. Приграничные с Россией Хэйлунцзян, Цзилинь и Внутренняя Монголия также смогли воспользоваться моментом и существенно увеличить товарооборот с Россией, компенсировав тем самым некоторые проблемы в экономических отношениях с другими соседями по Северо-Восточной Азии. Запуск в эксплуатацию двух мостов через Амур укрепил инфраструктурную связанность Северо-Востока КНР с транспортной сетью Евразийского континента. Активно возрождается приграничный туризм. В то же время не обнаруживается подвижек в строительстве давно задуманных коридоров "Приморье-1" и "Приморье-2" и экономического коридора Китай – Монголия – Россия, а также в развитии промышленной и сельскохозяйственной кооперации вдоль линии границы. Вовлечённость Северо-Востока в и без того слабое инвестиционное взаимодействие между КНР и РФ остаётся крайне низкой.

Формально, если исходить из географических ориентиров внешнеэкономических связей территорий Северо-Востока, только для Хэйлунцзяна Россия является абсолютным приоритетом. В 2025 г. на долю РФ пришлось 76,3% внешнеторгового оборота этой провинции, в том числе без малого 50% в экспорте и 87% в импорте. Хэйлунцзян продолжает играть роль посредника в торговле с Россией для отдалённых от неё восточных и юго-восточных провинций КНР, реализуя уже давно заявленную властями провинции стратегию "покупать по всей России – продавать по всему Китаю, покупать по всему Китаю – продавать по всей России".

Эти функции, особенно в поставке в Россию автомобильного транспорта, в 2023–2024 гг. пытались выполнять Цзилинь и Внутренняя Монголия, хотя получалось это у них менее успешно, чем у хэйлунцзянских посредников. В результате в перечне главных внешнеторговых партнеров Цзилинь и Автономного района Внутренняя Монголия Россия заняла вторую позицию. А вот Ляонин отправляет в Россию только 4,2% своего экспорта, что в два раза меньше доли экспорта в США (8,4%) **[10]**, и поэтому среди торговых партнеров провинции Россия занимает только седьмую строчку (*табл. 1*).

Для сравнения: в 2019 г. доля России во внешнеэкономических связях Хэйлунцзяна составляла 68%, Цзилиня – только 4,4%, а Ляонина – 3,3%. Внутренняя Монголия, существенно нарастив объём торговли не только с РФ, но и с Монголией, сохранила долю России в торговле в размере 16,9%.

Тем не менее тенденции 2025 г. вызывают серьёзные сомнения в стабильности этих процессов. Прежде всего возникли значительные проблемы со сбытом автотранспорта в Россию, который в большой степени способствовал росту товарооборота провинций Северо-Востока. Экспорт автомобилей и запчастей к ним из четырёх территорий в РФ сократился по сравнению с 2024 г. на 38%, с 30,2 до 18,8 млрд юаней, электромеханической продукции – на 32%, с 9,2 до 6,3 млрд юаней. За этот же период провинция Хэйлунцзян сократила импорт нефти из РФ на 1 млрд долл. **[25]**.

Табл. 1. Главные торговые партнеры Северо-Востока КНР (2024 г., доля внешнеторгового оборота в процентах)

Table 1. Major Trading Partners of Northeast China (2024, % of Total Foreign Trade Turnover)

	Хэйлунцзян		Цзилинь		Ляонин		АРВМ	
	Страна	*Доля в торговле*	*Страна*	*Доля в торговле*	*Страна*	*Доля в торговле*	*Страна*	*Доля в торговле*
1	Россия	75,0	Германия	17,2	Япония	11,1	Монголия	35,7
2	Бразилия	2,2	Россия	15,3	Южная Корея	8,0	Россия	16,9
3	США	1,9	Мексика	5,7	США	7,3	Австралия	4,4
7	...	...	...	...	Россия	4,95	...	...

Источник: **[25]**.
Source: **[25]**.

Такие застарелые барьеры к полноценному развитию российско-китайских экономических отношений вдоль линии границы, как узкая номенклатура товаров, неразвитость инвестиционного взаимодействия, разнонаправленность интересов сторон, о которых много писали российские и китайские эксперты, как и внутренние проблемы с развитием приграничных экономик России и Китая, никуда не исчезли. И односторонними действиями их не решить. Так что вопрос о координации экономического развития приграничных территорий двух стран в рамках их стратегического партнерства остаётся актуальным.

Литература / References

1. 31省份2024年GDP排名出炉！ = Опубликован рейтинг ВВП 31 провинции Китая за 2024 год // 北京日报. URL: https://xinwen.bjd.com.cn/content/s679c4396e4b068c68f0f398c.html (дата обращения: 03.07.2025).
   31省份2024年GDP排名出炉！ = GDP Rankings of China's 31 Provincial-Level Regions in 2024 Released // 北京日报. URL: https://xinwen.bjd.com.cn/content/s679c4396e4b068c68f0f398c.html (accessed 03.07.2025). (In Chin.).
2. 国务院关于印发6个新设自由贸易试验区总体方案的通知 = Уведомление Государственного совета об издании общего плана по созданию шести новых пилотных зон свободной торговли // 中国政府网. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2019-08/26/content_5424522.htm (дата обращения: 03.07.2025).
   国务院关于印发6个新设自由贸易试验区总体方案的通知 = Notice of the State Council on Issuing the Overall Plans for Six Newly Established Pilot Free Trade Zones // 中国政府网. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2019-08/26/content_5424522.htm (accessed 03.07.2025). (In Chin.).
3. 国务院关于印发中国（辽宁）自由贸易试验区总体方案的通知 = Уведомление Государственного совета об издании генерального плана Китайской (Ляонинской) пилотной зоны свободной торговли // 中国政府网. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2017/content_5186962.htm (дата обращения: 03.07.2025).
   国务院关于印发中国（辽宁）自由贸易试验区总体方案的通知 = Notice of the State Council on Issuing the Overall Plan for the China (Liaoning) Pilot Free Trade Zone // 中国政府网. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2017/content_5186962.htm (accessed 03.07.2025). (In Chin.).
4. 国务院关于推动内蒙古高质量发展. 奋力书写中国式现代化新篇章的意见 = Мнение Государственного совета о содействии высококачественному развитию Внутренней Монголии и написании новой главы модернизации в китайском стиле // 中国政府网. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202310/content_6909412.htm (дата обращения: 03.07.2025).
   国务院关于推动内蒙古高质量发展. 奋力书写中国式现代化新篇章的意见 = Opinions of the State Council on Promoting High-Quality Development of Inner Mongolia and Striving to Write a New Chapter of Chinese-Style Modernization // 中国政府网. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202310/content_6909412.htm (accessed 03.07.2025). (In Chin.).
5. 国家发展改革委自然资源部支持吉林珲春海洋经济发展示范区建设 = Национальная комиссия по развитию и реформам и Министерство природных ресурсов поддерживают строительство де-

монстрационной зоны развития морской экономики в Хуньчуне, провинция Цзилинь // 百家号-百度. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1665933534402148474&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 25.06.2025).
国家发展改革委自然资源部支持吉林珲春海洋经济发展示范区建设 = National Development and Reform Commission and Ministry of Natural Resources Support the Construction of the Hunchun Marine Economic Development Demonstration Zone in Jilin // 百家号-百度. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1665933534402148474&wfr=spider&for=pc (accessed 25.06.2025). (In Chin.).

6. 对外投资合作国别(地区)指南. 俄罗斯 (2024年版) = Руководство по зарубежному инвестиционному сотрудничеству в странах (регионах). Россия (издание 2024 г.) // 中华人民共和国商务部. URL: https://www.mofcom.gov.cn/dl/gbdqzn/upload/eluosi.pdf (дата обращения: 25.06.2025).
对外投资合作国别(地区)指南. 俄罗斯 (2024年版) = Country (Region) Guide for Overseas Investment Cooperation: Russia. 2024 Edition // 中华人民共和国商务部. URL: https://www.mofcom.gov.cn/dl/gbdqzn/upload/eluosi.pdf (accessed 25.06.2025). (In Chin.).
7. 东北地区旅游业发展规划 = План развития туризма в Северо-Восточном регионе // 中国政府网. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2023-03/29/content_5749055.htm (дата обращения: 25.06.2025).
东北地区旅游业发展规划 = Tourism Development Plan for Northeast China // 中国政府网. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2023-03/29/content_5749055.htm (accessed 25.06.2025). (In Chin.).
8. 李乐成. 2024年省政府工作报告 = Ли Лэчэн. Отчет о работе правительства провинции Ляонин за 2024 год // 辽宁省人民政府. URL: https://www.ln.gov.cn/web/zwgkx/zfgzbg/szfgzbg/2024012808363260077/index.shtml (дата обращения: 25.06.2025).
李乐成. 2024年省政府工作报告 = Li Lecheng. 2024 Liaoning Provincial Government Work Report // 辽宁省人民政府. URL: https://www.ln.gov.cn/web/zwgkx/zfgzbg/szfgzbg/2024012808363260077/index.shtml (accessed 25.06.2025). (In Chin.).
9. 梁惠玲. 2025年政府工作报告 = Лян Хуйлин. Отчет о работе правительства провинции Хэйлунцзян за 2025 год // 黑龙江省人民政府. URL: https://www.hlj.gov.cn/hlj/szfgzbg/202501/c00_31807071.shtml (дата обращения: 25.06.2025).
梁惠玲. 2025年政府工作报告 = Liang Huiling. 2025 Heilongjiang Provincial Government Work Report // 黑龙江省人民政府. URL: https://www.hlj.gov.cn/hlj/szfgzbg/202501/c00_31807071.shtml (accessed 25.06.2025). (In Chin.).
10. 辽宁省2024年国民经济和社会发展统计公报 = Статистическое сообщение об экономическом и социальном развитии провинции Ляонин в 2024 году // 统计年鉴下载站. URL: https://www.zgtjnj.org/newsview.aspx?newsid=20250517154231 (дата обращения: 25.06.2025).
辽宁省2024年国民经济和社会发展统计公报 = Statistical Communiqué on the National Economic and Social Development of Liaoning Province in 2024 // 统计年鉴下载站. URL: https://www.zgtjnj.org/newsview.aspx?newsid=20250517154231 (accessed 25.06.2025). (In Chin.).
11. 内蒙古统计年鉴 = Статистические ежегодники Внутренней Монголии. 2020–2024 // 内蒙古自治区统计局. URL: https://tj.nmg.gov.cn/ (дата обращения: 25.06.2025).
内蒙古统计年鉴 = Inner Mongolia Statistical Yearbooks. 2020–2024 // 内蒙古自治区统计局. URL: https://tj.nmg.gov.cn/ (accessed 25.06.2025). (In Chin.).
12. 内蒙古自治区人民政府关于同意开设满洲里铁路口岸中俄边民互市贸易区并封关运营的批复 = Постановление Народного правительства автономного района Внутренняя Монголия об одобрении открытия зоны китайско-российской приграничной торговли на железнодорожном пункте пропуска Маньчжоули и начала её функционирования в режиме закрытого таможенного контроля // 澎湃新闻. URL: https://m.thepaper.cn/baijiahao_26277639 (дата обращения: 25.06.2025).
内蒙古自治区人民政府关于同意开设满洲里铁路口岸中俄边民互市贸易区并封关运营的批复 = Reply of the People's Government of the Inner Mongolia Autonomous Region Approving the Establishment and Closed Customs Operation of the Sino-Russian Border Trade Zone at the Manzhouli Railway Port // 澎湃新闻. URL: https://m.thepaper.cn/baijiahao_26277639 (accessed 25.06.2025). (In Chin.).
13. 胡玉亭. 2025年吉林省政府工作报告 = Ху Юйтин. Отчет о работе правительства провинции Цзилинь за 2025 год // 百家号-百度. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1821913890256984939&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 25.06.2025).
胡玉亭. 2025年吉林省政府工作报告 = Hu Yuting. 2025 Jilin Provincial Government Work Report // 百家号-百度. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1821913890256984939&wfr=spider&for=pc (accessed 25.06.2025). (In Chin.).
14. 珲春海洋经济（国际合作）示范区简介 = Краткая информация о демонстрационной зоне морской экономики Хуньчуня (международное сотрудничество) // 吉林省人民政府. URL: http://swt.jl.gov.cn/fzhzgj/dlzc/202306/t20230627_8730136.html (дата обращения: 25.06.2025).
珲春海洋经济（国际合作）示范区简介 = Brief Introduction to the Hunchun Marine Economy (International Cooperation) Demonstration Zone // 吉林省人民政府. URL: http://swt.jl.gov.cn/fzhzgj/dlzc/202306/t20230627_8730136.html (accessed 25.06.2025). (In Chin.).
15. 黑龙江统计年鉴 = Статистические ежегодники провинции Хэйлунцзян. 2020–2024 // 黑龙江省统计局. URL: https://tjj.hlj.gov.cn/tjjnianjian/ (дата обращения: 25.06.2025).
黑龙江统计年鉴 = Heilongjiang Statistical Yearbooks. 2020–2024 // 黑龙江省统计局. URL: https://tjj.hlj.gov.cn/tjjnianjian/ (accessed 25.06.2025). (In Chin.).

16. 黑河市国家生态文明建设示范区创建规划(2024—2030年) = План создания национальной демонстрационной зоны экологической цивилизации в Хэйхэ (2024–2030 гг.) // 黑河市人民政府. URL: https://www.heihe.gov.cn/hhs/c103095/202408/c11_301598.shtml (дата обращения: 25.06.2025).
黑河市国家生态文明建设示范区创建规划(2024—2030年) = Plan for the Establishment of the Heihe National Ecological Civilization Demonstration Zone (2024–2030) // 黑河市人民政府. URL: https://www.heihe.gov.cn/hhs/c103095/202408/c11_301598.shtml (accessed 25.06.2025). (In Chin.).
17. 吉林统计年鉴 2024 = Статистический ежегодник провинции Цзилинь. 2024 // 吉林省统计局. URL: http://tjj.jl.gov.cn/tjsj/tjnj/2024/ml/indexe.htm (дата обращения: 25.06.2025).
吉林统计年鉴 2024 = Jilin Statistical Yearbook. 2024 // 吉林省统计局. URL: http://tjj.jl.gov.cn/tjsj/tjnj/2024/ml/indexe.htm (accessed 25.06.2025). (In Chin.).
18. 吉林省国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要 = Основные положения 14-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития провинции Цзилинь и долгосрочных целей на период до 2035 года // 国研网. URL: https://h5.drcnet.com.cn/docview.aspx?version=gov&docid=6174711&leafid=27125&chnid=3647 (дата обращения: 25.06.2025).
吉林省国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要 = Outline of the 14th Five-Year Plan for the National Economic and Social Development of Jilin Province and the Long-Range Objectives Through 2035 // 国研网. URL: https://h5.drcnet.com.cn/docview.aspx?version=gov&docid=6174711&leafid=27125&chnid=3647 (accessed 25.06.2025). (In Chin.).
19. 吉林省国土空间规划（2021—2035年） = Генеральный план территориально-пространственного развития провинции Цзилинь (2021–2035 гг.) // 中国政府网. URL: https://www.gov.cn/gongbao/2024/issue_11086/202401/content_6924978.html (дата обращения: 25.06.2025).
吉林省国土空间规划（2021—2035年） = Territorial Spatial Plan of Jilin Province (2021–2035) // 中国政府网. URL: https://www.gov.cn/gongbao/2024/issue_11086/202401/content_6924978.html (accessed 25.06.2025). (In Chin.).
20. 吉林省人民政府关于印发中国（珲春）跨境电子商务综合试验区建设实施方案的通知 = Извещение Народного правительства провинции Цзилинь о публикации плана реализации строительства Китайской (Хуньчуньской) комплексной пилотной зоны трансграничной электронной коммерции // 吉林省人民政府门户网. URL: https://www.jl.gov.cn/gb/2020/zb_202012/gcgd/202007/t20200713_7357232.html (дата обращения: 25.06.2025).
吉林省人民政府关于印发中国（珲春）跨境电子商务综合试验区建设实施方案的通知 = Notice of the People's Government of Jilin Province on Issuing the Implementation Plan for the Construction of the China (Hunchun) Cross-Border E-Commerce Comprehensive Pilot Zone // 吉林省人民政府门户网. URL: https://www.jl.gov.cn/gb/2020/zb_202012/gcgd/202007/t20200713_7357232.html (accessed 25.06.2025). (In Chin.).
21. 吉林省综合立体交通网规划纲要 = План комплексной мультимодальной транспортной сети провинции Цзилинь // 吉林省人民政府门户网. URL: http://jl.people.com.cn/n2/2024/0124/c349771-40724374.html (дата обращения: 25.06.2025).
吉林省综合立体交通网规划纲要 = Outline of the Comprehensive Multimodal Transportation Network Plan of Jilin Province // 吉林省人民政府门户网. URL: http://jl.people.com.cn/n2/2024/0124/c349771-40724374.html (accessed 25.06.2025). (In Chin.).
22. 中国一汽2024年整车出口12.5万辆，同比增长36.2% = Китайская корпорация FAW Group экспортировала 125 тыс. автомобилей в 2024 г., что на 36,2% больше, чем в предыдущем году // 国际充换电网. URL: https://chd.in-en.com/html/chd-2449094.shtml (дата обращения: 25.06.2025).
中国一汽2024年整车出口12.5万辆，同比增长36.2% = China FAW Exported 125,000 Vehicles in 2024, an Increase of 36.2% Year on Year // 国际充换电网. URL: https://chd.in-en.com/html/chd-2449094.shtml (accessed 25.06.2025). (In Chin.).
23. 中国（黑龙江）自由贸易试验区条例 = Положение о Китайской (Хэйлунцзянской) пилотной зоне свободной торговли // 黑龙江省人民政府. URL: https://sswt.hlj.gov.cn/sswt/c103657/202404/c00_31730835.shtml (дата обращения: 25.06.2025).
中国（黑龙江）自由贸易试验区条例 = Regulations on the China (Heilongjiang) Pilot Free Trade Zone // 黑龙江省人民政府. URL: https://sswt.hlj.gov.cn/sswt/c103657/202404/c00_31730835.shtml (accessed 25.06.2025). (In Chin.).
24. 中共吉林省委吉林省人民政府关于深入贯彻《交通强国建设纲要》建设高质量交通强省的实施意见. 2020年6月2日 = Мнения Комитета КПК провинции Цзилинь и Народного правительства провинции Цзилинь о реализации "Основ строительства сильной транспортной державы" и создании провинции с высококачественной транспортной системой. 2 июня 2020 г. // 吉林省人民政府. URL: https://www.jl.gov.cn/gb/2020/zb_202012/jsy/202007/t20200713_7357230.html (дата обращения: 25.06.2025).
中共吉林省委吉林省人民政府关于深入贯彻《交通强国建设纲要》建设高质量交通强省的实施意见. 2020年6月2日 = Implementation Opinions of the CPC Jilin Provincial Committee and the People's Government of Jilin Province on Further Implementing the Outline for Building a Strong Transportation Nation and Developing Jilin into a Province with a High-Quality Transportation System. June 2, 2020 // 吉林省人民政府. URL: https://www.jl.gov.cn/gb/2020/zb_202012/jsy/202007/t20200713_7357230.html (accessed 25.06.2025). (In Chin.).
25. 中华人民共和国海关统计 = Таможенная статистика Китайской Народной Республики // 中华人民共和国海关总署. URL: http://stats.customs.gov.cn (дата обращения: 25.02.2026).

中华人民共和国海关统计 = Customs Statistics of the People's Republic of China // 中华人民共和国海关总署. URL: http://stats.customs.gov.cn (accessed 25.02.2026). (In Chin.).
26. 陈宪良, 高语晗. 黑龙江省与俄罗斯经贸合作现状、问题及对策 // 西伯利亚研究. 2024. 第51卷. 第6期. 第5–16页 = Чэнь Сяньлян, Гао Юйхань. Современное состояние, проблемы и меры по развитию торгово-экономического сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией. *Исследования Сибири*. 2024. Т. 51. № 6. С. 5–16.
陈宪良, 高语晗. 黑龙江省与俄罗斯经贸合作现状、问题及对策 // 西伯利亚研究. 2024. 第51卷. 第6期. 第5–16页 = Chen Xianliang, Gao Yuhan. Current State, Problems, and Countermeasures of Economic and Trade Cooperation between Heilongjiang Province and Russia. *Siberian Studies*. 2024. Vol. 51. No. 6. P. 5–16. (In Chin.).

◆

Информация об авторе

Виктор Лаврентьевич Ларин, академик РАН, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: larin.vic@gmail.com

Information about the author

Viktor L. Larin, Doctor of Historical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: larin.vic@gmail.com

Поступила в редакцию 12.03.2026 Одобрена после рецензирования 08.08.2026 Принята к публикации 25.08.2026

Received 12.03.2026 Approved 08.08.2026 Accepted 25.08.2026

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 22–32.
Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 22–32.

Научная статья
УДК 327(571.53:51)
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/22-32

Регионы Байкальской Сибири и провинции Северо-Восточного Китая: внутренняя специфика субнационального взаимодействия

Илья Васильевич Олейников
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, ilyavasilich@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи заключается в выявлении и оценке внутренней специфики (федеральной, региональной и корпоративной) субнационального взаимодействия регионов Байкальской Сибири с провинциями Северо-Восточного Китая в первой четверти XXI в. В работе использованы подходы теории международных отношений (неореализм, неолиберализм, неомарксизм) и теории регионализма. Установлено, что федеральные проекты нацелены на интенсивное освоение природных ресурсов. Корпорации включают инициативы в государственные программы развития для получения устойчивого финансирования из центра и активизации проектов, в том числе с привлечением возможностей и ресурсов инвесторов из КНР. Региональные власти продвигают ситуативную тактику сотрудничества с китайскими партнерами, носящую имитационный характер. Определено, что провинции Северо-Востока КНР относятся к экономической периферии и не могут рассматриваться как перспективные инвесторы для регионов Байкальской Сибири. На инициативы развития влияют международная и внутриполитическая ситуация, а также отсутствие консенсуса элит.
Ключевые слова: *регион, Байкальская Сибирь, КНР, федерация, иностранные инвестиции, субнациональное взаимодействие*
Для цитирования: Олейников И. В. Регионы Байкальской Сибири и провинции Северо-Восточного Китая: внутренняя специфика субнационального взаимодействия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 22–32. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/22-32

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/22-32

The Regions of Baikal Siberia and the Provinces of Northeast China: The Internal Specifics of Subnational Interaction

Ilya V. Oleinikov
Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, ilyavasilich@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to identify and assess the internal specifics (federal, regional, and corporate) of subnational interactions between the regions of Baikal Siberia and the provinces of Northeast China in the first quarter of the 21st century. The study draws on approaches from international relations theory (neorealism, neoliberalism, neo-Marxism) and regionalism. It is established that federal projects are aimed at intensive development of natural resources. Corporations include initiatives into state development programs to secure sustainable funding from the center and to activate projects, including by leveraging the capabilities and resources of Chinese investors. Regional authorities promote ad hoc, imitative tactics of cooperation with Chinese partners. It is determined that the provinces constitute an economic periphery and are not promising investors for the regions of Baikal Siberia. Development initiatives are influenced by the international and domestic political situation and the lack of elite consensus.
Keywords: *region, Baikal Siberia, China, federation, foreign investment, subnational cooperation*
For citation: Oleinikov I. V. The Regions of Baikal Siberia and the Provinces of Northeast China: The Internal Specifics of Subnational Interaction // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 22–32.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/22-32

Введение

После провозглашения "поворота на Восток" в 2012 г. российское правительство декларировало активизацию взаимодействия со странами АТР **[12]**. В связи с началом украинского кризиса и ухудшением связей со странами Запада российский "поворот на Восток" стал неизбежной реальностью – необходимость политического блокирования с восточными партнерами вызывала запрос на реальное экономическое сотрудничество. Курс на сближение с КНР был был объявлен стратегическим; началась реализация новых крупных проектов – строительству газопровода "Сила Сибири", модернизации БАМа.

В эти процессы были вовлечены и регионы Байкальской Сибири, под которыми мы рассматриваем Иркутскую область и Республику Бурятия, выстраивавшие связи с провинциями Северо-Востока Китая (СВК).

Вопросы субнационального сотрудничества регионов российского Дальнего Востока (РДВ) и СВК анализировались отечественными исследователями **[16; 17; 31]**. С. А. Иванов рассматривая специфику сотрудничества между Приморским краем и провинциями СВК **[10]**, и пришёл к выводу о "воображаемом сотрудничестве" **[9]**. Отражена специфика китайских инвестиций на РДВ **[8]**. Из исследований последних лет следует выделить коллективную мо-

© Олейников И. В., 2026.

нографию "Потенциальный Дальний Восток: как расцветают и угасают проекты развития в самом большом регионе России" **[28]**.

Среди исследователей из зарубежных центров вопросы международного взаимодействия регионов Востока России с КНР рассматривают А. Н. Королёв **[36]**, Дяо Сюхуа **[35]**, Пан Синмин **[37]**.

М. В. Александрова рассматривала особенности экспорта из регионов Сибири в КНР **[1; 3, с. 29–33]**. Показана специфика взаимодействия регионов Сибири и РДВ с внешними акторами Восточной Азии **[27]**. О развитии "Большой Сибири" в контексте российского "поворота на Восток" пишут К. В. Бабаев и С. Г. Лузянин **[4, с. 29–32; 19]**. Освещены проблемы китайского туризма в Иркутске **[25]**, показаны тенденции взаимодействия провинции Ляонин с Иркутской областью **[20]**, рассмотрено внешнеторговое сотрудничество сибирских регионов и КНР **[33]**.

Таким образом, сюжеты международного взаимодействия сибирских регионов России с провинциями СВК освещены фрагментарно. Цель статьи заключается в выявлении и оценке внутренней специфики (федеральной, региональной и корпоративной) субнационального взаимодействия регионов Байкальской Сибири и СВК в первой четверти XXI в.

Открытый и закрытый регионализм в субнациональных стратегиях регионов Байкальской Сибири

Закрытый регионализм являлся одним из параметров международной системы времён "холодной войны". Открытый регионализм, его сменивший, основан на консенсусе акторов экономического взаимодействия, являющихся активными участниками отношений с регионами других стран и территорий. В условиях закрытого регионализма важны национальные интересы, взимание налогов и курс на протекционизм. Закрытый регионализм был параметром "старого" регионализма, а открытый регионализм – "нового" **[14, с. 308]**.

В начале 1990-х гг. российские регионы получили шанс на установление международных контактов. После укрепления "вертикали власти" в начале 2000-х гг. инициативы российского правительства постепенно вписывались в логику закрытого регионализма – приоритет стал отдаваться защите национальных интересов, формулируемых центром, в то время как внешнеэкономические намерения регионов становились вторичными. Реализация проектов монополий в виде госкорпораций или частных компаний была в приоритете и связана с госфинансированием.

Сибирь негармонична. Её территории – субъекты Российской Федерации – разновекторны, их социально-экономическая и культурная ориентация определяется историческими факторами и геополитическими условиями. После начала СВО на Украине в феврале 2022 г. основные контакты регионов Сибири связаны с регионами КНР, КНДР, Монголии и, в меньшей степени, Республики Корея. Существует дискуссия о том, что Россия обладает уникальными возможностями, связанными с её расположением между Западом и Востоком **[12]**.

Структурная трансформация мировой системы, её переход в режим "частичной глобализации" формирует вызовы для российских регионов, связанные с возвращением протекционизма.

После складывания новых условий для российской экономики после событий 2014 г. и 2022 г. начались структурные реформы и переход от одной формы экономического развития к другой. Эти особенности создают шансы и риски для регионов Сибири и Дальнего Востока. Сибирские регионы важны благодаря своему ресурсному потенциалу. Россия, развивавшаяся с оглядкой на Запад, зачастую не уделяла должного внимания логике азиатского развития и формированию комплексной взаимозависимости в регионе **[13]**. Российские власти и бизнес концентрировались на поставках сырья и продукции первого передела.

Наблюдается противоречие: взаимодействие России с частью стран Восточной Азии (прежде всего Японией и Республикой Корея), встроенных в экономические форматы и структуры безопасности США, можно анализировать при помощи теории неореализма: формируется конфронтационное поле, и контакты в его рамках возвращаются к режимам закрытого регионализма. Сотрудничество РФ с КНР, Монголией и КНДР развивается в русле "частич-

ной глобализации", формируются тенденции взаимозависимости по неолиберальному типу – действуют параметры открытого регионализма, благодаря которому происходит обмен товарами и услугами, в том числе и со странами, входящими в орбиту влияния США.

Регионы Байкальской Сибири: земля ресурсов или земля возможностей?

В отечественной литературе часто цитируется фраза известного русского мыслителя XVIII в. М. В. Ломоносова: "...путь и надежда чужим пресечется, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном…" **[18, с. 498]**. В первой четверти XXI столетия правдивость фразы подтверждается: территория и ресурсы Сибири продолжают быть фактором экономического и социального прогресса России. Однако природные ресурсы не являются позитивным фактором для регионов Байкальской Сибири. Статус Сибири не изменился с ломоносовских времен – это периферия европейской части России, в то время как российские столицы – Москва и Санкт-Петербург – несмотря на санкционные ограничения, являются воротами в глобальный мир. Согласно неомарксистской теории "ядро–периферия" И. Валлерстайна, ресурсы концентрируются в центрах, и эти ресурсы, получаемые из периферии, способствуют качественным изменениям в центрах **[39]**. Периферия обречена либо на попытки выбраться из колеи, либо на стагнацию.

С. Ф. Шмидт выявил особенности положения Сибири в мировой системе. Сибирские регионы рассматриваются с двух точек зрения. Они – периферия полупериферийного государства – России, а с другой – расположены между двумя активными центрами современной экономической системы: традиционным центром, представленным США и странами Европы, и новым центром, расположенным в странах АТР – Японии, КНР и странах ЮВА **[34, с. 14]**.

Сибирские регионы – "двойная периферия", что определяет зависимость их экономики от экспорта сырьевых ресурсов на глобальные рынки и то, что они являются рынком сбыта товаров из территорий более развитых стран. Но являются ли провинции СВК более развитыми, чем регионы Байкальской Сибири России по производственным характеристикам? Может ли международное сотрудничество способствовать модернизации сибирских регионов России? Или же дискуссии о необходимости их взаимодействия с провинциями СВК КНР конструируют образ, необходимый для успешного позиционирования региональных властей и бизнеса в столице России – Москве?

Внутренняя специфика субнационального сотрудничества регионов Байкальской Сибири с провинциями Северо-Восточного Китая

На протяжении 1990-х гг., в условиях хаотичных изменений в административной и правовой сферах, российские регионы сталкивались с вызовами. Во время стагнации торговых и экономических связей после коллапса СССР они стали активно вовлекаться в процессы международного сотрудничества. Власти регионов Сибири и Дальнего Востока в условиях ослабления центральной власти и отсутствия у нее финансовых рычагов влияния рассматривали контакты с зарубежными территориями как возможность для преодоления кризиса. Региональные власти предпринимали попытки создать специальные экономические зоны, благодаря которым должен был усилиться приток внешних инвестиций. Эта деятельность вдохновлялась позитивными ожиданиями от возможностей получения выгод от иностранного коммерческого сектора благодаря богатому ресурсному потенциалу **[28, с. 226–227]**.

Экономические дивиденды, получаемые от внешнеэкономической деятельности, были средством для решения проблем в условиях системного кризиса государства. Из Иркутской области в КНР осуществлялись поставки целлюлозы, леса, продукции нефтепереработки, алюминия, машин и оборудования. Импортировались кокс нефтяной, пек, продукты питания, ТНП, электрооборудование и горное оборудование **[3, с. 29–30]**. Из Республики Бурятия в Китай долгое время поставлялись "…сырьевые товары и материалы, в том числе: круглый лес, пиломатериалы, картон, чёрные и цветные металлы (в основном лом и рельсы, бывшие в употреблении). Кроме этого, в КНР периодически поставляются гражданские вертолёты и запасные части к ним" **[3, с. 32]**.

Иркутская область участвовала в неоднозначной по своим результатам "Программе сотрудничества регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009–2013 гг." **[29; 26]**. Руководство Иркутской области питало надежды на получение инвестиций из Китая; видя в этом ресурс для пополнения бюджета, оно пыталось поддержать проекты, направленные на развитие контактов с провинциями СВК, сводившихся в основном к административному и гуманитарному взаимодействию. Были установлены побратимские связи между Иркутском и Шэньяном (1992 г.), Иркутском и Маньчжурией (2025 г.), муниципалитетами Иркутской области и городами провинций СВК (Ангарск – Цзиньчжоу).

В связи с укреплением "вертикали власти" происходило усиление государственных и частных корпораций, реализовывавших интересы федерального центра во внешнеэкономической деятельности. Экономический базис для субнационального взаимодействия у региональных властей истончался: ключевые проекты развития сырьевых месторождений, строительство инфраструктуры для экспорта сырья и продукции первого передела стали реализовывать финансово-промышленные группы и корпоративные структуры – "Газпром", "Роснефть", En+ Group, стремившиеся вытеснить региональных конкурентов.

Частные корпорации пытались взаимодействовать с провинциями СВК. Так, в 2011 г. О. Дерипаска предложил проект "Восточная стратегия" En+ Group, направленный на развитие контактов между регионами Байкальской Сибири и КНР.

"Восточная стратегия" предполагала создание высоковольтных линий для поставки избыточной электроэнергии, производимой на ГЭС и ТЭЦ En+ Group в Иркутске, Братске и Усть-Илимске, в СВК. Это позволило бы китайским потребителям использовать гидроэлектроэнергию вместо электроэнергии угольной генерации, негативно влияющих на экологию. В начале 2010-х гг. была сделана попытка реализовать проект "Энергетические мосты в регионе Северо-Восточной Азии", нацеленный на взаимодействие энергосистем России и СВК, Монголии и Республики Корея. En+ Group намеревалась привлечь китайские инвестиции для строительства Нижнеангарской и Транссибирской ГЭС, Ленской ТЭЦ **[36, p. 65]**. Проект не был реализован, причём не только по причине отсутствия современных линий электропередач между РФ и КНР, но и вследствие строительства в СВК газовых ТЭЦ, потребляющих российский газ. Планы частной корпорации En+ Group по поставкам электроэнергии из регионов Сибири не осуществились, в то время как госкорпорация "Газпром" смогла поставлять газ из сибирских месторождений в Китай.

В 2014 г. появилась идея создания в Восточной Сибири центров обработки данных (ЦОД). Проект в августе 2015 г. был поддержан губернатором и правительством Иркутской области. Компании En+ Group, "Хуавей" и "Центрин Дэйта Системс" были включены в создание инфраструктуры **[38]**. Соглашение было подписано в Пекине в присутствии Президента РФ В. В. Путина и Председателя КНР Си Цзиньпина. Бизнес-интересы En+ Group заключались в том, что компания планировала обеспечить проект электроэнергией с электростанций компании в Иркутской области (на электроэнергию приходится до 50% себестоимости ЦОД) и предоставить площадки для размещения ЦОД в городах, где расположены энергетические мощности компании: Иркутске, Братске и Усть-Илимске. Концерн "Хуавей" планировал поставки оборудования для дата-центра, в то время как "Центрин Дэйта Системс" должна была выступить в качестве первого китайского клиента.

В соглашении предполагалось, что к 2018 г. в регионе будет построен ЦОД, охватывающий страны, по которым проходит Экономический пояс Шёлкового пути, мощностью 1,8 тыс. стоек, с расширением к 2024 г. до 8 тыс. **[38]**. ЦОД должен был предоставлять высокотехнологичные IT-сервисы на рынках России и Азии, "облачные" услуги, высокопроизводительные вычисления и системы анализа "больших данных". Проект не был реализован, т. к. схема хранения данных китайских корпораций и пользователей на российской территории вступала в противоречие с национальными интересами КНР.

Осенью 2016 г. стала обсуждаться идея строительства туристического кластера на Байкале, привлечения китайских инвестиций в экономику Иркутской области. Так, российская туристическая компания "Гранд Байкал" и

китайская структура "Чжунцзиньсинь" 19 октября 2016 г. подписали меморандум о сотрудничестве **[15]**. Акционером компаний с российской стороны являлся "ГОСТ Отель Менеджмент", входивший в структуры En+ Group, а с китайской стороны – "Китайская международная инвестиционная и трастовая корпорация" (CITIC). Объём потенциальных инвестиций в развитие проекта оценивался в 11 млрд долл. США.

Намерение было привлекательным не только для региональных, но и для федеральных властей. Таким образом, En+ Group планировала изменить вектор ранее объявленной "Восточной стратегии", сместив акцент с поставок товаров (алюминия и электроэнергии) на сферу услуг – туристический сектор. Маневр был призван привлечь внимание федерального центра к участию в софинансировании туристического кластера, его встраиванию в инициативы российско-китайских межгосударственных отношений.

Дискуссии разгорелись в Иркутской области в январе–феврале 2019 г. из-за строительства завода по розливу питьевой бутилированной воды на оз. Байкал компанией ООО "АкваСиб" **[6]**. ООО "АкваСиб" принадлежало фирме "Озеро Байкал" из г. Дацин (КНР). Планируемые инвестиции составляли 1,5 млрд руб. Предполагалось, что объём выпуска продукции составит 158 тыс. м^3 питьевой воды в год, розлив питьевой воды Байкала был признан Минприроды РФ экологически чистым производством, завод должен был обеспечить местным жителям 148 новых рабочих мест **[6]**. В социальных сетях размещались петиции, шёл сбор подписей, шла активная информационная кампания с просьбами "спасти озеро". В марте 2019 г. в Иркутске прошёл митинг в защиту Байкала **[22]**. На ситуацию обратили внимание федеральные власти.

После высказываний премьер-министра Д. А. Медведева была инициирована прокурорская проверка; было выявлено, что стройка не соответствует стандартам **[21]**. По её итогам в 2019 г. строительство завода было приостановлено до устранения выявленных в ходе проверки нарушений, а проект закрыт.

Одним из факторов провала китайского инвестиционного проекта стала конкуренция между бизнес-субъектами. В феврале 2019 г. структуры En+ Group выразили заинтересованность в строительстве заводов по розливу байкальской воды для последующего экспорта в КНР **[30]**. Ситуация объясняется коммерческой прагматикой: в случае соответствия иностранных инвестиций интересам крупных российских холдингов они позиционируются в качестве необходимых для развития ресурсов, в случае же конкуренции иностранный инвестор выдавливается с рынка, несмотря на официальную риторику о "развитии сотрудничества".

***

Республика Бурятия, выстраивая взаимодействие с СВК, пытается действовать схожим образом, конструируя сотрудничество. Более ограниченные экономические возможности по сравнению с Иркутской областью власти республики пытаются компенсировать за счёт географической близости. Так, Республика Бурятия заинтересована в экспорте своей продукции в Китай, включая мясомолочную продукцию, кондитерские изделия, дикоросы, кормовые и масличные культуры. На зарубежных рынках популярны разработки бурятского бизнеса в сфере медицины и сельского хозяйства **[32]**. Бурятия – транспортно-логистический узел в планируемом к реализации коридоре "Китай – Монголия – Россия" **[32]** и международном проекте "Чайный путь". Города Улан-Удэ и Кяхта являются опорными пунктами в рамках автомобильных маршрутов, предусмотренных межправительственным соглашением о международных автомобильных перевозках и въездном туризме. В 2024 г. на VIII встрече глав туристических администраций России, Китая и Монголии в Улан-Удэ обсуждалась необходимость запуска туристического кольца **[32]**.

Гуманитарное сотрудничество включает в себя обмен студентами, научные и образовательные проекты, фестивали, художественные выставки, показы фильмов, проведение буддийских мероприятий. В рамках торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества Республика Бурятия с 2004 г. контактирует с Автономным районом Внутренняя Монголия КНР в сфере туризма **[5]**.

Осуществляется парадипломатия муниципалитетов на китайском направлении. Подписаны соглашения об установлении побратимских и дружеских связей г. Улан-Удэ с городами СВК: Маньчжурией (1993 г.), Чанчунем (2000 г.), Хух-Хото (2000 г.), Эрлянем (2011 г.), Хулунбуиром (2018 г.), Уланчабом (2018 г.) **[7]**. Соглашения носят рамочный характер, развивается сотрудничество в гуманитарной сфере, конкретные экономические проекты внедряются спорадически, стороны ведут дискуссии о начале их реализации.

В сотрудничестве с СВК Республика Бурятия сталкивается с проблемами, характерными для Иркутской области и в целом для регионов Востока России.

Субнациональное сотрудничество регионов Байкальской Сибири: между молотом и наковальней

В деле активизации международного сотрудничества регионов Байкальской Сибири значительную роль играет федеральный центр. Инвестиционная программа с международным участием, инициированная региональными акторами – будь то правительство региона или бизнес – должна пройти ряд согласований и получить одобрение региональных и федеральных министерств и ведомств, что повышает временные, административные и финансовые издержки.

Экономические связи регионов Байкальской Сибири с КНР осуществляются через представительства торговых компаний, дистрибьюторские и дилерские центры, расположенные в Москве, что усиливает зависимость регионального взаимодействия с азиатскими партнёрами от центра.

На международное взаимодействие, в том числе и с регионами КНР, влиял и фактор турбулентности региональных элит Иркутской области: частая смена губернаторов не способствовала формированию положительных ожиданий у зарубежного бизнеса.

Инфраструктурные ограничения наносят ущерб сотрудничеству. Регионам необходима комплексная модернизация и расширение железных и автомобильных дорог, аэропортов, что требует значительных финансовых вливаний. Есть проблемы связности с мировыми рынками, а также с западными и центральными регионами Сибири, обладающими ресурсом человеческого капитала, научно-производственной сферой и сырьевой базой.

Возникают сложности в сфере туризма. Значительное количество китайских туристов прибывает в регионы преимущественно из СВК **[23, с. 91]**. Хаотичная и нерегулируемая обстановка с организацией зимних туров для китайских туристов на оз. Байкал приводит к трагедиям: в феврале 2026 г. погибла группа китайских туристов, провалившись под лёд **[11]**.

Приток туристов в Иркутскую область формирует ряд проблем. Туристическая инфраструктура неразвита: от состояния транспорта и нехватки мест в гостиницах до дефицита китаеязычных гидов и дорожных заторов. Туристы из КНР практически не задерживаются в Иркутске, продолжающем оставаться транзитной точкой, финансовые потоки проходят мимо него **[23, с. 90]**.

Инициативы властей и бизнеса Байкальской Сибири по сотрудничеству с партнёрами из КНР пробуксовывают из-за проблем взаимного восприятия. Власти Иркутской области видят в инвестициях ресурс для развития, в то время как партнёры из КНР не спешат вкладывать средства в экономику региона не только в силу опасений потерять инвестиции, но и из-за недостатка информации о возможностях реализации инвестпроектов.

Следует согласиться с мнением С. А. Иванова, рассмотревшего взаимодействие провинции Хэйлунцзян с Приморским краем. Наблюдаются переоценка фактора трансграничности, зависимость от политической конъюнктуры и ошибочное понимание мотивации партнёра **[10, с. 421–422]**. Указанный вывод справедлив и при рассмотрении специфики сотрудничества между регионами Байкальской Сибири и СВК.

Для КНР северо-восточные провинции периферийны – это "старопромышленная база". С конца 1970-х гг. интенсивно развивались южные и юго-восточные районы Китая. Действительно, "контактное поле двух периферийных регионов сопредельных государств, РФ и КНР, обеспечиваемое ресурсом границ, не способствует комплексному сотрудничеству в инвестиционной сфере, развитию сектора услуг и торговле товарами с высокой добавленной

стоимостью" **[24, с. 493]**. Географическая близость приводит чиновников и бизнесменов из регионов Байкальской Сибири к попыткам реализовать проекты сотрудничества с контрагентами из СВК. Власти субъектов РФ следуют указаниям о сотрудничестве, продвигаемым из федерального центра; происходит создание положительных конструктов и имиджа субнациональных связей путем трансляции дискурса региональной бюрократией и институтами развития. Создание прочных контактов с экономически развитыми центральными, южными и восточными провинциями КНР более важно для регионов Байкальской Сибири. В противном случае их взаимодействие с партнерами из провинций СВК будет зажато между молотом интересов федерального центра и наковальней многолетних экономических, инфраструктурных, правовых и управленческих проблем, а также воздействием структурных тенденций фрагментации международной системы.

Заключение

Таким образом, на процесс осуществления взаимодействия регионов Байкальской Сибири с провинциями СВК влияли внутренняя специфика и системные сложности»; далее перестроить оборот «в силу несогласованности федеральной и региональной повестки. Масштабные проекты контролирует федеральный центр и госкорпорации. Претворению в жизнь инициатив региональных властей препятствовала нехватка ресурсов для первичного развития площадок, перспективных для инвесторов, отрицательно сказывалась и внутрирегиональная ситуация. Диспаритет в практической реализации "поворота на Восток" наблюдался в объёме преференций, предоставляемых центром субъектам федерации. Так, основные проекты развития были сосредоточены на территориях Дальнего Востока, а не в регионах Сибири **[13, с. 224–225]**.

Политические и экономические элиты региона на протяжении первых двух десятилетий XXI в., как это ни парадоксально, были слабо заинтересованы в интенсификации инвестиционного сотрудничества с крупными китайскими компаниями. Инициативы международного сотрудничества и внешние инвестиции использовались как ресурс для формирования образа "успешной власти" или же "успешного региона" в глазах правительства и получения возможного финансирования из центра. Политические верхи, действующие в условиях жесткой централизации, опасались роста влияния иностранных акторов в ресурсообеспеченных субъектах федерации, полагая, что зависимость от иностранных ресурсов и рабочей силы может иметь негативные геоэкономические последствия. Согласимся с выводом С. К. Песцова, что присутствует "…настойчивое стремление российского руководства к сохранению жесткого контроля над отдаленными территориями, в том числе посредством централизации и сосредоточения всех видов их взаимодействий с сопредельными странами на межгосударственном уровне" **[26, с. 20]**. Крупным холдингам (как федеральным, так и региональным), нефтегазовому, строительному, туристическому бизнесу было невыгодно появление динамичных зарубежных конкурентов на ресурсном рынке регионов Байкальской Сибири; действовали режимы протекционизма, охранительной логики, что можно анализировать при помощи концепта закрытого регионализма.

В начале 1990-х гг. федеральному центру не хватало реальных властных и финансовых рычагов. Иркутская область и Республика Бурятия могли относительно свободно развивать взаимодействие с зарубежными партнерами. Однако после централизации 2000-х гг. властные рычаги сконцентрировались в руках Москвы. Канал сотрудничества с внешними акторами был ограничен не только законодательным регулированием, но и тем, что крупные корпорации вытеснили средних и малых игроков в российских регионах. Переформатирование бизнес-пространства произошло после начала активной фазы пандемии коронавируса в 2020 г., блокировавшей полноценные контакты в социальной сфере. После нового витка украинского конфликта в 2022 г. власть и бизнес регионов Байкальской Сибири под влиянием экономической обстановки и политического фактора стали пытаться продвигать свои интересы в КНР, формируя взаимозависимость по неолиберальному типу. Позитивную деятельность нивелировали вторичные санкции западных государств. Произошла фрагментация формирующейся взаимозависимости, отход от трендов открытого регионализма.

Власти регионов Байкальской Сибири во многом имитируют развитие сотрудничества с провинциями СВК. Декларируемые федеральными властями и крупным бизнесом планы направлены на поддержку "больших проектов" наподобие "Силы Сибири", от которых выигрывают прежде всего госкорпорации и частные холдинги. Вырученные от поставок ресурсов средства идут в федеральный, а не региональный бюджет. Развитие несырьевого экспорта в регионы СВК не является панацеей.

Инициативы региональных властей Иркутской области и Республики Бурятия направлены на формирование позитивного имиджа в глазах возможных иностранных инвесторов и российских федеральных властей; они не согласованы между собой, у регионов недостаточно ресурсов для реализации взаимодействия с внешними акторами. Речь идет не о полноценном торгово-экономическом сотрудничестве, а о подготовке официальных совместных международных мероприятий, организации выставок и форумов.

Задачи корпоративного бизнеса на примере En+ Group заключаются в формировании проектов, направленных на создание связей с партнерами из КНР, но основная цель – их интенсивное лоббирование на уровне властных структур центра для получения приоритетного федерального финансирования. Привлечение иностранных инвестиций из стран Восточной Азии является элементом торга в деле борьбы за средства из федерального бюджета. Финансовые ресурсы центра выступают как возможность для корпораций переждать времена экономической турбулентности, вызванной ухудшением доступа к зарубежному финансированию из-за санкций.

Власти Иркутской области уже не могут, как в 1990-х гг., использовать ресурс интенсификации международного сотрудничества для улучшения финансового состояния региона для реализации совместных проектов с партнерами из КНР. Для освоения ресурсов и создания производств требуется стабильное софинансирование, необходимый уровень которого федеральные и региональные власти, а также корпорации в сложных экономических условиях не могут обеспечить. Влияет и "вертикаль власти". Формируется замкнутый круг: анклавы развития, которыми являются Иркутск и Улан-Удэ, не могут привлечь стабильные иностранные инвестиции в депрессивную, но ресурсную периферию.

Таким образом, инициативы региональных властей по активизации международного сотрудничества Байкальской Сибири порождают несогласованность, влияющую на восприятие региона со стороны зарубежных партнеров. Возможные инвестиции из КНР выступают как маркер эффективной работы указанных структур и индикатор, сигнализирующий о появлении первичных зон роста для получения средств из федерального центра. Не учитывается тот факт, что СВК представляет собой экономическую периферию, не способную выступать в качестве перспективного инвестора для Иркутской области и Республики Бурятия. Более важными партнерами в субнациональном сотрудничестве для сибирских регионов могут являться регионы юга и юго-востока КНР. На реальную капитализацию возможных инициатив развития интенсивно влияет международная ситуация, фрагментация мировой системы и отсутствие консенсуса элит по проблемам активизации международного взаимодействия.

Литература / References

1. Александрова М. В. Особенности сибирского экспорта в КНР: современное состояние и «узкие места». *Проблемы Дальнего Востока*. 2018. № 3. С. 53–64.
   Alexandrova M. V. Features of Siberian Exports to China: Current State and “Bottlenecks”. *Far Eastern Affairs*. 2018. No. 3. P. 53–64. (In Russ.)
2. Александрова М. В. Российско-китайское межрегиональное сотрудничество // Россия-Китай: шансы и вызовы отношений «новой эпохи». М.: ФГБУН ИДВ РАН, 2020. С. 200–233.
   Alexandrova M. V. Russian-Chinese Interregional Cooperation // Russia-China Relations: Chances and Challenges of the New Era. M.: IFES RAS Publ. 2020. P. 200–233. (In Russ.)
3. Александрова М. В. Экономическое взаимодействие регионов России и Китая в период реформ: Российско-китайские приграничные экономические отношения. М.: Огни, 2005. 262 с.
   Alexandrova M.V. Economic Cooperation between Russian and Chinese Regions during the Reform Period: Russian-Chinese Border Economic Relations. M.: OGNI Publishing, 2005. 262 p. (In Russ.)

4. Бабаев К. В., Лузянин С. Г. Поворот на Восток: восточноазиатский вектор России (2014–2024) / отв. ред. С.А. Караганов; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. М.: РАН, 2024. 256 с.
Babaev K. V., Luzyanin S. G. Pivot to the East: Russia's East Asian Vector, 2014–2024. ed. by S. A. Karaganov. ICCA RAS. M.: RAS Publishing, 2024. 256 p. (In Russ.)
5. Бурятия и Внутренняя Монголия будут сотрудничать в области туризма // Байкал-Дейли. 18.02.2016. URL: https://clck.ru/3T63gp (дата обращения: 23.02.2026).
Buryatia and Inner Mongolia will Cooperate in the Field of Tourism // Baikal-Daily. 18.02.2016. URL: https://clck.ru/3T63gp (accessed 23.02.2026). (In Russ.)
6. Владелец завода по розливу воды в Култуке: «Борьба не окончена» // Irk.ru. 18.04.2019. URL: https://clck.ru/3T63iJ (дата обращения: 23.02.2026).
Owner of a Water Bottling Plant in Kultuk: "The Struggle is Not Over" // Irk.ru. 18.04.2019. URL: https://clck.ru/3T63iJ (accessed 23.02.2026). (In Russ.)
7. Города-побратимы // Улан-Удэ. Официальный сайт. URL: https://clck.ru/3T63m9 (дата обращения: 03.03.2026).
Sister Cities // Ulan-Ude. Official Website. URL: https://clck.ru/3T63m9 (accessed 03.03.2026). (In Russ.)
8. Зуенко И. Ю., Иванов С. А., Савченко А. Е. Китайские инвестиции на российском Дальнем Востоке. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63, № 11. С. 105–113.
https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-11-105-113
Zuenko I. Yu., Ivanov S. A., Savchenko A. E. Chinese Investments in the Russian Far East. *World Economy and International Relations*. 2019. Vol. 63, No. 11. P. 105–113.
https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-11-105-113. (In Russ.)
9. Иванов С. А. Воображаемое сотрудничество на российско-китайской границе. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2014. Т. 8. С. 11–18.
Ivanov S.A. Challenges in Cooperation on Sino-Russian Border. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*. 2014. Vol. 8. P. 11–18. (In Russ.)
10. Иванов С. А. Перспективы сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Приморским краем. *Общество и государство в Китае*. 2018. Т. 48, № 1. С. 416–424.
Ivanov S. A. Prospects of Cooperation between Heilongjiang Province and Primorsky Krai. *Society and State in China*. 2018. Vol. 48, No. 1. P. 416–424. (In Russ.)
11. Ишбульдин А. «Решил перепрыгнуть разлом»: УАЗ с туристами из Китая провалился под лёд на Байкале. Газета.ру. 20.02.2026. URL: https://www.gazeta.ru/social/2026/02/20/22531309.shtml (дата обращения: 03.03.2026)
Ishbuldin A. "I Decided to Jump over the Rift": UAZ with Chinese Tourists Sank under the Ice on Lake Baikal. *Gazeta.ru.* 20.02.2026. URL: https://www.gazeta.ru/social/2026/02/20/22531309.shtml (accessed 03.03.2026). (In Russ.)
12. К Великому океану или новая глобализация России. Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» / С. А. Караганов, О. Н. Барабанов, Т. В. Бордачёв. М.: 2012. 80 с. https://clck.ru/3T64Dn (дата обращения: 15.02.2026)
Toward the Great Ocean or Russia's New Globalization. Analytical Report by the Valdai International Discussion Club // S. A. Karaganov, O. N. Barabanov, T. V. Bordachyov. M.: 2012. 80 p. URL: https://clck.ru/3T64Dn (accessed 15.02.2026). (In Russ.)
13. Караганов С. А., Козылов И. С. Восточный поворот 2.0, или «Сибиризация» России. *Россия в глобальной политике*. 2025. Т. 23, № 1 (131). С. 221–229.
https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-1-221-229
Karaganov S. A., Kozylov I. S. Eastward Turn 2.0, or "Sibiriazation" of Russia. *Russia in Global Affairs*. 2025. Vol. 23, No.1 (131). P. 221–229. (In Russ.)
https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-1-221-229
14. Костюнина Г. М. Регионализм в современной мировой экономике: эволюция и основные тенденции. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2020. Т. 20, № 2. С. 303–317. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-2-303-317
Kostyunina G. M. Regionalism in the Modern World Economy: Evolution and Main Trends. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2020. Vol. 20, No. 2. P. 303–317.
https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-2-303-317 (In Russ.)
15. Крюков Д., Новопашина Н., Папандина А. Кластер на Байкале: как Дерипаска и китайцы хотят заменить ЦБК туристами. *РБК*. 28.10.2016. URL: https://clck.ru/3T64Gk (дата обращения: 03.03.2026).
Kryukov D., Novopashina N., Papandina A. The Baikal Cluster: How Deripaska and the Chinese Want to Replace the Pulp and Paper Mill with Tourists // RBC. 28.10.2016. URL: https://clck.ru/3T64Gk (accessed 03.02.2026). (In Russ.)
16. Ларин В. Л. В тени проснувшегося дракона: российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.
Larin V. L. In the Shadow of the Dragon Awaken: The Russian-Chinese Relations on the Boundary of the 20th–21st Centuries.Vladivostok: Dalnauka Publishing, 2006. 424 p. (In Russ.)

17. Ларин В. Л. Стратегические приоритеты развития Тихоокеанской России. *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 6. С. 18–27.
Larin V. L. Strategic Priorities of Pacific Russia's Development. *World Economy and International Relations*. 2015. No. 6. P. 18–27. (In Russ.)
18. Ломоносов М. В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Полное собрание сочинений. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. М.–Л.: Изд-во АН СССР. С. 417–498.
Lomonosov M. V. A Brief Description of Various Voyages in the Northern Seas and an Account of the Possible Passage of the Siberian Ocean to Eastern India // Complete Works. Vol. 6. Works on Russian History, Social and Economic Issues, and Geography. 1747–1765. Moscow–Leningrad: USSR Academy of Sciences. P. 417–498. (In Russ.)
19. Лузянин С. Г. Россия–Китай: формирование обновлённого мира. М.: Весь Мир, 2018. 327 с.
Luzyanin S. G. Russia–China: Building a New World. Moscow: Ves Mir Publishing. 2018. 327 p. (In Russ.)
20. Макеева С. Б. Региональное развитие провинции Ляонин и партнёрское сотрудничество с Россией (1990 е гг. – настоящее время). *Проблемы Дальнего Востока*. 2022. № 4. С. 75–88. https://doi.org/10.31857/S013128120020452-8
Makeeva S. B. Regional Development of Liaoning Province and Partnership with Russia (1990s to present). *Far Eastern Affairs*. 2022. No. 4. P. 75–88. https://doi.org/10.31857/S013128120020452-8 (In Russ.)
21. Медведев пообещал проверить проект завода по розливу воды на Байкале. *РБК*. 12.03.2019. URL: https://clck.ru/3T64cN (дата обращения: 03.03.2026).
Medvedev Promised to Check the Project for a Water Bottling Plant in Lake Baikal. *RBC*. 12.03.2019. URL: https://clck.ru/3T64cN (accessed 03.03.2026) (In Russ.)
22. Митинг в защиту Байкала собрал тысячу участников. *Интерфакс*. 24.03.2019. URL: https://www.interfax.ru/russia/655476 (дата обращения: 03.03.2026).
A Meeting in Defense of Lake Baikal Attracted a Thousand Participants. *Интерфакс*. 24.03.2019. URL: https://www.interfax.ru/russia/655476 (accessed 03.03.2026). (In Russ.)
23. Нечаева В. С. Диссонансы туристической интеграции Иркутской области и Китая // Сибирь в пространстве международных отношений: прошлое, настоящее, будущее, 2025: Мат-лы XXI Всерос. студ. науч.-практ. конф., Иркутск, 05 апр. 2025 г. Иркутск: БГУ, 2025. С. 85–94.
Nechaeva V. S. The Dissonances of Tourist Integration in Irkutsk Region and China // Siberia in the Space of International Relations: Past, Present, and Future, 2025: XXI All-Russian Students Scientific Conference Proceedings, Irkutsk, 05 of April 2025. Irkutsk: BSU Publ. 2025. P. 85–94. (In Russ.)
24. Олейников И. В. Иркутская область – Китай: постпандемийные тенденции взаимодействия // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. № 14. Благовещенск: БГПУ. 2024. С. 489–494.
Oleynikov I. V. Irkutsk Oblast–China: Post-Pandemic Trends of Interaction // Russia and China: History and Prospects of Cooperation. No. 14. Blagoveschensk: BGPU, 2024. P. 489–494. (In Russ.)
25. Олейников И. В., Курканова Е. О. Китайский туризм: взгляд из Иркутска. *Российско-китайские исследования*. 2021. Т. 5, № 2. С. 124–130. https://doi.org/10.17150/2587-7445.2021.5(2)
Oleynikov I. V., Kurkanova E. O. Chinese Tourism: A View from Irkutsk. *Russian-Chinese Studies*. 2021. Vol. 5. No. 2. P. 124–130. https://doi.org/10.17150/2587-7445.2021.5(2) (In Russ.)
26. Песцов С. К. Трансграничное сотрудничество России и Китая: хаотичный расцвет и упорядоченная деградация. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2021. Т. 14, № 1. С. 20–40. https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.102
Pestsov S. K. Cross-Border Cooperation of Russia and China: Chaotic Prosperity and Ordered Degradation. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 2021. Vol. 14, No. 1. P. 20–40. https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.102. (In Russ.)
27. Поворот на Восток. Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России / И. А. Макаров, Е. А. Макарова, Т. В. Бордачев [и др.]. М.: Международные отношения, 2015. 448 с.
A Turn to the East. Development of Siberia and the Far East in the Context of the Strengthening of Russia's Asian Foreign Policy. I. A. Makarov, E. A. Makarova, T. V. Bordachev [et al.]. M.: International Relations Publishing House, 2015. 448 p. (In Russ.)
28. Потенциальный Дальний Восток. Как расцветают и угасают проекты развития в самом большом регионе России / А.Е. Савченко, Т. Н. Журавская, С. А. Иванов [и др.]. М.: Common Place, Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники», 2024. 320 с.
The Potential Far East. How Development Projects Flourish and Fade in Russia's Largest Region / A. E. Savchenko, T. N. Zhuravskaya, S. A. Ivanov [et al.]. M.: Common Place, Khamovniki Foundation for Social Research, 2024. 320 p. (In Russ.)
29. Программа сотрудничества восточных регионов России и Северо-Восточного Китая 2009–2018: итоги и дальнейшие перспективы / И. Ю. Зуенко, С. А. Иванов, Ч. Лун [и др.]. *У карты Тихого океана*. 2018. № S3 (251). С. 3–26.

The Programme of Cooperation between Russian Far East and Eastern Siberia and Chinese North-Eastern Regions (2009–2018): Findings and Future Outcomes/ I. Yu. Zuenko, S. A. Ivanov, Lun Ch. [et al.]. *Near Pacific Ocean Map*. 2018. No. S3 (251). P. 3–26. (In Russ.)

30. Титов С. Вода от Дерипаски. Структуры миллиардера запускают новый бинес на Байкале // *Forbes*. 01.03.2019. URL: https://clck.ru/3T64Tc (дата обращения: 03.03.2026).
Titov S. Deripaska's Water. Billionaire's Structures Launch New Business on Lake Baikal // *Forbes*. 01.03.2019. URL: https://clck.ru/3T64Tc (accessed 03.03.2026). (In Russ.)
31. Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / под ред. В.Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. 386 с.
Integrating Pacific Russia into the North Pacific Region: Experience and Potential of Regional and Cross-Border Cooperation in the Beginning of 21st century. ed. by V. L. Larin. Vladivostok: IHAE FEBRAS, 2017. 386 p.
32. Филатов С. Республика Бурятия укрепляет международные связи // *Международная жизнь*. Официальный сайт. 06.12.2024. URL: https://clck.ru/3T64jK (дата обращения: 03.03.2025).
Filatov S. The Republic of Buryatia Strengthens International Relations // *International Life*. Official website. 06.12.2024. URL: https://clck.ru/3T64jK (accessed 03.03.2026). (In Russ.)
33. Шерин Е. А. Внешнеторговое сотрудничество Китая и сибирских регионов. *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68, № 5. С. 81–90.
https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-5-81-90.
Sherin E. A. Foreign Trade Cooperation between China and Siberian Regions. *World Economy and International Relations.* 2024. Vol. 68, No. 5. P. 81–90.
https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-5-81-90. (In Russ.)
34. Шмидт С. Ф. Сибирь в перспективе мир-системного анализа // Восточносибирский регионализм: социокультурный, экономический, политический и международный аспекты, Иркутск, 10–12 апр. 2000 г. Иркутск: Оттиск, 2001. С. 10–15.
Schmidt S. F. Siberia in the Perspective of World-System Analysis // East Siberian Regionalism: Sociocultural, Economic, Political, and International Aspects, Irkutsk, April 10–12, 2000. Irkutsk: Ottisk, 2001. P. 10–15. (In Russ.)
35. Diao X. Economic Cooperation of the Northeast China and the Far East of Russia under New Conditions: Status, Capacity, and Supply. *Journal of Regional and International Competitiveness*. 2021. No. 4 (5). P. 44–49. https://doi.org/10.52957/27821927_2021_4_44.
36. Korolev A. Russia's Reorientation to Asia: Causes and Strategic Implications. *Pacific Affairs*. 2016. Vol. 89, No. 1. P. 53–73. https://doi.org/10.5509/201689153.
37. Pan X. Economic Relations between Japan and the Russian Far East // International Cooperation in the Development of Russia's Far East and Siberia / ed. by Jing H., Korolev A. Croydon: Palgrave Macmillan, 2015. P. 99–122.
38. Smolax M. Russian Billionaire to Build a Massive Data Center in Siberia // DCD. 07.09.2015. https://clck.ru/3T64M9 (accessed 23.02.2026).
39. Wallerstein I. The Capitalist World Economy. Paris: Cambridge University Press & Editions de la Maison des Sciences de l'Homme. 1979. 320 p.

◆

Информация об авторе

Илья Васильевич Олейников, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии, истории и регионоведения Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: ilyavasilich@yandex.ru

Information about the author

Ilya V. Oleynikov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, History, and Regional Studies, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, e-mail: ilyavasilich@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.04.2026 Одобрена после рецензирования 09.08.2026 Принята к публикации 25.08.2026

Received 07.04.2026 Approved 09.08.2026 Accepted 25.08.2026

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 33–46.
Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 33–46.

Научная статья
УДК 332.1+339.5+339.9+338.24
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/33-46

Дальний Восток России и Северо-Восток КНР: концептуальные модели торгово-экономических взаимодействий и реальность

Дмитрий Александрович Изотов
Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, izotov@ecrin.ru

Аннотация. Цель – анализ концептуальных моделей совместного развития экономики Дальнего Востока с Северо-Востоком КНР, а также параметров российско-китайских торговых взаимосвязей в данных регионах. Определены основные характеристики концептуальных моделей внешнеэкономических взаимодействий Дальнего Востока с Северо-Востоком КНР: естественная экономическая территория, Япономорское интеграционное кольцо, интеграционная приграничная зона, ресурсный транзит, промышленно-сервисные дуги. Показано, что за последние годы регионы Северо-Востока КНР, особенно Хэйлунцзян, аккумулировали потоки российских сырьевых товаров и нарастили поставки продукции на рынок России, открыв возможности для увеличения приграничной торговли. Определено, что в условиях широкомасштабных санкций против российской экономики доля Китая во внешней торговле Дальнего Востока стала подавляющей, а важность южных дальневосточных регионов как "контактной" зоны для взаимодействия России с китайской экономикой значительно возросла.
Ключевые слова: *торговля, приграничная торговля, внешнеэкономические взаимодействия, модель развития региона, регион, приграничный регион, Северо-Восточная Азия, Китай, Северо-Восток КНР, Россия, Дальний Восток*

Статья подготовлена в рамках государственного задания НИР Института экономических исследований ДВО РАН.

Для цитирования: Изотов Д. А. Дальний Восток России и Северо-Восток КНР: концептуальные модели торгово-экономических взаимодействий и реальность // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 33–46. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/33-46

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/33-46

The Russian Far East and Northeast China: Conceptual Models of Economic Interactions and Reality

Dmitry A. Izotov
Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk, Russia, izotov@ecrin.ru

Abstract. The aim of the study is to analyze conceptual models of joint economic development of the Russian Far East (RFE) with the Northeast China, as well as the dynamics of Russian-Chinese trade relations in these regions. The main characteristics of conceptual models of RFE and Northeast China interactions are defined: Natural Economic Territory; Japan Sea integration ring; Integration Border Zone; Resource Transit; Industrial and Service Arcs. It is shown that in recent years, regions of Northeast China, especially Heilongjiang Province, have accumulated imports of Russian raw materials and increased exports to the Russian market, opening up opportunities for the development of cross-border trade. Under the conditions of large-scale sanctions against the Russian economy, China's share in the RFE's foreign trade has become dominant, and the importance of the southern RFE regions as a "contact" zone for Russia's interaction with the Chinese economy has increased significantly.
Keywords: *trade, border trade, foreign economic interactions, regional development model, region, border region, Northeast Asia, China, Northeast China, Russia, Russian Far East*

The article was prepared within the framework of the state assignment for research of the Institute of Economic Research of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Izotov D. A. The Russian Far East and Northeast China: Conceptual Models of Economic Interactions and Reality // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 33–46.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/33-46

Введение

Интенсивность торгово-экономических связей дальневосточной экономики с сопредельными тихоокеанскими странами на протяжении всей истории была различной по причине как внутренних, так и внешних политических условий и установок. Однако, при прочих равных условиях, тяготение экономики Дальнего Востока[1] к странам АТР, расположенным в Северо-Восточной Азии (СВА), является объективным процессом. Несмотря на то что

[1] Дальний Восток рассматривается в границах Дальневосточного федерального округа (ДФО) по состоянию на 2018 г.: Амурская область, Еврейская автономная область (ЕАО), Забайкальский край, Камчатский край, Магаданская область, Приморский край, Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Сахалинская область, Хабаровский край и Чукотский автономный округ (ЧАО).

© Изотов Д. А., 2026.

развитие Дальнего Востока в советский период диктовалось в том числе оборонными задачами, тем не менее взаимодействие с рядом стран АТР рассматривалось в контексте рационального размещения производительных сил на основе экспорта сырьевых товаров **[14; 26, с. 121]**. Для российского Дальнего Востока начало 1990-х гг. было связано в том числе с переориентацией его экономических связей на рынок стран АТР **[19]**. Начало рыночных реформ придало импульс тенденции расширения внешнеторгового сотрудничества Дальнего Востока со странами СВА, не последнюю роль среди которых играл Китай, а прежде всего его северо-восточные приграничные регионы. Наличие протяжённой государственной границы между южными регионами Дальнего Востока и регионами Северо-Востока КНР (далее – СВК[2]) стало рассматриваться как возможность совместного экономического развития России и Китая на региональном уровне **[20; 24]** в условиях общего политического сближения руководства данных стран **[21; 25]**.

Экономика Дальнего Востока характеризуется малым рынком при выпуске избыточных для собственного потребления сырьевых товаров. Поэтому для реализации сравнительных преимуществ притяжение к ближайшим крупным зарубежным рынкам, в том числе к СВК, отражает естественный процесс развития дальневосточной экономики. Одним из эффективных способов реализации такого рода преимуществ является экономическая открытость, реализуемая посредством как кооперации, так и интеграции, снижающих барьеры для обмена товарами, услугами и факторами производства. Действительно, с одной стороны, оценки товарооборота регионов Дальнего Востока с Китаем **[23]** и регионов СВК с Россией **[28]**, при прочих равных условиях, подтверждают наличие возможностей расширения двусторонних торгово-экономических трансграничных взаимодействий между странами при снижении барьеров. С другой стороны, накоплено определённое число исследований, описывающих особенности экономик Дальнего Востока и СВК, сдерживающих взаимодействия между ними: системные ограничения инвестиционно-экономических взаимосвязей **[12]**; неформальные барьеры приграничного сотрудничества **[16]**; политические, гуманитарные, структурные и институциональные проблемы **[4; 8; 10; 11]**.

При общем понимании наличия барьеров, препятствующих тесному экономическому и гуманитарному взаимодействию регионов двух стран, тем не менее признаётся **[1; 13]**, что для развития трансграничного сотрудничества благоприятным фактором является взаимодополняемость экономик данных территорий России и Китая. Более того, применительно к экономическим взаимодействиям Дальнего Востока с СВК предлагались и обсуждались различные модели, отражающие, пусть в агрегированном виде, разные варианты совместного экономического развития приграничных регионов двух стран **[5]**. Для понимания имеющихся перспектив и ограничений совместного развития регионов двух стран представляется важным соотнесение характеристик данных моделей с реальным процессом экономических взаимодействий Дальнего Востока с СВК. Также важным аспектом является анализ динамики и структуры российско-китайских торговых взаимодействий через СВК и Дальний Восток соответственно в условиях "разворота" экономики России в восточном направлении при ужесточении санкций "западных" стран.

Поэтому целью исследования является анализ концептуальных моделей совместного развития экономики Дальнего Востока с СВК, а также параметров российско-китайских торговых взаимосвязей в рамках данных регионов. Для достижения цели решались следующие задачи: 1) анализ характеристик моделей совместного развития экономики Дальнего Востока с СВК; 2) оценка динамики и структуры торговли приграничных регионов Дальнего Востока и СВК с китайским и российским рынками соответственно. В рамках российского Дальнего Востока приграничными с КНР регионами являются: Забайкальский край, Амурская область, ЕАО, Хабаровский и Приморский края. Соответственно, к приграничным с Россией регионам СВК относятся: АР Внутренняя Монголия, провинции Хэйлунцзян и Цзилинь.

---

[2] СВК включает четыре китайских региона: провинции Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин, а также автономный район (АР) Внутренняя Монголия.

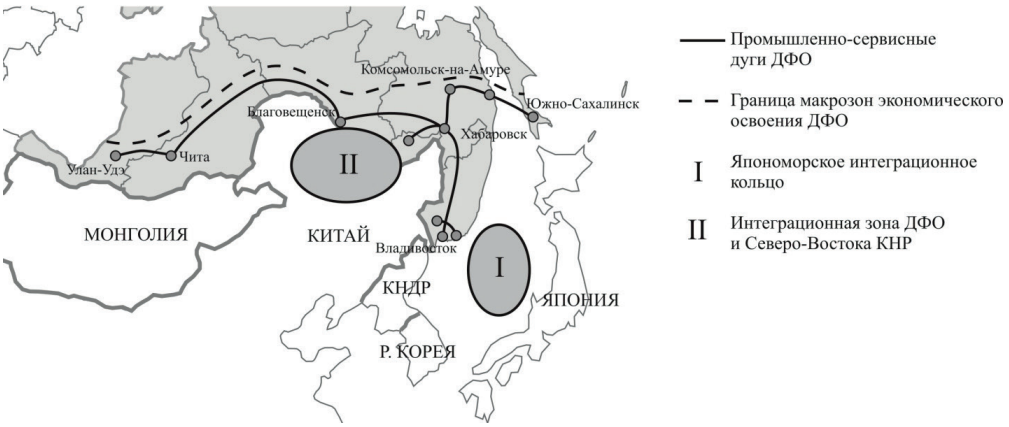

Рис. 1. Некоторые ключевые концептуальные модели внешнеэкономического развития Дальнего Востока России.

Источник: **[22]**.

Fig. 1. Some key conceptual models of RFE economic development with the Northeast Asian countries.

Source: **[22]**.

СВК в моделях внешнеэкономических взаимодействий Дальнего Востока

Во второй половине 1980-х гг. руководством СССР допускалось расширение многостороннего сотрудничества в контексте общей торгово-экономической открытости дальневосточных регионов со странами СВА с опорой на капитал и технологии развитых стран, главным образом Японии. В условиях ослабления геополитической напряжённости между странами СВА в конце 1980-х гг. была выдвинута модель "естественной экономической территории" **[26]** в СВА, предполагающая совместное развитие экономик данной территории на основе взаимодополняющих факторов производства и природных ресурсов[3].

В рамках данной модели сравнительно небольшая обеспеченность трудовыми ресурсами на Дальнем Востоке могла быть компенсирована притоком трудовых мигрантов как из приграничных регионов КНР, так и из КНДР. В дальнейшем, отталкиваясь от общих положений "естественной экономической территории", в СВА была предложена модель "Япономорское интеграционное кольцо" **[19]** на основе совместных инфраструктурных проектов и снижения экономических барьеров *(рис. 1)*.

"Япономорское интеграционное кольцо" охватывало значительную часть юга Дальнего Востока и восточную часть СВК **[29]**. Центральным ядром данной модели являлось создание приграничной и трансграничной транспортно-энергетической инфраструктуры в СВА при основополагающей роли регионов южной части Дальнего Востока. В рамках "Япономорского интеграционного кольца" предполагалось совместное развитие "Туманганского проекта" на стыке государственных границ России, КНР и КНДР **[18, с. 318]**. Однако по политическим и экономическим причинам реализация данного проекта, как и "Япономорского интеграционного кольца", была приостановлена, что объяснялось позицией КНДР, а также диверсификацией транспортных маршрутов и поставок сырьевых товаров ведущими экономиками СВА. Позиция России по участию в "Туманганском проекте" не отличалась большой заинтересованностью ввиду опасений создания прямого конкурента портам юга Дальнего Востока. В таких условиях российская сторона в 2000-е – первой половине 2010-х гг. предприняла действия для перенаправления транзита части грузов СВК через портовую и железнодорожную инфраструктуру юга Приморского края **[5]**. Что касается снижения торгово-экономических барье-

[3] Япония и Республика Корея – избыточные капитал и технологии; КНР – труд, природные ресурсы и капитал; КНДР – труд; Монголия и Тихоокеанская Россия (Дальний Восток) – природные ресурсы.

ров в СВА, то членство стран в ВТО, а в последующем – заключённые торговые и инвестиционные интеграционные соглашения между КНР, Республикой Корея и Японией во второй половине 2000-х – первой половине 2020-х гг. заместили перспективные выгоды от создания "Япономорского интеграционного кольца".

Ослабление экономических связей регионов Дальнего Востока с отечественным рынком и возросшая необходимость насыщения рынка российского макрорегиона потребительскими товарами в первой половине 1990-х гг. привели к развитию приграничной торговли с регионами СВК **[10]**. В условиях снижения государственного "патронажа" над развитием экономики Дальнего Востока появилась модель "интеграционной приграничной зоны" дальневосточных регионов с СВК **[9]**. Данная модель отталкивалась от того, что Китай для Дальнего Востока является потенциально крупным быстрорастущим экономическим партнёром, для эффективного взаимодействия с которым необходима транспортно-транзитная инфраструктура и снижение барьеров для ведения бизнеса. Помимо этого, виделось встречное стремление со стороны Китая по созданию "приграничного пояса открытости" на основе специальных зон с льготными режимами для ведения бизнеса на территории СВК **[11; 15]**. Однако модель "интеграционной приграничной зоны" дальневосточных регионов с СВК перестала быть актуальной по следующим причинам: усиление централизации в России и закрепление тесной связи Дальнего Востока с отечественным рынком; стремление России к диверсификации торгово-экономических связей в пользу АТР. Со второй половины 2000-х гг. интенсификация торговли России с КНР опиралась не на формирование отдельного свободного трансграничного пространства, а на централизованное расширение товарообмена с китайским рынком. В связи с увеличением на российской стороне барьеров взаимодействий с зарубежными странами неизбежно "сжимались" сравнительные масштабы приграничной торговли с КНР в пользу прямых поставок товаров **[8]**. Также в условиях контроля импорта интенсифицировался ввоз продукции на Дальний Восток из других регионов России.

В период поэтапного нивелирования возможностей расширения приграничных экономических связей между дальневосточным югом и СВК, Дальний Восток для России с 2000-х гг. стал восприниматься как один из важных элементов консолидации внешнеторговой и транспортной ренты. В таких условиях была сформулирована модель "ресурсного транзита" для взаимодействия Дальнего Востока с близлежащими зарубежными странами, предполагающая создание магистральных путей экспорта российских сырьевых товаров в СВА, а также поступления китайских товаров на рынок России через территорию макрорегиона **[2; 17]**. Данная модель объективно не придавала значения развитию приграничных торгово-экономических взаимодействий юга Дальнего Востока с СВК, предусматривая создание условий для географической диверсификации экспорта сырьевых товаров на рынок АТР в целом, без какой-либо привязки к отдельному рынку, в том числе к китайскому.

При отсутствии возможностей развития приграничного сотрудничества на региональном уровне с середины 2000-х гг. модели расширения внешних экономических взаимодействий Дальнего Востока стали отталкиваться от возможностей переработки сырьевых товаров на территории дальневосточного юга для экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью, в том числе на китайский рынок. Для этого регионы юга Дальнего Востока при прочих равных условиях должны были аккумулировать необходимые ресурсы: капитал, технологии и рабочую силу из российских и зарубежных источников. В рамках такого подхода была предложена модель "промышленно-сервисных дуг" **[13]** Дальнего Востока на основе эксплуатации транспортно-энергетического коридора России со странами СВА, что могло способствовать трансформации части торговых потоков в продукцию и услуги. Одним из важных аспектов данной модели являлось разделение Дальнего Востока на макрозоны экономического северную, предполагающую очаговое развитие, и южную – с опорой – с опорой на крупнейшие агломерации макрорегиона. Развитие "промышленно-сервисных дуг" Дальнего Востока могло быть осуществлено в южной макрозоне, включая приграничную с СВК территорию, в рамках свободных экономических зон. Последующие попытки программных взаимодействий между странами указали на наличие системных и институциональных

ограничений экономического сотрудничества на региональном уровне **[6]**: отсутствие налоговых льгот и снятия барьеров для перемещения факторов производства; привязка к реализации конкретных проектов с высокими рисками; слабая вовлечённость частного бизнеса; невозможность децентрализации внешнеэкономических взаимодействий.

Далее, по причине резкого расхождения России с "западными" странами, со второй половины 2010-х гг. китайское направление в российской внешнеэкономической политике стало актуальным, что отразилось в ускоренном возведении транзитной инфраструктуры экспорта углеводородного сырья на рынок Китая[4], а также в замещении аналогами из КНР продукции "западных" стран. Ввиду отсутствия необходимого капитала, технологий, а также высоких рисков в экономике в целом создание территорий опережающего развития на Дальнем Востоке, предполагающих особые условия для бизнеса за счёт государственных инвестиций, в условиях санкций с 2014 г. в целом не привело к реализации модели "промышленно-сервисных дуг". В приграничных регионах Дальнего Востока стали создаваться единичные проекты по переработке небольшой части сырьевых товаров в продукцию с более высокой добавленной стоимостью, например, переработка природного газа в Амурской области. Однако ввиду высокой автономности данных проектов, осуществляемых на средства российских компаний федерального уровня, их значение в генерации системных эффектов для экономики приграничных регионов Дальнего Востока оставалось незаметным.

Российско-китайская торговля через СВК и Дальний Восток

Основными фундаментальными факторами, способствующими развитию торговли между странами (между регионами двух стран), являются **[30]**: территориальная близость, наличие сухопутной государственной границы, снижение тарифных и нетарифных барьеров, размер экономик. Следует заметить, что СВК является самым близким зарубежным рынком для большинства регионов юга Дальнего Востока. При этом по состоянию на 2024 г. только на территории некоторых приграничных дальневосточных регионов имелись грузопассажирские круглогодичные сухопутные пункты пропуска через государственную границу с Китаем: железнодорожный и автомобильный в Забайкальском и Приморском краях, автомобильный – в Амурской области; железнодорожный – в ЕАО. Важной проблемой в экономических взаимодействиях России и КНР является наличие тарифных и нетарифных барьеров по причине отсутствия зоны свободной торговли между Китаем и странами Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в котором принимает участие российская сторона[5].

Экономика СВК заметно превосходила дальневосточную: ВРП СВК в текущих ценах составил к 2024 г. 1247,5 млрд долл.[6], увеличившись в 20 раз по сравнению с 1992 г. (62,0 млрд)[7], ВРП Дальнего Востока 127,2 млрд долл.[8],

---

[4] Ответвление нефтепровода "Восточная Сибирь – Тихий океан", газопровод "Сила Сибири".

[5] Тем не менее две страны являются участницами ВТО, решая возникающие торговые споры как на двустороннем уровне, так и используя механизмы глобального интеграционного формата.

[6] По состоянию на 2024 г.: Ляонин – 453,2 млрд долл., АР Внутренняя Монголия – 365,7 млрд долл., Хэйлунцзян – 229,0 млрд долл., Цзилинь – 199,6 млрд. долл. Рассчитано по данным Национального статистического бюро КНР.

[7] По состоянию на 1992 г.: Ляонин – 26,7 млрд долл., АР Внутренняя Монголия – 7,6 млрд долл., Хэйлунцзян – 17,5 млрд долл., Цзилинь – 10,1 млрд долл. Рассчитано по: данные Национального статистического бюро КНР.

[8] По состоянию на 2024 г.: Амурская область – 11,0 млрд долл., ЕАО – 1,2 млрд долл., Забайкальский край – 9,8 млрд долл., Камчатский край – 5,0 млрд долл., Магаданская область – 5,7 млрд долл., Приморский край – 23,1 млрд долл., Республика Бурятия – 6,2 млрд долл., Республика Саха (Якутия) – 27,3 млрд долл., Сахалинская область – 18,1 млрд долл., Хабаровский край – 17,1 млрд долл., ЧАО – 2,4 млрд долл. Рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики России.

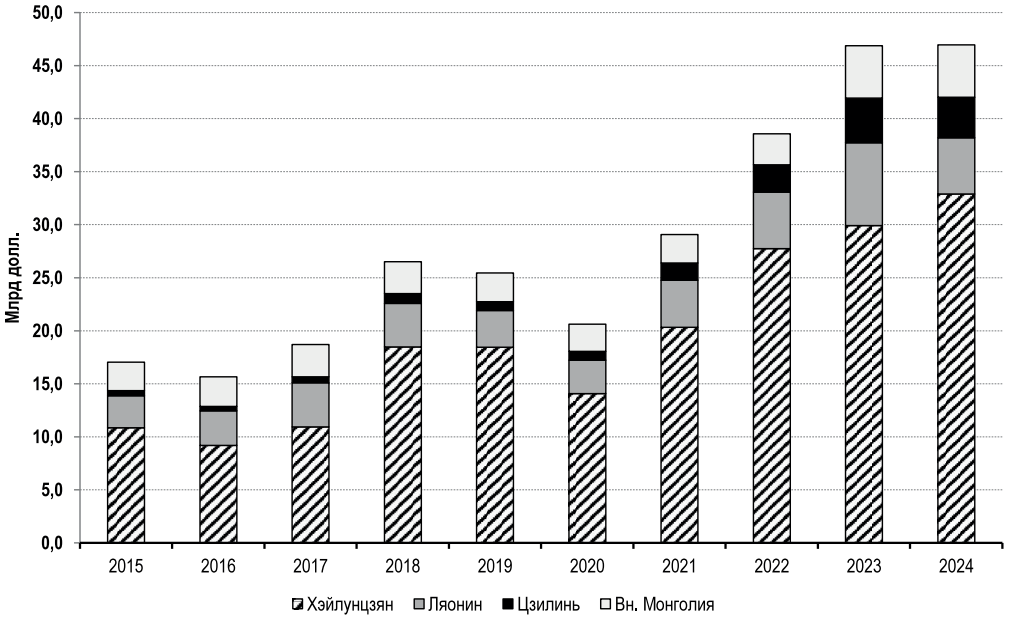

Рис. 2. Товарооборот регионов СВК с Россией.

Источник: данные Главного таможенного управления КНР.

Fig. 2. Trade turnover between the regions of Northeast China and Russia.

Source: data from the General Administration of Customs of the PRC.

превосходя в 6 раз значения 1992 г. (21,7 млрд)[9]. Экономика приграничных регионов СВК превосходила экономику дальневосточных регионов в 1992 г. менее чем в 3 раза, а к 2024 г. – почти в 13 раз. Следует заметить, что по размеру ВРП большая часть экономики Дальнего Востока к 2024 г. генерировалась в северных регионах, в которых проживало менее 37% населения макрорегиона, но производился основной объём экспортных сырьевых товаров. В приграничных регионах СВК к 2024 г. проживало 79,6 млн человек, что в 16 раз превосходит соответствующий показатель по приграничным дальневосточным регионам. По среднедушевому ВРП, несмотря на большой разброс показателя по регионам[10], Дальний Восток превосходил СВК. К 2024 г. по размеру среднедушевого ВРП в СВК лидировал АР Внутренняя Монголия (14 879 долл.), далее следовали провинции Ляонин (10 598 долл.), Хэйлунцзян (10 104 долл.) и Цзилинь (7345 долл.). За 2010-е – первую половину 2020-х гг. значения среднедушевого ВРП приграничных с КНР дальневосточных регионов в целом были сопоставимы с китайскими, указывая на наличие платёжеспособного спроса по обе стороны границы и, соответственно, возможностей развития и расширения двусторонних экономических взаимодействий.

В соответствии с данными статистики внешней торговли КНР, товарооборот СВК с Россией к 2024 г. составил 47,0 млрд долл., из которого на приграничные с Дальним Востоком регионы Китая (за исключением Ляонина)

[9] По состоянию на 1992 г.: Амурская область – 1,9 млрд долл., ЕАО – 0,3 млрд долл., Забайкальский край – 1,9 млрд долл., Камчатский край – 0,9 млрд долл., Магаданская область – 0,9 млрд долл., Приморский край – 4,1 млрд долл., Республика Бурятия – 2,5 млрд долл., Республика Саха (Якутия) – 3,4 млрд долл., Сахалинская область – 1,2 млрд долл., Хабаровский край – 4,4 млрд долл., ЧАО – 0,2 млрд долл. Рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики России.

[10] По состоянию на 2024 г.: Республика Бурятия – 6430 долл.; ЕАО – 8537 долл.; Забайкальский край – 9984 долл.; Приморский край – 12 820 долл.; Хабаровский край – 13 421 долл.; Амурская область – 14 726 долл.; Камчатский край – 17 430 долл.; Республика Саха (Якутия) – 27 166 долл.; Сахалинская область – 39 605 долл.; Магаданская область – 42 345 долл.; ЧАО – 50 674 долл.

Табл. 1. Доля регионов СВК в торговле с Россией
Table 1. Share of the Regions of Northeast China in trade with Russia

Регион	Доля %	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
АР Внутренняя Монголия	1	1,7	1,7	1,2	0,8	0,8	0,8	0,8	1,0	2,3	2,5
	2	10,7	14,4	10,2	7,1	7,1	7,9	7,4	8,6	23,2	23,9
	3	6,2	6,7	6,1	4,4	3,8	3,7	2,7	1,9	1,8	1,6
	4	29,2	29,7	28,2	26,1	22,0	21,1	18,2	15,9	14,0	12,0
Ляонин	1	2,7	2,1	2,2	2,3	2,3	1,8	1,7	2,2	1,8	1,9
	2	1,8	1,8	2,1	2,3	2,5	2,3	2,3	3,1	4,1	4,2
	3	6,3	7,6	7,7	5,1	3,8	3,9	4,1	3,2	4,5	2,4
	4	4,6	5,7	5,8	4,6	3,9	4,0	4,8	5,7	9,8	5,7
Цзилинь	1	0,7	0,4	0,4	0,4	0,5	0,5	0,7	1,3	2,6	2,2
	2	5,3	3,7	3,8	3,9	5,2	5,9	8,4	12,9	32,4	27,1
	3	0,8	0,9	1,0	1,3	1,0	1,0	1,5	1,4	1,0	1,0
	4	1,8	2,0	2,8	4,7	4,2	4,1	6,6	10,1	8,9	8,2
Хэйлунцзян	1	6,8	4,6	3,6	2,4	2,9	2,7	2,4	3,4	3,7	4,5
	2	29,3	33,8	29,9	25,4	28,6	26,2	23,9	31,5	37,9	42,9
	3	25,5	23,2	22,7	29,3	27,8	22,1	23,5	22,0	20,0	21,3
	4	65,5	65,1	68,3	78,8	77,2	74,6	78,0	79,8	81,8	87,4

Примечание: 1 – доля региона в экспорте из Китая в Россию; 2 – доля России в экспорте региона; 3 – доля региона в импорте в Китай из России; 4 – доля России в импорте региона.

Источник: рассчитано по данным Главного таможенного управления КНР.

Note: 1 – the region's share in China's exports to Russia; 2 – Russia's share in the region's exports; 3 – the region's share in China's imports from Russia; 4 – Russia's share in the region's imports.

Source: calculated based on data from the General Administration of Customs of the People's Republic of China.

приходилось 41,7 млрд долл., что увеличилось по сравнению с 2015 г. в 2,8 и 3 раза соответственно. После сокращения торговли в 2020 г., т. е. в первый год пандемии COVID-19, с 2021 г. товарооборот СВК с российским рынком показал существенный рост в первые два года широкомасштабных санкций против России со стороны "западных" стран, введённых в 2022 г. *(рис. 2)*.

Основная доля в товарообороте регионов СВК с российским рынком приходилась на Хэйлунцзян, составив 70,0% к 2024 г., что объясняется наращиванием поставок углеводородного сырья из сибирских регионов и Якутии по созданной трубопроводной инфраструктуре. Также после значительного сокращения поставок сибирской и дальневосточной лесной продукции на японский рынок Хэйлунцзян постепенно стал важнейшим конечным и промежуточным рынком сбыта для данных товаров из России.

Доля российской продукции в импорте Хэйлунцзяна к 2024 г. составила 87,4%, увеличившись почти на 22 п. п. с 2015 г. В условиях соблюдения карантинных мер в рамках пандемии COVID-19, а далее – широкомасштабных санкций против российской экономики, за счёт опережающих поставок сырой нефти и нефтепродуктов из России в приморские регионы КНР и в Синьцзян-Уйгурский АР, доля Хэйлунцзяна в импорте из России в Китай сократилась с 27,8% в 2019 г. до 21,3% в 2024 г. (табл. *1*).

При некотором росте стоимостных объёмов доля России в импорте АР Внутренняя Монголия тем не менее также сократилась при наращивании интенсивности поставок российских товаров в другие регионы КНР. Доля России в импорте Цзилиня была небольшой, однако в рамках СВК данный ки-

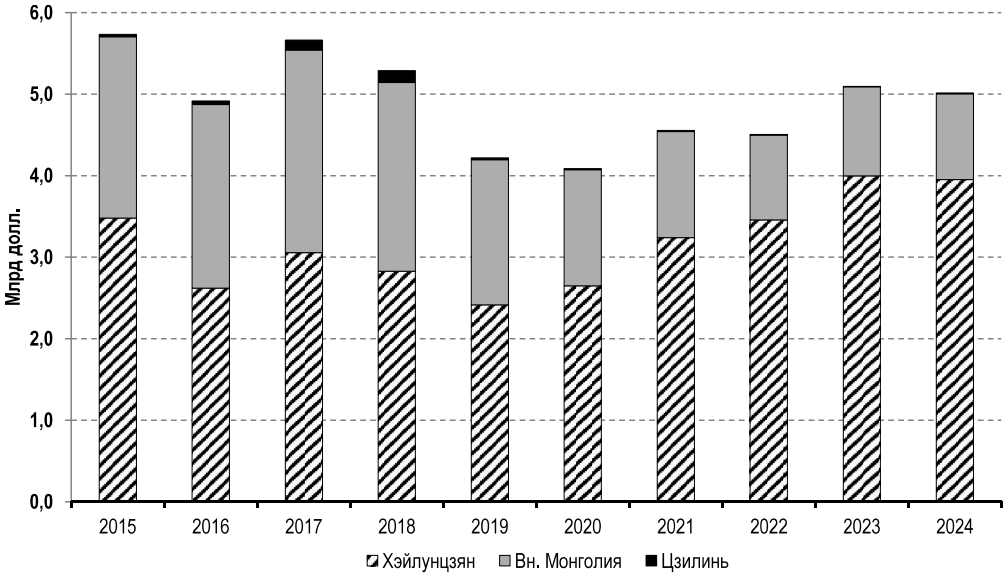

Рис. 3. Приграничная торговля регионов СВК с Россией
Источник: данные Главного таможенного управления КНР.
Fig. 3. Border trade between the regions of Northeast China and Russia
Source: data from the General Administration of Customs of the People's Republic of China.

тайский регион стал основным импортёром российской рыбной продукции по транспортному коридору "Приморье-2".

В условиях санкций появилась также потребность в насыщении российского рынка потребительскими и инвестиционными товарами для замещения продукции "западных" стран. При том что основная доля в экспорте на российский рынок традиционно приходилась на приморские регионы Китая - провинции Гуандун, Чжецзян и Цзянсу, а также город центрального подчинения Шанхай **[7]**), регионы СВК также нарастили поставки в Россию в условиях санкций. Так, к 2024 г. доля России в экспорте провинции Хэйлунцзян достигла 42,9%, Цзилинь – 27,1%, АР Внутренняя Монголия – 23,9% за счёт поставок потребительских и инвестиционных товаров, производимых, в том числе, в данных приграничных регионах КНР.

Поскольку ранее имелись свидетельства функционирования "промышленных дуг" в Хэйлунцзяне вдоль границы **[3]**, в рамках которых, пусть в ограниченном масштабе, перерабатывались сырьевые товары из сибирских и дальневосточных регионов для внутреннего китайского рынка, в условиях разворота российской экономики к Китаю для приграничных регионов СВК появилась возможность более масштабного использования потока сырьевых товаров из России для извлечения добавленной стоимости, качественного улучшения и общей оптимизации региональных экономик.

На фоне расширяющейся торговли между СВК и Россией масштаб приграничного товарооборота данных китайских регионов с российским рынком, а по сути, с ближайшими регионами Дальнего Востока, стал выглядеть довольно скромно. Так, в 2024 г. стоимостной объём приграничной торговли регионов СВК с Россией составил 5,3 млрд долл. *(рис. 3)* или 12,0% товарооборота данных приграничных китайских регионов с российским рынком, снизившись с 40,9% в 2015 г.

Доля России[11] в суммарной приграничной торговле Китая с зарубежными странами была небольшой, составив лишь 8,6% в 2024 г., заметно уступая Казахстану (26,4%), Вьетнаму (25,6%) и Киргизии (24,8%). Поскольку приграра-

[11] В рамках приграничной торговли только регионов СВК, за исключением Синьцзян-Уйгурского АР.

Табл. 2. Доля регионов СВК в приграничной торговле с Россией
Table 2. Share of the Regions of Northeast China in border trade with Russia

Регион	Доля %	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
АР Внутренняя Монголия	1	12,8	12,1	11,6	11,4	12,5	13,0	9,8	8,9	9,6	11,1
	2	57,5	64,9	64,2	60,2	61,9	43,8	39,4	36,1	39,5	42,1
	3	47,8	53,0	51,1	48,2	47,2	41,5	35,9	31,3	30,9	32,7
	4	74,8	72,3	55,5	46,7	37,9	40,5	41,1	23,6	19,0	21,2
Цзилинь	1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	<0,1	0,1	0,1	<0,1
	2	1,7	2,0	2,2	2,6	3,7	25,2	93,1	97,8	9,7	<0,1
	3	0,7	1,1	2,8	3,4	0,6	0,5	0,5	0,3	0,2	0,6
	4	18,4	26,8	48,8	86,1	51,8	79,9	85,6	74,3	59,6	42,5
Хэйлунцзян	1	64,2	43,3	49,5	33,6	38,0	74,9	74,3	79,5	79,7	78,8
	2	100,0	100,0	100,0	100,0	99,9	99,9	99,2	99,1	99,3	100,0
	3	50,7	45,0	44,8	47,2	51,3	57,4	63,6	68,1	68,8	66,5
	4	99,6	97,9	99,9	98,9	99,2	99,9	99,7	99,6	99,8	99,8

Примечание: 1 – доля региона в экспорте (в рамках приграничной торговли) из Китая в Россию; 2 – доля России в экспорте региона (в рамках приграничной торговли); 3 – доля региона в импорте (в рамках приграничной торговли) в Китай из России; 4 – доля России в импорте (в рамках приграничной торговли) региона. Помимо трёх регионов СВК приграничную торговлю с Россией также осуществляет Синьцзян-Уйгурский АР.

Источник: рассчитано по данным Главного таможенного управления КНР.

Note: 1 – the region's share in China's exports to Russia (within the framework of border trade); 2 – Russia's share in the region's exports (within the framework of border trade); 3 – the region's share in China's imports from Russia (within the framework of border trade); 4 – Russia's share in the region's imports (within the framework of border trade). In addition to the three regions of Northeast China, the Xinjiang Uyghur Autonomous Region also engages in border trade with Russia.

Source: calculated based on data from the General Administration of Customs of the People's Republic of China.

ничная торговля Китая с Казахстаном и Киргизией с 2022 г. резко возросла, данное обстоятельство даёт основание утверждать, что определённая часть товаров из Синьцзян-Уйгурского АР через ЕАЭС, в который входит Россия, стала поступать на российский рынок в условиях широкомасштабных санкций. Следует заметить, что на приграничную торговлю китайских регионов, как и на товарооборот СВК с Россией в целом, сдерживающее влияние оказало периодическое закрытие границ в связи с пандемией COVID-19. Тем не менее, по отношению к 2015 г. общее сокращение объёма приграничной торговли СВК с Россией происходило за счёт снижения взаимодействий со стороны АР Внутренняя Монголия и провинции Цзилинь. При этом наблюдался рост приграничной торговли с Россией до 4,0 млрд в 2024 г. для Хэйлунцзяна, доля которого в рамках СВК выросла до 77,0% *(табл. 2)*.

В результате в суммарном объёме приграничной торговли КНР с Россией на Хэйлунцзян к 2024 г. приходилось 78,8% экспорта и 66,5% импорта, на Внутреннюю Монголию – 11,1% и 32,7%, а на Цзилинь – менее 0,1% и 0,6% соответственно. Более детальный анализ показал, что до 2022 г. включительно в приграничной торговле СВК с Россией доминировали поставки российских сырьевых товаров, главным образом лесной продукции. С 2023 г. за счёт вывоза из Хэйлунцзяна разнообразной промышленной продукции в Россию приграничная торговля СВК стала также заметным источником поставок товаров

Табл. 3. Товарооборот регионов Дальнего Востока с Китаем, млрд долл.
Table 3. Trade turnover between RFE regions and China, bln USD

Регион	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Всего по регионам Дальнего Востока	11,0	10,1	12,9	17,1	17,1	15,8	22,7
Всего по приграничным с КНР регионам	5,5	5,0	6,3	7,6	6,8	7,2	9,2
Приморский край	3,7	2,9	3,3	4,1	4,2	4,2	5,1
Забайкальский край	0,5	0,5	0,7	0,9	0,9	1,4	1,8
Хабаровский край	0,7	1,1	1,6	1,9	1,0	0,9	1,2
Амурская область	0,5	0,4	0,5	0,6	0,5	0,5	0,6
ЕАО	0,1	0,1	0,2	0,2	0,1	0,2	0,4
Всего по остальным регионам	5,5	5,1	6,6	9,5	10,3	8,5	13,6
Республика Саха (Якутия)	3,9	3,5	4,7	6,7	7,2	5,3	10,4
Сахалинская область	1,0	1,0	1,2	1,9	2,2	1,9	2,0
Республика Бурятия	0,2	0,2	0,3	0,4	0,3	0,6	0,6
ЧАО	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,3
Камчатский край	0,2	0,2	0,3	0,4	0,4	0,4	0,2
Магаданская область	<0,1	<0,1	<0,1	<0,1	0,1	0,1	<0,1

Источник: рассчитано по данным Федеральной таможенной службы и отраслевой статистики России.
Source: calculated based on data from the Federal Customs Service and Russian sectoral statistics.

на рынок сопредельных с Китаем российских регионов, превзойдя по объёму встречный поток сырьевого импорта[12] с российской территории[13].

Что касается России, то с марта 2022 г. таможенная статистика торговли российских регионов не публикуется ввиду конфиденциальности информации. Анализ таможенной статистики России показал, что товарооборот приграничных дальневосточных регионов с Китаем уступал остальным регионам Дальнего Востока по состоянию на 2021 г. *(табл. 3)*.

Главной причиной сложившегося дисбаланса между приграничными и остальными регионами Дальнего Востока в торговле с КНР являлось наращивание поставок углеводородного сырья из Якутии на китайский рынок через Хэйлунцзян. Помимо этого, осуществлялись поставки сырой нефти и сжиженного природного газа из Сахалинской области в приморские провинции Китая, которые предъявляли высокий платёжеспособный спрос на такую продукцию. Из приграничных дальневосточных регионов традиционно большую долю в торговле с Китаем занимал Приморский край благодаря развитой портовой и железнодорожной инфраструктуре, позволяющей ввозить из КНР различную продукцию и экспортировать сырьевые товары из других российских регионов. Также был заметен товарооборот с КНР Забайкальского края, на территории которого расположены крупнейший железнодорожный переход с АР Внутренняя Монголия и предприятия горно-обогатительного комплекса с прямыми инвестициями из Китая, и Хабаровского края – за счёт экспорта нефтепродуктов и лесной продукции. ЕАО и Амурская область в данный период преимущественно экспортировали в Китай продукцию сельского хозяйства, а также лесного комплекса.

[12] В рамках приграничной торговли.

[13] По состоянию на 2024 г. для регионов СВК в рамках приграничной торговли с Россией их экспорт составил 3,0 млрд долл., импорт – 2,2 млрд долл. соответственно (на Хэйлунцзян приходилось 2,6 млрд долл. экспорта и 1,5 млрд долл. импорта).

Доля Китая в торговле всех регионов Дальнего Востока к 2021 г. стала довольно заметной, особенно для ряда приграничных с ним дальневосточных регионов – ЕАО, Забайкальского края и Амурской области. Для остальных дальневосточных регионов доля Китая в импорте в целом была небольшой за счёт больших объёмов поставок инвестиционных товаров из других стран для поддержания инфраструктуры добычи нефти и природного газа на шельфе Сахалинской области, а также для горнодобывающих комплексов в северных регионах Дальнего Востока. В рамках "ресурсного транзита" для России в целом важность регионов Дальнего Востока при взаимодействии с КНР заключалась прежде всего в наращивании чистого экспорта, главным образом за счёт поставок углеводородного сырья из Якутии, а также, в меньшей степени, Сахалинской области и некоторых приграничных с Китаем дальневосточных регионов. Доля приграничных регионов Дальнего Востока в импорте из КНР для российской экономики была небольшой и заметной только для Приморского края, выполняющего функции транзитной территории для поставок товаров из Китая по морю на российский рынок.

Однако после 2022 г. Китай стал крупнейшим российским торговым партнёром на фоне вводимых широкомасштабных санкций против России. В таких условиях для России южные регионы Дальнего Востока стали рассматриваться как важное звено переключения на тихоокеанское направление сырьевых товаров, ранее поступавших на европейский рынок, а также для наращивания импорта из Китая и других стран АТР с целью восполнения рыночных ниш ввозимой ранее продукции из Европейского союза и США. По имеющимся оценкам, с 2023 г. по настоящее время Китай занял основную долю во внешнем товарообороте Дальнего Востока (свыше 70%), став главным покупателем сырой нефти макрорегиона, свободный экспорт которой из России ограничен санкциями "западных" стран, при диспаритете цен в пользу китайского рынка. Для активизации трансграничных перевозок российская сторона также вела переговоры с КНР об открытии дополнительных пунктов пропуска на границе двух стран в Амурской области и Хабаровском крае, а регионы СВК стали для Дальнего Востока важнейшим источником импорта и транспортным "хабом" для авиаперевозок в страны АТР.

Заключение

Развитие форм экономического сотрудничества между регионами юга Дальнего Востока и СВК находится в прямой зависимости от внутренних процессов в России и Китае. В моделях внешнеэкономических взаимодействий Дальнего Востока роль СВК была различной. В модели "естественной экономической территории" в СВА СВК рассматривается для Дальнего Востока как донор рабочей силы и капитала, при этом в рамках "Япономорского интеграционного кольца" и "интеграционной приграничной зоны" – как партнёр в создании безбарьерного экономического пространства и совместной инфраструктуры. Модель "ресурсного транзита" рассматривала взаимодействия Дальнего Востока и СВК как косвенные, в условиях развития инфраструктуры экспорта сырьевых товаров в СВА в целом и на китайский рынок в частности. В последствии, в рамках модели "промышленно-сервисных дуг", СВК для Дальнего Востока, с одной стороны, рассматривался как прямой конкурент в переработке части потока сырьевого экспорта, следующего из других российских регионов через дальневосточный юг в страны АТР, с другой – как один из рынков сбыта для продукции переработки.

Анализ показал на наличие условий притяжения торговли Дальнего Востока к СВК. С момента ухудшения политических отношений России с "западными" странами, регионы СВК, особенно Хэйлунцзян, стали бенефициарами консолидации, переработки и распределения на китайском рынке сырьевых товаров из России в целом и из Дальнего Востока в частности, особенно после введённых с 2022 г. санкций против российской экономики. Санкции против российской экономики, создав барьеры для взаимодействий с большинством "западных" стран, открыли возможности для увеличения приграничной торговли с Хэйлунцзяном. В таких условиях доля Китая в торговле Дальнего Востока стала подавляющей, а значение южных дальневосточных регионов как "контактной" зоны для взаимодействия с китайской экономикой возросло, способствуя наращиванию государственных инвестиций в транс-

портную инфраструктуру макрорегиона для расширения транзитных потоков с КНР. При этом следует понимать, что, несмотря на имеющиеся потребности южных регионов Дальнего Востока, в развитии приграничного сотрудничества с регионами СВК, ограниченность возможностей для такого рода взаимодействий на региональном уровне представляет собой одну из системных характеристик российской внешнеэкономической политики, проявляющейся в жёстком контроле над внешнеторговыми потоками, являясь одной из черт развития национальной экономики с сырьевой доминантой экспорта и масштабного перераспределения рентных платежей через центральный бюджет.

Литература / References

1. Бакланов П. Я., Ларин В. Л. Российско-китайское сотрудничество: долгосрочные предпосылки и направления // Пространственное развитие Тихоокеанской России: структурные особенности, факторы, основные направления / под ред. П. Я. Бакланова, А. В. Мошкова. Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2023. С. 143–160.
   Baklanov P. Y., Larin V. L. Russian-Chinese cooperation: long-term prerequisites and directions // Spatial development of Pacific Russia: structural features, factors, main directions / ed. by P. Y. Baklanov, A. V. Moshkov. Vladivostok: TIG FEB RAS, 2023. P. 143–160. (In Russ.)
2. Восточный вектор энергетической стратегии России: современное состояние взгляд в будущее / под ред. Н. И. Воропая, Б. Г. Санеева. Новосибирск: Гео, 2011. 368 с.
   The Eastern Vector of Russia's Energy Strategy: Current State and Outlook for the Future / ed. by N. I. Voropai, B. G. Saneev. Novosibirsk: Geo, 2011. 368 p. (In Russ.)
3. Е Сяофэн. Создать открытую зону в пограничных районах, способствовать развитию районной экономики // Сборник сочинений IV Международного форума по региональному сотрудничеству и развитию между Китаем и Россией. Харбин, 2006. С. 84–86.
   Ye X. To create an open zone in border areas and to promote the development of regional economies // Proceedings of the IV International Forum on Regional Cooperation and Development between China and Russia. Harbin, 2006. P. 84–86. (In Russ.)
4. Ивасита А. 4000 километров проблем. Российско-китайская граница. М.: АСТ Восток-Запад, 2006. 336 с.
   Ivashita A. 4000 kilometers of problems. Russian-Chinese border. Moscow: AST East-West, 2006. 336 p. (In Russ.)
5. Изотов Д. А. Генезис политики экономических взаимодействий России со странами АТР: случай Дальнего Востока. *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 2. С. 124–137. https://doi.org/10.31857/S013128120014753-9
   Izotov D. A. Directions of economic interactions between Russia and the APR countries: the case of the Russian Far East. *Problemy Dalnego Vostoka [Far Eastern Studies]*. 2021. No. 2. P. 124–137. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S013128120014753-9
6. Изотов Д. А. Программа сотрудничества между Востоком России и Северо-Востоком Китая: настоящее и будущее. *Пространственная экономика*. 2014. № 2. С. 149–176. https://doi.org/10.14530/se.2014.2.149-176
   Izotov D. A. Program of Regional Collaboration between Eastern Part of Russia and Northeast China: Present and Future. *Prostranstvennaya Ekonomika [Spatial Economics].* 2014. No. 2. P. 149–176. (In Russ.) https://doi.org/10.14530/se.2014.2.149-176.
7. Изотов Д. А. Специфика кластерных структур в китайской экономике. *Регионалистика*. 2015. Т. 2. № 3. С. 18–38.
   Izotov D. A. Specificity of Cluster Structures in the Chinese Economy. *Regionalistica*. 2015. Vol. 2. No. 3. P. 18–38. (In Russ.)
8. Изотов Д. А., Юн С. Е. Приграничное сотрудничество как объект исследования. *Ойкумена. Регионоведческие исследования.* 2011. № 4. С. 8–21.
   Izotov D. A., Yun S. E. Cross-border cooperation as an object of research. *Ojkumena. Regional Researchers.* 2011. No. 4. P. 8–21. (In Russ.)
9. Ишаев В. И., Минакир П. А. Дальний Восток России: реальности и возможности экономического развития. Хабаровск: ДВО РАН, 1998. 140 с.
   Ishaev V.I ., Minakir P. A. The Russian Far East: Realities and Possibilities of Economic Development. Khabarovsk: FEB RAS, 1998. 140 p. (In Russ.)
10. Ларин В. Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 1998. 284 с.
    Larin V. L. China and the Russian Far East in the first half of the 90s: problems of regional interaction. Vladivostok: Dal'nauka, 1998. 284 p. (In Russ.)
11. Ларин В. Л. На обочине глобальных политик: российско-китайское взаимодействие в Северо-Восточной Евразии // Десятилетие обманутых ожиданий: Тихоокеанская Азия и Тихооке-

анская Россия между двумя глобальными кризисами. Владивосток: ИП Шульга В. Б., 2022. С. 420–450.
Larin V. L. On the Margins of Global Politics: Russian-Chinese Interaction in Northeastern Eurasia // A Decade of Disappointed Expectations: Pacific Asia and Pacific Russia between Two Global Crises. Vladivostok: SP Shul'ga V. B., 2022. P. 420–450. (In Russ.)
12. Минакир П. А. Россия–Китай на Дальнем Востоке: мнимые страхи и реальные угрозы. *Пространственная экономика.* 2009. № 3. С. 7–19. https://doi.org/10.14530/se.2009.3.007-019
Minakir P. A. Russia and China in the Far East: Virtual Fears and Real Threats. *Prostranstvennaya Ekonomika [Spatial Economics].* 2009. No. 3. P. 7–19. (In Russ.) https://doi.org/10.14530/se.2009.3.007-019.
13. Минакир П. А. Экономика регионов. Дальний Восток / отв. ред. А. Г. Гранберг; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: ЗАО "Издательство "Экономика", 2006. 848 с.
Minakir P. A. Economy of Regions. Far East / ed. by A. G. Granberg. Moscow: Economika Publishing House, 2006. 848 p. (In Russ.)
14. Немчинов В. С. Теоретические вопросы рационального размещения производительных сил. *Вопросы экономики.* 1961. № 6. С. 3–15.
Nemchinov V. S. Theoretical issues of rational allocation of productive forces. *Voprosy ekonomiki.* 1961. No. 6. P. 3–15. (In Russ.)
15. Рыжова Н. П. Развитие окраинных регионов КНР: роль "приграничного пояса открытости". *Пространственная экономика.* 2008. № 4. С. 36–59. https://doi.org/10.14530/se.2008.4.036-059
Ryzhova N. P. Developing China's Marginal Regions: The Role of "The Open Border Belt". *Prostranstvennaya Ekonomika [Spatial Economics].* 2008. No. 4. P.36–59. (In Russ.) https://doi.org/10.14530/se.2008.4.036-059.
16. Рыжова Н. П. Экономическая интеграция приграничных регионов / отв. ред. акад. РАН Минакир П. А. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013. 352 с.
Ryzhova N. P. Economic integration of border regions / ed. by P. A. Minakir. Khabarovsk: ERI FEB RAS, 2013. 352 p. (In Russ.)
17. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П. А. Минакира, В. И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.
The Synthesis of scientific-technical and economic forecasts: Pacific Russia – 2050 / ed. by P. A. Minakir, V. I. Sergienko. Vladivostok: Dal'nauka, 2011. 912 p. (In Russ.)
18. Экономическая интеграция: пространственный аспект / общ. ред. П.А. Минакира. Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: ЗАО "Издательство "Экономика", 2004. 352 с.
Economic integration: spatial aspect / ed. by P. A. Minakir. Moscow: Economika Publishing House, 2004. 352 p. (In Russ.)
19. Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / отв. ред. П. А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН; Фонд мира Сасакава. Хабаровск: РИОТИП, 2007. 208 с.
Economic cooperation between the Russian Far East and APR countries / ed. by P. A. Minakir. Khabarovsk: RIOTIP, 2007. 208 p. (In Russ.)
20. Chang D. The Russian Far East and Northeast Asia: An Emerging Cooperative Relationship and Its Constraints. *Asian Perspective.* 2002. Vol. 26, No. 2. P. 41–75. https://dx.doi.org/10.1353/apr.2002.0023.
21. Izotov D. A. Liberalization of Russia's Trade with the European Union, BRICS, and Trans-Pacific Partnership Countries. *Studies on Russian Economic Development.* 2017. Vol. 28, No. 3. P. 338–345. https://doi.org/10.1134/S1075700717030078
22. Izotov D. A. The Russian Far East as a Border Macroregion in the Asia-Pacific. *Regional Research of Russia.* 2024. Vol. 14, No. 2. P. 262–271. https://doi.org/10.1134/S2079970524600136
23. Izotov D.A., Tochkov K.I. Interaction of the Russian Far East and Asia-Pacific Countries: Assessment of Institutional and Tariff Barriers to Trade. *Regional Research of Russia.* 2020. Vol. 10, No. 2. P. 182–193. https://doi.org/10.1134/S2079970520020069
24. Kerr D. Opening and closing the Sino-Russian border: Trade, regional development and political interest in North-East Asia. *Europe-Asia Studies.* 1996. Vol. 48, No. 6. P. 931–957. https://doi.org/10.1080/09668139608412392
25. Malle S. Russia and China in the 21st century. Moving towards cooperative behavior. *Journal of Eurasian Studies.* 2017. Vol. 8, No. 2. P. 136–150. https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.02.003
26. Scalapino R. A. The Politics of Development: Perspectives on Twentieth-Century Asia. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1989. 137 p.
27. Stephan J. J., Chichkanov V. P. Soviet-American Horizons on the Pacific. University of Hawaii Press, 1986. 182 p.
28. Tochkov K. Trade Efficiency, Cross-Border Integration, and Regional Barriers in Northeast China. *The Chinese Economy.* 2022. Vol. 55, No. 1. P. 13–25. https://doi.org/10.1080/10971475.2021.1892921
29. Toma T. For Closer Regional and District-Based Cooperation and Unified Effort // Regional Economic Cooperation in Northeast Asia. Proceedings of the Yongpyeong Conference. September 26-28, 1993. Yongpyeong, South Korea. Northeast Asia Economic Forum, Hawaii Asia-Pacific Institute, 1994. P. 254–256.

30. Yotov Y. V. Gravity at Sixty: The Workhorse Model of Trade. CESifo Working Paper. No. 9584. Center for Economic Studies and ifo Institute (CESifo), Munich, 2022. https://doi.org/10.2139/ssrn.4037001

◆

Информация об авторе

Дмитрий Александрович Изотов, д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, e-mail: izotov@ecrin.ru

Information about the author

Dmitry A. Izotov, Doctor of Economics, Leading Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia, e-mail: izotov@ecrin.ru

Поступила в редакцию 01.04.2026 Одобрена после рецензирования 19.08.2026 Принята к публикации 25.08.2026

Received 01.04.2026 Approved 19.08.2026 Accepted 25.08.2026

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 47–58.
Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 47–58.

Научная статья
УДК 339.972
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/47-58

Комплементарность региональных политик приграничных территорий: институциональный подход и международный опыт

Андрей Борисович Волынчук
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, i-abv@yandex.ru
Сергей Константинович Песцов
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, skpfox@yandex.ru
Виталий Евгеньевич Болдырев
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, boldyrev89@list.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу теоретических и практических аспектов комплементарности как важного условия, определяющего эффективность трансграничного сотрудничества приграничных территорий. На основе обобщения научных подходов уточняется содержание понятия комплементарности и предлагается его характеристика как инструмента сопряжения социально-экономических систем и согласованности региональных политик. Методологической основой анализа выступает институциональный подход, позволяющий рассматривать комплементарность как способ и результат формализации механизмов координации кооперационных стратегий. Сравнительный анализ моделей трансграничного взаимодействия приграничных территорий Европейского союза, Северной Америки и Юго-Восточной Азии позволил выявить специфические особенности практики согласования подходов к организации и управлению сотрудничеством в различных политико-экономических контекстах. Общие результаты позволяют сделать ряд выводов о возможностях, специфике и ограничениях формирования комплементарности применительно к российско-китайскому приграничью.
Ключевые слова: *комплементарность, трансграничное взаимодействие, приграничные территории, региональная политика, институциональный подход, российско-китайское сотрудничество, институциональная координация*

Статья подготовлена при поддержке РНФ. Проект № 25-18-20055 "Интересы и политика развития сопредельных с Россией территорий КНР и КНДР: согласование и взаимная адаптация стратегий как фактор социально-экономического развития юго-восточной части Дальневосточного федерального округа (ДФО)"

Для цитирования: Волынчук А. Б., Песцов С. К., Болдырев В. Е. Комплементарность региональных политик приграничных территорий: институциональный подход и международный опыт // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 47–58. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/47-58

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/47-58

Complementarity of regional policies in border regions: an institutional approach and international experience

Andrei B. Volynchuk
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East,
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, i-abv@yandex.ru
Sergei K. Pestsov
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East,
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, skpfox@yandex.ru
Vitalii E. Boldyrev
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East,
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, boldyrev89@list.ru

Abstract. The article examines the theoretical and practical dimensions of complementarity as an important condition determining the effectiveness of cross-border cooperation between border regions. Drawing on a synthesis of scholarly approaches, it clarifies the concept of complementarity and characterizes it as a mechanism for aligning socioeconomic systems and coordinating regional policies. The analysis is based on an institutional approach, which makes it possible to view complementarity both as a means and as an outcome of formalizing mechanisms for coordinating cooperation strategies. A comparative analysis of cross-border interaction models in the border regions of the European Union, North America, and Southeast Asia identifies the distinctive features of practices used to coordinate approaches to the organization and governance of cooperation across different political and economic contexts. The findings provide a basis for conclusions regarding the possibilities, specific characteristics, and limitations of developing complementarity in the context of the Russian–Chinese border region.
Keywords: *complementarity, trans-border cooperation, border-line territories, regional policy, institutional approach, Russian-Chinese partnership, institutional coordination*

The paper is supported by Russian Scientific Fund. Project 25-18-20055 "Interests and development policy of neighbouring for Russia PRC and DPRK territories: coordination and mutual adaptation of strategies as a factor for social-economic development of South-East part of Far Eastern Federal District"

For citation: Volynchuk A. B., Pestsov S. K., Boldyrev V. E. Complementarity of regional policies in border regions: an institutional approach and international experience // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 47–58. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/47-58

© Волынчук А. Б., Песцов С. К., Болдырев В. Е., 2026.

Введение

Современный этап пространственного развития характеризуется заметным усилением внимания к приграничным территориям как к зонам потенциальной интеграции и институционального взаимодействия. Расширение трансграничных инициатив свидетельствует о том, что государственные и региональные акторы всё чаще рассматривают границы не только как линии разграничения, но и как пространства взаимодействия, способные генерировать новые формы развития. В различных макрорегионах мира наблюдается институционализация механизмов сотрудничества, направленных на согласование стратегий развития сопредельных территорий. Однако накопление институциональных форм и управленческих инструментов сопровождается устойчивым разрывом между интенсивностью декларируемого взаимодействия и его результатами. В то же время практический опыт указывает на то, что устойчивость трансграничных процессов во многом определяется не наличием взаимодействий как факта, а степенью взаимодополняемости институциональных режимов, управленческих инструментов и стратегических приоритетов, действующих по обе стороны государственной границы. В таком контексте категория комплементарности позволяет рассматривать трансграничное сотрудничество как процесс сопряжения разнородных институциональных конфигураций, а не только как совокупность проектов или формальных соглашений.

Несмотря на широкое использование данного концепта в экономической теории, институциональном анализе и исследованиях политического управления, его применение к анализу приграничных территорий остается эпизодическим и методологически разрозненным. Комплементарность чаще трактуется или как характеристика взаимодополняемости факторов производства и отраслевых структур, или как согласованность отдельных политических инструментов, тогда как проблема соотношения территориальных систем и режимов региональной политики в приграничье остаётся на периферии внимания. Отсутствие целостной аналитической рамки ограничивает возможности объяснения того, почему сходные институциональные форматы трансграничного сотрудничества приводят к различным результатам в разных региональных контекстах.

Цель данной работы состоит в теоретико-методологическом осмыслении феномена комплементарности применительно к проблематике трансграничного взаимодействия приграничных территорий и выявлении институциональных механизмов её достижения на основе анализа международного опыта, использование которого позволяет, в числе прочего, по-новому оценить перспективы сотрудничества приграничных районов Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи:

- проанализировать существующие подходы к определению понятия "комплементарность" в социально-экономических и управленческих исследованиях;
- разграничить комплементарность территориальных социально-экономических систем и комплементарность инструментов региональной политики сопредельных государств;
- выявить и сопоставить основные институциональные модели достижения комплементарности на примере Европейского союза, Северной Америки и Юго-Восточной Азии;
- определить возможности использования выявленных теоретических и практических подходов для анализа российско-китайского приграничного взаимодействия.

Предваряя дальнейшее изложение материала, следует также обозначить важный момент: в центре исследования находится не институциональная теория как таковая, а проблема комплементарности региональных политик приграничных территорий, которая определяется степенью согласованности целей, инструментов и механизмов территориального развития и проявляется на уровне их практической реализации. Институциональный подход в работе используется в качестве аналитического инструмента, позво-

ляющего исследовать механизмы согласования различных режимов регионального развития в условиях трансграничного взаимодействия.

Концептуальные подходы к определению комплементарности в современной научной традиции

Практика применения понятия "комплементарность" в современных исследованиях сформировалась на пересечении нескольких дисциплинарных направлений – экономической теории, институциональной экономики, исследований публичного управления и регионализма, каждая из которых фиксирует различные аспекты взаимодополняемости структур, институтов и политических практик.

Отсутствие единого междисциплинарного определения во многом обусловлено тем, что эта категория формировалась как операциональный инструмент внутри отдельных исследовательских традиций, каждая из которых акцентирует собственный уровень анализа и собственный тип взаимодополняемости. При этом ключевой объединяющей характеристикой является представление о комплементарности как о системном эффекте взаимного усиления элементов, при котором совокупный результат превышает сумму изолированных эффектов отдельных компонентов.

В современной политэкономии концепт комплементарности получил развитие в рамках подхода Varieties of Capitalism (VoC). В работах П. Холла и Д. Гингерича комплементарность определяется как взаимное усиление институциональных практик в различных подсистемах экономики – рынках труда, корпоративном управлении, финансовых системах и др. **[9]**.

Институциональная экономика несколько изменила вектор понимания комплементарности, смещая его больше в сторону изучения взаимосогласованности институтов и правил, обеспечивающих устойчивость определённых моделей развития. В этой традиции комплементарность проявляется через взаимное усиление различных институциональных элементов – сочетание механизмов регулирования, моделей корпоративного управления или систем координации рынков. Такой подход позволяет объяснить различия национальных рыночных моделей и устойчивость институциональных траекторий, однако он преимущественно ориентирован на внутригосударственные системы и лишь косвенно затрагивает вопросы взаимодействия между различными международными институциональными режимами, под которыми в рамках настоящего исследования понимаются относительно устойчивые конфигурации формальных правил, распределения полномочий, процедур принятия решений и организационных практик, определяющих реализацию региональной политики на конкретной территории.

В исследованиях, посвящённых вопросам региональной политики, категория комплементарности часто используется для описания согласованности инструментов управления. Здесь она пересекается с концепциями policy mix и многоуровневого управления (Multi-Level Governance, MLG), где комплементарность понимается как способность различных мер и механизмов взаимно усиливать эффект друг друга. В этой логике ключевым становится вопрос институциональной совместимости управленческих решений и согласования стратегий между различными уровнями власти **[23]**. В дальнейшем исследования комплементарности в рамках этого направления развивались в сторону изучения возможностей согласования структур управления, анализа форм сетевых механизмов взаимодействия и установления условий их эффективности **[21]**.

Наконец, в исследованиях трансграничного регионализма понятие комплементарности используется для объяснения формирования трансграничных регионов – пространств взаимодействия, возникающих на основе институционального сопряжения территорий. Анализ трансграничных процессов сосредоточен либо на институционализации сотрудничества, либо на экономических эффектах интеграции, тогда как вопрос о взаимодополняемости сопредельных структур развития и согласованности политических режимов остаётся недостаточно концептуализированным. В результате комплементарность воспринимается как желаемый результат взаимодействия, но редко становится самостоятельным аналитическим объектом **[19]**.

Таким образом, ни одно из четырёх пониманий комплементарности в современной научной традиции не предлагает обоснованной содержательной интерпретации концепта комплементарности применительно к приграничным региональным политикам как самостоятельному объекту исследования, что создаёт теоретическую нишу для дальнейшего анализа.

Структурный и институционально-политический уровни комплементарности в исследовании приграничного взаимодействия

Представленный обзор научных подходов демонстрирует, что категория комплементарности используется в различных дисциплинарных контекстах для описания взаимодополняемости элементов сложных систем, однако при этом сохраняется существенная неоднородность уровней анализа. В результате при переносе категории в анализ приграничного взаимодействия возникает методологическая неопределённость. С одной стороны, трансграничное сотрудничество предполагает взаимодействие территорий как социально-экономических систем, обладающих собственной структурой специализации, институциональными режимами и траекториями развития. С другой – оно реализуется через конкретные инструменты региональной политики, которые могут усиливать или, напротив, ограничивать потенциал такого взаимодействия. Отсутствие чёткого разграничения между этими уровнями приводит к смешению причин и следствий. В результате низкая результативность трансграничных инициатив может интерпретироваться либо как следствие несовместимости территориальных структур, либо как результат институциональной несогласованности политик, что затрудняет корректную диагностику проблем.

Исходя из этого, представляется оправданным при дальнейшем анализе разведение двух взаимосвязанных, но не тождественных подходов к пониманию комплементарности. Во-первых, комплементарность может рассматриваться как характеристика потенциала сопряжения социально-экономических территориальных систем, отражающая степень взаимодополняемости их структурных параметров: экономической специализации, инфраструктурной конфигурации, институциональной среды и моделей пространственного развития. В этом смысле комплементарность выступает как (необходимое) условие возможности трансграничного взаимодействия, определяя, в какой мере сопредельные территории способны формировать взаимовыгодные связи.

Во-вторых, комплементарность проявляется на уровне инструментов и механизмов регионального управления, через которые взаимодействие институционализируется и переводится в практику совместных действий. Здесь речь идёт о согласованности стратегий, совместимости нормативных режимов, распределении полномочий между уровнями власти и наличии горизонтальных сетей акторов, обеспечивающих координацию решений. Под этим углом зрения комплементарность представляет собой не исходное свойство территорий, а результат институциональной настройки и управленческого взаимодействия.

Принципиальное значение такого разведения заключается в том, что потенциал структурной взаимодополняемости территорий не гарантирует достижения комплементарности на уровне политик и инструментов управления. Напротив, даже при наличии объективных предпосылок для сотрудничества институциональные различия могут препятствовать формированию устойчивых режимов взаимодействия. Соответственно, анализ трансграничных процессов требует отдельного рассмотрения двух разных измерений – структурного и институционально-политического – с последующим выявлением механизмов их сопряжения.

Институциональная комплементарность как аналитическая основа исследования трансграничного взаимодействия

Разведение уровней комплементарности предоставляет возможность уточнить требования к теоретическому формату исследования. Как уже отмечалось выше, экономические подходы, ориентированные на выявление структурной взаимодополняемости территорий, позволяют зафиксировать наличие или отсутствие объективных предпосылок для трансграничного взаимодействия, однако при этом они недостаточно чувствительны к вопросам

институциональной координации и различий управленческих режимов. Концепция MLG акцентирует внимание на распределении полномочий и взаимодействии уровней власти, но в большей степени описывает архитектуру управления, чем механизмы согласования институциональных правил между различными политико-административными системами. Сетевые подходы, в свою очередь, эффективно объясняют роль горизонтальных взаимодействий акторов и формирование кооперационных структур, однако часто недооценивают влияние формальных институтов и нормативных ограничений, задающих правила этих взаимодействий.

В условиях трансграничности ключевым становится не только наличие структурной взаимодополняемости территорий или развитых сетей акторов, но, прежде всего, способность различных институциональных режимов к взаимной адаптации и согласованию. Именно на этом уровне проявляется проблема комплементарности инструментов региональной политики, т. к. различия в правовых системах, моделях управления и стратегических приоритетах способны существенно ограничивать или усиливать реализацию объективного потенциала сотрудничества.

Институциональный подход позволяет рассматривать комплементарность не как статическое совпадение характеристик взаимодействующих систем, а как результат согласования институтов – формальных правил, норм и устойчивых практик, определяющих поведение акторов и границы возможного взаимодействия. Формирование данного исследовательского подхода связано с развитием институциональной теории, в рамках которой произошёл переход от общего понимания институтов к анализу их взаимодополняемости. Его теоретико-методологической основой выступает концепция институтов как "правил игры", предложенная Д. Нортом. В рамках новой институциональной экономики институты рассматриваются как совокупность формальных и неформальных ограничений, снижающих неопределённость и структурирующих взаимодействие акторов **[18]**. В логике трансграничного сотрудничества это означает, что эффективность взаимодействия определяется не только экономическими стимулами или ресурсной взаимодополняемостью территорий, но и совместимостью институциональных моделей, внутри которых действуют участники сотрудничества. "Нортовский подход" фиксирует фундаментальную предпосылку: значительные различия институциональных сред неизбежно будут создавать дополнительные транзакционные издержки, препятствующие реализации объективного потенциала комплементарности, которые проявляются в виде дополнительных затрат на согласование нормативных требований, получение разрешительной документации, прохождение таможенных процедур, адаптацию к различным административным практикам и пр. Повышение институциональной комплементарности способствует снижению подобных издержек за счёт предсказуемости процедур и согласованности механизмов регулирования.

Другая методологическая составляющая институционального анализа связана с идеями П. Холла и Р. Тейлора, предложивших типологизацию институционализма институционализм рационального выбора, исторический и социологический институционализм **[10]** и тем самым расширивших понимание природы институциональной комплементарности. В их интерпретации институты функционируют не изолированно, а в виде взаимосвязанных конфигураций, в которых эффективность отдельных элементов зависит от согласованности с другими институциональными компонентами. В контексте трансграничного взаимодействия это означает, что комплементарность региональных политик должна рассматриваться как согласование целостных институциональных конфигураций сопредельных стран, а не как адаптация отдельных инструментов.

Дальнейшее развитие концепции институциональной комплементарности связано с работами М. Аоки, который рассматривает институты как равновесные структуры стратегического взаимодействия, возникающие в процессе координации ожиданий акторов **[2]**. В рамках данного подхода комплементарность понимается как взаимное усиление институтов, при котором эффективность одного институционального механизма зависит от наличия другого. Для анализа трансграничных процессов это особенно важно, поскольку взаимодействие региональных политик разных государств предпо-

лагает столкновение различных моделей координации – административных, рыночных и сетевых. Аоки концептуализирует комплементарность как процесс формирования устойчивых трансграничных равновесий, возникающих через адаптацию и взаимную настройку институциональных механизмов.

Таким образом, развитие логики институционального подхода создаёт теоретическую основу для исследования комплементарности региональных политик приграничных территорий, которая интерпретируется в данной статье как динамический процесс согласования институциональных режимов, определяющий успешность трансграничного взаимодействия.

Модели трансграничной комплементарности: опыт ЕС, Северной Америки и Юго-Восточной Азии

Анализ комплементарности региональных политик приграничных территорий требует выхода за пределы теоретических конструкций и обращения к практическим моделям, оформляющихся в разных макрорегионах мира. В современных условиях трансграничное взаимодействие всё чаще приобретает системный характер, однако механизмы достижения комплементарности существенно различаются в зависимости от политико-административной архитектуры и доминирующей логики межгосударственной координации. Сопоставление различных моделей позволяет выявить институциональные способы снижения транзакционных издержек трансграничного сотрудничества и определить, в какой мере формализация, договорная координация или сетевое взаимодействие выступают ключевыми условиями достижения устойчивой комплементарности региональных политик приграничья.

Вместе с этим представленные далее примеры не претендуют на формирование исчерпывающей типологии комплементарности приграничных территорий. Их выбор обусловлен стремлением продемонстрировать различные институциональные механизмы, посредством которых в мировой практике обеспечивается сопряжение приграничных территорий.

Европейская модель: формализованная институциональная архитектура трансграничной комплементарности. Европейский опыт демонстрирует наиболее институционально оформленный вариант достижения комплементарности региональных политик приграничных территорий. Исторически подобное сотрудничество интенсивнее всего развилось там, где существовали природные регионы, разделённые государственными границами. Оно предполагало вовлечение большого количества участников (правительства, бизнес, НКО, местные органы самоуправления) с разными, подчас противоположными интересами, вследствие чего чёткая регламентация их деятельности воспринималась как необходимое условие для совместного развития приграничья **[3]**. Как следствие, в рамках ЕС комплементарность не рассматривается как спонтанный результат экономической взаимодополняемости или сетевой кооперации акторов. Она конструируется через систему формализованных правовых, программных и организационных механизмов, встроенных в архитектуру политики сопряжения.

Ключевым инструментом здесь выступает Европейское территориальное сотрудничество (European Territorial Cooperation, ETC), реализуемое через программы Interreg. Нормативная база закреплена в в Регламенте (ЕС) 2021/1059, определяющем цели, принципы и механизмы реализации трансграничного сотрудничества на период 2021–2027 гг. **[22]**. Тем самым трансграничное взаимодействие институционально интегрировано в общую систему распределения структурных фондов и стратегического развития Союза.

Европейская модель комплементарности строится вокруг нескольких взаимосвязанных институциональных механизмов:

1. Программная синхронизация стратегий. Процедуры Interreg требуют совместной разработки программных документов приграничными регионами разных государств. Это предполагает согласование приоритетов, индикаторов результативности и финансовых параметров в рамках единой логики управления. Тем самым минимизируется риск стратегической рассинхронизации региональных политик **[9; 21]**.

2. Юридически оформленные трансграничные структуры. Существенную роль играют Европейские объединения территориального сотрудничества (European Groupings of Territorial Cooperation, EGTC), обладающие

правосубъектностью и выступающие самостоятельными управленческими субъектами. EGTC обеспечивают переход от проектной кооперации к устойчивой институциональной модели совместного управления, снижая транзакционные издержки трансграничного взаимодействия **[19]**.

3. Финансовая интеграция. Совместное финансирование проектов из фондов ЕС формирует устойчивые стимулы к координации. Финансовые инструменты не просто поддерживают проекты, а институционально "привязывают" региональные стратегии к общей системе целей политики сплочения **[7]**.

4. Многоуровневая координация. Модель предполагает участие муниципального, регионального, национального и наднационального уровней управления. Это создаёт вертикально интегрированную систему согласования решений, в рамках которой трансграничные инициативы не выпадают из национальных систем планирования.

Важно подчеркнуть, что формализованная институциональная архитектура ЕС не является статичной конструкцией. Стратегическое планирование на период 2021–2027 гг. демонстрирует дальнейшую институциональную "кристаллизацию" модели, которая выражается в устранении трансграничных барьеров, совершенствовании систем мониторинга результатов, расширении инструментов координации макрорегиональных стратегий **[15]**. Тем самым комплементарность приобретает характер управляемого и, что наиболее ценно, воспроизводимого процесса. Это позволяет рассматривать европейскую модель не просто как совокупность трансграничных институтов, а как саморазвивающуюся институциональную систему, способную адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим условиям без разрушения базовой логики формализации.

Североамериканская модель: проектно-сетевая логика трансграничной комплементарности. В отличие от европейской формализованной модели, североамериканская трансграничная комплементарность формировалась через поэтапное развитие производственных сетей, закреплённых договорными режимами и поддержанных инфраструктурной координацией. Исторические примеры длительного трансграничного сотрудничества были здесь редким исключением и обеспечивались лишь инициативой крупного американского бизнеса **[6]**. Её институциональная архитектура может быть охарактеризована как проектно-сетевая, в которой устойчивость взаимодействия обеспечивается не постоянными трансграничными органами управления, а воспроизводимыми производственно-сбытовыми цепочками и договорными рамками.

Отправной точкой стала программа макиладорас (1965 г.), направленная на индустриализацию северного приграничья Мексики. На начальном этапе (1966–1974 гг.) ключевыми преимуществами региона были дешёвая рабочая сила и транспортная инфраструктура **[16]**.

Однако уже в 1970–1980-е гг. происходит структурное усложнение взаимодействия. Мексиканское правительство заимствует идеи управления экономикой, разработанные международными финансовыми институтами при непосредственном участии США, и внедряет их в северном приграничье **[20]**. В этот же период американские корпорации начинают выносить отдельные производственные операции за рубеж, что формирует устойчивые внутриотраслевые связи. Возникает феномен трансграничной внутриотраслевой торговли, ставший ядром хозяйственного взаимодействия сопредельных территорий **[1, с. 342–349]**.

К моменту вступления в силу Соглашения о НАФТА 1 января 1994 г. трансграничное пространство приобрело функционально дифференцированную структуру. Производственная система организуется вокруг парных агломераций: Браунсвилль – Матаморос; Ларедо – Нуэво-Ларедо; Эль-Пасо – Сьюдад-Хуарес; Сан-Диего – Тихуана и др., за каждой из которых закрепляется своя специализация. В американских городах распространилась сервисная сфера, поддерживающая транспортные и торговые потоки, в то время как в мексиканских городах сконцентрировалось производство автокомпонентов и узлов из запчастей, поставляемых с предприятий Среднего Запада, а также электротехники и электроники из комплектующих, поступавших из Калифорнии и Аризоны **[4; 5; 14]**. Такая пространственная дифференциация форми-

рует комплементарность, которая становится результатом функционального разделения ролей в рамках трансграничной производственной цепочки.

Соглашение о НАФТА институционально закрепило сложившуюся модель. Как указывает Р. Стейнберг, либерализация тарифов, унификация стандартов и правил происхождения товаров усилили взаимную зависимость производственных комплексов **[25]**. При этом Северная Америка не создала наднациональных органов трансграничного управления, сопоставимых с европейскими структурами. Регулирование осуществлялось через договорные механизмы и национальные правовые системы. Таким образом, комплементарность в североамериканском приграничье формируется через:

- Трансграничные производственные проекты. Она возникает через распределение отдельных стадий производственного процесса по обе стороны границы. При этом проект изначально конструируется как единая цепочка, но институционально реализуется в двух юрисдикциях.
- Корпоративные стратегии поэтапного входа. Американские и международные компании заходят в приграничное пространство либо через первичный сборочный формат, либо через постепенное наращивание производственной глубины и локализацию смежников. Такая стратегия формирует институционально закреплённую сеть долгосрочного присутствия, усиливая зависимость регионов друг от друга.
- Договорные торговые режимы (НАФТА, позднее Соглашение США – Мексика – Канада (USMCA)). Соглашения создают нормативную среду, снижающую тарифные и регуляторные барьеры, закрепляя правила происхождения товаров и стандарты кооперации без формирования наднациональных управленческих институтов.
- Инфраструктурную сопряжённость транспортных коридоров. Развитие трансграничных магистралей и логистических узлов обеспечивает физическую основу производственной взаимозависимости. Инфраструктура выступает материальным каркасом сетевой комплементарности, обеспечивая минимизацию транзакционных и временны*х* издержек.
- Функциональную асимметрию ролей. Американская сторона преимущественно концентрирует управленческие, сервисные и финансовые функции, тогда как мексиканская – производственные и процессинговые операции. Такая асимметрия формирует устойчивую взаимодополняемость, в которой каждая сторона институционально закрепляет свою специализацию в общей цепочке создания стоимости.

В отличие от европейской формализованной модели, североамериканская модель демонстрирует иной механизм формирования комплементарности. Ключевым механизмом согласования выступает корпоративная координация и рыночная рациональность, а не постоянные трансграничные органы управления. Тем самым североамериканская модель может быть охарактеризована как институционально облегчённая, но структурно устойчивая система трансграничной комплементарности, основанная на сетевой логике распределения функций. Её устойчивость обеспечивается не глубиной формализации, а способностью адаптировать пространственную организацию производства к глобальным технологическим и рыночным сдвигам без разрушения кооперационной взаимозависимости приграничных территорий.

"Треугольники" роста: "азиатская модель" трансграничного сотрудничества. Довольно специфическая форма трансграничного регионализма, получившая развитие в виде так называемых "треугольников роста", в конце 1980-х – начале 1990-х гг. сформировалась в Восточной и Юго-Восточной Азии **[13]**.

К числу наиболее известных инициатив подобного рода традиционно относятся SIJORI (Сингапур – Джохор – Риау, 1989), субрегион Большого Меконга (1992), IMT (Индонезия – Малайзия – Таиланд, 1993), BIMP–EAGA (Бруней – Индонезия – Малайзия – Филиппины, 1994), а также CLV Development Triangle Area (CLV-DTA) (Камбоджа – Лаос – Вьетнам, 1999). Эти образования охватили различные регионы ЮВА, отличающиеся уровнем экономического развития и обеспеченностью факторами производства.

Появление данной модели, с одной стороны, обусловливалось адаптацией прежней модели японских вложений в страны региона, при которой инвесторы руководствовались прежде всего национальным правом стран-ре-

ципиентов, предполагавшим создание не только крупного совместного предприятия, но и местной сети смежников, максимальную локализацию всех этапов производства на территории государства, получавшего инвестиции **[23]**, с другой стороны – благоприятным сочетанием в регионе макрорегиональных и локальных факторов, включавшим рост новых индустриальных экономик, перенос производственных мощностей на соседние территории с более низкими издержками, смягчение политических барьеров после окончания холодной войны и усиление трансграничных инвестиционных и торговых потоков. В этих условиях приграничные территории начали рассматриваться как пространства функционального сопряжения различных экономических систем, где различия в стоимости труда, технологическом уровне и доступе к капиталу могли использоваться как источник взаимной выгоды.

Концептуально "треугольники роста" представляют собой ограниченные транснациональные субрегионы, формируемые на основе объединения территорий с взаимодополняющими факторами производства и сравнительными преимуществами. Их ключевой особенностью является ориентация не на создание полноценных наднациональных институтов, а на формирование функциональных экономических связей – производственных, инвестиционных и инфраструктурных **[11]**.

Принципиально важной характеристикой данной модели является её институциональная гибкость. В отличие от европейской практики, где трансграничное взаимодействие опирается на формализованные правовые механизмы, азиатские "треугольники роста" в значительной степени основаны на развитии естественных экономических связей – торговых потоков, инвестиционной активности, производственной кооперации и деловых сетей, часто возникающих ещё до появления специализированных институтов управления **[12]**. Государства здесь играют важную роль в создании благоприятной нормативной среды, однако непосредственная координация взаимодействия осуществляется преимущественно через горизонтальные связи бизнеса, региональных администраций и инфраструктурных операторов. Такая модель позволяет достигать необходимой комплементарности без глубокой институциональной унификации. Сотрудничество развивается как функциональная интеграция, при которой государства сохраняют полный контроль над национальными институциональными системами и избегают создания жёстких наднациональных структур. Комплементарность, таким образом, формируется через практическое сопряжение экономических функций приграничных территорий, а не через согласование политик в формализованных институциональных рамках **[8]**.

Вместе с тем практический опыт функционирования "треугольников роста" демонстрирует, что комплементарность не возникает автоматически и требует обеспечения определённых условий. Исторические, культурные и этнические связи приграничья выступают важным фактором устойчивости взаимодействия, как показал пример SIJORI, где экономическая интеграция опиралась на длительную историю торговых и социальных контактов **[24]**. Одновременно недостаточная инфраструктурная связанность или ограниченность институциональной координации могут существенно снижать эффективность подобных инициатив.

Особое значение также имеет и двойственная природа институциональной гибкости. С одной стороны, минимизация формальных обязательств облегчает запуск трансграничных проектов и снижает политические барьеры. С другой стороны, по мере углубления взаимодействия возникает объективная потребность в более устойчивых механизмах координации, правовой синхронизации и распределения полномочий между центральными и региональными уровнями управления **[17]**.

Таким образом, неформальность выступает не альтернативой институционализации, а скорее её начальной стадией, обеспечивающей постепенное формирование устойчивых трансграничных связей. В этой связи модель трансграничного взаимодействия Юго-Восточной Азии может быть охарактеризована как гибкий функционально-сетевой механизм достижения комплементарности, основанный на использовании различий в экономической структуре приграничных территорий при сохранении институционального суверенитета государств. Комплементарность в ЮВА формируется через огра-

ниченные по масштабу субрегиональные проекты, неформальные механизмы координации и постепенное институциональное оформление уже сложившихся экономических взаимозависимостей. Это позволяет рассматривать модель "треугольников роста" как инструмент селективного сопряжения территориальных экономических систем, обеспечивающий развитие трансграничного взаимодействия без необходимости глубокой институциональной интеграции.

Заключение

Проведённый анализ международного опыта позволяет выявить три принципиально различные институциональные модели обеспечения необходимой в каждом случае трансграничной комплементарности. Европейская модель демонстрирует институционально насыщенный путь, при котором комплементарность формируется как результат формализованного согласования политик через наднациональные механизмы, совместное программирование и финансовую интеграцию. Североамериканская модель, напротив, основана на проектно-сетевой логике, где комплементарность возникает через трансграничные производственные цепочки и функциональную специализацию территорий, а институциональная координация носит преимущественно договорный и рамочный характер. В странах Юго-Восточной Азии комплементарность формируется через гибкие и преимущественно неформальные механизмы, основанные на селективных субрегиональных инициативах, сетевых взаимодействиях и постепенном институциональном оформлении уже сложившихся экономических взаимосвязей.

Принципиальное различие между моделями заключается не в степени интенсивности взаимодействия, а в институциональном механизме его воспроизводства: через формализованные наднациональные институты, через производственно-сетевую взаимозависимость или через гибкие функциональные кооперационные структуры. Это позволяет рассматривать комплементарность как производную институциональной архитектуры трансграничного взаимодействия, а не исключительно как характеристику экономической взаимодополняемости территорий.

Проекция выявленных закономерностей на российско-китайское приграничье позволяет обозначить ряд принципиальных моментов, которые свидетельствуют о типичности процессов взаимодействия, но в то же время подчёркивают их специфику. С одной стороны, сопредельные территории России и Китая обладают значительным потенциалом структурной комплементарности, обусловленным как различиями в масштабах экономики, демографической структуре, производственной специализации и инфраструктурной конфигурации, так и общностью природных систем, схожестью периферийного положения. С другой стороны, существующие механизмы взаимодействия в значительной степени сохраняют межгосударственный и административно-координационный характер, тогда как устойчивые трансграничные производственные сети, сопоставимые с североамериканским опытом, гибкие сети основанные на долгосрочных, исторически сложившихся хозяйственных связях, подобные сетям в странах Юго-Восточной Азии», или институционализированные наднациональные механизмы координации, аналогичные европейской модели, остаются ограниченными.

В условиях российско-китайского приграничья институционально закреплённые режимы координации формируются преимущественно вокруг отдельных инфраструктурных и инвестиционных проектов, а не в форме целостной системы скоординированного управления развитием. К числу наиболее показательных примеров относится трансграничный мост Благовещенск – Хэйхэ, эксплуатация которого потребовала согласования таможенных процедур, транспортных стандартов и логистических режимов, а также создания специализированных операторов и инфраструктурных узлов по обе стороны границы. Аналогичным образом функционирует железнодорожный мост Нижнеленинское – Тунцзян, ориентированный на интеграцию российских сырьевых потоков в китайские производственные цепочки, что предполагает институционально оформленное взаимодействие транспортных, таможенных и корпоративных структур двух стран.

Одновременно формируются элементы сопряжённого правового регулирования в рамках территорий опережающего развития Дальнего Востока и

китайских приграничных экспериментальных зон (Хэйхэ, Суйфэньхэ, Хуньчунь), где действуют специальные режимы привлечения инвестиций, упрощённые административные процедуры и ориентированные на внешнеэкономическое взаимодействие механизмы поддержки бизнеса. Однако данные инструменты функционируют преимущественно в национальных институциональных контурах и лишь частично синхронизированы между собой, что ограничивает их способность обеспечивать системную комплементарность.

В результате координация носит преимущественно проектный характер и зависит от межправительственных соглашений, тогда как постоянно действующие двусторонние институты регионального уровня, обеспечивающие совместное стратегическое планирование и управление развитием приграничных территорий, остаются недостаточно развитыми. Это означает, что существующая взаимодополняемость хозяйственных структур российского Дальнего Востока и северо-восточных провинций Китая лишь частично трансформирована в институционально воспроизводимую систему взаимодействия.

Опыт рассмотренных международных моделей показывает, что углубление комплементарности не обязательно предполагает движение к наднациональным механизмам управления по европейскому образцу. В условиях российско-китайского приграничья более реалистичной представляется траектория постепенного расширения механизмов селективной институциональной координации, ориентированной на решение конкретных инфраструктурных, логистических и инвестиционных задач. При этом дальнейшее развитие комплементарности будет определяться не только совпадением экономических интересов сторон, но и способностью существующих управленческих систем обеспечивать согласование стратегических приоритетов без существенного ограничения национального суверенитета. В этом смысле российско-китайское приграничное взаимодействие может рассматриваться как самостоятельная конфигурация комплементарности, сочетающая элементы проектной координации и государственного стратегического управления.

Литература / References

1. Американский капитализм в 80-е годы. Закономерности и тенденции развития экономики / Под ред. Г. Е. Скорова. М.: Наука, 1986. 525 с.
   Skorov G. E. (ed.) American Capitalism in the 1980s: Patterns and Trends in Economic Development. Moscow, Nauka, 1986. 525 p. (In Russ.)
2. Aoki M. Toward a Comparative Institutional Analysis. Cambridge, MA: MIT Press, 2001. // MIT Press web-site. URL: https://mitpress.mit.edu/9780262011877/toward-a-cpmparative/institutional-analysis (accessed 02.02.2026).
3. Blatter J. `From Spaces of Place' to `Spaces of Flows'? Territorial and Functional Governance in Cross-border Regions in Europe and North America. *International Journal of Urban and Regional Research.* 2004. Vol. 28, No. 3. P. 530–548.
4. Cañas J. Coronado R., Gilmer R. W., Saucedo E. The Impact of the Maquiladora Industry on U.S. Border Cities. *Growth and Change.* 2013. Vol. 44, No. 3. P. 415–442.
5. Cañas J., Gilmer R. W. The Maquiladora Changing Geography. *Southwest Economy.* 2009. No. 2. P. 10–14.
6. Contreras O. F. Transnational corporations and local learning: creating local capabilities from the global automotive industry. *Revista Internacional de Organizaciones.* 2010. No. 4. P. 71–86.
7. European Commission. European Territorial Cooperation (Interreg) // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/policy/cooperation/european-territorial_en (accessed 23.02.2026).
8. Grundy-Warr C., Perry M. Economic Integration or Interdependence? The Nation-state and the Changing Economic Landscape of Southeast Asia. In: Grunsven L. van (ed.) Regional Change in Industrializing Asia // Regional and Local Responses to Changing Competitiveness. Ashgate: Aldershot, 1998. P. 197–229.
9. Hall P. A., Gingerich D. W. Varieties of Capitalism and Institutional Complementarities in the Political Economy: An Empirical Analysis. *British Journal of Political Science*. 2009. Vol. 39, No. 3. P. 449–482. https://doi.org/10.1017/S0007123409000672
10. Hall P. A., Taylor R. C. R. Political science and the three new institutionalisms. *Political Studies.* 1996. Vol. 44, No. 5. P. 936–957. https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.1996.tb00343.x
11. Humphries A. M. Growth Triangles of South East Asia. Canberra: East Asia Analytical Unit, 1995. 136 p.

12. Hutchinson F. E., Chong T. The SIJORI Cross-Border Region More than a Triangle // In: Hutchinson F. E., Chong T. (eds.) The SIJORI Cross-Border Region: Transnational Politics, Economics, and Culture. Singapore: ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2017. P. 9–30.
13. McGee T. G. and Robinson I. The Mega-Urban Regions of Southeast Asia. Vancouver, Canada: University of British Columbia, 1995. 400 p.
14. McLachlan I., Aguilar A. G. Maquiladora Myths: Locational and Structural Change in Mexico's Export Manufacturing Industry. *Professional Geographer.* 1998. Vol. 50, No. 3. P. 315–331.
15. Medeiros E. Territorial Impact Assessment and Cross-Border Cooperation. *Regional Studies.* 2015. Vol. 2, No. 1. P. 97–115. https://doi.org/10.1080/21681376.2014.999108
16. Mercier D. La Industria maquiladora de exportación mexicana hace 40 años. *Revista Galega de Economia.* 2005. Vol. 14, No. 1–2. P. 1–17. Mercier D. Mexican Export Industry of Maquiladora after 40 years. *Revista Galician Economic Journal.* 2005. Vol. 14, No. 1–2. P. 1–17. (In Span.)/
17. Nguyen Dinh Co, Le Ba Vuong, Tong Thi Tan, Nguyen Tuan Binh. Cooperation in Border Areas among Some Southeast Asian Mainland Countries: A Case Study of the Cambodia-Laos-Vietnam Development Triangle. *Cogent Arts & Humanities.* 2025. Vol. 12, No. 1. P. 1–14.
18. North D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990 // Cambridge University Press web-site. URL: https://www.cambridge.org/core/product/identifier/9780511808678/type/book (accessed 02.02.2026).
19. Perkmann M. Cross-Border Regions in Europe: Significance and Drivers of Regional Cross-Border Co-Operation. *European Urban and Regional Studies.* 2003. Vol. 10, No. 2. P. 153–171. https://doi.org/10.1177/0969776403010002004
20. Peters E. D. Mexico's new industrial organization since 1980s. Glocal challenges from export-orientation and polarization // In: Weiss J., Tribe M. (eds.) Routledge Handbook of Industry and Development. London: Routledge, 2015. P. 320–334.
21. Provan K., Kenis P. Modes of Network Governance: Structure, Management, and Effectiveness. *Journal of Public Administration Research and Theory.* 2007. Vol. 18, No. 2. P. 229–252.
22. Regulation (EU) 2021/1059 of the European Parliament and of the Council of 24 June 2021 on specific provisions for the European territorial cooperation goal (Interreg). *Official Journal of the European Union*. 2021. L 231. P. 94–158 // Official European Union Law Database. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2021/1059/oj (accessed 23.02.2026)
23. Rhodes R. A. W. The Governance Narrative: Key Findings and Lessons from the Erc's Whitehall Program. *Public Administration.* Public Administration. 2000. Vol. 78, No. 2. P. 345–363. https://doi.org/10.1111/1467-9299.00209
24. Singh M. Economic Developments in the Sub-regional Growth Zones in ASEAN: A Case Study of SIJORI-Growth Triangle. *SSRG International Journal of Humanities and Social Science.* 2020. Vol. 7, No. 5. P. 88-97.
25. Steinberg R. H. The North American Free Trade Agreement: A Legal Analysis of Effects and Opportunities. *Corporate Counsel's Quarterly.* 1994. No. 2. P. 3–31.

◆

Информация об авторах

Андрей Борисович Волынчук, д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Отдела международных отношений Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mal: i-abv@yandex.ru

Сергей Константинович Песцов, д-р полит. наук, заведующий Отделом международных отношений Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: skpfox@yandex.ru

Виталий Евгеньевич Болдырев, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела международных отношений Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: boldyrev89@list.ru

Information about the authors

Andrei B. Volynchuk, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Department for International Relations, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: i-abv@yandex.ru

Sergei K. Pestsov, Doctor of Political Sciences, Head of Department for International Relations, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: skpfox@yandex.ru

Vitalii E. Boldyrev, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Department for International Relations, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: boldyrev89@list.ru

Поступила в редакцию 12.03.2026 Одобрена после рецензирования 15.08.2026 Принята к публикации 25.08.2026

Received 12.03.2026 Approved 15.08.2026 Accepted 25.08.2026

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 59–65.
Oikumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 59–65.

Круглый стол
УДК 316.35:316.347:39
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/59-65

Сохранить себя в меняющемся мире: локальная идентичность как ресурс и вызов

Анна Юрьевна Ардальянова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, ardalyanova.ayu@dvfu.ru
Тимур Баторович Бадмацыренов
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, batorovitch@mail.ru
Анна Викторовна Винокурова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия;
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия, vinokurova77@mail.ru
Николай Иванович Карбаинов
Социологический институт Российской академии наук – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, n_karbainov@mail.ru
Анатолий Михайлович Кузнецов
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kuznetsov.2012@mail.ru
Фёдор Анатольевич Сметанин
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, f-smetanin@mail.ru
Елена Евгеньевна Тиникова
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
Абакан, Россия, lena.tinikova@mail.ru
Айтал Игоревич Яковлев
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия, yakovlevital@yandex.ru

Ключевые слова: *локальная идентичность, местные сообщества, социальные границы, культурное посредничество, повседневность, региональные практики, Сибирь, Дальний Восток*

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 25-28-02566, https://clck.ru/3TMGqW

Для цитирования: Ардальянова А. Ю., Бадмацыренов Т. Б., Винокурова А. В., Карбаинов Н. И., Кузнецов А. М., Сметанин Ф. А., Тиникова Е. Е., Яковлев А. И. Сохранить себя в меняющемся мире: локальная идентичность как ресурс и вызов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 59–65.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/59-65

Round Table
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/59-65

Preserving Identity in a Changing World: Local Identity as a Resource and a Challenge

Anna Yu. Ardalyanova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, ardalyanova.ayu@dvfu.ru
Timur B. Badmatsyrenov
Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, Russia, batorovitch@mail.ru
Anna V. Vinokurova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia, vinokurova77@mail.ru
Nikolay I. Karbainov
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia, n_karbainov@mail.ru
Anatoliy M. Kuznetsov
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kuznetsov.2012@mail.ru
Fedor A. Smetanin
National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, f-smetanin@mail.ru
Elena E. Tinikova
Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, lena.tinikova@mail.ru
Aital I. Yakovlev
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia, yakovlevital@yandex.ru

Keywords: *local identity, local communities, social boundaries, cultural mediation, everyday life, regional practices, Siberia, the Russian Far East*

Supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-02566, https://clck.ru/3TMGqW

For citation: Ardalyanova A. Yu., Badmatsyrenov T. B., Vinokurova A. V., Karbainov N. I., Kuznetsov A. M., Smetanin F. A., Tinikova E. E., Yakovlev A. I. Preserving Identity in a Changing World: Local Identity as a Resource and a Challenge // Oikumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 59–65.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/59-65

© Ардальянова А. Ю., Бадмацыренов Т. Б., Винокурова А. В., Карбаинов Н. И., Кузнецов А. М., Сметанин Ф. А., Тиникова Е. Е., Яковлев А. И., 2026.

Круглый стол "Сохранить себя в меняющемся мире: локальная идентичность как ресурс и вызов" был проведён в гибридном формате в мае 2026 г. Основной площадкой для проведения мероприятия стало отдельное заседание в рамках всероссийской научной конференции "Трансграничье-3", посвящённой изучению проблем социальной мобильности на Востоке России. Его проведение представляется нам, с одной стороны, неким промежуточным итогом реализации гранта Российского научного фонда № 25-28-02566 "Свои среди чужих и чужие среди своих: мигранты в зеркале городской повседневности на Дальнем Востоке". С другой стороны, это дальнейшее развитие тематик продолжающихся и новых грантовых проектов РНФ, других научных фондов, исполнителями которых являются участники круглого стола. Предлагаем читателям краткое изложение материалов данной дискуссии.

Винокурова А. В.: Уважаемые коллеги! Тема нашего круглого стола предполагает рассмотрение локальной идентичности одновременно как ресурса развития сообществ и как вызова, возникающего в условиях динамичных социальных изменений. При этом данный феномен может анализироваться в разных ракурсах: в социальном, этническом, религиозном, политическом и других ракурсах. Поэтому для начала, я думаю, стоит определиться, как соотносятся эти измерения на уровне локальных общностей и насколько продуктивно использование самого понятия "идентичность" при их изучении?

Кузнецов А. М.: Прежде всего, необходимо обратить внимание на методологические сложности полевого изучения локальных сообществ. Исследователь приходит в поле с определённым багажом профессиональных знаний, теоретических представлений и культурных установок. Они помогают систематизировать эмпирический материал, но могут затруднять понимание иной социальной реальности: возникает риск увидеть в незнакомом привычное. Вместе с тем отказаться от предварительной подготовки невозможно, поскольку из значительного объёма полевой информации необходимо отобрать наиболее существенное.

И если говорить об изучении локальных сообществ, то здесь большинство обсуждаемых вопросов упирается в понятие идентичности. Но я, вслед за российскими и зарубежными исследователями, критически отношусь к его чрезмерно широкому употреблению. Идентичность нередко превращается в универсальную категорию, которая скорее скрывает социальную реальность, чем помогает её раскрыть. Поэтому центральным объектом анализа для меня выступает не столько локальная идентичность, сколько локальное сообщество и механизмы его существования.

На локальном уровне общие социальные процессы сочетаются с историей конкретной территории, составом населения и сложившимися отношениями. Социальное измерение этой проблемы выводит нас к давнему спору между методологическим индивидуализмом и коллективизмом: что должно находиться в центре внимания исследователя – отдельный человек или общность, частью которой он себя ощущает? Не менее важен и этнический ракурс. Этнические общности обнаруживают удивительную устойчивость даже под давлением глобализации. Пока формальные институты сильны, традиционные формы групповой организации могут оставаться в тени, стоит им ослабить свои позиции, как эти формы вновь выходят на первый план. При этом этническая принадлежность живёт не только в языке, обрядах или повседневных практиках. Она заложена глубже – в самой оптике, через которую человек воспринимает и объясняет окружающий мир. Поэтому её нельзя свести к простому ответу на вопрос: "Кем вы себя считаете?" Есть здесь и политическое измерение. Формирование коллективной принадлежности давно уже не является исключительно личным делом человека: государство предлагает собственные ценности, символы и модели единства. Но одновременно действуют этнические и религиозные общности, социальные группы, соседское и локальное окружение. Думается, что идентичность целесообразно рассматривать прежде всего как характеристику индивида, а при изучении локальных сообществ обращаться также к социальным связям, нормам, практикам, институтам и формам коллективной организации.

Винокурова А. В.: Предлагаю перейти от общей методологической рамки к эмпирическим кейсам и посмотреть, как локальная идентичность проявляется в повседневной жизни конкретных сообществ, в частности малых городов.

Ардальянова А. Ю.: Малые города – это весьма специфические поселения, где наличие стандартных городских институтов сочетается с плотностью социальных связей, относительной устойчивостью социальной структуры и выраженным чувством локальной принадлежности. В рамках нашего исследования были отобраны четыре разнородных по численности, экономической специализации и географическому положению города: Арсеньев, Спасск-Дальний, Большой Камень и Дальнереченск. Арсеньев и Большой Камень представляют промышленные центры, тогда как специфика Спасска-Дальнего и Дальнереченска во многом определяется их приграничным положением. Результаты показывают, что локальная идентичность жителей формируется вокруг устойчивых городских нарративов. Арсеньев воспринимается как "город для семьи и спокойной жизни", где ценятся размеренный быт, дом и близкие отношения. Для Спасска-Дальнего характерен образ города "простых людей из простых семей". Важной частью местной идентичности становится близость к природе. Рыбалка, охота, поездки за город – это не просто способы проведения свободного времени, а привычные практики, через которые жители ощущают свою связь с территорией. Пожалуй, наиболее ярко и осознанно говорят о своём городе жители Дальнереченска. В их рассказах постоянно звучат темы пограничья, сплочённости, взаимопомощи и особой дальнереченской "несгибаемости". Особое место в городском самосознании занимает память о конфликте на острове Даманском, это событие до сих пор остаётся важной частью локальной истории. Совсем иначе заявляет о себе Большой Камень. Это город, жизнь которого во многом задаётся ритмом судостроительного комплекса. Сами жители называют его молодым, живым, развивающимся – городом, который "рвётся вперёд". В отличие от многих других малых городов, сюда возвращается молодёжь, и главная причина этого вполне прагматична: здесь есть работа. Вместе с тем в рассказах информантов хорошо заметен поколенческий разрыв. Старшие чаще смотрят на сегодняшний город через память о советском прошлом, тогда как молодые ищут собственные точки опоры – в новых проектах развития, туризме и медийных образах территории. Таким образом, каждый малый город обладает собственным набором нарративов, через которые жители осмысливают город и конструируют локальное "мы".

Винокурова А. В.: А можно ли говорить о столь же выраженной локальной идентичности применительно к жителям посёлков городского типа (пгт)?

Тиникова Е. Е.: Я бы хотела в каком-то смысле продолжить тему, затронутую в выступлении Анны Юрьевны. Посёлки, как и малые города, – это особый социальный феномен – это особый социальный феномен, здесь соединяются традиционный уклад, советское индустриальное наследие и современная реальность. Выражение "ни к селу, ни к городу" достаточно точно характеризует промежуточное положение этих поселений. И, как показали результаты нашего исследования на материалах пгт Бурятии, Якутии, Тувы и Хакасии, их жители дистанцируются как от тех, кто живёт в региональных столицах, так и от сельского населения. Это позволяет нам говорить о специфической поселковой идентичности. Если в пгт продолжает функционировать градообразующее предприятие, идентичность поселковцев во многом выстраивается вокруг него. Такая принадлежность создаёт чувство общности и защищённости, но одновременно усиливает зависимость от экономического положения предприятия. Важен и этнический фактор. В селе принадлежность чаще связывается с языком и традициями, тогда как в пгт преобладает русский язык и более урбанизированные формы повседневной культуры. При этом важным ресурсом поселковых сообществ остаются плотные горизонтальные связи – соседство, родство и взаимопомощь. Иными словами, положение "между городом и селом" становится сильной стороной пгт, помогая их жителям адаптироваться к изменениям.

Винокурова А. В.: Как видим, очень многое в самоощущении людей связано с типом поселения и образом места. Теперь предлагаю перенести вни-

мание в пространство сибирских столиц и посмотреть, как там заявляют о себе мусульманские сообщества и какую роль в этом играют религия и этническая принадлежность.

Сметанин Ф. А.: Если посмотреть на мусульманскую жизнь сибирских городов изнутри, то никакого единого и однородного сообщества мы не увидим. Здесь рядом существуют местные, прежде всего татарские, общины и сообщества мигрантов из Центральной Азии и Закавказья. Свои рамки задаёт и государство, очерчивая институциональные и административные границы их деятельности. Между различными группами неизбежно возникает конкуренция – за мечети, ресурсы и, что особенно важно, за право говорить от имени мусульманского сообщества. Татарские объединения опираются на историю ислама в Сибири и подчёркивают связь с местными мечетями. Мигранты, которые сегодня составляют заметную часть прихожан, также стремятся активно участвовать в религиозной жизни. Если исторические мечети оказываются для них труднодоступны, они открывают собственные молельные комнаты и дома. Следом меняется и городская повседневность. Открываются халяльные магазины и кафе, возникают образовательные проекты и новые пространства религиозного общения. Это не просто инфраструктура: через неё распространяются представления о том, как должен жить и вести себя мусульманин, какие нормы соблюдать и как выстраивать отношения с окружающими. Меняется и лидерство внутри общин. Наряду с официальными религиозными деятелями всё заметнее становятся неформальные лидеры, готовые спорить со старшим поколением и не желающие ограничивать религиозную жизнь рамками этнической принадлежности. Особую роль здесь играет цифровая среда. Блогеры и онлайн-проповедники привносят в сибирский ислам не только татарские или центральноазиатские, но и ближневосточные интерпретации, заметно расширяя привычные границы религиозного поля. Таким образом, идентичность мусульманских сообществ сибирских столиц формируется в процессе взаимодействия и конкуренции локальных традиций, миграционных потоков, государственных институтов и в целом глобального религиозного дискурса.

Винокурова А. В.: Продолжая разговор о социальных границах, хотелось бы обратить внимание на локальные сообщества, занимающие промежуточное положение. Одним из наглядных примеров в этом отношении являются карымы. Как пограничная идентичность карымов способствовала выполнению ими посреднической роли...

Карбаинов Н. И.: В широком смысле карымами называли потомков русско-бурятских и русско-тунгусских браков как по отцовской, так и по материнской линии. В узком смысле термин относился к крещёным бурятам и их потомкам, из которых постепенно формировались особые локальные сообщества. Приняв православие, они становились "чужими" для бурят, но и русские не воспринимали их как полностью "своих". Так складывалась пограничная идентичность карымов. Подобное положение предполагало не только исключение, но и одновременную включённость в обе культуры. Благодаря этому карымы становились культурными посредниками между русским и бурятским населением. Несмотря на принятие православия, они сохраняли отдельные шаманские и буддийские практики: поклонялись духам местности, обращались к ламам, астрологам и целителям. Большое значение имело двуязычие – владение русским и бурятским языками. Посредническая роль проявлялась и в профессиональной деятельности. Именно из карымов нередко выходили священнослужители, учителя, толмачи и проводники – люди, чья повседневная работа требовала умения переходить не только с одного языка на другой, но и из одного культурного мира в другой. Исследователи, отправлявшиеся в Бурятию и Монголию, охотно брали их с собой: карымы знали бурятский и монгольский языки, понимали местные обычаи и могли объяснить то, что оставалось непонятным приезжему. Посредниками в самом буквальном смысле были и ямщики: перемещаясь между населёнными пунктами, они связывали людей, территории и сообщества.

Любопытно, что государство довольно долго не считало карымов русскими. В переписи 1897 г. их, например, относили к бурятам, и только в 1920-е гг. официальная классификация изменилась. Но смена записи в документах не означала исчезновения прежнего самосознания. Карымы могли числиться

русскими и одновременно сохранять собственное имя, память о происхождении и ощущение особой групповой принадлежности. Сегодня в переписях карымами называют себя буквально единицы. Уходит бурятский язык, почти исчезла и та посредническая роль, которую эта группа играла прежде. И всё же сама идентичность не растворилась окончательно: она продолжает жить в семейных историях, локальных названиях и религиозных практиках, в которых православие соседствует с буддийскими и шаманскими элементами. Получается, что официальные категории меняются быстрее, чем культурная память: пограничная идентичность карымов сохраняется даже тогда, когда её почти невозможно увидеть в статистике.

Винокурова А. В.: А ещё интересна роль религии и традиции в конструировании этнической идентичности. В частности, как буддизм связывает локальные сообщества с общебурятской идентичностью?

Бадмацыренов Т. Б.: Мне хотелось бы акцентировать внимание на том, как буддизм связывает локальные сообщества с этнической идентичностью бурят не только в Республике Бурятия, но и в пространстве так называемой Большой Бурятии, включающей бурятские районы Иркутской области и Забайкальского края. Основная проблема заключается в сочетании трёх статусов буддизма: мировой религии, одной из традиционных религий России и национальной религии бурят. Между этими уровнями возникают противоречия, проявляющиеся в дискурсивных практиках и конструировании границ сообществ.

Современные буддийские сообщества неоднородны. Наряду с традиционными дацанскими приходами существуют городские общины, не связанные с исторически сложившейся поселенческой структурой. Различаются и группы верующих. Традиционные прихожане преимущественно являются бурятами, хотя их религиозные практики могут сочетать буддизм, шаманизм и православие. Другая группа объединяется вокруг духовных учителей, принимает обеты, совершает паломничества и чаще определяет себя как последователей тибетского буддизма. Для неё этническая принадлежность имеет меньшее значение, а само понятие "бурятский буддизм" может восприниматься критически. Здесь проявляется противоречие между универсальным характером мировой религии и её национальной формой. Буддийская традиционная Сангха России, напротив, подчёркивает единство буддизма, бурятского народа и российского государства. Её деятельность направлена на сохранение бурятских традиций, языка, культуры, хозяйственных практик и национальных видов спорта. Одновременно буддизм представляется неотъемлемой частью историко-культурного наследия России. Можно сказать, что буддизм выступает инструментом мобилизации и конструирования идентичности. Через религиозные институты, ритуалы и сакральные пространства человек одновременно включается в локальное сообщество, бурятскую этническую общность и российский социум. При этом бурятский буддизм получает легитимацию как явление не только регионального и национального, но и глобального масштаба.

Винокурова А. В.: Мы увидели, как религия связывает локальные сообщества с этнической идентичностью бурят. Продолжим эту тему и обратимся к роли традиционного праздника в конструировании современной идентичности якутов.

Яковлев А. И.: Ысыах – традиционный обрядовый праздник народа саха, который сегодня представляет собой сложное пространство взаимодействия сакрального, политического и коммерческого. Впрочем, говорить об Ысыахе как о едином формате сложно. Участники Ысыаха постоянно оказываются перед выбором: насколько точно нужно следовать традиционным канонам и где проходит граница между сохранением обряда и привнесением нового, и вполне понятным желанием заработать на большом празднике. Есть небольшие семейные и родовые праздники, корпоративные встречи, наслежные и улусные ысыахи, наконец, крупные республиканские события – Ысыах Туймаады и Ысыах Олонхо. Масштабы разные, но узнаваемый набор сохраняется: алгыс – благословение, обряд кумысопития, круговой танец осуохай, спортивные состязания, общая трапеза.

Особое значение Ысыах получил после распада Советского Союза, когда привычная система коллективных ориентиров начала рассыпаться и осо-

бенно остро прозвучал вопрос: "Кто мы теперь?". Для народа саха одним из ответов стал именно этот праздник. В нём якутская культура предстала как единое целое – язык, ритуалы, память, представления о земле и предках. Поэтому Ысыах оказался не просто календарным событием, а одним из главных пространств, где заново собиралась и предъявлялась "якутскость". Сегодня особенно заметно возвращение сакрального содержания праздника. Восстанавливаются забытые ритуалы, получают новое значение культовые места, переосмысливаются религиозные практики. Вместе с тем Ысыах каждый раз проводит границу между "своими" и "чужими", городскими и сельскими жителями, теми, кто считает себя носителем традиции, и теми, кто впервые смотрит на неё со стороны. Но эта граница не обязательно разделяет. Нередко сам праздник становится приглашением войти в культуру, увидеть её и хотя бы на время стать частью общего действа. Вместе с тем он размывает эти границы: почётным считается привести гостя, впервые знакомящегося с культурой саха. Однако в современных условиях такой гость всё чаще становится туристом, а праздник – региональным брендом. Фестивализация Ысыаха сопровождается развитием туристической инфраструктуры, торговли, концертных программ и современных зрелищных форматов. Этническая идентичность приобретает товарное выражение через одежду, украшения, сувениры и медийные образы. Блогеры, предприниматели, органы власти и организаторы праздника включаются в производство и продвижение этнических брендов. Получается, что Ысыах одновременно выступает формой ревитализации традиций и пространством коммодификации культуры. Идентичность современных якутов формируют не только хранители традиций, но также государство, бизнес, социальные медиа. При этом коммерциализация не обязательно уничтожает традицию: она способствует её переосмыслению и включению в современную повседневность.

Винокурова А. В.: Подводя итоги нашей дискуссии, отмечу, что локальная идентичность предстаёт не как устойчивое и однозначное свойство сообщества, а как динамичный и многоуровневый феномен. В малых городах и посёлках она складывается вокруг образа места, градообразующих предприятий, соседских связей и локальной памяти; в этнических и религиозных сообществах – через традицию, язык, ритуалы и культурное посредничество. При этом идентичность постоянно переопределяется под влиянием различных социальных акторов. Дискуссия также напомнила нам о необходимости корректного использования самого понятия "идентичность", изучения стоящих за ним реальных практик и механизмов коллективной жизни. Возвращаясь к названию нашего круглого стола, можно сказать, что сохранить себя – не значит остаться неизменным. Устойчивость локальных сообществ во многом обеспечивается их способностью пересобирать основания своей идентичности в меняющемся мире. Благодарю вас, коллеги, за интересные выступления и содержательный обмен мнениями.

◆

Информация об авторах

Анна Юрьевна Ардальянова, канд. соц. наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: ardalyanova.ayu@dvfu.ru

Тимур Баторович Бадмацыренов, д-р соц. наук, заведующий кафедрой политологии и социологии Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, e-mail: batorovitch@mail.ru

Анна Викторовна Винокурова, канд. соц. наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия; научный сотрудник исторического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Николай Иванович Карбаинов, научный сотрудник Социологического института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: n_karbainov@mail.ru

Анатолий Михайлович Кузнецов, д-р ист. наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Фёдор Анатольевич Сметанин, канд. ист. наук, доцент кафедры культурологии и музеологии Национального исследовательского Томского государственного университета, Томск, Россия, e-mail: f-smetanin@mail.ru

Елена Евгеньевна Тиникова, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Абакан, Россия, e-mail: lena.tinikova@mail.ru

Айтал Игоревич Яковлев, канд. ист. наук, доцент исторического факультета Северо-Восточного федерального

университета имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия, e-mail: aytalyakovlev@mail.ru

Information about the authors

Anna Yu. Ardalyanova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ardalyanova.ayu@dvfu.ru

Timur B. Badmatsyrenov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Political Science and Sociology, Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, Russia, e-mail: batorovitch@mail.ru

Anna V. Vinokurova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; Researcher, Faculty of History, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Nikolay I. Karbainov, Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia, e-mail: n_karbainov@mail.ru

Anatoly M. Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Fedor A. Smetanin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Cultural Studies and Museology, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, e-mail: f-smetanin@mail.ru

Elena E. Tinikova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, e-mail: lena.tinikova@mail.ru

Aital I. Yakovlev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Faculty of History, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia, e-mail: yakovlevital@yandex.ru

Поступила в редакцию 13.07.2026 Принята к публикации 25.08.2026

Received 13.07.2026 Accepted 25.08.2026

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 66–76.
Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 66–76.

Интервью
УДК 327(510:520)
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/66-76

Секьюритизация памяти или стратегический разворот? Китайско-японский узел противоречий

Дмитрий Викторович Стрельцов
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия, Streltsovd.streltsov@inno.mgimo.ru
Яна Валерьевна Лексютина
Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия, lexyana@ya.ru
Евгений Викторович Журбей
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, zhurbey.ev@dvfu.ru

Аннотация. Новый виток напряжённости между Китаем и Японией, вызванный жёсткими публичными заявлениями сторон, вновь актуализировал вопрос о характере и глубине их противоречий. Речь идёт не только о конкретном дипломатическом эпизоде, но и о более широкой проблеме: отражает ли нынешняя риторическая эскалация привычную для Пекина и Токио дискурсивную конфронтацию или свидетельствует о качественных изменениях в их отношениях на фоне трансформации региональной среды. Китайско-японские отношения продолжают формироваться под воздействием сразу нескольких факторов: исторической памяти, политико-идеологических различий, стратегического соперничества, роли США, а также сохраняющейся, но всё более уязвимой экономической взаимозависимости. На этом фоне особый интерес представляют вопросы о том, кому адресованы нынешние политические сигналы, насколько исторические и культурные противоречия по-прежнему определяют двустороннюю повестку, как меняется баланс между геополитической конкуренцией и геоэкономической взаимозависимостью и способны ли региональные механизмы сдерживать дальнейшую эскалацию. Предлагаемое интервью построено как диалог китаиста и япониста и ориентировано на обсуждение не только текущего обострения, но и его более глубоких исторических, институциональных и геоэкономических оснований. В центре внимания – причины и адресаты взаимных выпадов Пекина и Токио, роль США и региональной архитектуры безопасности, влияние технологической конкуренции и экономического разъединения, а также возможные сценарии дальнейшего развития китайско-японских отношений, включая место России в этой меняющейся конфигурации.
Ключевые слова: *китайско-японские отношения, тайваньский вопрос, секьюритизация исторической памяти, региональная безопасность, экономическая взаимозависимость, роль США, Россия, Восточная Азия*
Для цитирования: Стрельцов Д. В., Лексютина Я. В., Журбей Е. В. Секьюритизация памяти или стратегический разворот? Китайско-японский узел противоречий // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 66–76. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/66-76

Interview
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/66-76

Memory Securitization or Strategic Realignment? The Nexus of Sino-Japanese Tensions

Dmitry V. Streltsov
Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, Streltsovd.streltsov@inno.mgimo.ru
Yana V. Leksyutina
Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, lexyana@ya.ru
Evgeny V. Zhurbey
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, zhurbey.ev@dvfu.ru

Abstract. The latest escalation of tensions between China and Japan, triggered by hard-line public statements from both sides, has once again brought the nature and depth of their disagreements to the fore. This is not merely an isolated diplomatic episode, but part of a broader question: does the current rhetorical escalation reflect the familiar pattern of discursive confrontation between Beijing and Tokyo, or does it signal a qualitative shift in their relations amid the transformation of the regional environment? Sino-Japanese relations continue to be shaped by several factors at once: historical memory, political and ideological differences, strategic rivalry, the role of the United States, and an economic interdependence that persists but is becoming increasingly vulnerable. Against this backdrop, several questions are of particular interest: who are the current political signals intended for; to what extent do historical and cultural tensions continue to shape the bilateral agenda; how is the balance between geopolitical competition and geoeconomic interdependence changing; and are regional mechanisms capable of containing further escalation? The interview is structured as a dialogue between a China specialist and a Japan specialist and seeks to explore not only the current deterioration in relations, but also its deeper historical, institutional, and geoeconomic foundations. It focuses on the causes and intended audiences of the confrontational rhetoric exchanged by Beijing and Tokyo, the role of the United States and the regional security architecture, the impact of technological competition and economic decoupling, and possible trajectories for the future development of Sino-Japanese relations, including Russia's place in this changing configuration.
Keywords: *Sino-Japanese relations, the Taiwan issue, securitization of historical memory, regional security, economic interdependence, the role of the United States, Russia, East Asia*
For citation: Streltsov D. V., Leksyutina Ya. V., Zhurbey E. V. Memory Securitization or Strategic Realignment? The Nexus of Sino-Japanese Tensions // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 66–76. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/66-76

© Стрельцов Д. В., Лексютина Я. В., Журбей Е. В., 2026

Блок I. Событийный контекст и дискурсивная динамика

Журбей Е. В.: Является ли обмен жесткими заявлениями представителей власти Японии и Китая выражением качественных изменений в их отношениях? Изменения в риторике сторон остаются в пределах традиционного для них дискурса или свидетельствуют о чем-то большем?

Стрельцов Д. В.: 7 ноября 2025 г. премьер-министр Санаэ Такаити, отвечая на вопрос в японском парламенте, заявила, что применение военной силы военными кораблями в случае кризиса в Тайваньском проливе может привести к "угрозе выживанию" Японии. В Пекине эти комментарии расценили как провокацию: в интерпретации японского премьера Силы самообороны получают право участвовать в боевых операциях по "защите Тайваня", пусть и в рамках "коллективной самообороны".

В ответ Пекин стал демонстрировать категорическое неприятие заявления. И хотя по сравнению с прошлыми эскалациями экономические и военные меры были сравнительно ограниченными, они свидетельствовали о беспрецедентном кризисе. 6 января 2026 г. Министерство коммерции КНР объявило о запрете на экспорт в Японию всех товаров двойного назначения; одновременно был приостановлен импорт, частично возобновлённый в июне 2025 г. после запрета, введённого Китаем в августе 2023 г. в связи со сбросом очищенной воды с АЭС "Фукусима-1. Китай также свернул туристические и гуманитарные обмены, "рекомендовав" гражданам не посещать Японию. С учётом того, что китайские туристы составляют около четверти всех приезжающих, мера оказалась крайне болезненной: было отменено почти 1900 авиарейсов.

Напряжённость распространилась и на сферу безопасности. 7 декабря 2025 г. Токио заявил, что китайский истребитель J-15 в течение 30 минут наводил радар управления огнём на японские F-15 у Окинавы; в глазах Токио это означало переход "красной линии", поскольку подобной меры в истории двусторонних отношений ещё не было. В конце марта 2026 г. военнослужащий Сил самообороны был арестован за проникновение на территорию посольства Китая в Токио. Символическим стал и отзыв в январе 2026 г. подаренных токийскому зоопарку Уэно панд, вызвавший большой общественный резонанс и внимание мировых СМИ.

На этом фоне Япония понизила статус Китая в шкале внешнеполитических приоритетов. В "Синей книге по дипломатии" 2026 г., представленной министром иностранных дел Тосимицу Мотэги, говорится, что Китай усилил "одностороннюю критику и принудительные меры", а сам он назван лишь "важной соседней страной" – шаг назад по сравнению с прежней формулировкой "одна из важнейших для двусторонних отношений стран". Таким образом, можно говорить о качественно новом этапе, на котором напряжённость переросла в стадию перманентной конфликтности.

Лексютина Я. В.: Нынешний раунд напряжённости, вызванный неосторожными высказываниями Такаити о возможном кризисе в Тайваньском проливе, укладывается в развивающиеся с 2010 г. центробежные тенденции. В силу сложного исторического прошлого, травматичного для Китая наследия антияпонской войны 1931–1945 гг., нерешённых территориальных споров (острова Сэнкаку / Дяоюй и разграничение исключительных экономических зон в Восточно-Китайском море) и националистических настроений в обеих странах китайско-японские отношения крайне хрупки и требуют осторожного, тщательно выверенного управления.

По остроте и разрушительности нынешняя напряжённость аналогична кризисам 2010 г. (столкновение китайского рыболовецкого судна с японскими кораблями береговой охраны у Сэнкаку, на что Пекин ответил запретом на поставки редкоземельных металлов) и 2012 г. (выкуп японским правительством трёх из пяти спорных островов, после чего Пекин более чем на два года заморозил политический диалог – с 2012 по 2014 г.). Важно, что после этих кризисов отношения так и не вернулись к прежнему уровню: каждый новый кризис снижает их базовый уровень.

Особенность нынешней ситуации в том, что в центре конфликта не традиционная повестка (Сэнкаку, акватории Восточно-Китайского моря, храм Ясукуни, учебники истории), а тайваньский вопрос, который руководство Си Цзиньпина называет "ядром коренных интересов" Китая. Прежде периферийный (с разрыва дипотношений с Тайванем в 1972 г. Токио поддерживал

неофициальные контакты, но воздерживался от заверений по безопасности острова), в последние годы он вышел на первый план: Япония всё чаще – с США, Австралией, ЕС и на саммитах "Группы семи" – публично заявляет о важности мира в Тайваньском проливе. Высказывания Такаити нарушили "красную линию": впервые на уровне премьера была публично артикулирована позиция Японии по потенциальному тайваньскому кризису – причём на фоне интенсифицирующегося сотрудничества Японии и Тайваня.

Журбей Е. В.: Каковы цели взаимных выпадов Токио и Пекина? Адресованы ли их заявления прежде всего внутренней или внешней аудитории?

Стрельцов Д. В.: Цели премьера Такаити были очевидны: консолидировать электорат, продемонстрировать ему собственный "патриотизм" и "решимость отстаивать национальные интересы", повысить личные рейтинги и рейтинги правительства. Следует вспомнить, что Такаити пришла к власти на фоне беспрецедентного падения авторитета правящей Либерально-демократической партии, руководство которой оказалось замешанным в коррупционных скандалах, в условиях, когда у правящей коалиции в нижней палате не было даже простого большинства. Премьер учитывала, конечно, и то, что Китай уже давно воспринимается большинством японцев как недружественная страна, от которой исходит прямая военная угроза, и что в общественном сознании страны доминирует идея необходимости опираться на военную силу в политике обеспечения безопасности. Японцы, кроме того, считают вопрос Тайваня напрямую связанным с безопасностью самой Японии.

Заявление Такаити поэтому было адресовано в первую очередь внутренней аудитории. Эффект от него был очевидным: популярность Такаити существенно повысилась, а через три месяца ЛДП одержала ошеломительную победу на внеочередных парламентских выборах. Думаю, что оно не было согласовано с Вашингтоном, хотя общий его посыл соответствовал духу союзнических отношений и продемонстрировал желание японского премьера "понравиться" американскому президенту.

Лексютина Я. В.: С точки зрения Пекина, высказывание Такаити по поводу Тайваня – это грубое вмешательство Японии во внутренние дела Китая и проявление неуважения к "коренных интересам" Китая. В силу огромной значимости решения тайваньского вопроса для Китая, в Пекине исходят из абсолютной недопустимости создания среди мирового сообщества впечатления о какой-либо "гибкости" китайского руководства в тайваньском вопросе. Реагируя крайне резко на высказывания Такаити, Китай демонстрирует мировому сообществу твердую решимость защищать свой суверенитет над Тайванем и предельно ясно дает понять, что готов дать отпор вмешательству любых внешних сил (таких, как Япония, например) в тайваньский вопрос. Собственно, реакция Пекина на высказывание Такаити призвана послать ясный сигнал не только Японии, но и любым государствам, намеревающимся оказать поддержку Тайваню в той или иной форме.

Между тем, хотя высказывание Такаити не было заранее продуманным и намеренно артикулированным (высказывание было сделано не в рамках программной речи, а как ответ в ходе парламентских обсуждений на вопрос представителя оппозиционной партии), оно, тем не менее, достаточно четко проявило современную линию Японии во взаимодействии с Китаем и растущие опасения в связи со стремительно меняющимся в пользу Китая соотношением военного потенциала двух стран и напористостью Пекина в отстаивании своих национальных интересов. В Токио с возрастающей тревогой взирают на рост оборонного бюджета и военных возможностей Китая, модернизацию армии. Растут и опасения, связанные с возможностью реализации Китаем военного сценария воссоединения с Тайванем, с проведением Пекином специальной военной операции, как видится в Токио, по аналогии с той, которую Россия начала на Украине в феврале 2022 г. Такие опасения подкрепляются возросшей в последние полтора десятилетия военной активностью военно-морских и военно-воздушных сил Китая в непосредственной близости от Тайваня: военные учения, облеты китайскими военными самолётами Тайваня, пересечение ими срединной линии Тайваньского пролива, их вхождение в опознавательную зону ПВО Тайваня и проч. Потенциальная кризисная ситуация вокруг Тайваня способна нанести серьезный вред самой Японии и позиционируется как представляющая прямую угрозу японским национальным

интересам. Так, установление китайского контроля над Тайванем облегчило бы Пекину возможность захватить острова Сэнкаку / Дяоюй, а кризисная ситуация в Тайваньском проливе серьёзно нарушила бы цепочки поставок критически важных для развития технологических секторов японской промышленности полупроводников, большая часть мирового производства которых приходится на Тайвань.

В целом, в Китае стремительно нагнетается истерия вокруг японской угрозы. Япония видится как форсированно ремилитаризирующаяся нация, готовая бросить вызов Китаю, в т. ч. в Тайваньском проливе. В китайских традиционных и социальных медиа доминируют эмоционально насыщенные нарративы, связанные с японской угрозой. Япония выставляется агрессором, а Такаити – агрессивным националистом, стремящимся подорвать суверенитет Китая. Она изображается как неквалифицированный, неопытный и безответственный политик. Такой китайский нарратив адресован как японской, так и международной аудитории – он призван ослабить способность Такаити управлять Японией и подорвать её репутацию в глазах мирового сообщества.

Блок II. Историческая память и идентичность

Журбей Е. В.: Насколько исторический опыт сторон (Вторая мировая война, колониальный период, территориальные споры) определяет их двусторонние отношения сегодня?

Стрельцов Д. В.: Изменению подхода к Китаю способствовали общественно-политические сдвиги, наблюдаемые на протяжении последних двух десятилетий в Японии. Если послевоенное поколение японцев испытывало перед Китаем комплекс вины за милитаристскую политику на материке и совершенные японской военщиной преступления, представители нынешнего поколения не чувствуют своей вины и полагают, что их отцы и деды уже достаточно извинялись, а дальнейшего покаяния уже не требуется. Японские консерваторы к тому же приводят тезис о том, что осужденные на казнь японские военные преступники уже "смыли своей кровью" вину перед материковыми странами Азии. Поэтому нажим Китая на Японию за "недостаточное покаяние" не отвечает общественным настроениям и приводит, наоборот, к усилению антикитайского настроя и к ослаблению пацифистского духа в японском обществе.

Более того, в сознании молодых японцев достаточно сильна тенденция к романтизации "славного исторического прошлого" страны, которое воспринимается некритически. Они не любят вспоминать о преступлениях, совершенных японской армией в Китае. Подавляющее большинство японцев считает, что Япония не проиграла войну Китаю, а капитулировала перед американцами. Нелишне вспомнить, что китайцы, наоборот, считают, что именно они внесли решающий вклад в победу над Японией.

Свою роль играет и изменение расстановки сил на политической арене, отражающее процесс смены поколений. Левые силы, которые делают упор на пацифизм в своей политической программе, а следовательно, на необходимость "заглаживания вины" перед азиатскими соседями и, прежде всего, Китаем, постепенно утрачивают позиции среди избирателей. Существенно ослабло и влияние партии Комэйто, опирающейся на поддержку необуддистской секты Сока гаккай, которая имеет традиционно особые отношения с китайским руководством и которая в свое время сыграла решающую роль в нормализации отношений между двумя странами.

Лексютина Я. В.: В свою очередь, Пекин также видит угрозу своим интересам и безопасности в действиях Токио. В таких действиях Японии, как озвученное Такаити намерение пересмотреть пацифистскую конституцию Японии и три неядерных принципа (не обладать ядерным оружием, не производить его и не допускать проникновения на территорию Японии), в Китае видят прямые подтверждения всегда существовавших опасений о том, что Япония не переосмыслила свое историческое прошлое, не раскаялась в содеянных против китайского народа преступлениях, не стала пацифистским государством. В действиях Такаити Пекин видит тревожащие его сигналы роста японского милитаризма и реваншизма. После её высказываний по поводу Тайваня Такаити стала восприниматься в Пекине как ястреб в вопросах безопасности, как политик, заинтересованный в ремилитаризации Японии. Важ-

но понимать, что любые действия Японии воспринимаются в Китае крайне болезненно через призму исторической травмы, нанесенной японским милитаризмом в годы антияпонской войны 1931–1945 гг. В Китае распространены убеждения о том, что Япония никогда по-настоящему не раскаялась, а её послевоенный пацифизм был навязан Вашингтоном, а не явился отражением истинной моральной трансформации.

Журбей Е.В.: Как исторические (культурные) противоречия между китайским и японским обществами связаны с политико-идеологическими разногласиями двух государств?

Стрельцов Д.В.: После того как в сентябре 2010 г. китайское рыболовецкое судно протаранило японский катер береговой охраны у Сэнкаку, а Япония задержала капитана судна; остальные четырнадцать членов экипажа были освобождены и вернулись в Китай, разразился небывалый кризис: в Китае прошли антияпонские погромы и бойкот товаров, был ограничен экспорт редкоземельных элементов. Эта откровенная враждебность заставила Токио переместить Китай из статуса стратегического партнёра в разряд стратегического противника. Новый виток наступил в 2012 г. после решения о выкупе у частных владельцев островов Сэнкаку: Пекин заморозил политические контакты и диалог по безопасности, антияпонские настроения достигли пика. Эти события широко освещались японскими СМИ, привлекая внимание к масштабному военному строительству Китая, его "территориальному экспансионизму" и стремлению вытеснить Японию с позиции регионального лидера.

В 2020-е гг., уже после отставки Абэ, отношение к Китаю ухудшалось из-за ограничений на экспорт редкоземельных металлов, арестов японских бизнесменов по подозрению в шпионаже, а также получивших резонанс нападений на японских детей в Сучжоу и Шэньчжэне в 2024 г. (в Шэньчжэне погиб 10-летний мальчик), хотя власти КНР, очевидно, к ним непричастны. Антикитайские настроения подпитываются и внутренними сдвигами в Японии – ростом правых партий и ксенофобии на фоне увеличения числа постоянно проживающих китайцев. Многие японцы считают, что китайские иммигранты не уважают местную культуру, причастны к криминалу, скупают жильё и вытесняют жильцов, повышая аренду; раздражает и преобладание китайских покупателей в дорогих бутиках. Правые партии, как правило бездоказательно, обвиняют иммигрантов (китайцы – первые среди иммигрантов в Японии по численности) в том, что те отнимают рабочие места и социальные пособия, и это находит отклик у японцев с низкими доходами.

Общественное отношение к Китаю за десятилетие почти не менялось: с 2013 г. более 80% японцев относятся к нему негативно, чему способствуют территориальные споры, исторические проблемы и опасения военной угрозы, особенно вокруг Сэнкаку. Парадокс в том, что более 60% по-прежнему считают отношения с Китаем важными, а молодёжь относится к нему благосклоннее старшего поколения – за этим стоит понимание значения тесных социально-экономических связей с Китаем для благосостояния страны.

Лексютина Я.В.: Подозрения Китая относительно намерений Токио также усиливаются в связи с наблюдающимся ростом оборонных расходов Японии. Тогда как с 1976 г. оборонные расходы Японии были ограничены 1% от ВВП, в декабре 2022 г. тогдашний премьер-министр Фумио Кисида объявил о намерении Японии увеличить оборонный бюджет до 2% к 2027 финансовому году. Это видится в Пекине как очередное проявление отказа Японии от послевоенного пацифизма и возвращения к милитаризму.

В Китае крайне настороженно наблюдают за укреплением японского военного присутствия на островах, находящихся под японским контролем и в непосредственной близости от Тайваня, таких как острова Сэнкаку и остров Йонагуни. В ноябре 2025 г. министр обороны Японии Синдзиро Коидзуми в ходе визита на остров Йонагуни, расположенный близ Тайваня, заявил о намерении разместить там зенитные управляемые ракеты средней дальности. Токио также размещает крупные военные силы (ракетные батареи, истребители F-35, радиолокационные башни, склады боеприпасов и другие объекты) на острове Кюсю, самом южном из четырёх крупных островов Японии.

Блок III. Геополитическая архитектура и безопасность

Журбей Е.В.: Какую роль в текущем обострении японо-китайских отношений играют США? Насколько автономно в этой ситуации в своих действиях Токио, в том числе по мнению китайской стороны?

Стрельцов Д.В.: США стараются не вовлекаться в японо-китайский конфликт. Например, Вашингтон официально не поддерживает позицию Японии в её споре с Китаем вокруг островов Сэнкаку / Дяоюй, заявляя о том, что вовлеченные в него стороны должны сами договориться между собой. Вместе с тем для японо-китайских отношений японо-американский Договор безопасности служит фактором стабилизации напряжённости. С точки зрения Токио, союз с Америкой сдерживает Китай от силового решения проблемы островов Сэнкаку / Дяоюй, так как попытка захвата территории, находящейся под административным контролем Японии, квалифицируется в рамках договора как нападение и влечёт за собой вступление в конфликт США. Иными словами, речь может идти о полноценной войне между двумя ядерными державами с перерастанием в новую мировую войну. Именно по этой причине с приходом новой администрации в Белом доме японские премьеры каждый раз добиваются от президента США очередного подтверждения обязательств по Договору безопасности, касающегося защиты Сэнкаку. Однако США стараются заранее не артикулировать свои действия в случае обострения обстановки вокруг островов, а уж тем более не заявлять публично об "автоматическом" вступлении в войну против Китая, предпочитая придерживаться политики "стратегической неопределённости".

Нужно понимать, что Япония сегодня находится в существенно более зависимом положении от американских гарантий безопасности, чем это было ранее. Это связано с тем, что Япония воспринимает сложившуюся в настоящий момент среду безопасности как беспрецедентно серьезную за весь послевоенный период, что признал в своем программном выступлении в октябре 2024 г. тогдашний премьер С. Исиба. С точки зрения Токио, страна окружена недружественными государствами и испытывает прямые военные угрозы с трех сторон: Китая, КНДР и России. Там полагают также, что с учётом собственных экономических и военных возможностей Япония неспособна в полной мере противостоять этим угрозам, а потому вынуждена в ещё большей степени полагаться на своего заокеанского партнёра. Такаити поэтому прилагает большие усилия для сохранения тесных личных отношений с президентом Трампом (что продемонстрировала его встреча с американским президентом в марте этого года). Однако надежность США как полноценного союзника, с учётом постепенного ослабления их экономической мощи и военных возможностей, вызывает у многих японцев всё больше сомнений.

Лексютина Я.В.: К данному кризису, во многом вызванному тайваньской проблематикой, Вашингтон, казалось бы, прямого отношения не имеет. Особенность второго срока Трампа – крайне осторожная, выверенная политика по Тайваню: он избегает публичных заявлений о роли США в гипотетическом кризисе и не артикулирует гарантии защиты острова, в отличие от Байдена. Однако своим бездействием администрация косвенно подталкивает Японию к большей активности: размывание роли Вашингтона как гаранта неизбежно вынуждает заинтересованных в статус-кво акторов, таких как Япония, наращивать собственное участие в тайваньском вопросе.

Фактор США влияет и на подход Японии к самообороне. Курс Трампа на принуждение союзников к "разделению бремени ответственности" вынуждает Токио усиливать вооружённые силы, что Пекин расценивает как ремилитаризацию; Трамп неоднократно называл "новый глобальный стандарт" расходов на оборону – 5% ВВП (3,5% на основные военные расходы и 1,5% на смежные). Демонстрируемая США с первого срока Трампа ненадёжность как союзника заставляет Токио быть активнее в вопросах собственной и региональной безопасности и готовиться к военным действиям без американской поддержки.

Фактор США проявляется и иначе: в экспертной литературе распространено мнение, что при росте давления США на Китай Пекин более склонен к нормализации с Японией, не желая единого фронта против себя и ища альтернативы выпадающей торговле с США; когда же давление спадает, он

ужесточает подход к Японии – как с осени 2025 г., когда Трамп ограничил давление ради торговой сделки с Пекином.

Журбей Е. В.: Что означает всплеск противоречий Токио и Пекина в современном геополитическом контексте в рамках СВА, АТР или ИТР? Существуют ли на региональном уровне институциональные механизмы предотвращения эскалации двустороннего конфликта?

Стрельцов Д. В.: Так сложилось, что именно "система оси и спиц" (двусторонних военно-политических союзов США со странами Восточной Азии – Японией, Южной Кореей, Филиппинами и Таиландом), сложившаяся в период холодной войны, остаётся в регионе единственным механизмом обеспечения безопасности, имеющим юридическое оформление в виде договорных обязательств. Многосторонней системы обеспечения безопасности в этом регионе так и не сложилось. Прочие многосторонние форматы в АТР, как с участием Японии, так и без неё, в реальности не выходят за рамки диалоговых площадок, а также институциональных платформ для координации политики в области военной и иных форм безопасности, и потому их трудно назвать эффективной формой предотвращения вооруженных столкновений.

В политическом истеблишменте Японии, как уже отмечалось выше, усиливаются алармистские настроения, основанные на понимании ненадежности гарантий безопасности США. Это толкает правящие круги страны в направлении курса на укрепление собственного военного потенциала, в том числе на случай потенциального конфликта с Китаем. Ещё с начала XXI в. идёт процесс перестройки и переналадки всей военной доктрины Японии в направлении "китайской угрозы". Преобладающим направлением военного строительства уже давно стало юго-западное – защита отдалённых от основной территории островов (Иводзима, Минами-Торисима, Огасавара и др.), очевидно, на случай высадки туда китайского десанта. Действующими сейчас планами там предполагается наращивать возможности по сбору разведданных, раннему предупреждению и наблюдению за Тихим океаном, включая размещение мобильных радаров раннего предупреждения и контроля, строительство портовых сооружений и взлётно-посадочных полос и т. д. Зенитно-ракетные комплексы размещаются на островах Мияко, Исигаки и на острове Ёнагуни, расположенном лишь в 110 км от Тайваня. А на острове Исигаки в префектуре Окинава в 2023 г. была открыта новая база Сил самообороны, на которой дислоцированы установки для запуска ракет "Тип-12" класса "земля – корабль", а также ракеты средней дальности "Тип-03" класса "земля – воздух".

Многое также делается для хеджирования связанных с "китайским вызовом" рисков путём активного развития контактов по линии военных ведомств с "одинаково мыслящими" странами АТР, помимо США, – Австралией, Филиппинами, Южной Кореей, Индией и др. Ставка сделана на приоритетное развитие "сетевых партнерств" с этими странами с различными формами их институционализации.

Блок IV. Геоэкономика и взаимозависимость

Журбей Е. В.: Как торговая и технологическая конкуренция между сторонами (полупроводники, редкоземельные металлы, цепочки поставок) влияет на динамику их политических отношений?

Стрельцов Д. В.: Япония и Китай, несмотря на усиливающуюся конфронтацию, остаются друг для друга крупнейшими экономическими партнерами. В 2025 г. Китай по-прежнему был для Японии вторым после США экспортным рынком, куда она поставляла продукцию на сумму около 130 млрд долл., в основном продукцию машиностроительной и автомобильной промышленности. Импорт из Китая составляет около 162 млрд долл., что отражает доминирующее положение Китая в двусторонней торговле. В целом экономические связи между Японией и Китаем предоставляют Китаю больше возможностей для давления на Японию, чем Японии для давления на Китай.

Япония существенно зависит от поставок из Китая критически важных для её электронной промышленности редкоземельных металлов. Эта зависимость приобрела для Токио характер стратегического вызова после того, как Пекин в 2010 г. ограничил экспорт в Японию этого вида продукции. С того момента Япония стала прилагать активные усилия по диверсификации по-

ставок и укреплению партнерских отношений со странами, предоставляющими ей альтернативу в качестве поставщиков ресурсов. Однако структурная зависимость от китайского импорта, хотя и снизилась с 90% до примерно 60–70%, по-прежнему сохраняется на неприемлемо высоком для Токио уровне. В Токио не без основания считают, что эта зависимость может использоваться Пекином в политических целях.

Лексютина Я. В.: Тесные торгово-экономические связи с Китаем в Токио всё чаще воспринимают как уязвимость и рычаг давления, и эта оценка укрепляется по мере того, как Пекин использует экономические инструменты в политических целях. В нынешнем кризисе Китай ввёл в январе 2026 г. запрет на экспорт всех товаров двойного назначения, а в феврале приостановил поставки критически важных элементов для 20 крупных японских компаний (среди них Mitsubishi Heavy Industries, Subaru, Hino Motors), объясняя это сдерживанием ремилитаризации Японии. В ответ на высказывания Такаити Пекин вновь запретил импорт японских морепродуктов (запрет 2023 г. из-за сброса воды с "Фукусимы-1" был снят лишь в июле 2025 г.), призвал граждан воздержаться от поездок в Японию, отложил премьеры японских фильмов и отменил выступления артистов.

Подобные меры стали устоявшейся практикой, и их учащение усиливает мотивацию Токио снижать зависимость от Китая, диверсифицировать связи и укреплять отношения с США и партнёрами. Снижение интенсивности взаимодействия будет постепенно размывать экономический базис двусторонних отношений – то немногое, что удерживает интерес сторон друг к другу. Изменение отношения уже закреплено документально: в "Синей книге" 2026 г. статус Китая понижен с "одной из важнейших соседних стран" до просто "важного соседа".

Журбей Е. В.: Способна ли экономическая взаимозависимость сторон по-прежнему выступать стабилизирующим фактором, или её роль (под влиянием "избирательного разъединения") снижается?

Стрельцов Д. В.: В глазах Японии Китай является ненадёжным партнером. Это связано с тем, что Китай неоднократно использовал зависимость Японии от экономических связей в качестве политического оружия, причем делал это дозированно и избирательно, то наращивая уровень давления, то снижая его, исходя из собственной оценки его эффективности. На этом фоне Япония в отношениях с Китаем всё больше рассматривает экономические связи не столько как стабилизирующий фактор, сколько как инструмент влияния.

С учётом этого Япония на протяжении длительного времени проводит политику диверсификации цепочек поставок под лозунгом "Китай плюс один". Эта политика поощряет компании создавать вторичные производственные или снабженческие базы в иных, помимо Китая, местах, сохраняя при этом в Китае свое оперативное присутствие. На этом фоне японские инвестиции в Китай сократились за последнее десятилетие примерно на 60%, что, очевидно, отражает восприятие японскими инвесторами Китая как страны с высокими геополитическими рисками.

Что касается обратных инвестиций из Китая в Японию, в стране действует Закон об экономической безопасности, в соответствии с которым правительство достаточно жестко контролирует инвестиции в критически важную инфраструктуру и стратегические отрасли (полупроводники и др.), предотвращая утечку жизненно важных технологий. В отношении Китая, кроме того, действуют жесткие экспортные ограничения, касающиеся передового производственного оборудования, например, для производства микросхем.

Свою роль в восприятии Китая японскими инвесторами играет общее замедление темпов роста экономики Китая, усугубленное продолжительным спадом, и снижающее привлекательность китайского рынка. Япония в своих оценках перспективности китайского рынка также вынуждена учитывать конфликтность в торгово-экономических и политических отношениях Китая с Америкой, являющейся её главным союзником.

Вместе с тем, несмотря на сохраняющуюся на государственном уровне напряжённость, многие японские фирмы продолжают инвестиции в отрасли, обслуживающие внутренний китайский потребительский рынок. Некоторые японские компании для поддержки своего непрямого присутствия на китай-

ских рынках используют совместные с Китаем предприятия, а также предприятия и корпоративные структуры третьих стран.

Лексютина Я. В.: Прогнозируя развитие торгово-экономического взаимодействия между Китаем и Японией и способность экономической взаимозависимости между ними выступать стабилизирующим двусторонние отношения фактором, следует исходить из произошедшей в мире в целом кардинальной переоценки принципов и ориентиров, которыми руководствуются ведущие мировые экономики, и Япония, и Китай здесь не исключение. Эта переоценка была во многом связана с деятельностью первой администрации Д. Трампа, инициировавшего торговую и технологическую войну и декаплинг с Китаем (с подачи Трампа в мировой лексикон вошел термин "декаплинг", позднее дополненный идеей "дерискинга"), а также с ситуацией во время пандемии COVID-19, проявившей уязвимость мировых цепочек добавленной стоимости, и украинским кризисом, заставившим страны Запада переосмыслить роль экономической взаимозависимости в межгосударственных отношениях (на примере кейса с энергетической зависимостью от России).

На смену курсу на углубление глобализации, разделение труда, наращивание торгово-экономических связей в интересах стабилизации отношений, если они характеризовались сложным политическим содержанием, пришла политически мотивированная ориентированность на создание производственно-сбытовых цепочек с опорой на страны, близкие по геополитическим интересам (на союзников и близких партнеров), а тесные торгово-экономические связи с политически чуждыми и конкурирующими странами стали рассматриваться как создающие зависимость и, соответственно, уязвимость, которую необходимо искусственно и целенаправленно снижать или вовсе устранять.

Блок V. Региональное измерение и международные режимы

Журбей Е. В.: Как текущая напряжённость между Японией и Китаем отражается на институтах региональной интеграции? Каким образом она влияет на трансграничные отношения между их соседями по СВА?

Стрельцов Д. В.: На двустороннем уровне Япония не заинтересована в преференциальных торговых соглашениях с Китаем, имеющим крупный профицит, но давно участвует в многосторонних интеграционных структурах с его участием, рассматривая их как инструмент "дисциплинирования Китая", который они вынуждают соблюдать международные нормы в чувствительных сферах: защита интеллектуальной собственности, доступ на финансовые рынки, защита инвестиций. Так, Япония входит во Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП) наряду с Китаем, странами АСЕАН, Южной Кореей, Австралией и Новой Зеландией, а с 2008 г. ведёт диалог в формате "тройки" (Япония, Китай, Южная Корея); правда, её саммит, намеченный на декабрь 2025 г., Пекин отменил из-за высказываний Такаити.

Институты региональной интеграции играют позитивную роль, предоставляя площадку для диалога и хеджирования рисков. Для Токио многосторонние форматы – возможность откровенного обмена мнениями с Пекином по общим темам, например по корейскому урегулированию. Показательно, что первая встреча лидеров после кризиса 2012 г., начавшая нормализацию, состоялась на полях саммита АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г.; такие институты могут помочь и сейчас.

В отношениях с соседями – Южной Кореей, Тайванем, странами ЮВА – вероятно дальнейшее развитие стратегических связей на основе общего понимания "китайского вызова", особенно со странами, имеющими споры с Китаем в Южно-Китайском море (Вьетнам, Филиппины). С Манилой Токио подписал договор о делимитации исключительных экономических зон, что вызвало гнев Пекина: часть линий разграничения к востоку от Тайваня попала в воды, которые Китай считает своими. В результате 7 июня 2026 г. Китай объявил "специальную морскую операцию" по защите зоны, направив флотилию береговой охраны, на что Тайвань ответил отправкой своих судов, а в Японии это вызвало новый всплеск алармизма. Кроме того, Япония запустила программу "Официальной помощи безопасности" (OSA) для стран Южной и Юго-Восточной Азии и Тихого океана (Вьетнам, Филиппины, Таиланд, Малайзия, Шри-Ланка и др.), поставляя им патрульные катера, надувные лодки, береговые радары и беспилотники.

Лексютина Я. В.: Текущая напряжённость между Китаем и Японией мотивирует их прикладывать ещё больше сил в направлении ускоренного усиления военного потенциала, наращивания оборонных расходов, укрепления боеспособности армии. Усиление вооружённых сил этих двух стран неизбежно мотивирует и другие страны региона к военной модернизации, что, в конечном счёте, подпитывает протекающую уже по меньшей мере полтора десятилетие в этом регионе гонку вооружений.

Блок VI. Прогностический и концептуальный

Журбей Е. В.: От каких факторов будет зависеть дальнейшее развитие отношений между КНР и Японией? Какое место среди этих факторов занимает позиция и возможные действия России?

Стрельцов Д. В.: На отношения Китая и Японии воздействует множество факторов, но в основе лежит экономика: страны не могут друг без друга, а политика вторична – экономика всегда "вытягивает" политику. Формула "в экономике горячо, в политике холодно" сохранит значение на всю обозримую перспективу.

В краткосрочной перспективе японский премьер не станет дезавуировать свои высказывания о Тайване под давлением Пекина. По мере роста националистических настроений политика Такаити на китайском направлении будет сильнее, чем у предшественников, определяться настороженностью общества: вероятны более строгий контроль доступа проживающих в Японии китайцев к передовым технологиям, ужесточение правил приобретения земли иностранцами и мер против нелегальной иммиграции. Япония ускорит военное строительство и перевооружение Сил самообороны, углубит связи в сфере безопасности с США и партнёрами – прежде всего Южной Кореей и Австралией; новый импульс получат "Четвёрка" (Quad) и стратегические треугольники Вашингтон – Токио – Сеул и Вашингтон – Токио – Канберра. При этом Токио учитывает прагматизм Китая, который то усиливает, то ослабляет давление, и потому сохранит осторожность, рассчитывая на ответное "благоразумие" Пекина, не заинтересованного в чрезмерном антагонизме.

В более долгосрочной перспективе вероятно сохранение "управляемого соперничества" – сосуществования официального сотрудничества и стратегической конкуренции; со снижением напряжённости стороны возобновят визиты на высоком уровне и продолжат торговлю. Полной независимости от Китая, особенно в импорте ряда природных ресурсов, Японии в обозримом будущем не достичь, тем более что по мере декарбонизации спрос на критические минералы будет расти, усиливая уязвимость к давлению Пекина. Поэтому будет развиваться стратегия экономической безопасности на основе хеджирования рисков – диверсификации цепочек поставок, расширения сети партнёрств и диалога с "одинаково мыслящими" странами. Со временем, вероятно, установится новая точка равновесия, отражающая понимание Японией стратегической важности отношений с Китаем для собственных интересов.

Что касается России, японское руководство традиционно рассматривает её через призму военно-технического и иного сотрудничества с Китаем, способного иметь антияпонскую направленность. Именно это было одним из мотивов сближения с Россией при кабинетах Абэ, который объяснял свои действия стремлением "оторвать" Россию от Китая и не допустить их блокирования против Японии. После 2022 г. этот мотив утратил значимость ввиду безальтернативности для России особых отношений с Китаем на фоне СВО, и потому отношения Японии с Россией, лишившись "китайского фактора", остаются в низшей точке.

Лексютина Я. В.: При анализе перспектив преодоления нынешнего кризиса в китайско-японских отношениях важно учитывать современный внутриполитический контекст Японии, где всё большей поддержкой пользуется жёсткий подход в отношении Китая. Как внутри правящей коалиции, так и среди оппозиционных партий политиков, готовых или способных выступать за диалог и развитие тесных отношений с Китаем, становится всё меньше. Выступая в поддержку нормализации отношений с Китаем, японские политики рискуют быть причисленными к "прокитайским" силам, утратить поддержку со стороны электората и не пройти на выборах. В общественном восприятии Японии Китай уже становится экзистенциальным противником –

противником, непосредственно и постоянно угрожающим. Этому способствует сохраняющаяся с 2010 г. напряжённость в двусторонних отношениях, сопровождающаяся интенсивным негативным информационным фоном, в т. ч. за счёт распространения в социальных медиа новостей об инцидентах с преследованиями китайскими кораблями береговой охраны японских рыболовецких лодок возле островов Сэнкаку, о военно-морских учениях НОАК и прочих проявлениях военной активности Китая в спорных акваториях и над ними. Так, состоявшиеся в феврале 2026 г. выборы в нижней палате парламента впервые в послевоенной истории Японии обеспечили супербольшинство Либерально-демократической партии Такаити, что, по существу, свидетельствовало о поддержке японской общественностью китайско-японского противостояния, вызванного высказываниями Такаити в ноябре 2025 г.

Таким образом, одним из важнейших факторов, который будет определять развитие китайско-японских отношений в предстоящие годы, является внутриполитическая ситуация в Японии. Она будет затруднять деэскалацию конфликта и способствовать курсу Токио на снижение торгово-экономической связанности с Китаем и, напротив, укреплению связей с США и их союзниками и партнерами.

С учётом обрисованной выше внутриполитической ситуации в Японии и ввиду непреходящей важности тайваньского вопроса для Китая резонно предположить, что процесс деэскалации будет сложным, и, если или когда она произойдет, китайско-японские отношения стабилизируются на гораздо более низком уровне, чем до высказываний Такаити. Важным фактором, определяющим дальнейшее развитие китайско-японских отношений, станет актуальное содержание двусторонних противоречий. Если Япония продолжит эскалацию своей риторики и деятельности в вопросах, затрагивающих тайваньский вопрос, напряжённость будет только возрастать.

Что касается возможного фактора России в китайско-японских отношениях, дальнейшее укрепление российско-китайского стратегического партнерства и активизация совместных военных учений в морских акваториях и воздушном пространстве АТР будет способствовать росту обеспокоенности Японии за собственную безопасность и, соответственно, наращиванию её военного потенциала, что неизбежно усилит убежденность Пекина в ремилитаризации Японии.

◆

Информация об авторах

Дмитрий Викторович Стрельцов, д-р ист. наук, заведующий кафедрой востоковедения Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия, e-mail: Streltsovd.streltsov@inno.mgimo.ru

Яна Валерьевна Лексютина, д-р полит. наук, главный научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия, e-mail: lexyana@ya.ru

Евгений Викторович Журбей, канд. ист. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: zhurbey.ev@dvfu.ru

Information about the authors

Dmitry V. Streltsov, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Oriental Studies, Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, e-mail: Streltsovd.streltsov@inno.mgimo.ru

Yana V. Leksyutina, Doctor of Political Sciences, Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: lexyana@ya.ru

Evgeny V. Zhurbey, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: zhurbey.ev@dvfu.ru

Поступила в редакцию 24.06.2026 Принята к публикации 25.08.2026

Received 24.06.2026 Accepted 25.08.2026

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 77–87.
Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 77–87.

Научная статья
УДК 327.01:111
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/77-87

В поисках "скрытого порядка" в международных отношениях

Татьяна Александровна Алексеева
Московского государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
Москва, Россия, ataleks@mail.ru
Александр Петрович Минеев
Московского государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
России, Москва, Россия, mineyev@list.ru

Аннотация. Статья продолжает разработку холистического подхода к теории международных отношений через осмысление онтологической проблемы "целое – часть". Цель исследования состоит в оценке эвристического потенциала категории "скрытого порядка" (implicate order), предложенной Дэвидом Бомом, а также связанных с ней представлений о целостности, запутанности и соотношении скрытого и явного порядков применительно к международным отношениям. Авторы сопоставляют редукционистское понимание международной системы как совокупности автономных государств с холистическим подходом, предполагающим зависимость свойств отдельных акторов от более широкого целого. В статье выделяются две возможные стратегии применения холизма: "холизм-минимум", основанный на выявлении взаимосвязанных и взаимозависимых акторов без непосредственного переноса онтологии Бома, и "холизм-максимум", предполагающий использование идеи скрытого порядка для объяснения механизмов формирования наблюдаемой международной реальности. На материале межрелигиозных отношений и модели оптической иллюзии "Жена или Тёща?" анализируется возможность сосуществования различных, внешне взаимоисключающих интерпретаций одной реальности. Показано, что коммуникация и диалог способны переводить взаимодействие из логики "или – или" в логику "и – и", создавая предпосылки для неконфликтного взаимодействия. Сделан вывод о перспективности бомианской онтологии как эвристической рамки для расширения представлений о субъектах и структуре международных отношений.
Ключевые слова: *теория международных отношений, холизм, редукционизм, Дэвид Бом, скрытый порядок, явный порядок, запутанность, межрелигиозный диалог, межкультурный диалог*
Для цитирования: Алексеева Т. А., Минеев А. П. В поисках "скрытого порядка" в международных отношениях // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 77–87.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/77-87

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/77-87

In Search of an "Implicate Order" in International Relations

Tatyana A. Alekseeva
Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, ataleks@mail.ru
Alexander P. Mineyev
Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, mineyev@list.ru

Abstract. The article continues the development of a holistic approach to international relations theory through an examination of the ontological problem of the relationship between the "whole" and the "part." The study aims to assess the heuristic potential of David Bohm's concept of the implicate order, together with the related notions of wholeness, entanglement, and the relationship between implicate and explicate orders, as applied to international relations. The authors contrast a reductionist understanding of the international system as an aggregate of autonomous states with a holistic approach that assumes that the properties of individual actors are conditioned by a broader whole. Two possible strategies for applying holism are distinguished: "minimal holism," based on identifying interconnected and interdependent actors without directly transferring Bohm's ontology to international relations, and "maximal holism," which employs the idea of an implicate order to explain the mechanisms through which observable international reality is constituted. Drawing on interreligious relations and the optical illusion "My Wife or My Mother-in-Law?" as an analytical model, the article examines the possibility of coexistence between different, seemingly mutually exclusive interpretations of the same reality. It is argued that communication and dialogue can shift interaction from an "either–or" logic to a "both–and" logic, thereby creating conditions for non-conflictual interaction. The authors conclude that Bohmian ontology has considerable heuristic potential as a conceptual framework for broadening understandings of the actors and structure of international relations.
Keywords: *International relations theory, holism, reductionism, David Bohm, implicate order, explicate order, entanglement, interreligious dialogue, intercultural dialogue*
For citation: Alekseeva T.A., Mineyev A.P. In Search of an "Implicate Order" in International Relations // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 77–87.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/77-87

Введение

В недавней публикации, касаясь проблемы "целое – часть" в контексте теории международных отношений (ТМО), мы рассмотрели кейсы, дающие

© Алексеева Т. А., Минеев А. П., 2026

дополнительные основания сомневаться в полноте редукционистского подхода, согласно которому множество субъектов МО исчерпывается очерченными в пространстве и автономными в своих свойствах "частями" – суверенными государствами и/или их союзами и объединениями **[1]**.

Как известно, противополагающей себя редукционизму парадигмой является холизм, постулирующий первичность, главенство целого по отношению к частям. Но это означает, что контуры самого понятия "части" становятся размытыми, поскольку отныне они становятся зависимыми от состояния "целого" и, значит, от совокупного состояния их самих. Такой взгляд побуждает не только к уточнению определения "частей", но в той же степени и понятия "целого". Иными словами, приняв для холистического рассмотрения в качестве исходной точки вполне очевидный для редукционизма набор "частей", мы приходим к внутреннему противоречию, требующему, как минимум, иной стартовой "системы координат" для дальнейших размышлений.

Ещё в 1990-е гг. в научный лексикон политических наук, включая и теорию международных отношений, вошли понятия и концепты из теоретической физики, термодинамики и теории самоорганизации биологических систем. Большинство из них так и не смогли стать общенаучными в силу различий естественно-научного и социального познания. Обычно понятия и концепты, взятые из естественных наук, выступают в качестве метафор – используются для "сравнения" процессов и явлений качественно различной природы и сложности. Но сама попытка отнюдь не бесполезна и в ряде случаев весьма продуктивна, поскольку позволяет глубже понимать смысл социально-политических процессов.

Хорошей иллюстрацией из сферы естественных наук может служить так называемая аллотропия, когда один и тот же химический элемент способен образовывать разные вещества. Алмаз и графит – наиболее известный пример. Мы не можем взять за "части" отдельные атомы углерода: чтобы понять свойства названных веществ, необходимо знать геометрию кристаллической решётки, проще говоря, со сколькими другими атомами непосредственно соседствует в ней каждый атом углерода. В алмазе их число равно четырём, в графите – трём. Но даже зная это, мы не можем принять за "части" алмаза в редукционистском понимании тетраэдры (как и треугольники в графите), поскольку любой атом кристаллической структуры входит в состав нескольких элементарных кристалликов (тетраэдров или треугольников, соответственно) так, что они образуют цепь взаимопроникающих звеньев. Тем не менее, именно геометрия соседства определяет как свойства алмаза и графита, так и электронное состояние всякого отдельного атома углерода в этих веществах, которое, в частности, делает алмаз изолятором, а графит – проводником; алмаз – прозрачным, а графит – поглощающим видимый свет.

Приведённый пример, при всей относительной наглядности, хоть и обнаруживает в своём случае предпочтение холистическому подходу по сравнению с редукционистским, всё же оставляет без ответа вопрос: какие условия необходимо выполнить, чтобы атомы углерода "сложились" в алмаз, а какие в графит? Не следует ли эти условия включить в рассмотрение для более полного осмысления понятий "целое" и, возможно, иного, чем привычное, определения понятия "части"?

Мы ранее отмечали, что подобного рода вопросы, относящиеся к "полноте целого", а значит, и к соотношению его как с наблюдаемой, так и с подлинной (возможно, скрытой или неявной) реальностью, могут иметь основополагающее онтологическое значение и для теории международных отношений **[1]**.

В предлагаемой статье мы хотели бы продолжить осмысление этих и других вопросов, возникающих при попытке применить холистический подход к ТМО.

Запутанность состояний, холизм, скрытый порядок: квантовая физика и международные отношения

Одним из распространённых факторов, заметно влияющих на межгосударственные отношения, является компактное проживание этнического меньшинства на приграничной территории, зачастую распространяющееся на два или более соседних государства. Отдельно следует выделить случаи,

когда в одном из них данный этнос составляет большинство, и тогда о сложившейся конфигурации расселения чаще и громче говорят как о проблеме разделённых народов.

Такая "разделённость народов" служит источником конфликтов, нередко оформляющихся в сепаратизм, главным самооправданием которого служит "благое намерение" достичь лучшего соответствия (в идеале – совпадения) упомянутых границ. Понятно, что интенсивность этноконфликтов в сильной степени зависит и от внутренней политики государства в отношении нацменьшинств.

Для нашего рассмотрения здесь важно отметить, что характерная для редукционизма модель однородных частей с фиксированными границами ("бильярдных шаров", как писали политические реалисты), взаимодействующих друг с другом по внешним законам, становится небесспорной, так как теперь отчётливо проявляется зависимость общей картины не только от экзогенных, но и (порой в не меньшей мере) от эндогенных факторов – от внутреннего "состава" шаров. Мы приводили пример такого рода в нашей предыдущей статье (кейс "Шарф Орбана" **[1, с. 79]**) в качестве одного из аргументов в пользу холистического подхода к ТМО. Тем не менее, мы хотели бы здесь несколько подробнее обсудить, так ли уж необходимо отказываться от редукционистского подхода из-за присутствия этнического фактора в межгосударственных отношениях.

Действительно, этническую гетерогенность государства, казалось бы, можно принять за введение в рассмотрение более мелких составляющих частей при сохранении принципов редукционизма. Просто теперь потребуется более детальный анализ внешних взаимодействий, включающих большее, чем прежде, число акторов. Это сродни переходу от Демокритова неделимого атома к атому Резерфорда, состоящему из новооткрытых элементарных частиц – протонов, нейтронов и электронов. Переходу, который не поколебал устоев редукционизма: отыщите части, откройте законы их взаимодействия, и вы сможете постигнуть мироустройство. Равно как не были поколеблены объяснения многих физических явлений и представлений, нечувствительных к внутреннему устройству атомов и молекул, скажем, газовые законы, основанные на концепции упругих камнеподобных шариков – почти в точности по Демокриту. Другое дело, что совершился прорыв в понимании химических реакций – как перестройки электронных оболочек атомов в ходе образования молекул. Но и тут позиции редукционизма как антипода холизма оставались незыблемыми, пока в поле зрения физики не оказались макромолекулы – полимеры и особенно биополимеры (белки и нуклеиновые кислоты), чья реакционная способность обнаруживала сильную зависимость от так называемой конформации – способа сворачивания полимерной цепи в ту или иную конфигурацию **[**напр., **2, с. 195–214]**.

Вот и компактное проживание того или иного этноса на территории государства, где он находится в меньшинстве, можно при известных условиях уподобить электрону в атоме инертного газа: да, мы знаем, что это не атом Демокрита – он сложносоставной, но во взаимодействии с другими атомами он ведёт себя по тем же законам – как упругий однородный шарик. К примеру, Швейцария с четырьмя франкоязычными кантонами в своих отношениях с Францией; Италия с германоязычным Южным Тиролем – с Австрией; Бельгия с Западной Фландрией – с Нидерландами.

Даже если разделённый этнос сталкивается с теми или иными проблемами, не затрагивающими интересы других стран, кроме тех, где он проживает, редукционистский подход в анализе МО сохраняет свою силу, подобно тому, как это происходит, скажем, при исследовании поведения электронов, распределенных между атомами в двухатомной молекуле. Например, проблема басков Испании, разделенных с этнически идентичными им гасконцами Франции, по-видимому, вряд ли требует холистического подхода – привлечения к рассмотрению иных акторов, кроме названных. Однако аналогии из физики, точнее из квантовой механики, могут указать и на отличные от приведённых выше ситуации, связанные с проблемой разделённых народов.

Физика и другие естественные науки уже на протяжении нескольких десятилетий входят в мир политики и политической науки. Например, ещё Уинстон Черчилль весьма внимательно следил за открытиями в физике,

имея в виду их потенциальное значение для политики. Ещё в 1927 г. в статье "Совершим ли мы самоубийство?" он высказал провидческое предположение о грядущем наступлении атомной эры, намекнув на скорое появление "атомной бомбы" – этот термин впервые был употреблён английским писателем Гербертом Уэллсом в фантастическом романе "Мир становится свободным", написанном ещё в 1914 г., в котором писатель доказывал, что физические явления – гравитация, энергия, движение, время – должны быть положены в основу всех остальных наук, в число которых, очевидно, включал и науки политические.

Позднее не менее ярко эти подходы проявились в попытках заимствовать новые методы и типы мышления из квантовой физики. Квантовая картина мира представляет Вселенную как непрерывно развивающуюся совокупность целостных, глубоко взаимосвязанных систем. На смену механистическим законам (а не секрет, что многие политологи и международники по сей день опираются на абстрактный формализм Локка, Монтескье, Бентама и других "классиков" раннего Модерна). На смену им приходит квантовый мир, хотя результаты попыток международников пойти по пути своих собратьев-естественников всё ещё отличаются известной скромностью. Кроме того, как правило, речь идёт всё же не о буквальной трансляции естественно-научного знания в социальную сферу, а скорее о влиянии сходных утверждений или метафор. Плюрализм политического знания, его постоянная изменчивость и подвижность с неизбежностью позволяют воспринимать его как "продукт в процессе", сочетающий в себе традиционные методы познания и попытки радикального обновления в соответствии с изменяющейся картиной мира.

С точки зрения поставленной нами проблемы, мы имеем в виду квантово-механическое понятие так называемой запутанности, когда две или более микрочастицы, даже находясь на больших макрорасстояниях друг от друга, ведут себя не независимо, обнаруживая взаимную корреляцию своих свойств. Упомянутая выше "запутанность" получила в квантовой теории устоявшийся терминологический статус (*entanglement*), обозначающий, в частности, принципиальную невозможность изменить что-либо в любой из частей системы, не нарушив состояний всех остальных, а значит, и всей системы в целом. (К слову сказать, Нобелевская премия по физике в 2022 г. была присуждена за исследования запутанных частиц).

Разбирая кейс "Шарф Орбана", мы усмотрели в нём определённые признаки запутанности довольно широкого круга субъектов разного правового статуса – от Евросоюза до автономного округа РФ, от Всемирного конгресса финно-угорских и самодийских народов до региональных и муниципальных образований ряда европейских стран **[1, с. 79]**. Тем не менее, нельзя не признать, что аналогия с квантово-механической запутанностью – если не натянутая, то всё же, как минимум, довольно дерзновенная. Несомненно, данный кейс, как мы его охарактеризовали в нашей предыдущей работе, даёт известные основания для дальнейшего исследования возможностей холистического подхода к ТМО. Однако, для большей уверенности прежде необходимо, на наш взгляд, прояснить несколько вопросов.

Пожалуй, главный из них можно сформулировать следующим образом: как феномен запутанности соотносится с холизмом? Иначе говоря, может ли факт запутанности нескольких частиц свидетельствовать о наличии некоего "целого", большего, чем совокупность (ансамбль) этих частиц? Непосредственный ответ, очевидно, будет отрицательным. Но запутанность послужила средством экспериментального доказательства так называемой нелокальности нашего мира: два запутанных фотона, разлетевшись на дистанцию в десятки километров, продолжают "чувствовать" друг друга, т. е. сохранять взаимную корреляцию своих состояний, причём эта корреляция происходит мгновенно, независимо от расстояния. (Именно за этот эксперимент французский физик Ален Аспе стал одним из лауреатов Нобелевской премии 2022 г.).

Этот результат может быть понят в рамках концепции выдающегося физика и мыслителя XX в. Дэвида Бома, постулирующей существование так называемого скрытого порядка (*implicate order*), который присутствует в некоем пре-пространстве (*pre-space)*, где нет декартовых координат для расстояний и времени, но проекция которого в наблюдаемый нами мир (явный или явленный порядок, *explicate order*) содержит их в виде, по выражению Бома,

"абстракции" **[3]**. Абстракциями являются и элементарные частицы, а значит, и всё сущее, наблюдаемое и ощущаемое в нём нами. Поэтому нет ничего невероятного в том, что пара фотонов, даже разлетевшись на любое, сколь угодно большое расстояние в нашем мире, продолжает оставаться порождением некоей более всеобъемлющей единой сущности из *пре-пространства*, где отсутствуют категории расстояния и времени. Следовательно, не приходится говорить об индивидуальных свойствах этих фотонов, коль скоро каждый из них, независимо от дистанции до другого, остаётся в первую очередь проекцией, "абстракцией" их "пра-сущности", неразрывно связанной с ней своего рода "пуповиной" и через неё – друг с другом.

Скрытый порядок обладает вселенской целостностью **[4]**, и поэтому, приняв это положение, мы можем говорить, что феномен запутанности свидетельствует в пользу холизма.

Таким образом, возвращаясь к холистическому подходу к ТМО, мы видим две возможности для его осуществления.

1. Не апеллируя к онтологическому холизму Бома, опирающемуся на критическое переосмысление как квантовой механики, так и теории относительности **[5]** (как едва ли применимому в практике международных отношений), пытаться отыскать кейсы с признаками взаимной запутанности достаточно большого числа акторов (субъектов), полагая, что их ансамбль и будет тем самым "целым", которое мы хотели бы доказательно наделить главенством над его "частями", первичностью по отношению к ним. Будем называть эту опцию "холизм-минимум".

2. Следуя концепции Бома в ограниченном формате, приняв лишь идею скрытого порядка (но не её квантово-физического обоснования и сущности), попытаться выявить его природу в контексте ТМО с тем, чтобы доказательно раскрыть механизмы его воплощения в явный порядок – наблюдаемую картину международной жизни. Обозначим эту опцию "холизм-максимум".

Если теперь вновь обратиться к кейсу "Шарф Орбана", то можно с достаточной долей оптимизма ожидать отыскания вполне основательных аргументов в пользу применимости опции "холизм-минимум". К примеру, выбрав в качестве пробной итерации крупный геополитический масштаб, можно с уверенностью заметить, что демарш венгерского премьера следует рассматривать прежде всего в контексте конфликта между ЕС и РФ, обусловленного ситуацией вокруг Украины. Конфигурацию этого "целого" можно уверенно проецировать на те или иные "части" меньшего масштаба – отдельные государства Восточной Европы, лишившиеся на изображенной на шарфе Орбана карте некоторых своих территорий, но одновременно пребывающие каждая в своих индивидуальных контекстах взаимоотношений с ЕС и РФ. Очевидно, что интенсивность и форма их реакции будут учитывать не только эти контексты, но и, не в последнюю очередь, сегодняшнее реноме Виктора Орбана в глазах как ЕС, так и РФ. В свою очередь, эти страны оценят и учтут реакции друг друга, и то же в отношении каждой из них сделает В. Орбан. С достаточной долей уверенности можно ожидать, что прецедент территориального посягательства на соседние с Венгрией страны вызовет определённый резонанс не только в них, но и в ряде других восточноевропейских государств, по меньшей мере в тех, где имеется хотя бы лёгкая тень сомнения в справедливости и / или прочности существующих государственных границ. Таким образом, пробное "целое" нашей начальной итерации дополнительно расширится. Больше того, весьма обоснованно можно прогнозировать, что пробивающиеся в повестку международного сообщества сомнения в окончательно принятом принципе нерушимости послевоенных границ обретут более выраженную артикуляцию не только в восточноевропейском регионе, но и далеко за его пределами.

Этот пунктирно обозначенный сценарий, конечно, может не предвидеть те или иные "развилки" своего течения, но в любом случае, по нашему мнению, его характеризует именно главенство целостного взгляда, обретённого в значительной мере благодаря изначальному привлечению к рассмотрению множества реально и потенциально "запутанных" акторов (субъектов). Одним из результатов такого подхода стало дальнейшее расширение этого множества, что едва ли могло быть достигнуто при редукционистском подходе.

Межрелигиозная рознь и межрелигиозный диалог как проявления скрытого порядка

Попытаемся теперь использовать идею скрытого порядка с тем, чтобы оценить перспективы её применимости к ТМО (опция "холизм-максимум").

Но прежде следует сказать, что сам Бом подчёркивал невозможность строгого определения понятия "порядок", настаивая при этом на его абсолютно фундаментальной роли в предлагаемой онтологии. Порядок определяется скорее через его действие, через его те или иные проявления, через его соотношения с другими сущностями. Так же, как мы привыкли это делать в отношении других фундаментальных понятий – точки, массы, силы, электрического заряда. Принятию этих основополагающих категорий способствуют некие не вполне изъяснимые интуитивные представления и ощущения.

В качестве простейшего иллюстрирующего примера, не имеющего никакого отношения к квантовой механике и другим научным премудростям, Бом напоминает, как в детстве изготовлялись снежинки для новогоднего (рождественского) интерьера: на сложенном, скажем, вчетверо или даже ввосьмеро листе делался сквозной надрез, а затем лист разворачивался, и на нём обнаруживался симметричный узор из четырёх (восьми) одинаковых вырезов. Это – явный, наблюдаемый, воспринимаемый порядок. А начальный – один-единственный надрез – это скрытый порядок. (Сравните с разлетевшимися запутанными фотонами, на деле являющимися проекциями в наш мир некой единой пра-сущности из пре-пространства).

Другой приводимый Бомом во многих работах пример – это картина мелких водоворотиков на поверхности речной стремнины. Безусловно, как отмечает Бом, мы с известной точностью можем рассматривать их как автономные сущности и при некоторых допущениях вполне успешно предсказывать характер их поведения в этом качестве, в том числе – взаимодействия между собой. Но на деле наблюдаемая картина водяных воронок – суть производное от некоего "целого", включающего рельеф дна, кривизну береговых линий, ширину и скорость течения реки. Они и задают скрытый порядок, определяющий и проявляющийся на водной поверхности в виде явного порядка.

Понятие скрытого порядка, по Бому, поистине всеохватно. Оно обсуждается им не только применительно к физической картине мира, но и к общественным отношениям, индивидуальному сознанию и даже к живописи и музыке **[6]**.

Попробуем поискать скрытый порядок, заново обратившись к рассмотренному нами ранее кейсу "Ислам – буддизм" **[1, с. 79–80]**. В нём речь шла о реакции российских мусульман на репрессии против их единоверцев в Мьянме, где большинство составляют буддисты. На акции протеста у посольства Мьянмы в Москве звучали обещания джихада и призыв: "Начнём с Калмыкии!". Как известно, традиционная религия калмыков – буддизм, а Республика Калмыкия граничит на юго-западе с Республикой Дагестан, где подавляющее большинство исповедует ислам.

История изобилует межрелигиозными конфликтами, часто весьма масштабными и жестокими. Само по себе это утверждение вряд ли можно признать исчерпывающим объяснением современных конфликтов на религиозной почве. Как и объяснения, базирующиеся на материальных причинах: принадлежности храмовых зданий, доходах клириков в зависимости от численности паствы, даже соучастии в светской власти. Хотя нередко эти факторы становятся зримыми, бросающимися в глаза. Главным топливом, потенциальной энергией религиозной непримиримости, конечно, служит некое скрытое, трансцендентное начало человеческой натуры, побуждающее остаться со своим (истинным!) богом наедине – без посторонних, иначе говоря иноверцев, неверных, еретиков. Причём не в какой-то местности или в своём храме, а на всей Земле.

Но и приняв такую точку зрения, мы всё ещё ничего не прояснили в природе этого скрытого начала, лишь определив его через трансцендентность, самим своим значением отказывающую во внятном истолковании причин поведения.

Можно, конечно, предположить реакцию на насилие с иноверческой стороны, но в рассматриваемом кейсе это – не совсем ответ, так как он обращён не на тех, кто проявил насилие, и не теми, кто этому насилию подвергся.

Значит ли это, что мы имеем дело с презумпцией виновности, агрессивности, приписываемой по религиозному признаку? Если так, то мы вновь вступаем на поле трансцендентности, правда, приправленной чуть более осязаемыми понятиями инстинкта самосохранения и потребности в защищённости от воображаемого врага.

Если допустить, что эти начала имманентно присущи (но, строго говоря, не неизбывны, как это будет отмечено ниже) человеческой природе, то наши размышления, оттолкнувшись от чисто религиозной тематики, нетрудно будет распространить и на межплеменные, и на межэтнические, и на межгосударственные отношения, присовокупив к двум названным началам ещё чужебоязнь – ксенофобию. Иными словами, мы можем думать, что означенная триада и выражает искомый скрытый порядок, который, проецируясь в общественные отношения, оформляет их в наблюдаемую картину истории человечества как череды конфликтов и войн.

Действительно, и в сегодняшнем мире мы можем обнаружить массу примеров (в том числе и рассматриваемый кейс), которые могли бы вполне удовлетворительно описываться в рамках означенной гипотезы, если бы не существующие контрпримеры, опровергающие как минимум её универсальность и полноту обусловленной ею картины общественных отношений. Можно привести немало примеров взаимной веротерпимости: мирное соседство в Казанском кремле православного Благовещенского собора и мечети Кул-Шариф; такое же соседство лютеранского и православного храмов на вершине холма Тоомпеа (Вышгород) в Таллине; одновременные богослужения шиитов и суннитов в Джума-мечети Дербента. Иными словами, обнаруженный нами "скрытый порядок" оказывается при определённых условиях избытым какими-то иными, возможно, более фундаментальными свойствами человеческой природы. Например, устремлённостью к поиску той же защищённости в более стабильном, чем через насилие над иноверцем, формате – например, путём постоянно поддерживаемого межрелигиозного (межкультурного) диалога.

Само словосочетание "межрелигиозный диалог" порождает образ дискутирующих сторон, каждая из которых заранее твёрдо убеждена в превосходстве своей религии и вступила в диалог лишь для того, чтобы лишний раз доказать и оппоненту, и себе это превосходство. На первый взгляд может показаться, что иначе и быть не может, поскольку всякое сообщество, объединённое выработанной поколениями религией, оценивает её как единственно правильную, позволившую путём векового совершенствования отобрать и закрепить все её компоненты: от этических установок в поведении до эстетических норм в искусстве. Дополнительным аргументом в пользу такой самооценки служит и сам факт сохранения и развития основанной на данной религии культуры, что, по сути, равнозначно выживанию сообщества, осознающего и идентифицирующего себя именно как приверженцев этой, а не какой-нибудь иной религии. Но именно в рамках такой логики становится понятной не только возможность, но и продуктивность межрелигиозного диалога, ибо налицо сохранение и развитие других сообществ, основанных на иной религии, а значит, рождаются основания для интереса к ней. По меньшей мере с целью перенять что-то для возможного употребления в собственной культуре, для ещё большего её совершенствования. Таким образом, можно предположить, что наиболее динамично и продуктивно развивающимися культурами и, значит, обществами являются как раз те, которые допускают сомнение в абсолютизирующих самооценках и ищут пути дальнейшего совершенствования в диалоге с другими культурами и религиями.

При этом, на наш взгляд, небезосновательно будет допустить, что организация и конечная эффективность межкультурного (межрелигиозного) диалога потребуют отыскания более глубокого скрытого порядка, таящегося где-то в непознанной пока структуре человеческого сознания.

Оптическая иллюзия "Жена или Тёща?" как модель для отыскания скрытого порядка в международных отношениях.

В нашей предыдущей работе мы попытались смоделировать межкультурный диалог как следствие коллизии двух различных зрительных восприятий одной и той же картины внешнего мира. Восприятий, на первый взгляд, исключающих друг друга **[1, с. 81]**. Речь идёт о довольно известной картинке

Рис. 1. Картина "Моя Жена или Моя Тёща?"
Источник: архив авторов.
Fig. 1. Optical illusion "My Wife or My Mother-in-Law?"
Source: authors archive.

"Моя Жена или Моя Тёща?", авторами которой считаются американские психологи Е. Г. Боринг и Р. В. Липер.

Действительно, вглядываясь в представленное изображение, нетрудно убедиться, что, высмотрев в нём молодую женщину, вы полностью теряете из вида пожилую. И наоборот. Такой эффект часто именуют двойственной стабильностью сознания [напр., **7**] (хотя этот термин употребляется и для обозначения ряда других феноменов). Это свойство сознания – переключаться из одного вполне продолжительного и устойчивого состояния в другое. При этом, находясь в любом из них, вполне резонно полагать, что вы наблюдаете подлинную, абсолютную реальность.

Правда, говоря о свойстве сознания переключаться таким образом, мы предполагаем в первую очередь скорее способность. В самом деле, на интуитивном уровне весьма обоснованным кажется, что, разглядев в хаотическом орнаменте штрихов и пятен, допустим, Тёщу, едва ли возникнет мотивация искать в нём кого(что)-либо ещё. То же, очевидно, справедливо и для тех, кто увидит при первом предъявлении этого орнамента Жену. Чтобы разглядеть обеих, необходима информация об их сосуществовании в одном и том же орнаменте. Такая информация может быть получена как раз от видящего иное, если угодно – от инаковидящего. Но достаточное условие для реализации способности увидеть обеих одновременно (точнее – попеременно) должно включать ещё и внимательное, заинтересованное отношение к информации, исходящей от инаковидящего.

Тогда и только тогда возможен диалог, который в буквальном смысле можно назвать межмировоззренческим – межкультурным, межрелигиозным, межнациональным.

Одним из его значимых результатов в случае успешного течения может стать взаимное признание сторонами присутствия двух различных реальностей: и Жены, и Тёщи. Именно это знание будет подвергать серьёзному сомнению изначальную убеждённость сторон в абсолютности какой-то одной из видимых реальностей, подвигая к выводу, что обе – лишь конструкт их сознания, лишь явленный им явный порядок, всего лишь, по терминологии Д. Бома, абстракции, порождённые более фундаментальным скрытым порядком.

Впрочем, может быть – не таким уж скрытым? Нетрудно представить, что зритель представленной здесь картинки, не слишком искушенный в фасонах женских одеяний рубежа XIX–XX вв. (горжетка Жены, капор Тёщи и т. п.), не сумеет разглядеть ни Жены, ни Тёщи, а увидит лишь упомянутый орнамент пятен и штрихов. Возможно, именно его следует считать скрытым порядком? Пытаясь ответить на этот вопрос, проделаем следующий эксперимент.

Давайте мысленно сотрём бородавку на носу Тёщи. Её облик не сильно от этого пострадает, скорее даже – наоборот. Чего не скажешь о Жене: ведь мы стёрли её носик. Если теперь убрать ещё одну крохотную деталь – ресницы правого глаза Тёщи (их, скажем, заслонил её нос при совсем ничтожном повороте головы), – то Жена лишится левого глаза, поскольку он обозначался и дорисовывался именно благодаря этим ресницам. Трудно не согласиться, что эти две косметические операции сделают Жену на рисунке практически неразличимой, неидентифицируемой.

Сходным образом можно проделать "микропластические операции", которые приведут к исчезновению Тёщи. Скажем, дорисовать Жене мочку уха и одновременно чуть сдвинуть наверх ресницы Тёщи так, чтобы они слились с причёской Жены. В результате уже Тёща лишится левого глаза, и мы потеряем её из виду, а изображение Жены, напротив, станет даже реалистичнее, чем прежде.

Теперь вернёмся к зрителю, не видевшему изначально ни молодой, ни пожилой леди. С большой долей уверенности можно утверждать, что картина штрихов и пятен в результате наших микроопераций для него останется практически прежней. Наблюдаемая им реальность внешнего мира не претерпит сколько-нибудь ощутимых для него изменений. Это – по-прежнему хаотический орнамент, не ставящий вопроса о его соотношении с каким бы то ни было скрытым порядком: видимый орнамент для этого наблюдателя и есть явный и единственный порядок.

Итак, в отсутствие коммуникации между индивидами (зрителями картинки) мы можем подразделить их на три множества:

1) тех, кто видит только Тёщу;
2) тех, кто видит только Жену;
3) тех, кто видит лишь хаотический орнамент пятен и линий.

Однако, несмотря на то что ни у одной из перечисленных категорий, как мы рассудили выше, нет мотивации искать в картинке какой-либо иной образ, кроме уже увиденного, мы, строго говоря, должны включить в рассмотрение и четвёртое множество:

4) тех, кто видит и Тёщу, и Жену.

Именно у них, безотносительно к их удельному весу в общей "популяции", уже в отсутствие коммуникации появляются основания не считать подлинной ту реальность, которая им явлена в образах Тёщи и Жены. А также – гипотеза о хаотическом орнаменте как скрытом порядке.

Определённые сомнения в справедливости такой гипотезы (или, по меньшей мере, в её исчерпывающей полноте) могут родиться в результате следующих рассуждений.

Мы выше показали, как незначительные микрокоррекции рисунка хаотического орнамента могут привести к исчезновению одного из женских образов и, значит, к исчезновению одного из множеств <1> или <2>. Очевидно, точно эти же изменения уничтожат и множество индивидов <4>, превратив его в пополнение одного из первых двух множеств, оставшегося в прежнем составе. Тем самым будет уничтожен сам источник, субъект рассматриваемой гипотезы. В то же время сохранившиеся два множества индивидов – видящих одну из женщин и не видящих ни одной – будут, в отсутствие коммуникаций, твёрдо фиксированными по своей численности и надёжно предохранёнными от поисков какого-либо иного порядка в наблюдаемых ими картинах: изображении одной из женщин или хаотического орнамента, соответственно.

Аналогичная микрокоррекция исходного рисунка в описанном выше "противоположном" направлении, имеющая целью "растворить" образ другой женщины, приведёт к такому же результату, с той лишь разницей, что теперь в двух оставшихся множествах зрителей одно будет состоять из видящих другую женщину, а второе по-прежнему видящих хаотический орнамент.

Такая неустойчивость к микрокоррекции предполагаемого скрытого порядка – орнамента из пятен и линий – в отношении доброй половины явной картины и, напротив, неизменность другой её половины, а главное – зависимость самого существования источника гипотезы от микродеталей предполагаемого скрытого порядка побуждает обратить его поиски на иное пространство, где его фундаментальность соотносилась бы с устойчивостью более соразмерно.

Нам представляется, что такое направление поисков скрытого порядка может быть найдено путём включения в рассмотрение затронутой выше опции взаимной коммуникации и последующего диалога между наблюдателями, по-разному видящими картину. Попробуем изложить этот подход подробнее.

Начнём с индивида, принадлежащего множеству <1>. Он видит на картинке только Тёщу. Он однозначно воспринимает картину внешнего мира. Он устойчив в этом восприятии. Точно то же самое можно сказать о представите-

ле множества <2>, за исключением того, что он видит на картинке Жену. Эти двое живут в двух параллельных мирах – царствах Тёщи и Жены, соответственно, – пока не поведают друг другу о своём восприятии, каждый наглядно и убедительно обосновав его.

Поскольку ситуация симметрична относительно перестановки персонажей, сосредоточимся на каком-то одном из них, например, первом.

Убедившись из беседы с иновидящим, что на картинке кроме Тёщи изображена ещё и Жена, он постарается преодолеть психологический дискомфорт, возникший от неоднозначности своего восприятия.

Один из способов сделать это – попытаться увидеть обеих леди одновременно, определив в случае успеха такое вѝдение, скажем, как "две в одной". При этом неизбежно возникнет вопрос: то ли этот единый синтетический образ есть просто результат быстрой и неосознаваемой "перефокусировки" сознания с одного облика (Тёщи) на другой (Жены) и обратно, то ли – результат расщепления сознания надвое, при том, что каждая из половинок однозначно воспринимает только один лик – или Тёщи, или Жены, но никак не их синтез?

Другой способ избавиться от дискомфорта неоднозначности восприятия – это подвергнуть сомнению непреложность самой однозначности, допустив замену некогда намертво укоренившейся логики "или-или" на возможность существования логики "и…, и…". То есть признать равноправие точек зрения, принимавшихся прежде за строго альтернативные, взаимоисключающие.

Заметим, что, приняв логику "и…, и…", мы по сути снимаем с повестки сформулированный выше вопрос о происхождении восприятия "две в одной", коль скоро и обе "фокусировки" нерасщеплённого сознания, и обе "половинки" сознания расщеплённого отныне просто означают равноправное сосуществование двух ипостасей некой неявной единой реальности, явленных нам в непосредственном восприятии.

Таким образом, мы приблизились к иной, чем прежде, гипотезе о природе скрытого порядка, присутствующего в восприятии картинки "Жена или Тёща?": он таится не только и не столько в орнаменте штрихов и пятен, сколько скорее в осознанном отказе от непреложности воспринимать наблюдаемую действительность как подлинную реальность, а также – в преодолении чувства дискомфорта от неоднозначности наблюдаемой картины мира, усматривая в самой этой неоднозначности основание для более глубокого постижения реальности и тем самым, осознанного достижения большего комфорта.

Именно такой осознанный поворот в направлении поиска множества различных, но равноправных ипостасей подлинной реальности может служить целеполаганием межмировоззренческого диалога разновидящих субъектов, необходимым начальным условием которого должен быть отказ (пусть поначалу – условный, предположительно временный) от, как представляется, имманентно присущего человеку стремления остаться со своим единственно истинным богом (богами) наедине – без посторонних иноверцев.

Возвращаясь теперь к нашему модельному кейсу, следует заметить, что в такой "межкультурный" диалог следует вовлечь помимо представителей множеств <1> и <2> ещё и <3> – не только для их просвещения в вопросах европейского женского гардероба рубежа двух последних столетий, но и учитывая, что в арсенале этих "дикарей" имеются эффективные средства для низвержения истинности веры как <1>, так и <2> при полном сохранении устоев своей религии. Мы имеем в виду описанные выше "микропластические операции", уничтожающие один или оба женских образа, но сохраняющие основные черты и признаки хаотического орнамента пятен и штрихов. Иными словами, явленная многоипостасность скрытой реальности теперь с очевидностью будет включать наряду с Тёщей и Женой ещё и беспорядочный с виду узор.

Заключение

Рассмотренный кейс "Тёща или Жена?" и предшествующие ему соображения могут, по нашему мнению, служить отправной моделью для исследования международных отношений с позиций холизма и в терминах скрытого и явного порядков, а также запутанных состояний и креативного потенциала информации, представляющих собой понятийный каркас бомианской онтологии **[5]**.

В самом деле, сообщества индивидов, по-разному воспринимающих одну и ту же картинку и в силу одного этого, казалось бы, неотвратимо предрасположенные к противостоянию, при более тщательном рассмотрении, основанном на предположении о присутствии в их структуре скрытого порядка, оказываются способными к иному, чем конфликтное, поведению. Мы постарались на примере представленной модели проследить возможные азимуты воплощения предполагаемого скрытого порядка в бесконфликтные саморазвивающиеся сценарии.

На наш взгляд, рассмотренные здесь модельные сообщества <1> – <4> могут быть без большого насилия над смыслом уподоблены субъектам международных отношений в весьма расширенном их понимании – от привычного "государства" до этносов, религий, политических партий и т. д., что предоставляет хорошие перспективы для развития теории международных отношений, включая её эффективное распространение на внутригосударственные, внутриэтнические, внутрипартийные и тому подобные отношения, тем самым лишь укрепляя позиции холистического подхода к ТМО.

Литература / References

1. Алексеева Т. А., Минеев А. П. О холистическом подходе в теории международных *отношений. Ойкумена. Регионоведческие исследования.* 2025. Т. 19, № 2. С. 73–84. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/73-84
   Alekseeva T. A., Mineyev A. P. On the Holistic Approach in the Theory of International Relations. *Ojkumena. Regional Researches.* 2025. Vol. 19, No. 2. P. 73–84. (In Russ.) https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/73-84
2. Волькенштейн М. В. Биофизика. М.: Издательство "Наука", 1988. 592 с.
   Volkenstein M. V. Biophysics M.: Publishing house "Nauka", 1988. 592 p. (In Russ.)
3. Bohm D. Time, the Implicate Order and Pre-Space // Physics and the Ultimate Significance of Time, ed. D. R. Griffin. N. Y.: SUNY Press, 1986. P. 172–208.
4. Bohm D. Wholeness and the Implicate Order. London: Routledge and Kegan Paul, 1980. 304 p.
5. Bohm D., Hiley B. The Undivided Universe: An Ontological Interpretation of Quantum Theory. London: Routledge, 1993. 397 p.
6. Bohm D., Peat F. D. Science, Order and Creativity, 1987, Routledge, 2nd ed. 2000 (transferred to digital printing 2008, Routledge).
7. McComas William F. Exploring the Challenges and Opportunities of Theory-Laden Observation and Subjectivity: A Key NOS Notion // McComas William F. (ed.). Nature of Science in Science Instruction: Rationales and Strategies. Springer, 2020. P. 141–157.

◆

Информация об авторах

Татьяна Александровна Алексеева, д-р полит. наук, заведующая кафедрой политической теории Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, Москва, Россия, e-mail: ataleks@mail.ru

Александр Петрович Минеев, канд. физ.-мат. наук, преподаватель кафедры политической теории Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, Москва, Россия, e-mail: mineyev@list.ru

Information about the authors

Tatyana A. Alekseeva, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Political Theory, Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, e-mail: ataleks@mail.ru

Alexander P. Mineyev, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Lecturer, Department of Political Theory, Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia, e-mail: mineyev@list.ru

Поступила в редакцию 13.02.2026 Одобрена после рецензирования 14.08.2026 Принята к публикации 25.08.2026

Received 13.02.2026 Approved 14.08.2026 Accepted 25.08.2026

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 88–99.
Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 88–99.

Научная статья
УДК 930.25(571.53)
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/88-99

Значение слабого контроля границ Российской империи в криминальном потенциале Восточной Сибири в начале XX в.

Артем Сергеевич Петров
Забайкальский государственный университет, Чита, Россия, partem11@rambler.ru

Аннотация. В Восточной Сибири в начале XX в. наблюдался высокий уровень тяжкой преступности. Особенно высоким был уровень убийств. На криминализацию Восточной Сибири существенное влияние оказывал слабый и неэффективный контроль рубежей страны органами государственной власти. Благодаря этому в Восточную Сибирь из Китая массово и бесконтрольно проникали китайские подданные, которые совершали в этом приграничном регионе множество тяжких преступлений. Слабый контроль границы позволял китайским преступникам в дальнейшем также перейти границу в обратном направлении и скрыться от уголовного преследования и наказания.
Ключевые слова: *Российская империя, Восточная Сибирь, Китай, приграничное положение, граница, китайские иммигранты, преступления, пограничные службы*
Для цитирования: Петров А. С. Значение слабого контроля границ Российской империи в криминальном потенциале Восточной Сибири в начале XX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 88–99. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/88-99

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/88-99

The Impact of Weak Border Control in the Russian Empire on Crime in Eastern Siberia in the Early Twentieth Century

Artem S. Petrov
Transbaikal State University, Chita, Russia, partem11@rambler.ru

Abstract. In the early 20th century, Eastern Siberia experienced a high level of serious crime. The murder rate was especially high. The criminalization of Eastern Siberia was significantly influenced by weak and ineffective control of the country's borders by government authorities. Due to this, Chinese nationals entered Eastern Siberia from China in large numbers and without effective control, committing many serious crimes in this border region. Weak border control allowed Chinese criminals to later also cross the border in the opposite direction and escape criminal prosecution and punishment.
Keywords: *Russian Empire, Eastern Siberia, China, border position, border, Chinese immigrants, crimes, border services*
For citation: Petrov A. S. The Impact of Weak Border Control in the Russian Empire on Crime in Eastern Siberia in the Early Twentieth Century // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 88–99.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/88-99

Актуальность исследования обусловлена возможностью основательно осмыслить обсуждаемую в последние годы проблему тщательной охраны государственной границы, которая нередко является показателем правопорядка, стабильности и развитости органов государственной власти. Научная значимость темы заключается в установлении роли контроля рубежей страны в криминализации приграничного региона Российской империи в начале XX в.

История Восточной Сибири имеет достаточно тесную взаимосвязь с преступностью. Многие аспекты этой проблемы учёными уже основательно исследованы и проанализированы. Вместе с тем ряд вопросов всё ещё остается без должного научного внимания. К таковым можно отнести проблему зависимости уровня преступности в восточной части Российской империи от слабого контроля органами власти рубежей страны.

Целью данного исследования является установление зависимости криминальной обстановки в Восточной Сибири в начале XX в. от массовой иностранной миграции, возникшей в результате слабого контроля властями границ империи. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1900 по 1917 г. Географические рамки исследования включают Иркутскую губернию и Забайкальскую область. В настоящее время на данных территориях расположены Иркутская область, Республика Бурятия и Забайкальский край. Преступность и противодействие ей на территории Прибайкалья и Забайкалья в начале XX в. исследовались автором на основе делопроизводствен-

© Петров А. С., 2026

ной документации органов власти, статистических источников, а также материалов периодической печати начала XX в.

Существенный вклад в разработку проблем иностранной миграции в начале XX в. на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока внесли многие учёные, в том числе В. Г. Дацышен, В. С. Бойко, А. Г. Ларин, Ф. В. Соловьев, Ю. В. Зубарева, И. В. Пивоварова, Ю. Н. Ланцова, В. А. Гайкин, А. В. Загорулько **[5, с. 76–77; 9, с. 160–164; 10, с. 125–127; 11, с. 128; 14, с. 140–142; 15, с. 129–132; 20, с. 34–148; 44, с. 38–69]**. Вопросы массовости иностранной преступности в начале XX в. в восточной части Российской империи поднимались в исследованиях Н. А. Шабельниковой, Н. А. Беляевой, В. В. Синиченко, А. И. Петрова, С. Н. Ляпустина **[3, с. 26–39; 26, с. 110–130; 27, с. 189–190; 41, с. 177–178; 43, с. 28–38; 50, с. 45–47; 51, с. 414–415]**. Эффективность контроля границы на восточной окраине империи нередко оценивалась в публикациях, посвященных борьбе органов правопорядка с преступностью, в том числе и с контрабандой **[3, с. 18–27; 4, с. 104–106; 17, с. 25–38; 18, с. 36–45; 21, с. 93–99; 42, с. 21–26; 49, с. 29–37]**. Примечательно, что основательной исторической проработке подвергалась в большей мере иностранная миграция и охрана рубежей страны на Дальнем Востоке Российской империи. Иностранная миграция и охрана границ империи в Восточной Сибири удостоились внимания учёных в меньшей степени.

В начале XX в. Восточная Сибирь в Российской империи по уровню преступности находилась на лидирующих позициях. В пересчёте на число жителей тяжких преступлений в этой отдалённой части империи ежегодно регистрировалось обычно в 1,5–2 раза больше, чем в среднем по стране. Особенно же много из года в год в восточной части Сибири совершалось убийств. В пересчёте на число жителей убийств в этом регионе совершалось в 2–3 раза больше, чем в среднем по Российской империи **[18, с. 25–28; 28, с. 81–82; 43, с. 36–42; 49, с. 28–32]**. В качестве примера можно привести сравнительные результаты статистических подсчётов уровня убийств (коэффициент убийств) за 1908–1909 гг. в Российской империи (без учёта Финляндии) в целом, в Иркутской губернии и в Забайкальской области. Примечательно, что это были далеко не самые криминальные для Восточной Сибири годы. Для сравнения также вычислим уровень убийств (коэффициент убийств) за 1908–1909 гг. в г. Санкт-Петербурге, который в исследуемый период считался одним из самых криминальных городов страны. Коэффициенты расчитаны автором самостоятельно с опорой на сведения из нескольких исторических источников. На международном уровне исследователи ещё в XIX в. условились при определении степени (потенциала, уровня) преступности в определённой местности для сравнительного исследования высчитывать коэффициент преступности. Для этого число преступлений, число преступников и т. п. пересчитывается на 100 тыс. человек соответствующей местности. Результаты подсчётов за 1908 г. представлены в *таблице 1*. Результаты подсчётов за 1909 г. синхронизированы в *таблице 2*.

Из *таблицы 1* видно, что в пересчёте на 100 тыс. жителей в Иркутской губернии в 1908 г. было убито почти в 5 раз больше человек, чем в среднем в Российской империи, а также почти в 4 раза больше, чем в г. Санкт-Петербурге. В Забайкальской области в 1908 г. было убито почти в 3 раза больше человек, чем в среднем в Российской империи, а также почти в 2 раза больше, чем в г. Санкт-Петербурге. Из *таблицы 2* видно, что в пересчёте на 100 тыс. жителей в Иркутской губернии в 1909 г. было совершено примерно в 5 раз больше убийств, чем в среднем в стране, а также в 3 раза больше, чем в г. Санкт-Петербурге. В Забайкальской области в 1909 г. было совершено примерно в 3 раза больше убийств, чем в среднем в Российской империи, а также в 2 раза больше, чем в г. Санкт-Петербурге.

Высокая степень криминальности этих российских территорий была обусловлена различными причинами. При этом существенную роль играло приграничное положение региона, наличие очень протяженной и слабо охраняемой границы, а вернее – возможность массовой бесконтрольной миграции в эту местность иностранных подданных из сопредельных государств. Примечательно, что иммигранты из числа подданных Монголии, Кореи, Японии не доставляли Российской империи каких-либо проблем, особенно связанных с

Табл. 1. Результаты подсчётов за 1908 г.
Table 1. Results of calculations for 1908

	Иркутская губерния	Забайкальская область	г. Санкт-Петербург	Российская империя (без учёта Финляндии)
Число жителей	577 700	745 600	1 864 900	152 464 700
Число убийств	623	488	501	33 988
Количественный уровень убийств в пересчёте на 100 тыс. жителей соответствующей местности (коэффициент убийств)	107,8	65,5	26,9	22,3

Примечание: данные округлены до десятых.

Источник: составлено автором на основе **[12, с. 29–50, 52, 53, 54; 23, с. 80; 37, с. 137, 141; 38, с. 44, 45; 45, с. 54]**.

Source: compiled by the author based on **[12, p. 29–50, 52, 53, 54; 23, p. 80; 37, p. 137, 141; 38, p. 44, 45; 45, p. 54].**

преступностью, а иммигранты из Китая – наоборот **(РГИА[1]. Ф. 1284. Оп. 194. 1914 г. Секретарская часть. Д. 41. Л. 1-17) [6, с. 16-22; 50, с. 45]**.

Следует отметить, что уже в конце XIX в. в Прибайкалье и Забайкалье китайских подданных проживало в несколько раз больше, чем на остальной территории Сибири. Вместе с тем их было несравненно меньше, чем в городах русского Дальнего Востока. При этом подавляющее большинство китайских иммигрантов проживало в Восточной Сибири временно **[10, с. 126]**. Известно, что по переписи 1897 г. в Забайкальской области проживало 2 363 китайских подданных, в Иркутской губернии – 75 **[24, с. 58–59; 25, с. 54–55]**.

Точную численность китайских иммигрантов, ежегодно приходивших в восточную окраину Российской империи в начале XX в., особенно нелегальных китайских иммигрантов, установить достаточно сложно. Вместе с тем ряд исторических источников свидетельствует о её примерных масштабах. Известно, что ежегодно в летний период достаточно большое количество китайских иммигрантов стремилось попасть в места законной и незаконной добычи золота. К примеру, в летний период 1909 г. только в районе золотых промыслов Кабинета Его Императорского Величества, расположенных в Забайкальской области, было сосредоточено примерно 9648 китайцев, в районе частных золотых промыслов Шилкинско-Аргунского горно-полицейского округа – 1541, в районе Баргузинского горно-полицейского округа – 277, в Нерчинском уезде – 610. Всего же, по подсчётам правоохранительных органов, китайских иммигрантов на территории Забайкальской области летом 1909 г. было более 13,5 тыс. человек. Существенно увеличился приток китайских иммигрантов в Восточную Сибирь после 1911 г., когда в Цинской империи произошел социально-политический кризис. Так, летом 1912 г. только в Нерчинском уезде Забайкальской области было сосредоточено 2493 китайских подданных, в районе Баргузинского горно-полицейского округа – 888, в районе промыслов Кабинета – 8756 китайцев. Всего в 1912 г. китайских подданных в Забайкальской области насчитывалось уже около 22 тыс. человек. Точные подсчёты китайских иммигрантов затруднялись из-за их постоянных передвижений с одного места на другое **(ГАЗК[2]. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 4543. Л. 238–240; Д. 14244. Л. 144, 158, 163–163об, 180, 184, 208) [22, с. 80–81; 45, с. 54]**.

Согласно донесению одного из полицейских приставов золотых промыслов Кабинета Его Императорского Величества, в подведомственные ему участки в 1910–1912 гг. ежегодно по сухопутной границе через Маньчжурию приходило около 3 тыс. китайских иммигрантов. Почти все они по окончании золотопромышленного сезона (осенью) возвращались через границу обратно в

[1] РГИА – Российский государственный исторический архив.

[2] ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края.

Табл. 2. Результаты подсчётов за 1909 г.
Table 2. Results of calculations for 1909

	Иркутская губерния	Забайкальская область	г. Санкт-Петербург	Российская империя (без учёта Финляндии)
Число жителей	656 900	806 500	1 930 900	157 079 500
Число убийств	620	483	575	30 942
Количественный уровень убийств в пересчёте на 100 тыс. жителей соответствующей местности (коэффициент убийств)	94,4	59,9	29,8	19,7

Примечание: данные округлены до десятых.
Источник: составлено автором на основе **[13, с. 34–52, 55, 60; 23, с. 80; 39, с. 210, 214, 215; 45, с. 54]**.
Source: compiled by the author based on **[13, p. 34–52, 55, 60; 23, p. 80; 39, p. 210, 214, 215; 45, p. 54]**.

Китай "на зимовку". Некоторые оставались "на зимовку" в городах Забайкалья. По наблюдениям пристава, с каждым годом иммигрантов приходило всё больше. При этом ежегодный прирост вновь пришедших китайцев составлял примерно 10% **(ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 4543. Л. 180–187; Д. 14244. Л. 202)**.

Согласно другому историческому источнику, только на Киларский прииск Нерчинско-Заводского уезда Забайкальской области к 19 марта 1911 г. прибыло (проживали в фанзах и землянках) около 500 китайских подданных. К 5 апреля 1911 г. их проживало уже 600. И это было только начало летнего золотопромышленного сезона. Все прибывшие китайские подданные были мужского пола и имели возраст от 20 до 35 лет (возраст наибольшей социальной активности) **(ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 29. Л. 6–9)**.

Масштабы китайской миграции в административном центре Иркутской губернии (г. Иркутск) были не столь велики, но все же достаточно существенны. Например, в 1914 г. в г. Иркутске проживало 1077 китайских граждан **(ГАИО[3]. Ф. 25. Оп. 11. К. 569. Д. 12. Л. 85–86об)**. О масштабах нелегальной китайской иммиграции в административном центре Забайкальской области (г. Чита), который располагался от российско-китайской границы на расстоянии в 400 км, говорят следующие цифры. Только в декабре 1907 г. в ходе полицейских рейдов по городу в арестный дом при городской полиции было помещено около 100 беспаспортных китайцев, которых в дальнейшем к тому же пришлось отпустить, освободив арестный дом для этапируемых каторжан, временно, по причине сильных морозов, оставленных в Чите **(ГАЗК. Ф. 1п. Оп. 2. Д. 264. Л. 324)**. По сообщению читинского полицмейстера, за 1905–1911 гг. читинской полицией было выявлено 1547 случаев проживания в городе нелегальных китайских иммигрантов **(ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 14244. Л. 196–198)**. По приблизительным подсчётам полиции, летом 1909 г. в Чите постоянно проживало 569 китайцев **(ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 4543. Л. 239–240)**. В 1910 г. только в казачьей станице Титовской Читинского уезда, которая располагалась в нескольких километрах от Читы, проживало примерно 300 китайских подданных **(ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 14244. Л. 193–194; Ф. 24. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–19)**.

В период Первой мировой войны наблюдалось ещё большее увеличение законной и незаконной иммиграции из Китая. Китайские подданные в это время пытались восполнить нехватку трудовых ресурсов в Восточной Сибири, воспользовавшись связанными с войной затруднениями российской власти **[9, с. 128; 46, с. 336–349; 48, с. 3]**. Многие из трудовых иммигрантов старались попасть на Урал и в Европейскую Россию **[10, с. 127]**. Однако не всегда им это удавалось, и они в результате различных обстоятельств оказывались в транзитной местности, т. е. в Восточной Сибири. Так, в 1915 г. крупную часть

[3] ГАИО - Государственный архив Иркутской области.

законтрактованных в г. Перми китайских подданных не взяли по месту назначения и отправили обратно. В итоге только на железнодорожном вокзале в г. Иркутске к октябрю 1915 г. скопилось около 30 китайских граждан без денег и паспортов **[26, с. 573]**.

Следует подчеркнуть, что стихийно проникавшие в Восточную Сибирь иммигранты из Китая обладали высоким криминальным потенциалом **[29, с. 45]**. Многие из них на своей родине какой-либо трудовой деятельностью не занимались. Глубокая материальная нужда побуждала этот постоянно скитавшийся из одной местности в другую криминальный элемент приходить из Китая и в российское приграничье с надеждой на лёгкое и быстрое обогащение **[31, с. 148–155]**. В одних случаях это были маргинальные личности, бродяги и хулиганы (непрофессиональный преступный элемент), а в других – профессиональные преступники **[28, с. 99–100]**. К сожалению, исторические материалы о совершенных преступлениях не всегда дают ясное представление о профессионализме преступников, особенно если преступное деяние было совершено в условиях неочевидности и в последующем осталось нераскрытым **[30, с. 46–47; 31, с. 123–124]**.

Слабый контроль органов власти за переходами таких иммигрантов через государственную границу существенно облегчал их криминальный промысел в Восточной Сибири. Этот фактор позволял иностранным преступникам успешно скрываться от преследования (уходить от розыскных мероприятий органов правопорядка), избегая заслуженного наказания. Согласно историческим свидетельствам, преступникам периодически удавалось спастись от преследования с помощью банального бегства из Российской империи в сопредельное государство **[53]**.

При этом следует отметить, что нередко китайские иммигранты приходили на восточную окраину Российской империи и действовали на её территории не в одиночку, а в составе организованных преступных групп, что ещё больше облегчало их преступную деятельность, затрудняло поимку после совершения преступления и существенно увеличивало количество совершенных иностранцами на территории региона преступлений. Научные данные показывают, что в начале XX в. деятельность китайских организованных преступных группировок достаточно часто фиксировалась правоохранительными органами того времени в Приамурье и Приморье **[50, с. 45]**. Точная численность преступных групп, действовавших в исследуемый период в российско-китайском пограничье, не поддается подсчёту. Известно лишь, что в городах обычно совершали преступления небольшие, а потому неприметные и трудноуловимые преступные группы в составе 3–4 человек. В сельской местности численность организованных преступных групп составляла до 10–40 человек. Некоторые банды были очень крупными, и порой их численность достигала 3 тыс. участников **[28, с. 101–102]**. Особенным разгулом китайской преступности среди всех областей Восточной Сибири и Дальнего Востока обычно выделялась Забайкальская область. Так, к примеру, если во Владивостоке китайские иммигранты в 1909 г. в общей сложности были осуждены за совершение 9 убийств, в Иркутске – 2, то в административном центре Забайкальской области (в Чите) – 34 **[18, с. 130]**.

В Восточной Сибири к контролю миграции через государственную границу в этот исторический период властью привлекались одновременно несколько служб и ведомств: Отдельный корпус пограничной стражи, подразделения казачьих войск, корчемная стража, органы таможенного надзора **[16]**. Однако исторические источники показывают, что деятельность всех перечисленных служб была не особенно эффективной, и китайским преступникам удавалось совершать незаконный бесконтрольный переход через границу без каких-либо затруднений. В качестве примера следует привести жестокое убийство, совершённое в ночь на 11 июля 1912 г. в Нерчинско-Заводском уезде Забайкальской области. В эту ночь три китайца, ночевавшие в доме крестьянина Маркова, жестоко убили жену Маркова, трёх его квартиранток и трёх малолетних детей. Убийцам удалось скрыться от преследования за границей и избежать наказания **(ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. К. 569. Д. 4339. Л. 110)**.

Следует отметить, что от противоправной деятельности иммигрантов страдали не только жители приграничных уездов Восточной Сибири, но и жители населённых пунктов, которые были удалены от границы на достаточно

внушительные расстояния. Так, 3 марта 1916 г. в 9 часов вечера два вооруженных китайца совершили разбойное нападение на железнодорожных рабочих, проживавших в бараке № 44 на 188-й версте железной дороги в Иркутской губернии. Пострадавших от нападения доставляли в медицинское учреждение на станции Слюдянка. Преступники скрылись **[22].** Ещё в качестве примера можно привести убийство, совершённое в ночь на 21 мая 1912 г. на Анхорском переселенческом участке Витимского подрайона, который находился в Верхнеудинском уезде (в настоящее время это территория Республики Бурятия). В эту ночь в собственном доме была убита переселенка Александра Ухалова и её 1,5-годовалый сын, а также ночевавший у них тунгус Баргузинского уезда Гарма Булурдаев, 60 лет. Убийцы похитили более тысячи рублей. Убийство совершено китайскими подданными Цай-си-хаем и Чан-чи-сяном. Сотрудникам полиции по горячим следам удалось задержать только Цай-си-хая, а Чанчи-сян успел скрыться от преследования за границей **(ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10122. Л. 344)**. Множество преступлений совершали китайские подданные в административном центре Иркутской губернии (г. Иркутске) **[8; 32; 33; 34; 35]**. Ещё больше преступлений совершалось китайскими иммигрантами в административном центре Забайкалья (г. Чите). Например, по подсчётам руководителя читинской полиции, в 1912 г. в г. Чите примерно каждое пятое преступление совершалось китайскими подданными **(ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 4543. Л. 239–240; Д. 14244. Л. 196)**. В качестве примера можно привести жестокое преступление, которое было совершено в 3 часа ночи 2 октября 1915 г. в г. Чите в доме Шемелина на углу Иркутской и Ононской улиц. Преступник убил кинжалом хозяина квартиры и похитил 1500 рублей. Подозреваемому в убийстве китайскому подданному Хин-вану удалось скрыться от преследования и избежать заслуженного наказания **(ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10325. Л. 641об)**.

Примечательно, что участки российско-китайской границы в Восточной Сибири органами власти продолжали контролироваться достаточно слабо даже при увеличении подобных преступлений и побегов преступников за границу. Нередко представители пограничных служб вступали в сговор с нарушителями границ и не только не препятствовали, но и помогали нарушителям беспрепятственно пересечь границу **[21, с. 97]**. К отмеченным выше проблемам в охране границы присовокуплялось и то, что обязанности по контролю тех или иных участков периодически перераспределялись как между различными пограничными службами, так и внутри этих служб **[16]**. Слаженность в их работе была достаточно низкой [**17, с. 54–58]**. Среди представителей различных ведомств, контролировавших границу, в исследуемый период наблюдались постоянные конфликты, нередко доходившие до применения огнестрельного оружия **[21, с. 95]**. Служебная деятельность пограничных служб нередко концентрировалась на немногочисленных пропускных пунктах. Да и сам контроль государственной границы фактически осуществлялся незначительной частью всех этих подразделений **[17, с. 5, 7, 28–29; 29, с. 45–47; 41, с. 180]**. Например, численность Забайкальского казачьего войска в исследуемый период составляла около 50 тыс. человек мужского пола, однако непосредственно на охрану государственной границы войско могло выставить около тысячи человек. А это означало, что один казак приходился на 10–15 км забайкальской границы **[1, с. 57]**. Кроме того, помимо основных обязанностей, на пограничные службы государственная власть возлагала ещё и массу второстепенных, вплоть до мер санитарно-эпидемиологического контроля, проведения карантинных мероприятий, охраны дорог, пароходов, крупных лесных заготовок и т. п. **[2, с. 127–129; 7, с. 23; 17, с. 7, 28–29, 34, 62–65, 84]**.

Следует отметить, что относительно недалеко от российско-китайского участка границы были сосредоточены подразделения Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС) особого Заамурского округа, штатная численность которого в начале XX в. составляла около 25 тыс. человек. Однако оказать действенную помощь в контроле китайской миграции через государственную границу эти подразделения также не могли. В то время на Заамурский округ ОКПС возлагалась охрана КВЖД длиной в 2 688 км (до сдачи железной дороги в эксплуатацию (т. е. до 1 июля 1903 г.) стража осуществляла охрану строительства и прокладки рельсового пути КВЖД), российского генерального консульства в г. Харбине, консульств в г. Цицикаре и г. Гирине. При этом

в некоторые периоды времени (например, в период русско-японской войны) КВЖД необходимо было охранять в две линии (с двух сторон) **[2, с. 126–128]**. С 1 июня 1908 г. в качестве помощи на участки, охраняемые Забайкальским, Амурским и Уссурийским казачьими войсками, было решено от пограничной стражи Заамурского пограничного округа ежегодно направлять по 3 конные сотни (одна сотня на одно казачье войско). Такая помощь вносила некоторый вклад в борьбу с незаконной миграцией, но большого значения не имела. Три сотни на несколько тысяч вёрст государственной границы было явно недостаточно. Да и командировки стражников длились всего один год. Через год, ещё не успев изучить особенности местности и установить контакты с местным населением, прибывшие стражники вынуждены были покинуть границу и освободить место для очередной командировочной партии **[7, с. 23]**.

Государственная власть пыталась привлечь к борьбе с незаконной иностранной миграцией в Восточной Сибири сотрудников полиции. Однако и полиция была бессильна осуществить должный контроль приграничных участков на российско-китайской границе в силу ещё большей загруженности различными функциональными обязанностями. Так, в 1909 г. вице-губернатор Забайкальской области докладывал иркутскому генерал-губернатору о невозможности принять действенные меры к недопущению в регион нелегальных китайских иммигрантов. Забайкальская граница, по сообщению вице-губернатора, на протяжении 2 тыс. вёрст фактически никем не контролировалась. Населённых пунктов вдоль границы было очень мало. Полицейские подразделения в этом случае были бессильны, т. к. участки обслуживания у уездных полицейских приставов нередко имели протяженность по 150–500 вёрст. К тому же китайские подданные ещё и умело скрывались от представителей российской власти. Высылались в Китай лишь те иммигранты, которые были задержаны вообще без каких-либо удостоверяющих личность документов. Многие же из китайских подданных имели при себе подложные китайские паспорта. Вместе с тем выявить подлог китайского паспорта можно было только с помощью составления письменных запросов в Китай, ответы на которые нередко приходилось ждать месяцами **(ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 14244. Л. 186–187)**.

В качестве примера задержания китайских уголовников, не имевших каких-либо документов, удостоверяющих личность, следует привести задержание двух беспаспортных китайцев 2 июня 1912 г. Один из задержанных назвался Сю-ван-цаем (28 лет), второй задержанный – Фу-куем (31 год). Как было установлено, в этот день задержанные китайские подданные с целью ограбления совершили убийство крестьянина Тобольской губернии, Николая Сергеевича Макарова, 27 лет. Преступление было совершено недалеко от российско-китайского участка границы на дороге между посёлком Горбица и прииском Горбичанка. Даже незначительное промедление при задержании могло привести к бегству преступников за границу (**ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10122. Л. 377об)**.

О контролируемости границы на российско-китайском участке и возможности незаконных перемещений через неё в начале XX в. ярко свидетельствуют сами представители пограничных служб. Так, в исследуемый период на территории Восточной Сибири существовал особый слой казаков под названием "караульцы". "Караульцами" обыватели называли казаков, которые расселялись в станицах и посёлках по долинам пограничных рек Восточной Сибири. Такие посёлки нередко имели протяжённость до 3 км и именовались "караулами". По свидетельствам самих "караульцев", к их услугам всегда были бескрайние степи северной части Китая (Маньчжурии). "Караульцы" периодически совершали незаконные переходы через границу на сопредельную территорию для каких-либо личных нужд. Некоторые из "караульцев" за ничтожную плату китайскому чиновнику в виде 3 рублей или "кирпича" зелёного чая без особых затруднений на протяжении всех летних месяцев занимались заготовкой сена в Китае. Нередко "караульцы" уходили со своими стадами в Маньчжурию на всю зиму. Русско-китайская граница начала закрываться только после установления на Дальнем Востоке советской власти. Высокая степень барьеризации границы была достигнута лишь к середине 1930-х гг. До этого же можно было свободно осуществлять переходы туда и обратно в любое время года **[40, с. 194–195]**.

В итоге получалось так, что множество китайских подданных криминальной направленности, среди которых периодически фигурировали и члены организованных преступных групп, занимавшиеся грабежом и контрабандой, с легкостью приходили с северных территорий Китая на российскую территорию **[18, с. 101–102]**. В России эти иммигранты совершали преступления, а после совершения преступлений они безнаказанно, минуя как полицейские облавы, так и пограничные службы, возвращались обратно в Китай и там укрывались от преследований. Сведения о подобных фактах в различных исторических источниках начала XX в. встречаются достаточно часто **(ГАЗК. Ф. 24. Оп. 3. Д. 10. Л. 14–14об; 31) [23, с. 925]**. Так, удалось скрыться за границей и избежать заслуженного наказания 3 китайским подданным, которые в ночь на 23 октября 1911 г. совершили жестокое убийство крестьянской семьи из 3 человек, проживавшей в посёлке Казаковском Читинского уезда Забайкальской области. Главе семейства Ушакову Степану Егоровичу убийцы нанесли множество ударов кинжалом в грудь и живот, его жене Ушаковой Варваре – ножевые ранения в спину и боковую часть тела. Их 17-летнему сыну Ушакову Григорию Степановичу убийцы нанесли один удар топором в голову и 15 ударов кинжалом в живот. Было установлено, что глава семейства накануне преступления впустил убийц в дом и позволил им остаться на ночлег. Убийство было совершено с целью ограбления **(ГАЗК. Ф. 24. Оп. 3. Д. 10. Л. 85–88об)**. Другим примером служит преступление, произошедшее в ночь на 10 июля 1909 г. в посёлке Чикичейском Курлыченской станицы Нерчинского уезда Забайкальской области. В эту ночь двумя неизвестными китайцами с целью ограбления был убит в собственном доме казак Иван Матвеевич Тонких и ранена его жена Матрёна. Убийцам также удалось скрыться от преследования и избежать наказания **(ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 7024. Л. 249)**.

Следует отметить, что подобная безнаказанность мотивировала китайских иммигрантов, а особенно китайских профессиональных преступников, в последующем многократно повторять преступное гастролирование на российской территории. Криминологические исследования свидетельствуют, что преступления, за которые не последовало наказания, а также внутреннее осознание преступником реальной возможности избежать ответственности за совершение очередного преступления, являются наиболее сильным побудительным фактором, толкающим преступников на новые преступления **[47, с. 251–253]**.

Тесного сотрудничества российской власти с китайским правительством в деле борьбы как с постоянными перебежками китайских иммигрантов через границу, так и с их криминальной активностью в Российской империи в исследуемый период не наблюдалось. Причин нечастого обращения органов государственной власти России к китайскому правительству было несколько. Во-первых, китайское правительство в начале XX в. явно было бессильно в борьбе с этими негативными явлениями. Во-вторых, всевозможные обращения в адрес китайского правительства могли невольно продемонстрировать иностранному государству собственную слабость, в том числе и слабую защищенность государственной границы с российской стороны **[41, с. 180]**. В итоге автору данной статьи в архивных материалах встречались лишь единичные случаи эффективного взаимодействия российских и китайских государственных органов в решении описанных проблем **[30, с. 122–123]**.

Таким образом, в начале XX в. Восточная Сибирь отличалась высоким уровнем тяжкой преступности. Особенно часто в этом восточном регионе Российской империи совершались убийства. Высокий уровень преступности в Восточной Сибири в начале XX в. во многом был логическим следствием приграничного расположения региона и результатом слабого контроля рубежей страны со стороны органов государственной власти. Это порождало бесконтрольную иностранную миграцию, обладавшую высоким потенциалом криминальности. На территорию Восточной Сибири в это время без особого труда массово (в некоторые годы до 22 тыс. человек) проникали и совершали здесь преступления китайские подданные, которые в дальнейшем, после совершения преступлений, без каких-то особых затруднений возвращались через границу обратно в Китай. Наряду со стихийными китайскими маргиналами, бродягами и хулиганами периодически в регионе совершали преступления и особенно опасные представители профессиональной китайской организован-

ной преступности. Слабый контроль границы мотивировал китайских преступников в последующем повторять преступное гастролирование на российской территории.

Литература / References

1. Алепко А. В. История пограничной охраны России. Хабаровск, 2000. 162 с.
   Alepko A. V. History of the Border Guard of Russia. Khabarovsk, 2000. 162 p. (In Russ.)
2. Алепко А. В. История вооруженных сил России: служба охраны границ (IX–XX вв.). 2-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2023. 377 с.
   Alepko A. V. History of the Armed Forces of Russia: Border Guard Service (IX–XX centuries). 2nd ed., trans. and add. M: Yurait, 2023. 377 p. (In Russ.)
3. Беляева Н. А., Лаврик Л. А., Ляпустин С. Н., Попенко А. В., Шабельникова Н. А., Щербина Е. М. Дальневосточная контрабанда как историческое явление: борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России во второй пол. XIX – первой трети XX в.: монография / под общ. ред. Н. А. Беляевой. 2-е изд., доп. М.: Проспект, 2023. 240 с.
   Belyaeva N. A., Lavrik L. A., Lyapustin S. N., Popenko A. V., Shabelnikova N. A., Shcherbina E. M. Far Eastern smuggling as a historical phenomenon: the fight against smuggling in the Russian Far East in the second half. XIX – first third of the XX century: monograph / under the general editorship of N. A. Belyaeva. 2nd ed., add. M: Prospect, 2023. 240 p. (In Russ.)
4. Беляева Н. А. Таможенная служба Приамурья и Забайкалья в условиях Первой мировой войны. *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 2014. № 4 (69). С. 104–113.
   Belyaeva N. A. Customs Service of the Amur Region and Transbaikalia in the Conditions of the First World War. *Customs Policy of Russia in the Far East*. 2014. No. 4 (69). P. 104–113. (In Russ.)
5. Бойко В. С. Миграционная активность и производственно-экономическая деятельность зарубежных азиатов в алтайском приграничье России в XX – начале 20-х гг. XXI в. *Этнография Алтая и сопредельных территорий*. 2023. № 11. С. 76–80.
   Boyko V. S. Migration Activity and Production and Economic Activities of Foreign Asians in the Altai Borderland of Russia in the twentieth century and the early 2020s of the twenty-first century. *Ethnography of Altai and Adjacent Territories*. 2023. No. 11. P. 76–80. (In Russ.)
6. Васильева Н. Л. Преступность на Дальнем Востоке: история и современность. *Современные тенденции развития науки и технологий*. 2017. № 2–7. С. 16–22.
   Vasilyeva N. L. Crime in the Far East: History and Modernity. *Modern Trends in the Development of Science and Technology*. 2017. No. 2–7. P. 16–22. (In Russ.)
7. Вишняков О. В. Деятельность охранной стражи КВЖД и Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи по защите государственных интересов России на Дальнем Востоке (1897–1918 гг.). автореф. дис. ... канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2006. 27 с.
   Vishnyakov O. V. Activities of the security guard of the CER and the Trans-Amur District of the separate border guard corps to protect the state interests of Russia in the Far East (1897–1918). Abstract of the dissertation ... Candidate of Historical Sciences dissertation abstract. Komsomolsk-on-Amur, 2006. 27 p. (In Russ.)
8. Вымогательство. *Иркутская жизнь*. 1916. № 86. С. 3.
   Extortion. *Irkutsk life*. 1916. No. 86. P. 3. (In Russ.)
9. Гайкин В. А. Межнациональные (китайцы–корейцы–японцы) отношения в Маньчжурии: первая треть XX в. *Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве*. 2019. Т. 2, № 8. С. 159–164.
   Gaikin V. A. Interethnic relations among Chinese, Koreans, and Japanese in Manchuria in the first third of the twentieth century. *Social integration and development of ethnocultures in the Eurasian space*. 2019. Vol. 2, No. 8. P. 159–164. (In Russ.)
10. Дацышен В. Г. Китайские рабочие в Иркутской губернии. К проблеме китайского труда в экономике Сибири. *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества*. 2024. № 14. С. 125–131.
    Datsyshen V. G. Chinese workers in the Irkutsk province. On the problem of Chinese labor in the economy of Siberia. *Russia and China: history and prospects for cooperation.* 2024. No. 14. P. 125–131. (In Russ.)
11. Дацышен В. Г. Проблемы китайской миграции Сибири на современном этапе развития России. *Международные исследования. Общество. Политика. Экономика*. 2009. № 1. С. 128.
    Datsyshen V. G. Problems of Chinese migration to Siberia at the present stage of Russia's development. *International studies. Society. Politics. Economy*. 2009. No. 1. P. 128. (In Russ.)
12. Ежегодник России 1908 г. (год пятый). Издание центрального статистического комитета МВД. СПб.: Типография «Т-ва Андерсона и Лойцянского», 1909. 464 с.
    Yearbook of Russia 1908 (the fifth year). Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. St. Petersburg: Printing house «T-va Anderson and Loitsyansky», 1909. 464 p. (In Russ.)

13. Ежегодник России 1909 г. (год шестой). Издание центрального статистического комитета МВД. СПб.: Типо-литография Н. Л. Ныркина, 1910. 476 с.
Yearbook of Russia 1909 (the sixth year). Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. St. Petersburg: Typography and Lithography of N. L. Nyrkin, 1910. 476 p. (In Russ.)
14. Загорулько А. В. Роль диаспоры в трансграничном регионе (корейцы Приморского края). *Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН*. 2023. Т. 40. С. 139–162.
Zagorulko A. V. The Role of the Diaspora in the Cross-Border Region (Koreans of Primorsky Krai). *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2023. Vol. 40. P. 139–162. (In Russ.)
15. Зубарева Ю. В., Пивоварова И.В. Национальный состав самозанятого населения Сибири (по результатам переписи 1897 г.). *Вопросы истории*. 2019. № 3. С. 129–134.
Zubareva Yu. V., Pivovarova I. V. National Composition of the Self-Employed Population of Siberia (Based on the Results of the 1897 Census). *Questions of History*. 2019. No. 3. P. 129–134. (In Russ.)
16. Изменение таможен. *Восточная заря*. 30.11.1910. № 272. С. 6.
Changes in Customs. *Eastern Dawn*. 11/30/1910. No. 272. P. 6. (In Russ.)
17. Карнович С. А., Синиченко В. В. Экономические задачи в деятельности пограничных служб Российской империи на Дальнем Востоке. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД РФ, 2015. 120 с.
Karnovich S. A., Sinichenko V. V. Economic Tasks in the Activities of the Border Services of the Russian Empire in the Far East. Irkutsk: FGKOU VO VSI MVD RF, 2015. 120 p. (In Russ.)
18. Коробченко А. И., Синиченко В. В. История правоохранительной деятельности полицейских служб России в отношении китайского населения в период с 1860 по1917 г. (на примере Восточной Сибири и русского Дальнего Востока). Иркутск: Оттиск, 2011.
Korobchenko A. I., Sinichenko V. V. History of law enforcement activities of the police services of Russia in relation to the Chinese population in the period from 1860 to 1917 (on the example of Eastern Siberia and the Russian Far East). Irkutsk: Ottisk, 2011. (In Russ.)
19. Ланцова Ю. Н. Китайские и корейские рабочие в золотопромышленности Забайкальской области (середина XIX – начало XX вв.). *Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского*. 2009. № 3 (26). С. 126–130.
Lantsova Yu. N. Chinese and Korean workers in the gold mining of the Transbaikal region (mid-19th - early 20th centuries). *Scientific notes of the Transbaikal State Humanitarian and Pedagogical University named after N.G. Chernyshevsky*. 2009. No. 3 (26). P. 126–130. (In Russ.)
20. Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.
Larin A. G. Chinese migrants in Russia. History and modernity. M: Vostochnaya kniga, 2009. 512 p. (In Russ.)
21. Ляпустин С. Н. Особенности контрабандного промысла на российско-китайской границе в начале XX в. *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 2024. № 2 (107). С. 93–107.
Lyapustin S. N. Features of the smuggling trade on the Russian-Chinese border at the beginning of the 20th century. *Customs policy of Russia in the Far East*. 2024. No. 2 (107). P. 93–107. (In Russ.)
22. Нападение. *Иркутская жизнь*. 1916. № 63. С. 4.
Attack. *Irkutsk life*. 1916. No. 63. P. 4. (In Russ.)
23. Обзор Забайкальской области за 1910 год. Чита: Типография Забайкальского областного правления, 1911. 144 с., приложения и ведомости.
Review of the Trans-Baikal region for 1910. Chita: Printing house of the Trans-Baikal regional government, 1911. 144 p., appendices and statements. (In Russ.)
24. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXXV. Забайкальская область / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб: Центральный статистический комитет МВД, 1904. 204 с.
The first general census of the Russian Empire 1897. Vol. LXXIV. Trans-Baikal region / ed. by N. A. Troinitsky. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. 204 p. (In Russ.)
25. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. T.LXXV. Иркутская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Центральный статистический комитет МВД, 1904. 172 с.
The First General Population Census of the Russian Empire, 1897. Vol. LXXV. Irkutsk Province / edited by N. A. Troinitsky. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. 172 p. (In Russ.)
26. Петров А. И. История китайцев в России: 1856–1917 гг. СПб.: Береста, 2003. 958 с.
Petrov A. I. History of the Chinese in Russia: 1856–1917. SPb: Beresta, 2003. 958 p. (In Russ.)
27. Петров А. И. Изучение китайцев в России 1858–1884 гг. *Россия и АТР*. 2022. № 1 (115). С. 188–208.
Petrov A. I. Study of the Chinese in Russia 1858–1884. *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2022. No. 1 (115). P. 188–208. (In Russ.)
28. Петров А. С. Влияние китайской организованной преступности на криминальную обстановку Восточной Сибири в начале XX в. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2023. № 3. С. 98–107.

Petrov A. S. The influence of Chinese organized crime on the criminal situation in Eastern Siberia at the beginning of the 20th century. *Ojkumena. Regional researchers*. 2023. No. 3. P. 98–107. (In Russ.)
29. Петров А. С. Значение огнестрельного оружия в криминализации Восточной Сибири в начале XX в. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2024. № 1. С. 81–89.
Petrov A. S. The Importance of Firearms in the Criminalization of Eastern Siberia at the Beginning of the Twentieth Century. *Ojkumena. Regional researchers*. 2024. No. 1. P. 81–89. (In Russ.)
30. Петров А. С. Китайские подданные в дореволюционное время как проблемный элемент в деятельности органов государственной власти Забайкалья // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2012. № 6. С. 45–47.
Petrov A. S. Chinese Subjects in Pre-Revolutionary Times as a Problem Element in the Activities of State Authorities of Transbaikalia // *State Authority and Local Self-Government*. 2012. No. 6. P. 45–47. (In Russ.)
31. Петров А. С. Русско-китайский инцидент на забайкальской границе в 1911 году // IV Петряевские чтения: материалы региональной научно–практической конференции, посвященной 360-летию города Нерчинска и 100-летию со дня рождения краеведа Е.Д. Петряева (Чита, 13–15 февраля 2013 г.) / Забайкал. гос. ун-т. Чита, 2013. С. 122–125.
Petrov A. S. The Russian-Chinese incident on the Transbaikal border in 1911 // IV Petryaev Readings: Proceedings of the regional scientific and practical conference dedicated to the 360th anniversary of the city of Nerchinsk and the 100th anniversary of the birth of local historian E.D. Petryaev (Chita, February 13–15, 2013) / Transbaikal. state University. Chita, 2013. P. 122–125. (In Russ.)
32. Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. М.: ОГИЗ, 1947. 346 с.
Przhevalsky N. M. Travel in the Ussuri region. 1867–1869. M: OGIZ, 1947. 346 p. (In Russ.)
33. Происшествия. *Иркутская жизнь*. 1916. № 79. С. 3.
Incidents. *Irkutsk life.* 1916. No. 79. P. 3. (In Russ.)
34. Происшествия. *Иркутская жизнь*. 1916. № 81. С. 3.
Incidents. *Irkutsk Life*. 1916. No. 81. P. 3. (In Russ.)
35. Происшествия. *Иркутская жизнь*. 1916. № 178. С. 3.
Incidents. *Irkutsk Life*. 1916. No. 178. P. 3. (In Russ.)
36. Розыски пропавшего китайца. *Восточная заря*. 1910. № 136. С. 2.
Search for a Missing Chinese. *Eastern Dawn*. 1910. No. 136. P. 2. (In Russ.)
37. Рудокопов В. Н. Хунхузы. *Исторический вестник*. 1910. № 6. С. 924–956.
Rudokopov V. N. Honghuzy. *Historical Bulletin*. 1910. No. 6. P. 924–956. (In Russ.)
38. Сборник статистических сведений министерства юстиции. Выпуск 24. Часть 1. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской России за 1908 г. Издание 1 Департамента МЮ по 3-му делопроизводству, статистического отделения. СПб.: Сенатская типография, 1910.
Collection of statistical information of the Ministry of Justice. Issue 24. Part 1. Information on the personnel and activities of judicial institutions of European Russia for 1908. Edition 1 of the Department of the Ministry of Justice for the 3rd office work, statistical department. St. Petersburg: Senate Printing House, 1910. (In Russ.)
39. Сборник статистических сведений министерства юстиции. Выпуск 24. Часть 2. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Азиатской России за 1908 г. Издание 1 Департамента МЮ по 3-му делопроизводству, статистического отделения. СПб.: Сенат. тип., 1910.
Collection of statistical information of the Ministry of Justice. Issue 24. Part 2. Information on the personnel and activities of judicial institutions of Asian Russia for 1908. Edition 1 of the Department of the Ministry of Justice for the 3rd office work, statistical department. St. Petersburg: Senate Printing House, 1910. (In Russ.)
40. Сборник статистических сведений министерства юстиции. Выпуск 25. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской и Азиатской России за 1909 г. Издание 1 Департамента МЮ по 3-му делопроизводству, статистического отделения. СПб.: Сенатская типография, 1911.
Collection of statistical information of the Ministry of Justice. Issue 25. Information on the personnel and activities of judicial institutions of European and Asian Russia for 1909. Edition 1 of the Department of the Ministry of Justice for the 3rd office work, statistical department. St. Petersburg: Senate Printing House, 1911. (In Russ.)
41. Сибиряков Н. С. Конец Забайкальского казачьего войска // Минувшее. Исторический альманах. Том 1. М.: Прогресс, 1990. 290 с.
Sibiryakov N. S. The End of the Transbaikal Cossack Host // The Past. Historical Almanac. Vol. 1. M.: Progress, 1990. 290 p. (In Russ.)
42. Синиченко В. В. Вооруженное вторжение в Россию китайских незаконных формирований в июле 1915 г. (неизвестные страницы истории Первой мировой войны). *Известия Лаборатории древних технологий*. 2019. Т. 15, № 3. С. 177–189. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-177-189
Sinichenko V. V. Armed invasion of Russia by Chinese illegal formations in July 1915 (unknown pages of the history of the First World War). *Bulletin of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2019. Vol. 15, No. 3. P. 177–189. (In Russ.) https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-177-189

43. Синиченко В. В. Деятельность корчемной стражи и акцизного надзора на востоке Российской империи. *Вестник Уфимского юридического института МВД России*. 2020. № 2 (88). С. 20–27.
Sinichenko V. V. Activities of tavern guards and excise supervision in the east of the Russian Empire. *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. No. 2 (88). P. 20–27. (In Russ.)
44. Синиченко В. В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков. Восточно-Сибирский институт МВД России, 2003. 191 с.
Sinichenko V. V. Offenses committed by foreigners in the east of the Russian Empire in the second half of the 19th - early 20th centuries. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 191 p. (In Russ.)
45. Соловьев Ф. В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861-1917). М: Наука, 1989. 127 с.
Soloviev F. V. Chinese seasonal work in the Russian Far East during the era of capitalism (1861-1917). M: Nauka, 1989. 127 p. (In Russ.)
46. Статистический ежегодник России 1912 г. (год девятый). Издание центрального статистического комитета МВД. СПб.: Б. и., 1913. 12 отд.
Statistical yearbook of Russia for 1912 (the ninth year). Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. St. Petersburg: B.i., 1913. 12 sec. (In Russ.)
47. Тарасов А. П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита: РИС Заб ГПУ, 2003. С. 36–49.
Tarasov A. P. Transbaikalia and China: an attempt to analyze international relations. Chita: RIS ZabGPU, 2003. P. 36–49. (In Russ.)
48. Ферри Э. Уголовная социология / пер. с пятого фр. изд. 1905 г. О. В. Познышевой, О. В. Гольденвейзера, Н. А. и Г. Я. Зак, В. П. Поливанова. М.: ИНФРА–М, 1993. 253 с.
Ferri E. Criminal sociology / trans. from the fifth French edition of 1905 by O. V. Poznysheva, O. V. Goldenweiser, N. A. and G. Ya.Zak, V. P. Polivanova. M: INFRA-M, 1993. 253 p. (In Russ.)
49. Хроника. О золотопромышленности. *Иркутская жизнь*. 06.09.1914. № 2. С. 3.
Chronicle. On the gold mining. *Irkutsk life*. 06.09.1914. No. 2. P. 3. (In Russ.)
50. Шабельникова Н. А., Беляева Н. А. Деятельность правоохранительных органов и спецслужб на Дальнем Востоке России в ракурсе современных отечественных исследований. *Клио*. 2023. № 7 (199). С. 29–38.
Shabelnikova N. A., Belyaeva N. A. Activities of law enforcement agencies and special services in the Russian Far East from the perspective of modern domestic research. *Clio*. 2023. No. 7 (199). P. 29–38. (In Russ.)
51. Шабельникова Н. А. Исторический феномен хунхузничества в рамках современной историографии. *Клио*. 2021. № 3 (171). С. 45–52.
Shabelnikova N. A. The historical phenomenon of Honghuzi banditry in contemporary historiography. *Clio*. 2021. No. 3 (171). P. 45–52. (In Russ.)
52. Шабельникова Н. А. Хунхузничество как особый вид бандитизма на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. Материалы Второй международной научной конференции / отв. ред. С. М. Дударёнок, М. А. Тулиглович. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2017. С. 413–418.
Shabelnikova N. A. Honghuznichestvo as a special type of banditry in the Russian Far East in the 1920s // Vladivostok – the point of return: the past and present of Russian emigration. Proceedings of the Second international scientific conference / ed. S. M. Dudarenok, M. A. Tuliglovich. Khabarovsk: RIO DVUI MVD of Russia, 2017. P. 413–418. (In Russ.)
53. Шалости китайцев. *Восточная заря*. 30.11.1910. № 272. С. 6.
Pranks of the Chinese. *Eastern dawn*. 30.11.1910. No. 272. P. 6. (In Russ.)

◆

Информация об авторе

Артем Сергеевич Петров, канд. ист. наук, доцент кафедры международного права и международных связей Забайкальского государственного университета, Чита, Россия, e-mail: partem11@rambler.ru

Information about the author

Artem S. Petrov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Law and International Relations, Transbaikal State University, Chita, Russia, e-mail: partem11@rambler.ru

Поступила в редакцию 30.03.2025 Одобрена после рецензирования 18.08.2026 Принята к публикации 25.08.2026

Received 30.03.2025 Approved 18.08.2026 Accepted 25.08.2026

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 100–109.
Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 100–109.

Научная статья
УДК 316.77(091)
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/100-109

Проблемы экономического развития Сибири в дискурсе авторов журнала "Сибирские записки" 1916–1919 гг.: областнические нарративы

Александр Викторович Головинов
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, alex-golovinov@mail.ru

Аннотация. Цель работы – показать направления дискурса о состоянии, проблемах и перспективах экономики Азиатской части России в оценках авторов журнала "Сибирские записки" за период 1916–1919 гг. Методология исследования базируется на инструментарии исторической нарратологии. Гносеологические конструкты данной исследовательской стратегии позволяют наиболее плодотворно интерпретировать историю смыслов как продуктов индивидуального и / или коллективного осмысления исторического события, включенного в дискурс, направленный на общественное воздействие. Установлено, что основными нарративами выступили темы развития кооперации, борьбы с дороговизной, улучшения экономики городских поселений, развития торговых отношений, стабилизации рынка труда и роста занятости населения Сибирского региона. Также шла дискуссия о развитии производительных сил страны.
Ключевые слова: *Сибирь, Азиатская часть России, Сибирские записки, областничество, история экономики, историческая регионалистика*
Для цитирования: Головинов А. В. Проблемы экономического развития Сибири в дискурсе авторов журнала "Сибирские записки" 1916–1919 гг.: областнические нарративы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 100–109. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/100-109

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/100-109

Problems of Siberia's Economic Development in the Discourse of Sibirskie Zapiski Contributors, 1916–1919: Siberian Regionalist Narratives

Alexander V. Golovinov
Altai State University, Barnaul, Russia, alex-golovinov@mail.ru

Abstract. This article examines how contributors to Sibirskie Zapiski discussed the state, problems, and prospects of the economy of Asiatic Russia between 1916 and 1919. The study employs historical narratology to interpret narratives as forms of individual and collective meaning-making shaped for public communication. The analysis identifies several recurring themes: the development of cooperation, measures to combat high prices, the economic condition of urban settlements, trade relations, labor-market stabilization, and employment growth in Siberia. The journal also featured discussions of the development of the country's productive forces. These narratives reflected the regionalist outlook of the publication's contributors and framed Siberia's economic problems within broader debates about the development of Asiatic Russia.
Keywords: *Siberia, Asian part of Russia, Siberian Notes, regionalism, history of the economy, historical regional studies*
For citation: Golovinov A. V. Problems of Siberia's Economic Development in the Discourse of Sibirskie Zapiski Contributors, 1916–1919: Siberian Regionalist Narratives // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 100–109. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/100-109

Введение

В историю отечественной периодической печати журнал "Сибирские записки", издававшийся в Красноярске в 1916–1919 гг., вошёл как первый "толстый" журнал в регионе.

Характерной чертой издания выступила его полная привязка к идеологии областничества – системе умонастроений, распространённой в среде разночинной интеллигенции Сибири, главным постулатом которой была созидательная регионализация, основанная на идее развития русских провинций и окраинных территорий.

В действительности, на страницах журнала обсуждались самые разнообразные вопросы. Однако редакторская политика велась исключительно в рамках идеологии сибирских областников, поэтому тематическая подборка материалов осуществлялась с учётом погружения в актуальные проблемы Азиатской части России.

Одним из центральных направлений деятельности этого печатного органа было стремление обсуждать и решать проблемы родного края. Бурные события начала XX в., серьёзные социальные и экономические трансформации были представлены в публицистических работах сибирских авторов того времени. Таким образом, корпус произведений и журналистских материалов, размещенных в "Сибирских записках", выступает дополнительным историче-

© Головинов А. В., 2026

ским источником по изучению региональной истории и представлений общественности об экономической ситуации в регионе в данный период. Актуальным видится обращение к дискуссии о состоянии и перспективах экономики Азиатской части России, которая развернулась на полосах красноярского издания.

Несмотря на субъективный характер содержания данных публикаций и их идеологический контекст, историко-текстологический анализ может расширить представления об экономической ситуации "эпохи войн и революций" в среде публицистов преимущественно областнического направления. Таким образом, цель исследования заключается в выявлении нарративов о материальном состоянии сибирского региона, сложившихся под влиянием движения демократических регионалистов (областников) и размещённых на страницах журнала "Сибирские записки" за 1916–1919 гг. Хронология объясняется периодом издания журнала.

Достижение поставленной цели возможно при последовательном решении нескольких задач. Во-первых, важно установить содержательные аспекты статей на экономические темы, опубликованных в издании, таких как проблемы развития кооперации, улучшения экономики городских поселений, оценка состояния торговых отношений, проблемы рынка труда и другие. Во-вторых, не менее значимо выявить, в какой степени анализируемые тексты отражали реальные проблемы экономики Сибири.

Историографическая ситуация и методологические стратегии

В отечественной историографии журнал "Сибирские записки" исследуется в работах таких авторов, как А. Ю. Горбенко **[2]**, В. В. Чекушин **[19]**, Ю. Б. Костякова **[9]** и др. Исследователи обращаются к идейной основе публицистики, размещенной на страницах издания, отмечают её роль в становлении региональной общественной жизни, связывают её с пропагандой областнического движения.

Так как издание носило окраску сибирского демократического регионализма (областничества), современные учёные при исследовании наследия областников также используют материалы первого "толстого" журнала Сибири. Труды авторитетных исследователей, таких как В. П. Зиновьев **[6]**, Д. Н. Шевелев и К. А Конев **[21]**, А. М. Сагалаев и В. М. Крюков **[17]**, Н. С. Ларьков **[10]**, В. А. Гордиенко и Н. В. Жилякова **[3]**, М. В. Шиловский **[23]**, А. В. Сушко **[18]**, В. И. Шишкин **[22]**, А. В. Малинов **[11]** и др., посвящены областничеству как общественно-политическому движению, особой системе взглядов. Большое внимание данной группой исследователей уделяется позднему этапу областнической идеологии.

Необходимо отметить, что в данном историографическом блоке авторы не ставят задачу исследования дискурсов журнала "Сибирские записки". Познавательные апелляции к материалам издания носят всё же вспомогательный характер. Однако общие вопросы о природе, идеологических установках, основах мировоззрения и программе представителей движения областников на позднем этапе широко рассматриваются в новейшей историографии. Так, в работе Д. Н. Шевелева и К. А. Конева установлено, что в годы русских революций лидер областнического движения Г. Н. Потанин в своих многочисленных публикациях очень скрупулёзно продолжал проговаривать проблемные моменты развития Сибири: немногочисленная интеллигенция, "штрафная" колонизационная политика, положение коренного населения, уровень материального и хозяйственного развития региона и др. Авторский вывод убедителен и обоснован: такая работа велась просветителем целенаправленно, для удержания внимания общественности на "сибирских вопросах". Учёные также обращались к публикациям главного редактора "Сибирских записок" Вл. М. Крутовского, воспроизводя панораму неоднозначной эпохи "войн и революций" и отмечая возросшую востребованность областнической идеологии в связи с полным пониманием всех региональных проблем в среде её представителей **[21]**.

Омский историк А. В. Сушко также обращался к публицистическим материалам из "Сибирских записок". В частности, ученый анализировал статью позднего областника Н. Н. Козьмина, размещенную в 1-м номере журнала за 1918 г. Автор установил, что Н. Н. Козьмин на полосах издания размышлял

об исторических корнях сибирского областничества, конструируя чуть ли не идею "сибирской нации" **[18]**.

Профессор из Санкт-Петербурга А.В. Малинов, анализируя материалы "Сибирских записок", рассматривал две версии областничества – украинофильство и сибирский демократический регионализм. Реконструируя идеологическую сущность областнической программы, учёный анализировал материалы Г.Н. Потанина, вышедшие в свет в 1916 и 1917 гг. на полосах данного журнала. Именно опираясь на статьи в "Сибирских записках", автор пришёл к обоснованному выводу о том, что идеолог областничества мечтал о переносе центра отечественной государственности в Сибирь, где децентрализация была бы основой плодотворной конкуренции **[11]**.

Сибирское областничество в период революционных событий 1917 г. стало объектом работы В.М. Шишкина. В корпусе письменных источников, которые использовал учёный, были и публицистические произведения в журнале "Сибирские записки". Главным образом анализу подвергались статьи Г.Н. Потанина и Вл. М. Крутовского, размещённые на полосах издания. Автор критически оценивал реальность и объективность так называемых "сибирских вопросов", отмечая, что одни из них отражали настоящее положение сибирской периферии, а другие были лишь мечтаниями и ожиданиями областников **[22]**.

Таким образом, журнал "Сибирские записки" активно используется современными исследователями как источник по истории позднего областничества, что является свидетельством востребованности издания в качестве письменного исторического источника.

Вместе с тем, несмотря на высокий уровень разработанности данной проблематики, специальных работ, где бы реконструировались нарративы общественно-политической дискуссии об экономической жизни региона, развернувшейся в среде авторов журнала "Сибирские записки", пропагандирующего программу областников, до сих пор нет. В настоящем исследовании как раз будет предпринята попытка показать направления дискурса о состоянии, проблемах и перспективах экономики "Восточной окраины" в оценках авторов первого "толстого" журнала Сибири за период 1916–1919 гг.

Достижение обозначенных замыслов считаем возможным с привлечением эвристического и гносеологического потенциала инструментария исторической нарратологии. Методологические конструкты данной исследовательской стратегии позволяют наиболее плодотворно интерпретировать историю смыслов как продуктов индивидуального и / или коллективного осмысления исторического события, заключённого в дискурс, направленный на общественное воздействие.

Мы исходим из того, что идеологическое ядро журнала не только соответствовало постулатам областничества, но и отражало реальные вызовы времени. Эпоха социальных катаклизмов начала XX в. с её вихрем неоднородных событий трактовалась авторами красноярского издания в контексте идеологических пристрастий. Также значение имела концепция Поля Рикера, согласно которой познавательные способы нарративной истории, способствуют установлению связи письменных высказываний, обобщающих события конкретной эпохи, с общественным мнением, на которое через текстовые выражения оказывалось определённое воздействие **[16]**.

Думы и чаяния об экономике региона в работах авторов "Сибирских записок"

В первом номере красноярского издания, который вышел в свет в январе 1916 г., сразу же активно обсуждалась экономическая политика "Восточной окраины", акцентировалась специфика производственных отношений в регионе. На страницах журнала развернулась дискуссия о проблеме роста стоимости товаров и услуг. Хозяйственные недуги связывали с фактором Первой мировой войны. "Дороговизна, как несоответствие продажных цен с покупательной способностью рынка, останется на долгое время после войны" – так отмечал региональный экономист и статистик К.И. Морозов **[12, с. 130]**. Разрешение такого потенциально негативного явления автор видел в решении и внутренних сибирских вопросов. Ключом, открывающим выход из складывающейся ситуации, он считал мобилизацию промышленности в самом широком

смысле этого понятия. Такой подход основывался, по его мнению, на развитии прежде всего добывающей промышленности, что позволило бы успешно и в большем объёме использовать полезные ископаемые и различное сырье. Это, в свою очередь, могло поспособствовать вероятному росту покупательской способности населения.

Публицист специально уточнял: "Для покрытия громадных убытков войны, и размер промышленного подъема должен рисоваться в громадных же масштабах. С этой точки зрения особое внимание привлекает к себе такая богатая возможностями колония России, как Сибирь. Богатейшие клады зарыты в её недрах природой, много ещё неиспользованных богатств и на её поверхности. Нужно только создать условия для успешной добычи этих кладов и богатств" **[12, с. 138]**.

Цитата демонстрирует отчётливый нарратив о колониальном положении Сибири. Дискурс, очевидно, приобретал положительную окраску, в том смысле, что регион понимался не как угнетённая территория, а как перспективный для освоения край. Мы придерживаемся мнения о том, что все представители областнической идеологии были сторонниками такой мировоззренческой парадигмы. Колония понималась данной общественной группировкой как пространство для развития и освоения её потенциала, а не угнетения и ущемления, как, например, в западной общественно-политической мысли. Поэтому автор цитируемого текста, публикуясь исключительно в русле концептов демократического регионализма, искренне надеялся на то, что экономические проблемы, порождённые войной, не станут для общественности фактором, объясняющим все "хозяйственные неприятности" Азиатской части России как её глубокого тыла. Напротив, милитаризация может выступить стимулятором производственного, промышленного и хозяйственного роста показателей региона. В конечном счёте дороговизна будет купирована, что положительно скажется на сибирском обществе.

Очередной вызов военного времени пришёлся на сибирскую кооперацию.

Исследователь сибирских кооперативных союзов, большевик и бывший ссыльный Дмитрий Иванович Голенищев-Кутузов под псевдонимом Д. И. Илимский на полосах "Сибирских записок" констатировал: "Война застала сибирскую кооперацию как раз в тот момент, когда последняя была занята количественным умножением своих сил и первыми попытками перехода от количества к качеству, от механического накопления и блуждания в потёмках к организации и планомерности. Были опасения, что призыв на войну множества опытных работников и расстройство всего народного хозяйства, если не погубит, то, во всяком случае, задержит и ослабит кооперативное строительство" **[7, с. 145]**.

Д. И. Илимский (Голенищев-Кутузов), современник данных процессов, продолжал высказываться в похожем ключе. Исследователь полагал, что причиной такого положения дел была удаленность региона от армии и российских потребительных, кооперативных и промышленных центров на громадное расстояние. Сибирь оказалась заперта с Востока охранительными пошлинами на ввозимые товары и прямым запретом вывоза своего сырья. "Восточная окраина" страдала почти полным отсутствием внутренней обрабатывающей промышленности. "Дезорганизованная в хозяйственном и политическом отношении Сибирь почти лишена возможности приспособиться к войне и связанными с ней экономическими событиями" – резюмировал публицист-революционер **[7, с. 140]**.

В целом, как и сибирские писатели-областники, общественный деятель мечтал о том, чтобы сибирская кооперация вышла на такой уровень и поднялась на такую высоту, чтобы могла, наконец, стать равноправным членом общерусской кооперативной семьи.

Современные исследователи, хотя и отмечают общее падение роста кооперации в регионе, но так критически как упомянутый современник эпохи "войн и революций" не высказываются. В данном случае авторы характеризуют кризисную ситуацию только в маслодельческой кооперации. На основе анализа материалов, хранящихся в Государственном архиве Новосибирской области, они даже выделяют некоторую динамику в увеличении количества кооперативных объединений, приводя убедительные цифры. Они пишут, что

"… к 1919 году Союз сибирских кооперативных союзов объединил уже 36 кооперативов. Сопутствовали жизнедеятельности этих организаций кредитные союзы, которых к концу 1917 было 22, а к 1919 уже 27" **[15, с. 50]**.

Справедливости ради отметим, что по многим параметрам можно наблюдать идеологическую несовместимость марксизма-ленинизма и сибирского областничества. Однако особенно ссыльные в регион революционеры и политкаторжане, разделявшие большевистские идеалы в той или иной мере, проникновенно восприняли насущные сибирские проблемы. Это обстоятельство позволяет говорить о некотором взаимопонимании политических программ этих общественных движений. По крайней мере, такое положение дел сохранялось до полного прихода к государственной власти коммунистов. Конечно, после "Великого Октября" большинство участников областнического проекта относились с недоверием и даже с полным неприятием к тем доктринёрским приемам осуществления власти, что исходили от марксистов. Вместе с тем текстологический анализ публикации Д. И. Голенищева-Кутузова (Илимского) показывает некоторую солидарность во взглядах на потенциал сибирской кооперации. Понятно, что содержание анализируемого материала в этом смысле отвечало медийной политике издания и мировоззренческим установкам позднего областника Вл. М. Крутовского – главного редактора.

Владимир Михайлович был человеком разносторонним: трудился врачом, учредил и редактировал первый "толстый" журнал в Сибири, активно участвовал в политической жизни. Все его направления деятельности были основаны на приверженности к критическим тонам, обличении текущих проблем, иногда даже с использованием средств драматизации и преувеличений. И все эти имманентные характеристики личности были подчинены идеалам демократии, равноправия, федерализации государственного строя, свободной рыночной экономики, основой которой выступает частная инициатива. Большое внимание уделялось поддержке этнической эндемики русских окраин и просветительству населения. Данные компоненты мировоззрения как раз и представляли собой некую сумму идеологических пристрастий сибирских областников. Такие убеждения создавали почву для расхождений с большевистским проектом развития общества и государства. При этом утилитарный и прагматический взгляд на окружающую действительность вполне уживался в редакторской политике, которую проводил поздний областник. Это позволяло не только представителям демократического регионализма излагать свои взгляды широкой аудитории о мире в журнале, но и, если это соответствовало основным, в частности, критическим воззрениям на социально-экономическую повестку дня, предоставлять такую возможность носителям иных политических пристрастий. Как пишет современный автор, "для публицистики и редакторской работы учредителя "Сибирских записок" был характерен дискурс идеологического оформления сибирского областничества в условиях революционных событий, свойственна тема расхождения с большевиками и характерна пропаганда федералистских идей и принципа народовластия" **[4, с. 105]**. Все эти обстоятельства непременно отражались на его работе главным редактором красноярского журнала.

Предметом обсуждения выступила тема материального положения и развития городской среды. Экономика городских поселений также переживала не лучшие времена. Наблюдались такие явления, как дороговизна продукции; также местные власти сталкивались с проблемами заготовок товаров и решали вопросы создания благоприятной среды для городских предпринимателей.

На полосах "Сибирских записок" находим: "Высказываясь за отмену такс и сознавая, что только свободная конкуренция является рычагом установления действительно нормальных цен, городское самоуправление Сибири признали за неотложную необходимость выступить на борьбу с дороговизной путём организации муниципальных заготовок предметов первой необходимости для продажи их населению по заготовительным ценам" **[13, с. 121]**.

Во втором номере красноярского журнала за 1916 г. был предложен план борьбы с дороговизной, который включал в себя тесное сотрудничество с кооперативами, финансирование последних городами, организацию потребителей в обывательские участковые комитеты, учреждение института торговых

попечителей для наблюдения за исполнением обязательных постановлений по торговле и проч. **[13, с. 125]**.

Активно шла дискуссия о продовольственном кризисе. Как отмечал К. И. Морозов: "… занимающий нас сейчас продовольственный вопрос – тот же вопрос о дороговизне недостатках при излишках, и излишков при недостатках. И предпосылки для них одинаковые, что были и год, и два тому назад: бестолочь, неразбериха, бесхозяйственность, полное невнимание к опытам прошлого и задачам будущего, непонимание исторического сдвига, разрушившего прежние экономические трафареты и требующего новых форм государственного хозяйствования" **[12, с. 77]**. В целом публицистами рисовалась картина глубокого и затяжного кризиса продовольственного дела.

В действительности же затяжного кризиса не произошло, но проблемы были. Всё-таки в период Первой мировой войны обеспечить бескризисное функционирование продовольственного рынка не удалось. Современная исследовательница О. М. Долидович также подтверждает такое положение дел архивными источниками и вспомогательными публицистическими материалами периодической печати того времени. Автор приходит к выводу о том, что наблюдался острый дефицит хлеба из-за нарушения межрегиональных торговых связей, связанных с перебоями на транспорте и запретами вывоза из Западной Сибири, где шли заготовки на фронт **[5].**

Основываясь на материалах, полученных в фондах Государственного архива Красноярского края и Российского государственного исторического архива, О. М. Долидович приводит сведения о том, что, например, в 1915 г. доставка хлеба из Западной Сибири в Иркутскую губернию превратилась в серьезную проблему. "С конца 1915 г. перевозки по железной дороге для армии осуществлялись в соответствии с планом, который вырабатывался комиссией при Главном интендантском управлении, после чего местные управления железной дороги получали телеграфные наряды на отправку товарных грузов" **[5]**.

Проблематика рынка труда и состояния занятости населения сибирского региона выступила предметом аналитики на страницах "Сибирских записок" в 1917 г. Недостаток рабочих рук, сопровождавшийся ростом числа беженцев в Азиатской части России, возникший как одно из печальных последствий Первой мировой войны, негативно влиял на трудовые отношения. Выходом из ситуации виделась активизация деятельности бирж труда.

"Не осталась глуха к требованиям исключительного момента и далекая от театров военных действий Сибирь, – писал один из авторов литературного и политического журнала, – как только в Сибири появились первые партии беженцев, с одной стороны, и более или менее сильно начал ощущаться недостаток рабочих рук, с другой, в целом ряде городов начали учреждаться бюро и биржи труда по оказанию посреднических услуг ищущим труда и удовлетворению спроса на последний" **[1, с. 84]**.

Публицист приводил статистические данные об уровне образования, гендерном составе и профессиональной принадлежности трудовых сил. В целом аналитике были подвергнуты общественные биржи труда во Владивостоке, Иркутске, Красноярске, Омске, Новониколаевске, Томске и Чите. Была показана динамика трудовой активности показано соотношение спроса на рабочую силу и предложения вакансий/труда.

Была приведена статистика: "За четыре отчётных месяца 1916 года в Иркутское бюро труда обратилось за работой 2117 чел., в том числе: 1298 мужчин и 819 женщин. По профессиям обратившиеся в бюро труда рабочие распределяются так: обработка металлов 75 чел., деревообделочное 50, строительные 100, кожевенное производство 16, транспорт 53, торговля 171, личные услуги 106. По возрасту зарегистрированные рабочие распределялись таким образом: 12–16 лет – 160; 17–30 лет – 1060; 31–55 лет – 601; свыше 55 лет – 52". Предложений работы за отчётное время в бюро поступило 2051 на 4296 мест **[1, с. 88]**.

В современной историографии, например, в работах А. В. Неклюдовой, также подтверждаются сведения о составе и пополнении рабочего рынка. Автор апеллирует к иркутскому бюро труда, отмечая, что "за первую неделю его существования в него обратилось 784 человека, при этом поступило 1625 за-

просов на рабочие руки. Это свидетельство неустойчивости наемного труда" **[14, с. 199]**.

Таким образом, были представлены весьма объективные характеристики изменений, произошедших на местном рабочем рынке во время Первой мировой войны, т. к. акцентировалась деятельность сибирских бюро труда по решению острых социальных проблем. Очевидно, что привлечение данного письменного источника, опубликованного в "Сибирских записках", хоть и не откроет новых прорывных сведений о рынке труда, но может обогатить источниковедческую базу дальнейших историко-экономических исследований.

В номерах журнала за 1919 г. наблюдался рост интереса к аграрному вопросу. Представитель позднего областничества Вл. М. Крутовский, главный редактор "Сибирских записок", подвергал тогда анализу предложения о решении вопроса о землепользовании в регионе Сибирским Учредительным Собранием. Публицист большое значение придавал частной инициативе в вопросах экономического роста и улучшения благосостояния родного края. Государственная политика, основанная только лишь на благотворительно-попечительных началах, по его мысли, может оказываться неэффективной.

Однако каких-либо внятных аргументов на этот счёт публицист так и не привёл. Вместе с тем оценки областника были близки к положениям, изложенным в материале Г. Ф. Чиркина. В периодическом сборнике "Вопросы колонизации" за 1916 г. он высказывал мысль о важности введения и распространения частноправовых принципов землевладения. По его мнению, фактическое отсутствие права на землю закрепощало частную инициативу, было в этом смысле тормозом развития предпринимательского потенциала русского крестьянина. "Отсутствие прав собственности на землю создаёт непреодолимые затруднения… Крестьяне сдачу в аренду своей земли не производят более чем на 12 лет, и предприниматель, соорудивший постройки на арендованной земле, по истечении срока аренды попадает в полную кабалу <…> Большинство наличных паровых мельниц в Сибири, складов для хлеба и товаров, кожевенных, мыловаренных и других заводов и фабрик, возникших на крестьянских землях, находятся в невозможном положении по расширению своих операций" **[20, с. 48]**.

Позднее решения земельного вопроса, предлагаемые временными органами власти и управления в Сибири, в целом поддержал Вл. М. Крутовский, хотя он критически оценивал их практическое воплощение. Положительными он считал предложения о привлечении частной инициативы в вопросах мелиорации, расчистки лесов, способов освоения труднозаселяемых местностей.

По поводу частной инициативы он писал так: "Государственная власть должна предоставить частной инициативе широкий простор в деле использования природных богатств страны, мелиорации, устранившись от мелочной опеки и попечительства и сохраняя за собой лишь проведение в жизнь мер общего значения и согласования частных интересов с общественными и государственными. Экономическая колонизация должна производиться без ущерба для интересов местного населения" **[8, с. 40]**.

Также общественный деятель областнического направления задавался вопросом о том, должны ли быть предоставлены льготы для переселенцев. Весь текущий круг вопросов в целом был типичен для программы сибирских областников, особенно в части освоения слабозаселённых пространств Азиатской части огромной страны.

Критически он формулировал вопрос о том, как же быть с иностранной миграцией и зарубежной рабочей силой, а также о возможности этой категории населения выступать в качестве землепользователя. Здесь он всё же оказался несколько субъективен и идеологизирован. Так, по данным современного исследователя, привлечение иностранцев, увы, не помогало заполнить "брешь" на рынке труда **[14, с. 199]**.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что поздние областники не слишком глубоко рассматривали экономическую ситуацию в регионе на профессиональном уровне, поэтому в журнале "Сибирские записки" было представлено значительное количество материалов по проблемам хозяйственного развития ази-

атской части страны, поступавших от авторов, не примкнувших к данному общественно-политическому движению.

Однако редакторская политика издания велась с позиций идеологии сибирских демократических регионалистов (областников). Поэтому вполне объяснимо, что публицисты в работах на экономические темы не только соответствовали этому направлению, но и разрабатывали экономический компонент областнической программы.

Суть данного компонента идеологии сибирских областников сводилась к парадигме материального развития огромной страны на основе экономического прогресса её частей, окраин, периферий. В такой системе мировоззренческих координат источником процветания целого должно было выступить именно совершенствование частей, то есть многочисленных русских провинций. Последовательно обличая проблемы в материальной и хозяйственной сферах, публицисты-общественники в рамках такой социально-экономической и политической установки воздействовали на общественное мнение и были его носителями.

Пиковыми для обсуждения экономической политики стали 1916–1917 гг. Нарративный анализ материалов первого "толстого" журнала Сибири показывает снижение интереса к материальной сфере в 1918 г. Политизация, очевидно, выступила решающим фактором мотивации формировать повестку дня преимущественно в политической сфере, поэтому экономика заметно уходила на второй план. Однако в последний год издания "Сибирских записок", т. е. в 1919 г., активизировался дискурс аграрного вопроса.

В целом основными нарративами публикационной активности выступили темы развития кооперации, борьбы с дороговизной, улучшения экономики городских поселений, развития торговых отношений, стабилизации рынка труда и роста занятости населения сибирского региона.

Также по результатам проведенного исследования можно установить, что анализируемые тексты вполне отражали реальные проблемы экономики Сибири. Субъективный характер имели только публикации Вл. М. Крутовского, для которых были типичны преувеличения по экономическим вопросам. Это можно объяснить, во-первых, идеологическими пристрастиями "позднего" областника, во-вторых, тем, что общественный деятель не был профессиональным экономистом и, в-третьих, тем, что он всегда оценивал текущую повестку дня в критических тонах. Для публикаций других авторов в рамках "Сибирских записок" была свойственна полная фундированность выводов. Это подтверждается путём их сопоставления с официальными данными, например, размещёнными на страницах сборника "Вопросы колонизации", а также с выводами современных историков. Таким образом, материалы "Сибирских записок", отражая представления социальной общности – областников, были адекватны текущей социально-экономической обстановке и могли оказывать влияние на формирование общественного мнения.

Литература / References

1. А. К. Трудовое посредничество в Сибири. *Сибирские записки.* 1917. № 4. С. 81–89.
A. K. Labor Mediation in Siberia. *Siberian Notes*. 1917. No. 4. P. 81–89 (In Russ.)
2. Горбенко А. Ю., Чекушин В. В. Журнал "Сибирские записки" как метатекст: система идеологических импликаций (1916–1917 гг.). *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология.* 2022. Т. 14. № 4. С. 75–84. https://doi.org/10.17072/2073-6681-2022-4-75-84
Gorbenko A. Yu., Chekushin V. V. The Magazine "Siberian Notes" as a Metatext: A System of Ideological Implications (1916–1917). *Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology.* 2022. Vol. 14. No. 4. P. 75–84. (In Russ.) https://doi.org/10.17072/2073-6681-2022-4-75-84
3. Гордиенко В. А., Жилякова Н. В. Публицистика А. В. Адрианова и Г. Н. Потанина в газете "Сибирская жизнь", 1917 г. *Вопросы журналистики.* 2020. № 8. С. 101–116.
https://doi.org/10.17223/26188422/8/7
Gordienko V. A., Zhilyakova N. V. Publicism of A. V. Adrianov and G. N. Potanin in the newspaper "Siberian Life", 1917. *Questions of Journalism*. 2020. No. 8. P. 101–116. (In Russ.)
https://doi.org/10.17223/26188422/8/7
4. Головинов А. В. Политические нарративы публицистики Вл. М. Крутовского в журнале "Сибирские записки" (1916–1919 гг.). *Вестник Томского государственного университета.* 2024. № 506. С. 98–105. https://doi.org/10.17223/15617793/506/12

Golovinov A. V. Political narratives of Vl. M. Krutovsky's journalism in the journal "Sibirskie zapiski" (1916–1919). *Bulletin of Tomsk State University*. 2024, No. 506. P. 98–105. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/15617793/506/12

5. Долидович О. М. Продовольственный вопрос в Восточной Сибири в период Первой мировой войны. Красноярск: СФУ, 2023. 416 с.
Dolidovich O. M. Food issue in Eastern Siberia during the First World War. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2023. 416 p. (In Russ.)
6. Зиновьев В. П. Г. Н. Потанин как друг азиатских народов. *Вестник Томского государственного университета. История.* 2011. № 2 (14). С. 34–36.
Zinoviev V. P. G. N. Potanin as a Friend of the Asian Peoples. *Bulletin of Tomsk State University. History.* 2011. No. 2 (14). P. 34–36. (In Russ.)
7. Илимский Д. И. От расплывчатости к самоорганизации (очерки сибирской кооперации). *Сибирские записки*. 1916. № 1. С. 138–149.
Ilimsky D. I. From Vagueness to Self-Organization (Essays on Siberian Cooperation). *Siberian Notes.* 1916. No. 1. P. 138–149 (In Russ.)
8. Крутовский Вл. М. Аграрный вопрос. *Сибирские записки.* 1919. № 1. С. 32–45.
Krutovsky Vl. M. Agrarian Question. *Siberian Notes*. 1919. No. 1. P. 32–45 (In Russ.)
9. Костякова Ю. Б. Отношение Сибирских областников к революциям 1917 г. (на материалах журнала "Сибирские записки"). *Уральский исторический вестник.* 2017. № 3 (56). С. 23–30.
Kostyakova Yu. B. Attitude of Siberian Regionalists to the Revolutions of 1917 (based on materials from the journal "Siberian Notes"). *Ural Historical Bulletin*. 2017. No. 3 (56). P. 23–30. (In Russ.)
10. Ларьков Н. С. "Потанинский кружок" в Сибири в 1917–1919 гг.: от просветительства к хождению во власть. *Вестник Томского государственного университета.* 2020. № 456. С. 172–181. https://doi.org/10.17223/15617793/456/20
Larkov N. S. "Potaninsky Circle" in Siberia in 1917–1919: from educational activity to participation in government. *Bulletin of Tomsk State University.* 2020. No. 456. P. 172–181. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/15617793/456/20
11. Малинов А. В., Пешперова И. Ю. Две версии областничества: Г. Н. Потанин и М. И. Драгоманов. *Studia Culturae.* 2016. № 27. С. 136–149.
Malinov A. V., Peshperova I. Yu. Two versions of regionalism: G. N. Potanin and M. I. Dragomanov. *Studia Culturae*. 2016. No. 27. P. 136–149. (In Russ.)
12. Морозов К. И. Текущая жизнь (к вопросу о причинах дороговизны). *Сибирские записки*. 1916. № 1. С. 118–138.
Morozov K. I. Current life (on the issue of the reasons for the high cost of living). *Siberian Notes*. 1916. No. 1. P. 118–138 (In Russ.)
13. Николаев В. Городское дело в Сибири. *Сибирские записки*. 1916. № 2. С. 117–134.
Nikolaev V. Urban Affairs in Siberia. *Siberian Notes*. 1916. No. 2. P. 117–134. (In Russ.)
14. Неклюдова А. В. Рынок труда в городах Восточной Сибири и его регулирование в годы Первой мировой войны. *Иркутский историко-экономический ежегодник:* 2010. С. 197–199.
Neklyudova A. V. Labor Market in the Cities of Eastern Siberia and Its Regulation during the Years of World War I. *Irkutsk Historical and Economic Yearbook:* 2010. P. 197–199 (In Russ.)
15. Пивоваров Н. Ю., Рынков В. М. Сибирская кооперация в системе властных отношений в эпоху войн и революций 1914–1920 гг. *Власть и общество в Сибири в XX веке*. Вып. 3. 2012. С. 35–58.
Pivovarov N. Yu., Rynkov V. M. Siberian Cooperation in the System of Power Relations in the Era of Wars and Revolutions of 1914–1920. *Power and Society in Siberia in the 20th Century*. Issue 3. 2012. P. 35–58 (In Russ.)
16. Рикёр П. История и истина / Пер. с фр. И. С. Вдовиной, О. И. Мачульской. СПб.: Алетейя, 2002. 399 с.
Ricoeur P. History and Truth. Translated from French by I. S. Vdovina, O. I. Machulskaya. SPb.: Aleteya, 2002. 399 p. (In Russ.)
17. Сагалаев А. М., Крюков В. М. Потанин, последний энциклопедист Сибири: Опыт осмысления личности. Томск: Издательство научно-технической литературы, 2004. 208 с.
Sagalaev A. M., Kryukov V. M. Potanin, the Last Encyclopedist of Siberia: An Attempt to Interpret His Personality. Tomsk: Publishing House of Scientific and Technical Literature. 2004. 208 p. (In Russ.)
18. Сушко А. В. Исторические идеи и политические практики сибирского сепаратизма. *Вестник Томского государственного университета.* 2018. № 426. С. 192–206.
Sushko A. V. Historical Ideas and Political Practices of Siberian Separatism. *Bulletin of Tomsk State University*. 2018. No. 426. P. 192–206. (In Russ.)
19. Чекушин В. В. Апелляции к классической литературе как способ трансляции общественно-политических идей в публицистике Вл. М. Крутовского. *Вестник Томского государственного университета.* 2021. № 471. С. 59-66. https://doi.org/10.17223/15617793/471/6
Chekushin V. V. Appeals to Classical Literature as a Way of Broadcasting Socio-Political Ideas in the Journalism of Vl. M. Krutovsky. *Bulletin of Tomsk State University*. 2021. No. 471. P. 59–66. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/15617793/471/6

20. Чиркин Г. Ф. О колонизационно-культурных задачах после войны. *Вопросы колонизации.* 1916. № 18. С. 25–49.
Chirkin G. F. "On the Colonization-Cultural Tasks after the War". *Questions of Colonization*. 1916. No. 18. P. 25–49. (In Russ.)
21. Шевелев Д. Н., Конев К. А. Сибирь как социокультурное пространство в публицистике Г. Н. Потанина 1917–1919 гг. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2024. № 91. С. 80–89. https://doi.org/10.17223/19988613/91/9
Shevelev D. N., Konev K. A. Siberia as a Sociocultural Space in the Journalism of G. N. Potanin in 1917–1919. *Bulletin of Tomsk State University. History.* 2024. No. 91. P. 80–89. (In Russ.)
https://doi.org/10.17223/19988613/91/9
22. Шишкин В. И. Сибирское областничество в контексте революционных событий марта–октября 1917 года. *Acta Slavica Iaponica*. 2016. Т. 37. С. 47–71.
Shishkin V. I. Siberian regionalism in the context of the revolutionary events of March–October 1917. *Acta Slavica Iaponica*. 2016. Vol. 37. P. 47–71 (In Russ.)
23. Шиловский М. В. Судьба сибирской цивилизации. *Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность*. 2021. Т. 6, № 1. С. 45–48.
https://doi.org/10.25206/2542-0488-2021-6-1-45-48
Shilovsky M. V. The fate of the Siberian civilization. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2021. Vol. 6, No. 1. P. 45–48. (In Russ.)
https://doi.org/10.25206/2542-0488-2021-6-1-45-48

◆

Информация об авторе

Александр Викторович Головинов, канд. филос. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия, e-mail: alex-golovinov@mail.ru

Information about the author

Alexander V. Golovinov, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Constitutional and International Law, Altai State University, Barnaul, Russia, e-mail: alex-golovinov@mail.ru

Поступила в редакцию 21.02.2025 Одобрена после рецензирования 12.08.2026 Принята к публикации 25.08.2026

Received 21.02.2025 Approved 12.08.2026 Accepted 25.08.2026

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 110–119.
Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 110–119.

Научная статья
УДК 94(47).084.3
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/110-119

Деятельность советской власти в Валуйском уезде в январе – июне 1918 г.

Николай Алексеевич Заяц
Московский авиационный институт, Москва, Россия, nikza91@yandex.ru

Аннотация. Статья исследует становление советской власти в Валуйском уезде в 1918 г., раскрывая противоречия между революционными преобразованиями и реалиями приграничного региона. На основе архивных документов (протоколы Советов, мемуары) показано, как местные органы власти, опираясь на солдат-фронтовиков, пытались проводить земельную реформу и национализацию, одновременно борясь с дезорганизацией от проходящих красноармейских частей и готовясь к немецкому наступлению. Особое внимание уделено переходу от административных к чрезвычайным методам управления весной 1918 г. Новизна исследования – в демонстрации "двойной угрозы" (внешней и внутренней), ограничившей эффективность Совета. Впервые детально прослежена эволюция местной власти от реформаторских инициатив к военно-мобилизационным практикам, что вносит вклад в понимание особенностей ранней советизации в пограничных районах.
Ключевые слова: *Воронежская губерния, Валуйки, советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, большевики, левые эсеры, германская интервенция*
Для цитирования: Заяц Н. А. Деятельность советской власти в Валуйском уезде в январе – июне 1918 г. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 110–119.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/110-119

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/110-119

The Activities of Soviet Authorities in Valuysky Uyezd, January–June 1918

Nikolai A. Zayats
Moscow Aviation Institute, Moscow, Russia, e-mail: nikza91@yandex.ru

Abstract. This article examines the establishment of Soviet power in Valuysky Uyezd in 1918, revealing the contradictions between revolutionary reforms and the realities of a borderland region. Drawing on archival documents (Soviet meeting minutes, memoirs), it demonstrates how local authorities, relying on demobilized soldiers, attempted to implement land reform and nationalization while simultaneously combating disorganization from passing Red Army units and preparing for the German advance. Particular attention is paid to the shift from administrative to emergency governance methods in spring 1918. The study's novelty lies in demonstrating the "dual threat" (external and internal) that constrained the Soviet›s effectiveness. For the first time, it meticulously traces the local government›s evolution from reformist initiatives to military-mobilization practices, contributing to our understanding of early Sovietization patterns in frontline regions.
Keywords: *Voronezh province, Valuyki, Soviets of workers', soldiers' and peasants' deputies, Bolsheviks, Left Socialist Revolutionaries, German intervention*
For citation: Zayats N.A. The Activities of Soviet Authorities in Valuysky Uyezd, January–June 1918 // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 110–119. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/110-119

Введение

Изучение крупных социально-политических событий на микроуровне – популярная тема современной историографии. К числу таких тем относится изучение революции и Гражданской войны на региональном и локальном уровнях. Так, ещё с советских времён заметная литература посвящена изучению становления советской власти в Воронежской губернии в 1917–1918 гг. **[1; 5; 7; 11]**. Однако в историографии сохраняются существенные лакуны. Среди прочего это касается Валуйского уезда. Уездный город Валуйки занимал пограничное положение между Воронежской губернией и нынешней Украиной. Промышленность города была развита слабо, носила преимущественно кустарный характер и была представлена мельницами, маслозаводами и мастерскими. Большинство населения уезда составляли крестьяне. Большую роль играли помещичье землевладение и торговля **[10, с. 198, 245]**. Из-за отдалённости и провинциальности уезда от Воронежа он не привлекал большого внимания. Информация о смене в нём власти в исторической литературе очень скудна. Он не удостаивался отдельного исследования, и деятельность его Совета освещалась лишь в общем контексте, без погружения в локальные особенности и даже с ошибками **[11, с. 44–45]**. Между тем Валуйский уезд представляет специфический случай в процессе советизации: находившийся под влиянием эсеров (здесь даже проводился антибольшевистский съезд), он являлся и пограничной территорией с Украиной, где значительную часть населения составляли украиноязычные крестьяне. Весной 1918 г. эта двойная

© Заяц Н. А., 2026

специфика проявилась особенно ярко, когда уезд стал ареной боевых действий с немецкими интервентами, использовавшими лозунг освобождения Украины для продвижения на восток.

В связи с этим цель статьи – проанализировать процесс установления и деятельность первого Валуйского Совета в условиях социально-политической нестабильности начала 1918 г. Исследование использует источниковедческий анализ протоколов Валуйского Совета, подвергнутых контент-анализу для выявления частоты упоминания ключевых проблем (земля, продовольствие, безопасность). Важную роль сыграли и мемуарные источники бывшего партийного архива Воронежской области, которые позволили заполнить лакуны официальных протоколов. Особенно это важно для периода апреля-мая 1918 г., за который протоколы Совета полностью отсутствуют. Однако использование мемуаров потребовало критического анализа: выявленные расхождения проверялись путём сопоставления мемуарных свидетельств с архивными документами. Это позволило выработать непротиворечивую версию, где мемуары выступают как источник для воссоздания контекста событий. Микроисторический подход к изучению ключевых акторов также был дополнен институциональным анализом структур власти. Новизна исследования заключается в реконструкции малоизученного механизма адаптации местного советского аппарата к особенностям сельского уезда в 1918 г. и военной обстановке в условиях немецкой интервенции.

Совет рабочих и солдатских депутатов появился в г. Валуйки вскоре после Февральской революции. Параллельно появились местные большевики. Так, на первую конференцию большевиков в Воронеже 6–8 октября 1917 г. прибыли делегаты, огласившие, что в Валуйках их насчитывается 80 человек **[1, с. 176]**. Влияние их в городе было слабым – в основном доминировали эсеры. Лишь в конце 1917 г. наметилось улучшение – председателем Совета стал лидер большевиков от рабочих маслозавода И. Г. Замаренов.

Однако валуйские большевики оказались слишком слабыми для взятия власти, которая удерживалась местным уездным комиссаром Временного правительства Кузнецовым и земской управой под управлением Г. С. Лордкипанидзе. Опирались они на военные части и земскую милицию, а до созыва Учредительного собрания создали Комитет спасения родины и революции **[4, с. 3; 6, с. 202]**. Благодаря относительной крепости местной власти воронежские эсеры провели здесь 28 декабря 1917 г. – 1 января 1918 г. губернский крестьянский съезд в поддержку Учредительного собрания **[5, с. 153; 7, с. 7; 11, с. 44–45]**. Движение сопротивления против старой власти возглавили прибывшие с фронта пробольшевистские солдаты-фронтовики. Делегат II Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, эсер-максималист А. Ф. Авилов после прибытия на родину организовал группу солдат, которая пыталась выступить на съезде в поддержку фронтовиков, а потом – захватить в городе оружие и взять власть. Попытка окончилась неудачей – солдаты были разогнаны властями с помощью вооружённой силы. Однако солдаты стали агитировать односельчан в своих деревнях, создавать советы на местах и после проведённой работы составили новый вооружённый отряд. В начале января он вошёл в город, завладел арсеналом военной команды и взял Валуйки **(РГАСПИ[1]. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 397. Л. 4–6)**. Свержение власти прошло без сопротивления – лидеры города бежали, солдаты были быстро разагитированы и перешли на сторону новой власти **[9, с. 52]**.

Были созданы временный ревком и бюро по созыву крестьянского съезда. От имени бюро на места разъехались солдаты. Благодаря их работе примерно 25–27 января 1918 г. прошёл уездный "съезд крестьянской бедноты", на котором было около 300 делегатов, из них не менее половины – солдаты. На нем торжественно был выбран "Совет крестьянских депутатов", влитый в уже существующий в Валуйках Совет рабочих и солдатских депутатов **[11, с. 45]**. Состоял совет, похоже, из примерно 25–50 человек, исполком – примерно из 13. **(ГАОПИВО[2] Ф. 5. Оп. 1. Д. 609. Л. 28)**. Первым его председателем стал студент Т. В. Рындин, его заместителем – А. Ф. Авилов, секретарём – Крикун. Так совет взял власть в уезде.

---

[1] РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории России.

[2] ГАОПИВО – Государственный архив политической истории Воронежской области.

Совет энергично начал свои преобразования. Главным его направлением стала продовольственная политика. 26 января Совет распустил продовольственную управу – вместо неё была создана продовольственная комиссия из семи человек, которая распределяла хлеб через кооперативы. Учёт хлеба на местах возлагался на волостные советы, которым было указано взять под контроль продовольственное дело и бороться со спекуляцией. На следующий день любой вывоз хлеба из уезда был запрещён до организации новых продорганов **(ГАРФ[3]. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 189–190)**. Были взяты на учёт ключевые товары уезда, в том числе мука, сельдь, кожи, масло и др. По протоколам хорошо видно, что распределение товаров проводилось Советом через прежний торговый аппарат: местные кооперативы, потребительские и акционерные общества. Так, 1 марта исполком постановил мыло с завода торгово-промышленного союза не продавать по вольным ценам, а передавать для продажи союзу потребительских лавок. 25 марта было даже решено разделить город на пяти участков с потребительской лавкой в каждом, для чего занимались в первую очередь здания частных магазинов. Некоторая часть товаров (чай, галоши и т. д.) доставалась в Воронеже **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 191–193 об., 202 об.)**.

Другим важным направлением была земельная политика. Избранные по уезду советы реализовали "Декрет о земле": разделили помещичьи имения, инвентарь и излишки зерна, начали перераспределение земли **(РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 397. Л. 5)**. Наиболее крупные имения были национализированы для создания там культурных хозяйств. 4 февраля по этому поводу было решено провести у помещиков обыски, чтобы они не вывезли из своих экономий инвентарь **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 256)**. Вместо земельной управы была создана земельная комиссия из пяти членов, ставшая потом земельным отделом. Началось создание волостных земотделов, законченное, как показал следующий съезд, к 9 марта 1918 г. **[1, с. 241]**. Кроме того, исполком решал массу мелких текущих дел по снабжению жён солдат, распределению демобилизованного имущества, ревизиям и утверждению разных постановлений и т. д. Положение исполкома укреплялось. 5 февраля исполком предписал всем местным советам уезда проводить его постановления в жизнь, не считаясь с сопротивлением **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 257)**.

В феврале 1918 г. исполком завершил организационное оформление, создав специализированные отделы, что позволило систематизировать управление уездом. По протоколам можно выявить продовольственный, хозяйственный, земельный и военный отделы. 1 марта Совет выделил для их усиления ещё пять человек **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 192)**. Параллельно продолжало существовать и уездное земство, куда для контроля Совет назначил комиссара Г. Н. Полухина. Судя по протоколам Совета, земство фактически подчинилось во всем новой власти. Лордкипанидзе на заседаниях при отчётах фактически передал ему дела. 4 февраля в земскую управу была послана ревизионная комиссия, а исполком предписал всем служащим, которых она "находит ненужными", очистить помещение "в 24 часа" **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 255–256)**. В ответ земство в конце февраля попыталось сослаться на свой общевыборный характер и запросило отчёт исполкома о работе. Демарш не удался и стал поводом для его роспуска **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 608. Л. 3)**. 5 марта 1918 г. в Воронеж пришла телеграмма, что управление земством приняла коллегия из 10 человек **(ГАВО[4]. Ф. 10. Оп. 1. Д. 35. Л. 151)**. Из протоколов исполкома можно понять, что она состояла из комиссаров по финансам, медицине, народным училищам и т. д. Таким образом, часть прежних отделов были коллегиального состава, и отделы наименовались "коллегиями", часть – состояла только из заведующих. В итоге 25 марта исполком постановил заведующих коллегиальными отделами называть "председателями", а единоличных – "комиссарами". При этом исполком потребовал от всех заведующих отделами проводить исключительно его политику и пообещал наказывать за единоличные действия **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 202 об.)**.

---

[3] ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

[4] ГАВО – Государственный архив Воронежской области.

Сложным был вопрос о юридической защите власти. Некоторое время Совет сохранял работу прежнего мирового судьи **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 190).** Милиция перешла в ведение комиссара исполкома. В феврале был создан и новый орган: судебно-следственная комиссия для борьбы с общеуголовными преступлениями и антисоветской агитацией **[2, с. 165, 274]**. Также комиссия разрабатывала план штрафов за карточную игру, самогоноварение и содержание публичных домов. Виновных она арестовывала сама, но передавала материалы для осуждения военно-революционному трибуналу. 29 марта порядки были смягчены: трибуналу, явно в рамках подготовки его роспуска, было приказано начать создание на местах Народных судов. При проведении реквизиций часто были инциденты и нарушения, поэтому исполкому приходилось обращать на это внимание. В феврале он отметил, что реквизиции должны проходить "в полном контакте" с реквизиционным отрядом, подчиняющимся исполкому, и представителем наркомпрода. Решено было создать особую реквизиционную комиссию, которая разработала бы инструкции по реквизиции. Комиссия была выбрана 14 марта: в неё вошли представители милиции, исполкома и судебно-следственной комиссии. Одновременно после инспекции Авиловым уездной тюрьмы на судебно-следственную комиссию было возложено задание проверить и освободить лиц, арестованных ещё старой властью **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 191, 205 об., 255 об.)**. В целом видно, что деятельность в этом направлении шла в духе центральных декретов, но со значительной долей местной импровизации.

Крайне острой проблемой Совета оставалось почти полное отсутствие средств. При ревизии в начале февраля земской кассы оказалось, что она абсолютно пуста. 4 февраля исполком решил занять полтора миллиона рублей в кассе мелкого кредита **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 256)**. Однако этого надолго хватить не могло. Тогда Совет пошёл на единственный возможный путь – жёстко провёл принудительную контрибуцию, собрав с имущих классов до 5 млн руб. **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 610. Л. 5).** Как предусматривало решение исполкома от 1 марта, в случае неисполнения этого требования, виновные "в 24 часа" подвергались "военно-полевому суду" **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 189)**. Так, на Валуйский монастырь было наложено 800 тыс. руб., игумен о. Игнатий был арестован за отказ платить **[3, с. 3]**. Кроме того, исполком постоянно проводил у имущих классов реквизиции денег и имущества, в том числе золота и серебра. В марте исполком проводил работу в этом отношении уже более планомерно, по инструкциям финансовых органов Воронежа. Так, 14 марта исполком назначил специальную комиссию из бухгалтеров, членов хозяйственного отдела и податного инспектора для выработки новой системы налогообложения. А 25 марта было решено создать комиссию по прогрессивному налогу. До установления налогообложения реквизиции продолжались; их проведение было сосредоточено в хозяйственном отделе **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 191–193, 202 об.)**.

Совет также занимался множеством мелких дел. Он провёл ревизию местного попечительства для планомерной выдачи пайков жёнам мобилизованных солдат, установил твёрдые цены на лес для колёсной мастерской, проверял сметы, устанавливал жалованье и т. д. **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 189–190)**. Под его контроль встали прежние общественные заведения уезда: училища, школы, больницы, приюты, Народный дом и пр. Были национализированы крупные предприятия и торговые заведения – например, крупный маслозавод Добычина, материал для которого реквизировался в бывших имениях.

Начались создание профсоюзов и национализация предприятий, особенно маслобойных и мельничных, которым часто передавалось реквизированное имущество прежних управ **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 609. Л. 2)**. Для устройства безработных были учреждены отдел труда и Бюро труда, в которое 18 марта кооптировали "сведущих лиц" **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 195)**. В этом отношении Совету стала мешать "подозрительная" организация – трудовой союз солдат-безработных. Замаренов вспоминал: "Знаменитый в то время солдатский трудовой союз являлся клубом для контрреволюционеров" **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 604. Л. 9)**. В то время борьба Советов и союзов бывших солдат, которые держали себя весьма независимо и требовали привилегий, была частой – вплоть до вооружённого противостояния. Поэтому 15

марта исполком постановил взять под контроль кассу "союза", посылать на его заседания делегатов от профсоюзов и "никаким союзам" без его разрешения собраний не допускать. На это солдатский "союз" ответил постановлением о самостоятельной работе, что дало повод власти счесть его "политически неблагонадежным". Угроза подействовала, и 22 марта "союз" согласился ввести представителей в Бюро труда **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 197–199)**. В итоге насколько можно понять, "союз" просуществовал до самой немецкой оккупации, при которой превратился в обычное потребительское общество. Сходное отношение было с местным "обществом потребителей", чей устав исполком 22 марта предложил "выработать на демократических началах". А вот устав "Союза военноувечных" был утверждён без вопросов **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 194–196).**

Такие инциденты показывали, что новой власти требовалась вооружённая опора. 15 февраля Совет запросил у Воронежа "для защиты" полторы сотни солдат **(ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 287. Л. 2)**. В Валуйки был командирован отряд в 90 красногвардейцев. Но так как молодые рабочие плохо умели обращаться с оружием, их поставили на выкачку зерна из имений и сторожевую службу **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 604. Л. 6–7)**. Вскоре при совете были созданы для охраны отряд из 40 кавалеристов и рота пехоты **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 608. Л. 3)**. На местах при советах тоже создавались свои добровольческие отряды. Для этого из Москвы были получены 800 винтовок, патроны, два пулемёта **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 610. Л. 6)**. С демобилизацией старой армии управление воинского начальника было переформировано в "учётный отдел", занимавшийся её имуществом, а военные функции проводил военный отдел. После 2-го съезда на базе последнего был создан военный комиссариат, проводивший набор добровольцев в Красную армию. Для этого уезд был разделён по районам, где формирование вели эмиссары исполкома – Авилов, Бузунов, Калашников, Крюков и др. Так, Н. П. Крюков в Большелипяговской волости набрал 132 красногвардейца **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 607. Л. 10)**. В итоге уже 3 марта в Воронеж из Валуек было успешно отправлено 3 роты красногвардейцев **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 604. Л. 7)**. Судя по протоколам исполкома, комиссариат носил название "революционный Штаб Красной Армии" и вначале заведовал им бывший солдат И. В. Фугель, назначенный 22 марта выработать инструкцию по формированию отрядов. Снабжения из Воронежа при этом штаб почти не получал, и местные красногвардейцы были плохо обмундированы и вооружены. Понятно, что в таких отрядах дисциплина была не на высоте, встречалось дезертирство и своевольство – поэтому исполком лично разбирал такие инциденты. 25 марта "революционный штаб" был окончательно утверждён в составе председателя, заместителя, заведующего хозяйством, секретаря, делопроизводителя и организатора с помощником **(**ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100**. Л. 198** об).

8 марта прошёл 2-й уездный съезд Советов под председательством Авилова при заместителе Т. В. Рындине, на который прибыло 65 человек. Были выслушаны доклады отделов. Съезд нашёл работу продотдела "доброжелательной, но замедлительной" и усилил его состав своими делегатами. То же было сделано и с земельным отделом. Для усиления земельного передела в Воронеж был послан Рындин, а на 18 марта намечен съезд делегатов с мест и земельного отдела. Комиссии по народному образованию указано было создать по инструкциям центра уездный совет по образованию. Был пополнен исполком, и решены мелкие текущие дела **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 179–180)**. Также из протоколов можно понять, после этого председателем Совета вновь стал Авилов, а его заместителем – Василий Шевченко, проводивший почти все заседания исполкома. Авилову исполком 14 марта дал "самые широкие полномочия" по проверке деятельности отделов. Он же подписывал документы при открытии счетов Совета в финансовых учреждениях **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 191–193 об.)**. Похоже, именно он оставался главным лидером Совета.

В целом о деятельности Совета в этот период известно очень мало. Ещё меньше известно о партийном составе. По словам некоторых коммунистов, их организация оформилась лишь сразу после съезда **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 612. Л. 2)**. При этом коммунист А.Х. Рудофиленко вспоминал, что в первом составе исполкома большевиков не было, только сочувствующие, а первое со-

брание по созданию парторганизации прошло 1 марта 1918 г. Протокол создания уездного комитета был утверждён в Воронеже, который выслал в Валуйки партбилеты и печать **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 608. Л. 3)**. Похоже, первым председателем укома ожидаемо был "уездный комиссар" Замаренов. Однако на втором съезде он вступил в конфликт с исполкомом, и его сменил солдат Степан Матвеевич Толстой, видимо, в апреле ставший и председателем Совета. Кроме того, в партийных воспоминаниях упорно умалчивается, были ли в Совете представители других партий. Можно всё же предполагать, что, как в других южных уездах, там было много беспартийных и левых эсеров. По крайней мере, сам Рындин на втором губернском крестьянском съезде в феврале 1918 г. относил себя к левым эсерам **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 514. Л. 51)**.

В целом основные задачи решались Советом успешно и в русле общегубернских процессов **[11, с. 50–51]**. Но март для него стал куда более сложным временем. Вести о наступлении немецко-украинских войск ободрили местную контрреволюцию. Некий офицер Белогрудов, член штаба, сообщал о положении в Киеве. Местный помещик, прапорщик В. В. Рындин создал отряд, нападавший на красных. Проявила себя Украинская рада под управлением преподавателя Уразовского коммерческого училища, члена земства Г. В. Дахно. Ещё в ноябре-декабре 1917 г. рада старалась добиться от земства присоединения к Украине. Теперь она объявила это самовольно и пыталась призвать немцев, сообщив в Киев, будто большевики свергнуты. За это она была разогнана. Также усилились антисоветская агитация, бандитизм, самогоноварение, под действием призывов начались грабежи маслобоек населением, которые в апреле чуть не докатились до Валуек **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 604. Л. 2–3, 8–9)**. Большие сомнения вызывали массовые сборища в общественных местах, куда любили ходить бывшие офицеры.

Собственные ряды власти тоже не отличались дисциплиной. Так, на втором уездном съезде Замаренов пытался нападать на исполком за неэффективную работу. За это его сместили с должности комиссара уезда и заведующего Народным домом, оставив лишь рядовым членом Совета. 25 марта исполком, выслушав доклад о проверке старого состава ликвидированной Уразовской продуправы, постановил его арестовать и начать дело для наказания виновных. Уразовский волсовет, как созданный на неверных началах, был распущен и назначены новые перевыборы. Ещё неприятнее было поведение председателя Николаевского волсовета Кириченко, который рассылал по деревням воззвания, что Валуйский Совет якобы создан временно и его надо переизбрать. Кириченко было решено арестовать и отправить в Воронеж, а волсовет переформировать **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 195, 202–203 об.)**.

Ввиду "тревожного", по словам Совета, положения была ужесточена охрана. По примеру Воронежа 22 марта был сформирован военно-административный отдел исполкома. В него вошли два делегата Совета и один от красноармейцев. В ведение отдела поступила милиция, которую переформировали в "летучий отряд" из тридцати человек. Отдел боролся с общеуголовными преступлениями, а на "революционный штаб" возлагались "функции прежней контрразведки", а точнее, борьба с контрреволюцией. На следующий день расширенное собрание исполкома постановило арестовывать всех, ведущих агитацию против советской власти. Было также решено немедленно провести обыски у Народного дома и мужской гимназии для изъятия оружия, для чего командировано четыре человека и двадцать красноармейцев. Другие члены исполкома с красноармейцами проводили обыски в частных домах, для чего город был разбит на районы. 29 марта решено было закрыть телефонную связь. Телефоны оставались в распоряжении только председателя и секретаря совета, заведующего хозотделом и главы ревштаба. На центральной телефонной станции установлено дежурство красноармейцев для слежки за переговорами **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 200–201, 206)**.

Кроме того, было усилено обложение буржуазии "самым беспощадным налогом". Для этого 26 марта в волости направлялись члены исполкома с "внушительным экспедиционно-карательным отрядом". Военной силой проходили реквизиции и в Валуйках с пригородами. Так, в Уразово было решено направить комиссию во главе с Авиловым и отрядом в сто чел. **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 191–193, 202 об., 204 об.)**. В ожидании возможной присылки войск из Киева была усилена комендантская команда при станции Валуйки

(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 604. Л. 9). Опасаясь вторжения, исполком решил 29 марта запросить военные власти Воронежа оставить часть мобилизованных в уезде **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 206 об.)**.

Опасения оправдались. Немцы шли быстро и уже 12 апреля заняли Купянск и пошли на Сватово. Через день-два в Валуйки пришли отступившие с Украины эшелоны пятой (вскоре переименованной в "вторую особую") "армии" Р.Ф. Сиверса, числом всего в несколько тысяч человек. Это тут же нарушило всю работу исполкома. Разложившиеся части не желали воевать и отличались своевольством и грабежами. Особенно этим отметился отряд М.М. Сахарова в 100–200 чел. Сведений о его безобразиях сохранилось очень много. Он регулярно грабил местных крестьян, собирал самовольные "контрибуции", отнимал лошадей, скот, деньги и т. д. Сахаров отбирал даже оружие исполкома для местных отрядов. В его эшелоне были женщины и цистерны спирта, процветали пьянство и проституция **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 607. Л. 11; Д. 608. Л. 3; Д. 609. Л. 40)**. Все же некоторые добровольцы стали поступать в армию Сиверса. И хотя исполком предлагал самостоятельно создать два полка пехоты и эскадрон кавалерии, если ему дадут оружие, на это Сиверс не пошёл. Его штаб при этом писал командованию явную ложь, что якобы сам вооружал местных крестьян и местные власти предлагают тысячи добровольцев. На самом деле силы Сиверса даже после небольших подкреплений из Острогожска не превышали 3 тыс. стрелков, 500 кавалеристов и 20 трёхдюймовок **[8, с. 43]**. Фактически же исполкому было предоставлено собирать отряды самому.

Тем временем к уезду подходили немцы. 7 мая их броневики совершили налёт на с. Тишанка и даже Уразово, но были отбиты **(ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 285. Л. 16)**. Причём разложившиеся партизаны Сиверса не оказывали им серьёзного сопротивления и даже не желали информировать город о боевой обстановке. Заволновавшись, исполком решил провести эвакуацию ценностей, оставив в городе "пятерку" руководящих работников – Авилова, Рудофиленко, Гребнева, Мирошника, Топчиева – и местный штаб Красной армии. Причём эвакуация больше напоминала бегство – были увезены деньги, но брошено многочисленное имущество, в том числе запасы масла и зерна, что оставило негативное впечатление. На следующий день в конторе завода Добычина по требованию его заведующего Замаренова собрался Валуйский уездный совет профсоюзов. В присутствии командиров армии Сиверса была вынесена резолюция, чтобы тот задержал и вернул эшелон "самовольников". О таком факте большинство мемуаристов, разумеется, предпочло не вспоминать **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 604. Л. 10)**.

Сам Сиверс выехал из города, однако им был оставлен вместо себя "диктатором" уезда командир отряда из с. Никитовка, некто Колганов (в воспоминаниях при этом постоянно искажается его фамилия – её писали, как "Колган" или "Коган"). По словам свидетеля: "Он даже нацепил на себя красную ленту, где так и было написано большими буквами: "Диктатор"" **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 607. Л. 11)**. Судя по всему, Сиверс выбрал его как председателя "революционного штаба", который ещё 22 марта был назначен на этот пост исполкомом (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100**. Л. 200)**. Теперь Колганов пошёл против вчерашних товарищей и арестовал "пятерку", часть членов которой вернулась в город – и выпустил приказ, чтобы все крестьяне оплатили недоимки по долгам в двадцать четыре часа, угрожая расстрелом. Начальником штаба и военным комендантом им был назначен бывший офицер, некто Живенко. Сам Колганов вёл себя преступно и отличился убийством крестьянина в с. Самарино **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 608. Л. 4; Д. 611. Л. 2** об.).

Конфликт был спущен на тормозах, причём сложным способом. По воспоминаниям, президиум исполкома ввёл в свой состав Колганова и на втором заседании постановил освободить Авилова, на что Колганов вынужден был согласиться. А уже на третьем заседании с подачи укома Колганова с поста командующего сняли и назначили Авилова **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 607. Л. 12)**. Авилов поэтому, несмотря на опасения его убийства, смог освободиться из тюрьмы и без ведома Сиверса увёз в Воронеж остатки денег. По словам К.В. Шальнева: "Тот телеграфирует о задержке, а Авилов уже был в Воронеже и сдал деньги…" **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 609. Л. 29)**. Одновременно по приказу Сиверса из Валуек два дня энергично вывозили грузы, в том числе масло и зерно. По словам Замаренова, на двадцати мобилизованных ломовых подвод

было нагружено 3600 пудов масла. Ещё 18 000 пудов были взяты прибывшими немцами и отправлены в Германию **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 604. Л. 11)**. Впрочем, скорее всего, многое из "эвакуированного" осело в эшелонах, в которых позднее при разоружении обнаружилось самое разное имущество вплоть до награбленного домашнего скарба. Трудно сказать, когда были эти события – но, по скупым сведениям, эвакуация Совета была 16 апреля **[8, с. 42]**.

Вскоре с разложившимися партизанами произошёл ещё более резкий конфликт. Во время грабежей в с. Орехово "сахаровцы" были обстреляны конным отрядом. В завязавшейся перестрелке было убито четыре "сахаровца". За это их конный "отряд венгров" напал на заседание второго внеочередного съезда советов на втором этаже мужской гимназии, где как раз обсуждались грабежи, и разогнал его оружием. Участники разбежались, было и несколько раненых. Отряд после этого ушёл на станцию, где в эшелоне стоял штаб Сиверса. При разгоне он арестовал нескольких членов исполкома, включая Авилова, ряд других лиц некоторое время скрывались. Не доверяя местной власти, штаб на ночь выставлял посты. Правда, вскоре после жалоб исполкома и делегаций к Сиверсу арестованных освободили, и конфликт формально был исчерпан **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 608. Л. 4; Д. 607. Л. 12; Д. 611. Л. 2** об.). Было это, очевидно, в середине мая. Бюллетень иногороднего отдела Воронежского совета писал 29 мая (уже по новому стилю): "Произошли кровавые столкновения между реквизиционным отрядом из чехословаков и населением, чехословаки потеряли 8 убитыми. Возвратившись в Валуйки, отряд обстрелял уездный съезд кре[стьянских] де[пута]тов" **(ГАВО. Ф. Р-165. Оп. 1. Д. 41. Л. 86)**. Нетрудно заметить, что события очень схожи. В этом деле наблюдается неясность – возможно, мемуаристы их в воспоминаниях путали между собой.

Тем временем немцы стали стягивать войска для взятия Валуек. Начались стычки в деревнях. Так, 20 мая в сл. Казинка ворвались, явно для разведки, два немецких броневика. В результате беспорядочного боя, в котором приняли участие отряд в 100–200 чел. и львиная доля жителей, один был отогнан, а второй подбит (пять человек команды убито, один взят в плен). У пленного офицера был найден план наступления на Валуйки **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 609. Л. 2об.) [8, с. 43]**.

Немцы претендовали на четыре южных уезда губернии, включая Валуйский, утверждая, что из-за преобладания украинского населения они считаются частью Украины. По этому поводу между Воронежем и германским командованием не раз шли переговоры. Воронежский Совет и ряд уездов категорически отказались присоединяться к Украине. 15 февраля, а потом 11 мая то же заявил и Валуйский Совет. Но для немцев это был всего лишь предлог для наступления. Вскоре они появились между Венделеевкой и Николаевкой, где после боя их продвижение было временно приостановлено, но уже на следующий день, 23 мая, Валуйки был немцами без сопротивления взят **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 607. Л. 12) [1, с. 451]**. Бывшие офицеры, включая Живенко, перешли на их сторону. Колганов вернулся в Никитовку, где надел погоны, пьянствовал и ждал прихода немцев. Вскоре он был задержан отрядом во главе с Авиловым, привезён в с. Палатовка и расстрелян **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 609. Л. 29** об.). За несколько дней до прихода немцев разложившаяся "армия" Сиверса откатилась по железной дороге на восток и к концу мая оказалась в Острогожске, где была разоружена и реорганизована. Её сменил на позициях только что сформированный в Воронеже первый Воронежский полк.

Валуйский Совет после отхода кочевал по разным селениям у железной дороги, нигде долго не задерживаясь – ст. Палатовка, с. Шипкино близ ст. Засимовка и т. д. Наконец он обустроился в сл. Ливенка смежного Алексеевского уезда, сдав уездному исполкому невоенное имущество. Здесь с середины мая он стал формировать красногвардейские части из добровольцев. В них недостатка не было – наступление немцев всколыхнуло крестьянство. Военком Воронежского района Иванов сообщал 19 мая в Воронеж: "Еду из Уразово, где осматривал позиции… Докладываю, что по всей пограничной полосе крестьяне вооружаются все, кто чем может, вплоть до вооружения вилами, и уже доказали о готовности защищаться… Крестьяне заявляют, что они [не] впустят немцев, даже если по договору Валуйский уезд отойдёт от Великороссии" **(ГАВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 22. Л. 107** об.). Формирование шло в Насоновской,

Никитовской, Большелипяговской и Малакеевской волостях, разделённых на районы. Собрано было около 3000 чел. **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 608. Л. 5; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 397. Л. 8)** Этот период мая – июня 1918 г. прошёл в постоянных боях и стычках в районах дд. Евстратовка, Малакеево, Долгое, Никитовка, Мандрово и др. Помогали валуйцам первый Воронежский полк и "1-й Волчанский боевой отряд" Сахарова, в который вошла часть валуйских добровольцев-украинцев – известно, например, что он оборонял Евстратовку.

Хотя этот период был коротким, но коммунисты его попытались использовать для своего укрепления. В конце мая, примерно через неделю после эвакуации, уком провёл реорганизацию и перевыборы. Его главой стал А. Х. Рудофиленко, секретарём – Хорев. Военком Карпик был сменён на Полухина. А. Ф. Авилов и И. Л. Рындин были назначены руководителями военных районов. Была создана ЧК, избраны новые главы отделов – так, Толстой возглавил уездный продовольственный комитет **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 608. Л. 6)**.

Несмотря на это, дисциплина в военных условиях ожидаемо была некрепкой, исполком и партия были организованы слабо и работали плохо. Более того – похоже, мемуаристы под уездной организацией партии нередко понимали вообще всех социалистов совета. Так, Л. Л. Федоренко писал, что "в мае 1918 г. был созван внеочередной съезд в связи с нашествием немцев… К этому времени уже наша партия состояла приблизительно из 100 чел., включая сюда меньшевистский, эсеровский, анархический и максималистические убеждения" **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 611. Л. 5)**. Замаренов вспоминал, что "часть партийцев определённо называли себя левыми эсерами", включая Авилова, Фоминова, Бузунова, Полухина, Сухиненко **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 604. Л. 13)**. Но из других данных ясно, что Авилов был эсером-максималистом, Бузунов до убийства Мирбаха – левым эсером, Полухин – большевиком, хотя и неустойчивым. Конечно, мемуаристы ошибаются, но видно, что на практике партийные различия среди валуйских революционеров были весьма размыты. Это нетипично даже для тех времен и объясняется, видимо, чрезвычайными обстоятельствами, нарушившими партийную работу.

16 июня в Харькове окончательно было подписано перемирие и установлена демаркационная линия. К концу июня бои в уезде стихли. Партизанские отряды были переформированы в части "южной завесы" на границе, большинство их направлено на другие фронты. Исполком переехал в с. Никитовка, где и остался надолго. Под его контролем теперь было, целиком и частично, семь волостей: Никитовская, Малакеевская, Краснянская, Николаевская, Александровская, Вейделевская и Большелипягинская. На этом и закончился первый этап работы Валуйского Совета, который, судя по протоколам, более планомерно смог восстановить свою работу только в августе и то после ряда энергичных собраний организации РКП(б). Фактический приоритет имели военные цели – большинство членов исполкома занимались организацией повстанческой борьбы на оккупированной территории и снабжением военных частей. Это приведёт к освобождению Валуйского уезда в конце 1918 г. Но это уже другая страница его истории.

Детальное восстановление хронологии событий в Валуйском уезде позволяет уточнить особенности становления Советской власти в Воронежской губернии. В отличие от промышленных центров, где Советы опирались на рабочий класс, в аграрном Валуйском уезде ключевую роль сыграли солдаты-фронтовики, которые распространили влияние Совета на массы. Исследование также показывает специфическую ситуацию консолидации революционных сил при идейной и организационной размытости местной большевистской организации. Деятельность Совета отличалась сочетанием революционного радикализма и прагматичной адаптации центральных директив к местным условиям. Особое значение имели: решение земельного вопроса с учётом интересов крестьянства, организация продовольственного снабжения через кооперативы, создание вооружённых отрядов. Основная часть этих задач шла в рамках общегубернских процессов и успешно решалась. Однако к весне 1918 г. нарастающие проблемы – хронический дефицит ресурсов, двойное давление со стороны немецких войск и "своих" красноармейских частей – привели к трансформации управления в сторону военно-чрезвычайных методов. Немецкая оккупация в мае 1918 г. прервала процесс советизации. Однако накопленный опыт "военизированного управления" и выделившиеся кадры позволили позднее восстановить советскую власть в уезде.

Исследование заполняет лакуну в региональной историографии, показывая, что даже короткий период деятельности Совета до оккупации имел значение для формирования местных моделей управления в условиях Гражданской войны и что даже в "типичном" аграрном уезде процесс советизации был не линейным, а зависел от местных условий. Это меняет представление о ранней Советской власти как о чисто "директивной" системе. Работа также вносит вклад в дискуссию о пределах эффективности ранних советских институтов, демонстрируя, как военно-политические кризисы перевешивали социально-экономические достижения.

Литература / References

1. Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. 1917–1918 гг. Воронеж: Кн. изд-во, 1957. 475 с.
   The Struggle for Soviet Power in the Voronezh Province. 1917–1918. Voronezh: Kn. Publishing House, 1957. 475 p. (In Russ.)
2. Великая Октябрьская социалистическая революция: хроника событий, 11 января – 5 марта 1918 г. / отв. ред. В. Д. Поликарпов. М.: Наука, 1986. 512 с.
   The Great October Socialist Revolution: Chronicle of Events, January 11 – March 5, 1918 / ed. V. D. Polikarpov. Moscow: Nauka, 1986. 512 p. (In Russ.)
3. *Вестник церковного единения.* 28 (15) марта 1918 г. № 21.
   Herald of Church Unity. March 28 (15), 1918. No. 21. (In Russ.)
4. *Воронежский телеграф*. 1917. № 245. 15 декабря 1918 г.
   Voronezh Telegraph. 1917. No. 245. December 15, 1918. (In Russ.)
5. Воронков И. Г. Воронежские большевики в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Воронеж: Кн. изд-во, 1952.
   Voronkov I. G. Voronezh Bolsheviks in the Struggle for the Victory of the October Socialist Revolution. Voronezh: Kn. Publishing House, 1952. (In Russ.)
6. Герасименко Г. А. История земского самоуправления. Саратов: Поволж. акад. гос. службы им. П. А. Столыпина, 2003. 243 с.
   Gerasimenko G. A. History of Zemstvo Self-Government. Saratov: Volga Region Academy of State Service named after P. A. Stolypin, 2003. 243 p. (In Russ.)
7. Комаров А., Крошицкий П. Революционное движение. Хроника. 1918 г. (Губернии Воронежская и Тамбовская). Воронеж: Коммуна, 1930. Т. 1. 187 с.
   Komarov A., Kroshitsky P. Revolutionary Movement. Chronicle. 1918 (Voronezh and Tambov Provinces). Voronezh: Kommuna, 1930. Vol. 1. 187 p. (In Russ.)
8. На внутреннем фронте Гражданской войны. Сборник документов и воспоминаний. М.: Русская книга, 2018. 798 с.
   On the Domestic Front of the Civil War. Collection of Documents and Memoirs. Moscow: Russian Book, 2018. 798 p. (In Russ.)
9. Осыков Б. И. Белгородский алфавит: краткий краеведческий справочник. Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1990. 208 с.
   Osykov B. I. Belgorod Alphabet: A Brief Local History Reference Book. Voronezh: Central Black Earth Book Publishing House, 1990. 208 p. (In Russ.)
10. Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 г. Воронеж, 1916. 649 с.
    Commemorative Book of the Voronezh Province for 1916. Voronezh, 1916. 649 p. (In Russ.)
11. Фефелов В. М. Установление советской власти в уездных центрах Воронежской губернии. *Известия Воронежского государственного педагогического института*. Т. XXXI. 1960. С. 28–51.
    Fefelov V. M. Establishment of Soviet Power in District Centers of Voronezh Province. *News of the Voronezh State Pedagogical Institute*. Vol. XXXI. 1960. P. 28–51. (In Russ.)

◆

Информация об авторе

Николай Алексеевич Заяц, канд. ист. наук, ассистент кафедры истории Московского авиационного института, Москва, Россия, e-mail: nikza91@yandex.ru

Information about the author

Nikolai A. Zayats, Candidate of Historical Sciences, Assistant, Department of History, Moscow Aviation Institute, Moscow, Russia, e-mail: nikza91@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.03.2025 Одобрена после рецензирования 08.08.2026 Принята к публикации 25.08.2026
Received 06.03.2025 Approved 08.08.2026 Accepted 25.08.2026

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 120–131.
Oikumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 120–131.

Научная статья
УДК 911.3:330.3
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/120-131

Приграничное экономическое сотрудничество на внутренних границах ЕАЭС: от эксплуатации советского наследия к новым кооперационным связям?

Михаил Сергеевич Карпенко
Институт географии РАН, Москва, Россия, kms@igras.ru
Кира Алексеевна Морачевская
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, k.morachevskaya@spbu.ru
Александр Борисович Себенцов
Институт географии РАН, Москва, Россия, asebentsov@igras.ru
Антон Сергеевич Кузавко
Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия, akuzavko@rambler.ru

Аннотация. В статье выдвигается гипотеза о многомерной природе приграничного сотрудничества в российско-белорусском и российско-казахстанском пограничье. На основе статистических данных, анализа дискурса и материалов полевых исследований выявляются последствия межгосударственных интеграционно-дезинтеграционных процессов и геополитических преобразований последних лет для экономического взаимодействия поверх границ. Показано, что интеграция постсоветского периода не привела к усилению связей. Ткань сотрудничества определяют созданные в советское время предприятия-гиганты, имеющие производственно-сырьевые связи. Малый бизнес использует скорее не плоды интеграции, а институциональные и ценовые градиенты; более активно – в российско-белорусском пограничье, отличающемся меньшей барьерностью границы, социокультурной близостью и лучшей транспортной доступностью. Влияние западных санкций на разных участках границ различается. На границе России и Беларуси асимметричность введенных ограничений вызвала активизацию взаимодействия, а также новую волну "наводнения" российского рынка белорусской продукцией. На границе России и Казахстана ситуация из-за опасений вторичных санкций была более противоречивой, одновременно сочетая разрыв связей, применение посреднических схем и релокацию.
Ключевые слова: *российско-казахстанское пограничье, российско-белорусское пограничье, интеграция, кооперация, приграничная торговля*

Исследование экономических связей в российско-белорусском пограничье выполнено по проекту РНФ 23-78-10163 "Влияние межгосударственной интеграции на межотраслевую и внутриотраслевую торговлю регионов российско-белорусского приграничья". Анализ экономических связей в российско-казахстанском приграничье проводился за счёт средств ГЗ Института географии РАН "Социально-экономическое пространство России в условиях глобальных трансформаций: внутренние и внешние вызовы" (FMWS-2024-0008)

Для цитирования: Карпенко М. С., Морачевская К. А., Себенцов А. Б., Кузавко А. С. Приграничное экономическое сотрудничество на внутренних границах ЕАЭС: от эксплуатации советского наследия к новым кооперационным связям? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 120–131.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/120-131

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/120-131

Cross-Border Economic Cooperation Along the Internal Borders of the EAEU: From Exploiting the Soviet Legacy to New Cooperative Ties?

Mikhail S. Karpenko
Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, kms@igras.ru
Kira A. Morachevskaya
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, k.morachevskaya@spbu.ru
Alexander B. Sebentsov
Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, asebentsov@igras.ru
Anton S. Kuzavko
Smolensk State University, Smolensk, Russia, akuzavko@rambler.ru

Abstract. This paper puts forward a hypothesis regarding the multidimensional nature of cross-border cooperation in the Russian-Belarusian and Russian-Kazakhstani border regions. Based on statistical data, discourse analysis and field research materials, the paper identifies the consequences of interstate integration and disintegration processes and the geopolitical transformations of recent years for cross-border economic interactions. It is shown that post-Soviet integration has not led to a strengthening of ties. The fabric of cooperation is defined by the giant enterprises established in the Soviet era, which have production and raw material links. Small businesses tend to exploit not so much the benefits of integration as institutional and price gradients; and do so more actively in the Russian-Belarusian borderland, which is characterized by lower barrier function of the border, socio-cultural proximity and better transport accessibility. The impact of Western sanctions varies across different border sections. On the Russian-Belarusian border, the asymmetry of the restrictions imposed has led to increased interaction, as well as a new wave of 'flooding' of the Russian market with Belarusian products. On the border between Russia and Kazakhstan, the situation, due to fears of secondary sanctions, was more complex, simultaneously involving a breakdown in ties, the use of intermediary schemes and relocation.
Keywords: *Russian-Kazakhstani borderland, Russian-Belarusian borderland, integration, cooperation, cross-border trade*

© Карпенко М. С., Морачевская К. А., Себенцов А. Б., Кузавко А. С., 2026

Research on economic ties in the Russian-Belarusian border region was carried out under the project 23-78-10163 of the Russian Science Foundation "The Impact of Interstate Integration on Intersectoral and Intra-Sectoral Trade in the Regions of the Russian-Belarusian Border Region". The analysis of economic ties in the Russian-Kazakh border region was carried out at the expense of the State Program of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences "Socio-Economic Space of Russia in the Context of Global Transformations: Internal and External Challenges" (FMWS-2024-0008).

For citation: Karpenko M. S., Morachevskaya K. A., Sebentsov A. B., Kuzavko A. S. Cross-Border Economic Cooperation Along the Internal Borders of the EAEU: From Exploiting the Soviet Legacy to New Cooperative Ties? // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 120–131.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/120-131

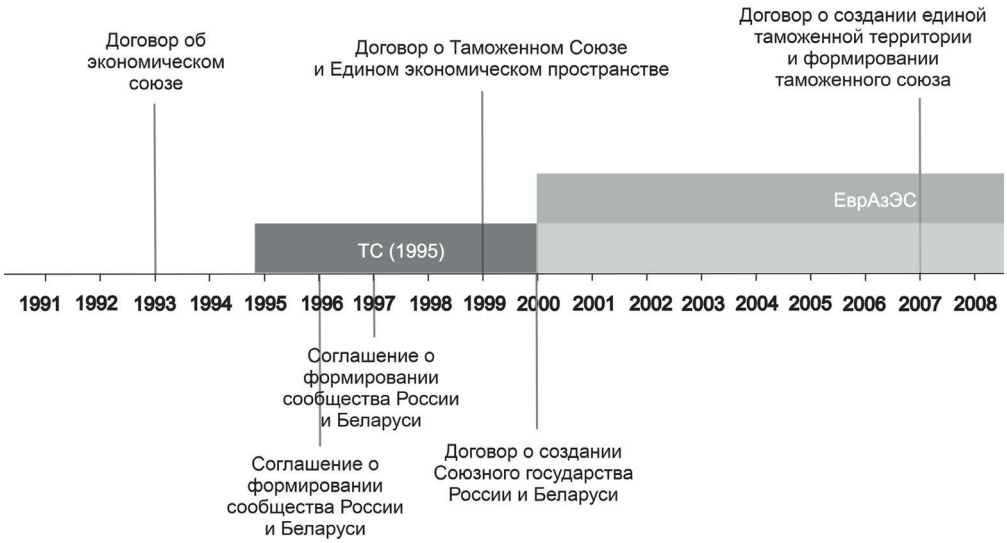
Введение и постановка проблемы

Вслед за французскими постструктуралистами современные исследователи всё чаще обращают внимание на то, что государственные границы следует рассматривать не столько как объект, сколько как "непрерывный процесс разграничения" **[17, с. 8]**. Такая природа границ связана, во-первых, с тем, что граница не является только лишь линией, а представляет собой социальный, экономический и политический институт, существование которого постоянно должно подтверждаться соответствующими дискурсами и связанными с ними практиками. Во-вторых, постоянный поиск баланса между двумя основными функциями границы – контактной и барьерной – делает жизнь в пограничье чрезвычайно изменчивой и уязвимой.

Важную роль в этом поиске играет приграничное сотрудничество, которое в узком смысле может рассматриваться как исключительная прерогатива федеральных, региональных и местных властей, а в широком – охватывает весь комплекс трансграничных взаимодействий, включая повседневные контакты людей и экономические связи.

В литературе опровергается идея повсеместного сближения вдоль открытых границ **[18]**. Более того, конвергенция стран на интеграционном пути часто приводит к дивергенции их регионов **[2; 18]**. Стремление к ускоренному экономическому росту стран интеграционного объединения ведет к повышенной концентрации ресурсов роста (прежде всего инвестиций) в наиболее конкурентоспособных местах – агломерациях, транспортных узлах. Это ведёт к росту внутристранового неравенства. Поскольку периферийные приграничные регионы редко входят в число наиболее конкурентоспособных, их отставание от среднестранового уровня развития часто на этом фоне нарастает. Приграничные регионы внутри ЕАЭС уже традиционно считаются примерами территорий со скромной результативностью приграничного сотрудничества (особенно в экономической сфере), при этом с отсутствием к этому явных геополитических и институциональных препятствий и проницаемой границей. Исследования показали, что "малая интеграция" в пограничье – экономическая кооперация, приграничная торговля и сотрудничество – не всегда коррелирует с масштабными интеграционными инициативами **[1; 3]**. Ни снятие большей части таможенных ограничений (на обоих участках границы), ни практически полное отсутствие пограничного контроля (на границе с Беларусью) не гарантировали активизации экономического сотрудничества. Тем не менее также широко известно, что в российско-белорусском и российско-казахстанском пограничье представлено множество форм трансграничного экономического взаимодействия как формального, так и неформального характера **[4; 12]**. В их числе производственная кооперация, тесное взаимодействие в агропродовольственном секторе, малое предпринимательство, челночная торговля и трансграничные поездки за покупками **[16]**. Если территория проходит разные стадии эволюции на интеграционно-дезинтеграционном пути, можно ожидать появления "новых старых" связей. Иными словами, природа экономических взаимодействий может крыться в восстановлении старых разрушенных контактов **[24]**.

Другим важным результатом предшествующих исследований является то, что социально-экономические контрасты и диспропорции между странами и приграничными регионами часто становятся не менее важным фактором активизации или, наоборот, спада трансграничных экономических связей, чем интеграционные инициативы **[18]**. С одной стороны, ресурс границы

состоит в асимметричных трансграничных взаимодействиях, то есть в тех контактах, которые возникают в поисках выгоды на соседней стороне **[16]**. С другой стороны, ресурс границы состоит в подталкивании процесса обмена инновациями, стимулировании сближения: находящиеся рядом территории стремятся к похожести, к обеспечению одинакового уровня жизни **[15]**. Базируясь на такой дихотомии, можно утверждать, что природа приграничного экономического взаимодействия кроется как в наличии социально-экономических и институциональных градиентов, различий в экономических моделях соседствующих стран, так и в комплементарности региональных экономик приграничных регионов.

Ещё одним фактором, определившим изменчивость приграничных экономических связей, выступили западные санкции. Они стали вызовом для существования сложившихся ещё в советское время производственных связей крупнейших индустриальных гигантов – единственной константы экономических контактов на обоих участках границы.

Основная исследовательская задача статьи состоит в попытке выявить природу современного приграничного сотрудничества в экономической сфере между приграничными регионами России, Беларуси и Казахстана, оценив баланс "старого" и "нового"[1]. Основываясь не только на общедоступных статистических данных, но и данных экспертных интервью, полученных в ходе экспедиций в приграничные регионы, авторы стремятся представить взгляд из самого пограничья. Предполагается внести вклад в дискуссию о многомерной природе экономических взаимодействий в пограничье, соотнося последствия постсоветской дезинтеграции и межгосударственных интеграционных инициатив постсоветского периода, влияние комплементарности экономик и различий в экономических моделях соседствующих стран, а также реакцию на острые изменения геополитического контекста.

Материалы и методы

Часть материалов статьи основана на статистических данных о взаимной торговле, характеризующихся, однако, неполнотой сведений. Во-первых, данные о взаимной торговле между приграничными регионами не публикуются: общедоступной является торговля конкретного региона с сопредельной страной. Поэтому анализ дополнен информацией с сайтов региональных администраций, крупных предприятий и из публикаций в региональных СМИ, собранных в базе "Интегрум". Во-вторых, временной срез, за который

[1] С учётом многообразия подходов к вопросу о глубине пограничья отметим, что в данной работе под российско-белорусским пограничьем подразумеваются приграничные регионы России и Беларуси, под российско-казахстанским – приграничные регионы России и Казахстана.

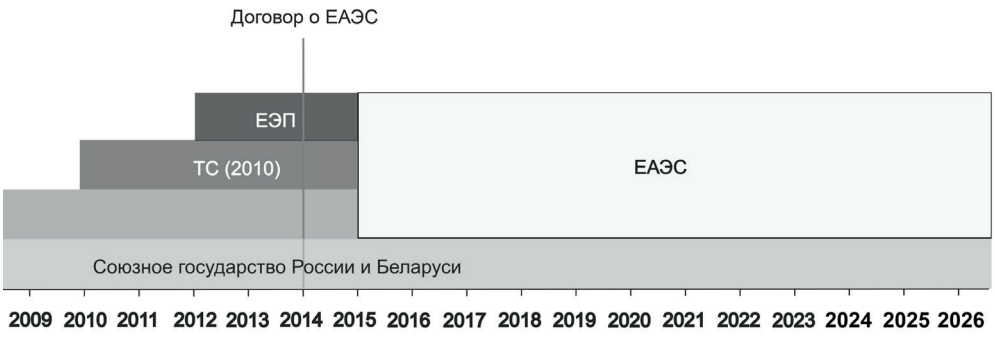

Рис. 1. Эволюция интеграционных процессов между Россией, Беларусью и Казахстаном
Источник: составлено авторами.
Fig. 1. Evolution of integration processes between Russia, Belarus and Kazakhstan
Source: compiled by the authors.

возможен анализ внешнеторговых взаимодействий приграничных регионов, ограничен 2021 г., поскольку результаты анализа "зеркальной" статистики стран-партнеров не могут быть опубликованы в связи с государственными ограничениями. Источниками информации выступают данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, Федеральной таможенной службы РФ, Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан.

Прочие ограничения при работе со статистикой связаны с тем, что статистический учёт деятельности внешнеэкономических субъектов ведётся по месту регистрации организации, а не её нахождения (фактического производства товаров и услуг). Более того, часть экономических взаимодействий не видна статистике, поскольку обеспечивается за счёт местного населения (приграничная торговля и челночная торговля).

Исследование также базируется на результатах многолетних полевых исследований в регионах российско-белорусского и российско-казахстанского пограничья, а наиболее актуальный информационный срез относится к экспедициям в Оренбургскую, Смоленскую, Могилевскую и Витебскую области в 2022 г., Челябинскую, Курганскую и Костанайскую области в 2023 г., Псковскую область в 2024 г. В ходе полевых исследований было проведено более ста экспертных интервью с представителями административных и бизнес-кругов, в регионах российско-белорусского пограничья состоялось анкетирование глав местных администраций (15 чел.).

Результаты исследования и их обсуждение

В развитии интеграционно-дезинтеграционных процессов в регионах российско-казахстанского и российско-белорусского пограничья можно выделить несколько основных этапов *(рис. 1)*.

С 2010 г. происходит поступательное развитие интеграции, её углубление. Последовательный запуск Таможенного союза (2010), Единого экономического пространства (2012) и ЕАЭС (2015) создал новые возможности для сотрудничества и широкого спектра трансграничных взаимодействий: существенно снизилась степень барьерности границ, получил развитие принцип "четырёх свобод" – движения людей, товаров, услуг и капиталов **[2]**. Вместе с тем развитие интеграции на современном этапе не позволяет странам-участницам игнорировать принимаемые отдельными странами на национальном уровне решения, а также геополитические вызовы. Так, введение безвизового режима белорусской стороной (такой режим впервые был введен в 2017 г.) привело к введению в приграничных регионах России и Беларуси пограничного режима (с 2017 г.), а остановки на контрольно-пропускных пунктах для предоставления документов после 2022 г. стали практически повсеместными.

После 2025 г. заметно усилился таможенный контроль в отношении граждан третьих стран и перевозимых ими грузов для защиты внутреннего рынка от недобросовестного импорта.

Роль социально-экономических моделей развития

Проведённые нами интервью показали, что одним из важных факторов, определяющих возникновение новых и сохранение существующих внешнеэкономических связей (торговых и кооперационных), выступает национальная модель социально-экономического развития **[6]**.

Особенности казахстанской социально-экономической модели проявляются в высокой доле собственности, сконцентрированной, с одной стороны, у государства, с другой – у иностранных корпораций. При этом почти 70% экспортной продукции страны производится в экспортно-сырьевом секторе, который включает в себя нефтегазовую и угольную промышленность, металлургию, сельское хозяйство. Трансграничные связи в этих отраслях, как и в советское время, формируют основные черты экономического ландшафта в пограничье **[8, с. 243]**. Другой важной особенностью этой модели является трудный поиск баланса между, с одной стороны, стремлением к модернизации общества и экономики по западному образцу и улучшением условий для ведения бизнеса, с другой – "казахизацией" различных государственных, общественных и экономических институтов, что создает заметные преимущества для титульного населения.

Белорусская экономическая модель по многим позициям сохранила свою функцию "производителя конечной продукции", что было характерно для большей части бывших союзных республик "западного фасада" СССР. Характерные черты модели – высокая доля государственной собственности в большинстве отраслей производства, низкая доля иностранного капитала в экономике, а также особые торгово-экономические взаимодействия с Россией. Получая сырье по льготным ценам из России, Беларусь имеет гарантированный сбыт отдельных видов промышленной и продовольственной продукции, в основном с высокой добавленной стоимостью, в Россию. Высокий уровень интеграции предполагает широкую представленность товаров (особенно белорусских в России) не только на товарных рынках (машин, оборудования, пищевой и легкой промышленности), но и в системе государственных закупок: белорусы часто выступают подрядчиками в строительстве и ремонте дорог, мостовых переходов, объектов социальной инфраструктуры и проч. Национальный фактор не является препятствием для российского бизнеса, куда большую роль играют государственные меры по защите белорусских производителей, присутствие государства в капитале практически всех крупных компаний и общая зарегулированность экономики.

Торговое взаимодействие и локализованные в пограничье крупные производственные связи

Анализ ключевых статей экспорта и импорта каждого из регионов пограничья в соседнюю страну позволил сделать некоторые предположения о трансграничном межрегиональном обмене. Структура экспорта белорусских приграничных регионов в Россию характеризуется разнообразием товарных позиций. Около 25% приходится на продукцию животного происхождения (мясная и молочная продукция), от 15 до 22% – на машины и оборудование, от 8 до 16% – на текстиль, продукцию химической промышленности, а также пластмассы и изделия из резины – 8%. Для большинства крупных промышленных предприятий российский рынок является основным при организации экспорта ("Белшина", "Могилевхимволокно", "Могилевлифтмаш" и проч.). Для Гомельской области значимой статьей экспорта являются металлы и изделия из них, в первую очередь за счёт деятельности БМЗ в г. Жлобине.

Можно предположить, что часть этих экспортных потоков "оседает" в российской части пограничья. Во-первых, часть продовольственного экспорта перераспределяется через логистическую инфраструктуру пограничья, реализуя его буферную функцию. Во-вторых, это продукция для потребления непосредственно в российских приграничных регионах. Например, белорусская молочная продукция широко представлена на продовольственном рынке в российском пограничье. Размер предприятия-поставщика со стороны Белару-

си, как правило, прямо коррелирует с местом сбыта такой продукции **[13]**. Продукция витебских, могилевских, гомельских молоко- и маслосырзаводов наиболее широко представлена в сетевых магазинах регионального уровня, несетевых магазинах, в мобильных формах торговли и на рынках. Магазины федеральных сетей в первую очередь сотрудничают с лидером молочной отрасли Республики Беларусь, ОАО "Савушкин продукт", расположенным за пределами российско-белорусского пограничья – в Брестской области.

Структура импорта белорусских приграничных регионов из России также довольно диверсифицирована, однако от 20–30 до 60% (в Гомельской области) приходится на металлы и изделия из них, что связано с мощной производственной базой обрабатывающей промышленности в каждом из регионов. Часть импорта от 5 до 12% (а в Могилевской области – до 30%) обеспечивается поставками продукции из пластмассы и каучука, химической промышленности, различного оборудования. Чуть более 5% импорта Гомельской области приходится на минеральные продукты (Мозырский НПЗ).

Экспорт сельскохозяйственной продукции для приграничных с Беларусью российских регионов состоит в основном в поставках сырья: пшеницы, рапса, подсолнечника, в то время как готовая пищевая продукция практически не экспортируется. Экспорт промышленной продукции включает как сырьё (лом и отходы металлов, известь), так и готовую продукцию из металла (трубы, прокат, прутки и проч.) (Смоленская и Брянская области), деревообработки (бумагу и картон, ДСП) (Смоленская и Псковская области), пластмасс (Смоленская и Брянская области), а также машины и оборудование (Смоленская и Брянская области).

Структура импорта российских регионов, приграничных с Беларусью, в целом соответствует экспорту белорусских приграничных регионов, подтверждая гипотезу, что часть товарных потоков направлена в пограничье или через пограничье на рынок остальной части территории страны.

Аналогичный анализ по регионам российско-казахстанского пограничья показал, что, несмотря на углубление интеграции в торговле за счёт изменения режима границ, товарная структура экспорта российских регионов изменилась незначительно. Советские предприятия-гиганты в металлургическом и нефтегазовом секторах по-прежнему определяют экономический ландшафт и внешние связи во многих приграничных регионах. Так, оставалась достаточно устойчивой доля минеральных продуктов в экспорте Оренбургской области (55% в 2013 г. и 44% в 2021 г.), металлов и изделий из них – в экспорте Челябинской (64 и 56% соответственно) и Волгоградской областей (54 и 25% соответственно). Весь рассматриваемый период важную роль играл экспорт машиностроительной продукции из Самарской области (около 30%).

Среди наиболее значимых изменений можно выделить следующие.

Во-первых, снижение удельного веса минеральных продуктов в экспорте ряда российских регионов было связано в основном с завершением модернизации нефтеперерабатывающих мощностей в Казахстане, позволившей увеличить ассортимент и объёмы производимой продукции, а также со связанным с этим запретом на импорт отдельных видов продукции с целью недопущения затоваривания внутреннего рынка.

Во-вторых, в период с 2013 по 2021 г. во многих регионах появились новые статьи экспорта. Наблюдался рост экспорта продуктов растительного происхождения во всех регионах к востоку от Оренбургской области – в основном это пшеница и меслин. В Республике Алтай поставки сельскохозяйственной продукции в Казахстан в 2021 г. стали полностью определять экспортный профиль этого региона. Кроме того, новые экспортные поставки были связаны с экспортом металлов и изделий из них (44% экспорта Саратовской области в 2021 г.; область поставляет в Казахстан арматуру, резервуары для нефтяной промышленности Казахстана (МЗ Балаково, Саратовский РМЗ)), лесоматериалов (17% экспорта Курганской области), пластмасс (57% экспорта Тюменской области), вагонов и прочих машин (9% экспорта Алтайского края).

Структура импорта из Казахстана в 2013 и 2021 гг. оставалась фактически неизменной (в разном соотношении фигурировали одни и те же товарные позиции). В регионах с сырьевой производственной кооперацией особое значение имели минеральные продукты (Оренбургская и Челябинская области), в прочих регионах – металлы и изделия из них, машиностроение и оборудова-

ние, транспорт (Самарская, Саратовская и Омская области), продукция растительного происхождения и пищевая продукция (Курганская и Саратовская области).

Важной тенденцией рассматриваемого периода в Оренбургской, Саратовской, Курганской и Омской областях стал рост абсолютных объёмов и удельного веса в импорте из Казахстана продукции растительного происхождения и пищевой продукции. Эти отрасли в последнее десятилетие активно развивались в казахстанской части пограничья и, в том числе благодаря короткому транспортному плечу, пользовались спросом в крупных городах пограничья.

Другой тенденцией стало снижение доли импортируемой минеральной продукции и, прежде всего, казахстанского угля на электростанции Курганской, Омской областей и Алтайского края, которые постепенно замещались внутренними поставками. В ряде регионов, особенно там, где присутствуют предприятия металлургии и машиностроения (Волгоградская, Челябинская, Самарская, Новосибирская области), выросла доля импорта металлов и изделий из них, в том числе из приграничных регионов Казахстана. В Самарской области их доля, напротив, сократилась (с 92% в 2013 г. до 44% в 2021 г.) на фоне роста других статей импорта – машин и оборудования (энергетическое оборудование, узлы транспорта).

Экспорт большинства казахстанских регионов складывался преимущественно из минеральных продуктов – руд цветных и черных металлов, угля, цемента, стройматериалов (Атырауская, Актюбинская, Костанайская и Восточно-Казахстанская области), металлов и изделий из них (почти повсеместно). Развитие машиностроительного кластера в Костанайской, Северо-Казахстанской и Павлодарской областях привело к расширению экспортных поставок транспортных средств, а также их отдельных узлов и деталей. Аналогично развитие сельского хозяйства в Северо-Казахстанской и Западно-Казахстанской областях привело к увеличению экспорта продукции растительного и животного происхождения. Особый экспортный профиль имели Актюбинская и Костанайская области, которые и в 2013 г., и в 2021 г. почти полностью концентрировались на экспорте минеральной продукции.

В казахстанское пограничье импортировались машины и оборудование (Северо-Казахстанская, Павлодарская, Актюбинская), металлы и изделия из них (все регионы, но особенно – Атырауская, Западно-Казахстанская и Актюбинская области), минеральные продукты (Западно-Казахстанская, Актюбинская, Восточно-Казахстанская области), продукция химической и пищевой промышленности. Заметным оказался рост импорта запасных частей, машин и оборудования в Костанайской и Павлодарской областях, где продолжается развитие сборочных машиностроительных производств. На фоне остановки работы автосборочного завода "Азия-Авто" (Восточно-Казахстанская область) в 2021 г., наоборот, наблюдался резкий спад в импорте запчастей и машинокомплектов из России.

Адаптация торгово-экономического взаимодействия к новым вызовам

Санкции и рестрикции, введённые против России и её основных торговых партнеров, потребовали широкой адаптации внешнеэкономических связей в пограничье. На границе России и Беларуси политика санкций скорее способствовала активизации трансграничных взаимодействий. Трансграничный градиент в общем числе санкций (22 230 против России и 1 499 против Беларуси), а также их характере (Беларусь имеет послабления в сфере торговых и финансовых операций) стал драйвером для развития сотрудничества между предприятиями, нацеленного на обход торговых ограничений. Так, совместные российско-белорусские предприятия "Амкодор-Брянск" и "Брянсксельмаш" стали бенефициарами ухода с российского рынка иностранных конкурентов и превратились в одних из ключевых поставщиков дорожно-строительной, коммунальной и сельскохозяйственной техники. На фоне постепенного повышения уровня локализации производства в Брянске головные компании стали приближать конечную сборку к потребителю: "Амкодор" и "Амкодор-Брянск" начали развитие новых площадок в Липецке, Петрозаводске и Уфе, "Гомсельмаш" создал предприятие в Усть-Лабинске в Краснодарском крае. Расширилось присутствие торговых домов и мультибрендовых цен-

тров продажи и обслуживания техники из Беларуси в пограничье и ключевых районах её потребления.

Широкой российской торгово-экономической экспансии в белорусские приграничные регионы не наблюдалось, что во многом связано со спецификой белорусской экономической модели. Многие российские предприятия использовали механизм свободных экономических зон (12 в Гомеле, по 9 в Могилеве и Витебске).

В отличие от Беларуси, Казахстан не становился объектом западных санкций, что, с одной стороны, только усиливало взаимную заинтересованность в сотрудничестве, а с другой – потребовало от казахстанских властей соблюдения санкционного режима во избежание вторичных санкций **[5]**. В результате наблюдались противоречивые тенденции: распад или переформатирование некогда казавшихся максимально устойчивыми производственно-технологических связей предприятий или же формирование новых производственных связей. Так, в период с 2022 по 2025 г. прекратились поставки железорудного концентрата с Соколово-Сарбайского ГОКа на ММК **[7]**, однако с 2026 г. поставки возобновились по посреднической схеме. Сырьевые связи в алюминиевой промышленности, наоборот, стали более прочными: на фоне сбоев с поставками сырья из Австралии и прекращения сотрудничества с Украиной РУСАЛ вдвое увеличил закупки глинозёма в казахстанском Павлодаре.

После 2022 г. регионы казахстанского пограничья использовались как площадки для релокации российских производств. Наши интервью в пограничье показали, что для стимулирования переноса производств национальными и региональными властями Казахстана использовались налоговые и административные стимулы.

"Уже до пандемии стали сокращать закупки российской продукции, а акиматы получили KPI на локализацию производства. Сейчас после введения санкций эта политика продолжается. К нам акимы приезжали… Хоть какой-то сборочный цех, но поставь. В ином случае… у них там жёстко спрашивают" (Челябинск, 2023 г., представитель Министерства экономического развития Челябинской области).

Так, в 2022 г. в г. Петропавловске за пять месяцев было налажено производство мотоциклов "Урал" (завод в г. Ирбите Свердловской области), для которых основными рынками сбыта являются страны ЕС, США и Япония. Петропавловск был выбран по причине фактического отсутствия языкового барьера, а также короткого транспортного плеча, позволившего оперативно выстроить логистические цепочки. Были и другие примеры релокации, в том числе собственно казахстанских компаний, наладивших производство в России и вернувшихся после 2022 года (Алматинский вентиляторный завод).

Малое предпринимательство и неформальная экономика

Определяющим фактором развития трансграничного малого предпринимательства является институциональный, а именно – более выгодные или более мягкие условия регистрации, налогообложения и в целом ведения бизнеса с одной из сторон границы. Наши многолетние полевые исследования показали, что переток бизнеса через границу – более массовое явление в российско-белорусском пограничье в сравнении с российско-казахстанским. Этому способствуют меньшая барьерность границы, более высокий уровень социокультурной близости, лучшая взаимная транспортная доступность.

Наиболее распространенными сферами развития малого бизнеса на рассматриваемых участках границы являются розничная торговля (продукты питания, одежда и обувь, косметика и др.), автоперевозки, а в случае российско-белорусской границы – ещё и строительство (в том числе дорожное). При этом трансграничное малое предпринимательство присутствует в пограничье в двух формах. Во-первых, это малый бизнес, который ведётся представителем сопредельного государства на территории соседнего. Во-вторых, это предприниматели, род деятельности которых связан непосредственно с регулярными трансграничными перемещениями.

Примером первого, помимо традиционных видов деятельности для малого бизнеса (розничная торговля, услуги), является компания-трейдер зерна в г. Петропавловске (учредитель – житель Курганской области). Ниша на

рынке, наличие первоначального капитала и адресная поддержка от региональных органов власти позволили предприятию выйти на рынок Казахстана и достаточно успешно функционировать.

Примерами второго типа, помимо такого распространенного вида деятельности, как перевозки, являются ряд агентств, которые оказывают услуги "экспорта под ключ", занимаясь экспортом, импортом, логистикой и международными платежами (например, ООО "Точные поставки" в г. Смоленске).

Риторика интеграции и постепенного институционального сближения на практике осложняется сохраняющимися мерами нетарифного регулирования, которые препятствуют взаимопроникновению на рынки соседствующих стран. Это особенно трудно преодолевается субъектами малого предпринимательства. Например, в Беларуси во многих отраслях экономики сохраняется негласное доминирование национальных регламентов над регламентами ТС ЕАЭС, что делает невозможным использование российских сертификатов качества и вынуждает проходить дополнительную сертификацию в Беларуси.

Значительный удар по трансграничному малому бизнесу в пограничье нанесла пандемия COVID-19. Например, в Омске и Тюмени долгое время работали продовольственные магазины, куда поставлялась продукция из соседней Северо-Казахстанской области (ООО "КазМаркет"; половиной уставного капитала владел гражданин Казахстана). В них продавались мясные полуфабрикаты, чай, соки, кондитерские изделия и проч., однако во многом из-за ограничений мобильности в период коронавируса возникли сложности с доставкой продукции, что сильно сказалось на успешности бизнеса и в итоге привело к закрытию магазинов.

Увеличение транзитных потоков как через российско-казахстанскую, так и через российско-белорусскую границу после 2022 г. мало сказалось на развитии малого бизнеса. По-прежнему срабатывает т. н. эффект туннеля, когда пограничье пересекается без остановок, то есть транзитные потоки не вносят вклад в развитие придорожной инфраструктуры.

Рассмотрение кейсов из различных сегментов российско-белорусской и российско-казахстанской границы показало, что конкретные пространственные сочетания национальных и локальных факторов обусловливают интенсивность развития того или иного вида бизнеса. Если различия в "правилах игры" между государствами работают как общестрановой фактор, то конкретные конфигурационные особенности территории создают локальный контекст. Например, проведенные нами маршрутные наблюдения показывают, что в российско-белорусском пограничье присутствие белорусских бизнесменов в торговле и в организации перевозок гораздо шире в юго-западной части Брянской области (удалённой от областного центра и близкой к Гомелю) и на юге Псковской области (удалённом от областного центра и близком к Витебску).

Отдельно заметим, что экспертные интервью с представителями малого бизнеса доказывают, что роль внешних конъюнктурных факторов (экономические кризисы, девальвация, колебания платёжеспособного спроса населения) в динамике их развития существенно превышает по значимости влияние интеграционных процессов.

Традиционно в пограничье существуют и неорганизованные формы экономического взаимодействия – прежде всего, челночная торговля. Часть неформальной экономики составляют трансграничные поездки за бензином и за покупками продовольственных и непродовольственных товаров. Природа таких трансграничных практик кроется в наличии ценовых градиентов вдоль границы. Если интенсивность поездок за покупками продовольственных и непродовольственных товаров скорее снижается в пограничье из-за выравнивания цен или сокращения доходов населения (что препятствует возможности поехать), то практики поездок за бензином наиболее устойчивы во времени.

Представленность феномена неформальной экономики коррелирует, помимо экономических факторов, с транспортной доступностью территории сопредельного государства, системой расселения и общей мобильностью населения. Наши предшествующие исследования показали, что многие территории пограничья, физически приближенные к границе, часто оказываются за пределами двух-трёхчасовой доступности соседнего государства из-за конфигурации транспортных путей, а в случае российско-казахстанской границы

– ещё и из-за соответствующего размещения пунктов пропуска **[14].** В Волгоградской, Саратовской, Новосибирской областях более 95% населения живут более чем в трёх часах езды от ближайшего пункта пропуска через границу. Кардинально более проницаемая российско-белорусская граница и более компактные системы расселения в приграничных регионах России и Беларуси приводят к тому, что дальше, чем в трёх часах от границы только в Смоленской области живёт 9,6% населения, в Псковской – 8,2%, а во всех остальных областях этот процент существенно ниже или равен нулю.

Что касается отмеченного выше фактора мобильности населения, здесь следует сказать, что демографически (а многие – и экономически) депрессивные регионы российско-белорусского и российско-казахстанского пограничья характеризуются невысокой мобильностью населения с учётом и возрастной структуры населения, и невысокого уровня доходов. Например, по данным опроса населения 2022 г.[2], 63,4% жителей Смоленской области никогда не были в Беларуси. Только 3,6% населения региона ездят в Беларусь раз в месяц и чаще, что позволяет предположить, что для какой-то части этой группы населения участие в трансграничных видах предпринимательства является источником дохода.

Заключение

Интеграционные процессы, начавшиеся практически сразу после распада единой страны, пока не показали себя как универсальный рецепт для укрепления существовавших в советское время экономических связей и для появления новых. Несмотря на то, что в общественно-политическом дискурсе интеграция преподносится как "общее благо", в экономическом отношении бенефициаром межнациональных договоренностей выступает в основном крупный бизнес.

Анализ доступной внешнеторговой статистики показывает, что экономический ландшафт на обоих участках границы по-прежнему определяют советские предприятия-гиганты и сложившиеся между ними производственные связи. Некоторые из этих связей работают на собственно приграничные контакты, как это происходит на границе России и Казахстана в топливно-энергетическом комплексе (Оренбургская и Западно-Казахстанская области) или в металлургии (Челябинская и Костанайская области); однако не менее часто крупнейшие предприятия не создают потенциала для приграничного сотрудничества, ориентируясь на дальние связи, как это происходит в нефтепереработке в Витебской области.

Отсутствие сотрудничества за пределами ограниченного числа отраслей во многом объясняется социальным и экономическим опустыниванием приграничных территорий (особенно с российской стороны), оттоком экономической активности от границ в сторону административных центров и в целом за пределы приграничных регионов. Эта тенденция к периферизации пограничья отмечена в ряде предшествующих публикаций **[11].** Другая причина связана с большим количеством препятствий для торговых и кооперационных связей малого и среднего бизнеса. Нетарифные ограничения, случаи доминирования национальных регламентов над регламентами ЕАЭС, особые условия регулирования экономики (например, в Беларуси), неформальные нормы и правила ведения бизнеса (например, в Казахстане) ослабляют потенциал сотрудничества в пограничье. Результатом становится, во-первых, тенденция к автономизации региональных хозяйственных систем. Экономические (появление национальных производителей) и стратегические (опасение оказаться в зависимости от соседа) соображения заставляют власти и бизнес отказываться от некоторых производственных и торговых связей. Так, например, уральские и сибирские энергетики отказались от закупок казахстанского угля, а Павлодарский алюминиевый завод, производящий глинозём, стал выстраивать полный цикл производства алюминия.

[2] Проводился в рамках предшествующих исследований. Выборка составила 1 тыс. респондентов, из них 54 % женщин и 46 % мужчин. Использовалась стратифицированная трехступенчатая квотная выборка со случайным отбором домохозяйств на маршруте опроса.

Во-вторых, проявляется процесс стимулирования замещения чисто торговых связей кооперационными с одновременным требованием максимальной локализации производства.

Санкционный фактор в значительной мере усилил обозначенные выше тенденции. "Санкционный градиент", особенно в случае Казахстана, увеличил ренту его приграничных регионов от транзита товаров в Россию из третьих стран и стал аргументом для перехода от покупки российской техники к локализации её производства в собственном пограничье.

Литература / References

1. Анисимов А. М., Баринов С. Л., Вардомский Л. Б., Вертинская Т. С., Герцен А. А., Глинкина С. П., Головина Л. Д., Гриценко А. А., Евченко Н. Н., Зотова М. В., Кирюхин А. М., Колосов В. А., Либман А. М., Лобанов М. М., Пылин А. Г., Себенцов А. Б., Тураева М. О., Ушкалова Д. И., Часовский В. И. Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины: состояние и перспективы. *Евразийская Экономическая Интеграция.* 2013. №4 (21). С. 77–96.
   Anisimov A. M., Barinov S. L., Vardomskij L. B., Vertinskaya T. S., Gertsen A. A., Glinkina S. P., Golovina L. D., Gritsenko A. A., Evchenko N. N., Zotova M. V., Kiryuhin A. M., Kolosov V. A., Libman A. M., Lobanov M. M., Pylin A. G., Sebentsov A. B., Turaeva M. O., Ushkalova D. I., Chasovskij V. I. Cross-border cooperation of regions of Russia, Belarus and Ukraine: status and prospects. *Eurasian Economic Integration*. 2013. No. 4 (21). P. 77–96. (In Russ.)
2. Винокуров Е. Ю., Коршунов Д. А., Перебоев В. С., Цукарев Т. В. Евразийский экономический союз. Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР, 2017. 296 с.
   Vinokurov E. YU., Korshunov D. A., Pereboev V. S., Tsukarev T. V. Eurasian Economic Union. Saint Petersburg: Center for Integration Studies of the Eurasian Development Bank, 2017. 296 p. (In Russ.)
3. Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: НИСП, 2010. 160 с.
   Zubarevich N. V. Regions of Russia: inequality, crisis, modernization. Moscow: NISP, 2010. 160 p. (In Russ.)
4. Карпенко М. С. Приграничное измерение евразийской интеграции России и Казахстана: вызовы для сотрудничества. *Известия Российской академии наук. Серия географическая.* 2019. № 1. С. 24–36. https://doi.org/10.31857/S2587-55662019124-36
   Karpenko M. S. The Cross-Border Dimension of Eurasian Integration between Russia and Kazakhstan: Challenges for Cooperation. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*. 2019. No. 1. P. 24–36. (In Russ.)
5. Ли В. А. Трансформация внешнеторгового оборота России и Республики Казахстан в условиях геополитической и геоэкономической нестабильности. *Вестник Гуманитарного университета*. 2024. Т. 12, № 4. С. 45–60.
   Li V. A. Transformation of foreign trade turnover of Russia and the Republic of Kazakhstan in the context of geopolitical and geoeconomic instability. *Bulletin of the Humanitarian University*. 2024. Vol. 12, No. 4. P. 45–60. (In Russ.)
6. Марцинкевич В. Национальная модель социально-экономического развития (концепция и структура). *Мировая экономика и международные отношения*. 2001. № 1. С. 16–26.
   Martsinkevich V. National model of socio-economic development (concept and structure). *World Economy and International Relations*. 2001. No. 1. P. 16–26. (In Russ.)
7. Петросьян А. Р. Перспективы интеграционных процессов Российской Федерации и республики Казахстан (на примере горно-металлургического комплекса). *Вестник Института экономики Российской академии наук.* 2023. № 1. С. 143–158.
   Petrosyan A. R. Prospects for integration processes of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan (on the example of the mining and metallurgical complex). *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2023. No. 1. P. 143–158. (In Russ.)
8. Социально-экономическое развитие постсоветских стран: итоги двадцатилетия. М.: ИЭ РАН, 2012. 400 с.
   Socio-economic development of post-Soviet countries: results of twenty years. Moscow: Institute of Economics RAS, 2012. 400 p. (In Russ.)
9. Часовский В. И. Российско-белорусское приграничье: изменения в территориально-отраслевой структуре хозяйства в постсоветский период развития. *Региональные исследования*. 2010. № 2. С. 82–90.
   Chasovsky V. I. Russian Belarusian borderland: changes in the territorial-sectoral structure of the economy in the post-Soviet period of development. *Regional studies*. 2010. No. 2. P. 82–90. (In Russ.)
10. Kolosov V., Scott J. Selected conceptual issues in border studies. *Belgeo*. 2013. № 4. P. 9–21.
11. Morachevskaya K. A. Borderland phenomenon: Approaches to interpretation and the role of center–periphery gradients. *Regional Research of Russia*. 2023. Vol. 13, No. 4. P. 663–670. https://doi.org/10.1134/S2079970523701058

12. Morachevskaya K. A., Sebentsov A. B., Karpenko M. S., Radikevich A. V. Cross-border interactions of the Pskov region in the context of restrictions: policy – perception – practice. *Geography, environment, sustainability*. 2025. Vol. 18, No. 4. P. 149–157. https://doi.org/10.24057/2071-9388-2025-4161
13. Morachevskaya K. A., Shavel A. N., Zinovyev A. S. Structural shifts in the foreign trade of border regions of Russia and Belarus in the context of political and economic challenges of the 2010s. *Regional Research of Russia*. 2018. Vol. 8, No. 3. P. 269–280. https://doi.org/10.1134/S2079970518030061
14. Sebentsov A. B., Karpenko M. S., Morachevskaya K. A., Sheludkov A. V. Barriers and transport accessibility of state borders as factors of cross-border interactions. *Regional Research of Russia*. 2024. T. 14, No. S2. P. S209–S221.
15. Sebentsov A. B., Morachevskaya K. A., Karpenko M. S. Russian-Belarusian borderland: contradictions of integration and cross-border regionalization. From friendship to cooperation? *Regional Research of Russia*. 2024. T. 14, No. 1. P. 61–76.
16. Sohn C. The border as a resource in the global urban space: a contribution to the cross-border metropolis hypothesis. *International Journal of Urban and Regional Research*. 2014. Vol. 38, No. 5. P. 1697–1711. https://doi.org/10.1111/1468-2427.12071
17. Van Houtum H., Berg E. (ed.). Routing borders between territories, discourses and practices. Routledge, 2018. 310 p.
18. Zotova M. V., Kolosov V. A., Gritsenko A. A. et al. Territorial gradients of socioeconomic development of russia's borderland. *Regional Research of Russia*. 2019. Vol. 9, No. 1. P. 32–43.

◆

Информация об авторах

Михаил Сергеевич Карпенко, научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН, Москва, Россия, e-mail: kms@igras.ru

Кира Алексеевна Морачевская, канд. геогр. наук, доцент кафедры экономической и социальной географии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: k.morachevskaya@spbu.ru

Александр Борисович Себенцов, канд. геогр. наук, старший научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН, Москва, Россия, e-mail: asebentsov@igras.ru

Антон Сергеевич Кузавко, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики Смоленского государственного университета, Смоленск, Россия, e-mail: akuzavko@rambler.ru

Information about the authors

Mikhail S. Karpenko, Researcher, Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: kms@igras.ru

Kira A. Morachevskaya, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Department of Economic and Social Geography, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, e-mail: k.morachevskaya@spbu.ru

Alexander B. Sebentsov, Candidate of Geographical Sciences, Senior Researcher, Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: asebentsov@igras.ru

Anton S. Kuzavko, Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Economics, Smolensk State University, Smolensk, Russia, e-mail: akuzavko@rambler.ru

Поступила в редакцию 24.04.2026 Одобрена после рецензирования 07.08.2026 Принята к публикации 25.08.2026

Received 24.04.2026 Approved 07.08.2026 Accepted 25.08.2026

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 132–143.
Oikumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 132–143.

Научная статья
УДК 316.422
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/132-143

Амбивалентность восприятия школьниками технологий искусственного интеллекта

Оксана Геннадьевна Зубова
Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия;
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, zubovaoksana@bk.ru
Александра Геннадьевна Филипова
Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия, alexgen77@list.ru
Маргарита Рафаильевна Хуснутдинова
Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия, penkovamargo@yahoo.com

Аннотация. В статье исследуется двойственное отношение школьников 14–17 лет к генеративному ИИ в условиях, когда школа не успевает за их повседневными практиками. Эмпирическую основу исследования составили две онлайн-фокус-группы (n=19; участники из г. Санкт-Петербурга, г. Новосибирска и г. Владивостока), а также результаты парсинга и кластерного анализа (TF-IDF, K-means) сайтов региональных платформ дополнительного образования. В качестве теоретической основы используется теория структурации Э. Гидденса, дополненная концепциями агентности ребенка и этической симметрии из социологии детства. Выяснилось, что школьники формируют «амбивалентную норму условного принятия»: признают ИИ полезным для структурирования знаний и снижения тревожности, но ограничивают его использование ради когнитивной автономии и академической честности. Выявлены стихийные правила разграничения «помощи» и «списывания», а также стратегии сокрытия использования нейросетей от учителей. Анализ программ допобразования показал доминирование технических треков по сравнению с этико-рефлексивным компонентом. Преодоление стихийности в использовании ИИ школьниками и социотехнического разрыва в образовании видится через создание пространства этической симметрии между взрослыми и детьми с фокусом на развитие ИИ-метаграмотности.
Ключевые слова: *искусственный интеллект в образовании, амбивалентность восприятия, роль учителя, академическая честность, ИИ-грамотность*

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 26-18-00812, https://rscf.ru/project/26-18-00812/

Для цитирования: Зубова О. Г., Филипова А. Г., Хуснутдинова М. Р. Амбивалентность восприятия школьниками технологий искусственного интеллекта // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 132–143. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/132-143

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/132-143

Ambivalence in Schoolchildren's Perceptions of Artificial Intelligence Technologies AI

Oksana G. Zubova
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia;
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russa, zubovaoksana@bk.ru
Aleksandra G. Filipova
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, alexgen77@list.ru
Margarita R. Khusnutdinova
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, penkovamargo@yahoo.com

Abstract. This article examines the ambivalent attitudes of schoolchildren aged 14–17 towards generative artificial intelligence in a context where institutional school frameworks fail to keep pace with students' everyday practices. The empirical base comprises two online focus groups (n = 19; participants from St. Petersburg, Novosibirsk, and Vladivostok) and the results of web scraping and cluster analysis (TF-IDF, K-means) of regional supplementary education platforms. The theoretical framework draws on Anthony Giddens' structuration theory, complemented by the concepts of child agency and ethical symmetry from the sociology of childhood. The findings reveal that schoolchildren construct an "ambivalent norm of conditional acceptance": they acknowledge AI as a useful tool for structuring knowledge and reducing anxiety yet constrain its use in order to preserve cognitive autonomy and academic integrity. The study identifies spontaneously emerging informal rules for distinguishing between "help" and "cheating," as well as strategies for concealing the use of neural networks from teachers. An analysis of supplementary education programers reveals the dominance of technical tracks over ethically reflective components. Overcoming the spontaneity of schoolchildren's AI use and the broader sociotechnical gap in education is seen to require the creation of spaces of ethical symmetry between adults and children, with a focus on developing AI meta-literacy.
Keywords: *artificial intelligence in education, ambivalence of perception, teacher role, academic integrity, AI literacy*

The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 26-18-00812, https://rscf.ru/project/26-18-00812/

For citation: Zubova O. G., Filipova A. G., Khusnutdinova M. R. Ambivalence in Schoolchildren's Perceptions of Artificial Intelligence Technologies AI // Oikumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 132–143. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/132-143

© Зубова О. Г., Филипова А. Г., Хуснутдинова М. Р., 2026

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) постепенно становится неотъемлемой частью повседневной жизни детей и подростков. Школьники используют голосовых помощников, чат-боты, генеративные модели и рекомендательные алгоритмы в учебе, общении и досуге. В этих условиях изучение восприятия школьниками искусственного интеллекта приобретает особую значимость для понимания трансформаций образовательного процесса, форм цифровой социализации в школе, новых отношений между учителем и учеником, опосредованных технологиями ИИ и цифровизацией в целом.

Одновременно ИИ становится частью официальной школьной политики: так, с 1 сентября 2026 г. в рамках углублённого курса информатики вводится профиль «Искусственный интеллект», а ИИ-сервисы постепенно интегрируются в учебные материалы, олимпиады и цифровую инфраструктуру образования **[14]**.

В такой ситуации игнорирование субъективных представлений школьников об ИИ, их стратегий использования и этических вопросов приводит к тому, что институциональные реформы опережают рефлексивное и критическое осмысление технологий самими обучающимися, что может вызывать как сопротивление, так и некритичное, инструментальное принятие ИИ в учебном процессе.

Современная социология детства настаивает на признании ребенка не объектом социализации, а полноценным социальным агентом, способным к моральной рефлексии и совместному конструированию норм **[13]**. Применительно к ИИ это означает, что школьники не просто «используют» технологии, а активно участвуют в формировании неформальных правил, проводят границы между допустимым и недопустимым и выражают тревогу по поводу когнитивной зависимости и потери автономии.

Ключевым условием в реализации агентности ребёнка является формирование пространства «этической симметрии» между взрослыми и детьми, в ходе которой формируются взаимное уважение позиций всех участников, признание различных форм компетентности, открытость к пересмотру норм и правил **[12]**.

Систематические зарубежные обзоры по ИИ-грамотности в школьном образовании **[17; 21; 22]** показывают, что учащиеся рассматриваются прежде всего как целевая группа для формирования компетенций, необходимых для ответственного взаимодействия с ИИ, цифрового гражданства и будущей профессиональной жизни. Однако в большинстве инициатив почти не учитываются собственные представления школьников, особенно там, где пересекаются повседневная учебная практика, академическая честность и цифровая этика **[17]**. Даже успешные эксперименты показывают, что краткосрочное обучение помогает лишь осознать ограничения ИИ, но не обеспечивает устойчивой способности к критической оценке выводов. Более того, восприятие ИИ сильно зависит от педагогической коммуникации. Доверие к технологии сохраняется лишь при условии, что учитель демонстрирует ясность объяснений, поддержку и заботу **[18]**.

В российском обществе школьники также стали массовыми пользователями технологий генеративного искусственного интеллекта (ГИИ). По данным исследования Лаборатории Касперского в 2026 г., 71% подростков 12–17 лет регулярно используют нейросети, в основном для учебы (77%) и поиска информации (62%). При этом более половины (53%) полностью перекладывают на ИИ выполнение домашних заданий, а 7% прибегают к нему даже на уроках. За год число пользователей выросло почти втрое, так как в 2025 г. нейросети использовали лишь 26% школьников старше 10 лет **[8]**.

Этот рост происходит на фоне поколенческого разрыва. Результаты опроса ВЦИОМ показали, что 46% родителей категорически запрещают детям применять ИИ в учебе. В общественной дискуссии наряду с надеждами на снижение образовательного неравенства и поддержку детей с ОВЗ широко распространены опасения: 36% россиян отмечают риск снижения умственной нагрузки и деградации когнитивных навыков, 31% – отсутствие «живого» общения, 27% – снижение мотивации к обучению и рост лени, 26% – риск плагиата и списывания, 25% – ухудшение критического мышления **[1]**.

Российские школьники в целом положительно относятся к ИИ как к помощнику или продвинутому поисковику, признавая экономию времени, при этом опасаются ошибок автоматической проверки и потери самостоятельности. Интерес к систематическому обучению работе с ИИ остаётся низким **[3; 4; 10]**.

Описанные исследования демонстрируют амбивалентность общественного мнения, балансирующего между запретительными мерами и бесконтрольным использованием ИИ. Всё это актуализирует важность изучения мнения самих школьников как активных субъектов происходящих изменений (наряду с учителями и родителями).

В данной статье амбивалентность понимается не как простая сумма положительных и отрицательных оценок, а как устойчивое структурное напряжение между двумя одновременно действующими интерпретациями. На основе данных современных исследований **[11]**, показывающих, что отношение к ИИ в образовательной среде носит не только инструментальный, но и нормативно-этический характер, мы выделяем два аналитических измерения: инструментально-прагматическое, при котором ИИ оценивается по критериям эффективности, доступности и экономии усилий, и нормативно-этическое, когда та же технология подвергается оценке с позиций академической честности, когнитивной автономии и долгосрочных последствий для интеллектуального развития.

Ключевой аналитический вопрос состоит в том, как школьники управляют одновременным присутствием в их восприятии обеих рамок интерпретации, какие условия допустимости конструируют и как эти условия соотносятся с институциональными правилами образовательной системы.

Целью статьи является выявление структуры амбивалентного восприятия генеративного ИИ школьниками как одновременного сосуществования инструментально-прагматической и нормативно-этической рамок оценки, а также изучение того, как эта амбивалентность воспроизводится в условиях институциональной неопределенности (при отсутствии единых школьных регламентов).

Методология

В качестве основных методов сбора данных применяются фокус-группы и парсинг сайтов дополнительного образования. Были проведены две онлайн-фокус-группы с учащимися 8–10-х классов общеобразовательных школ в возрасте 14–17 лет. Отбор респондентов осуществлялся целенаправленно по критериям возраста, уровня обучения, пола и территориальной принадлежности. В исследовании приняли участие 19 школьников, в том числе 9 мальчиков и 10 девочек. Группы были сформированы в смешанном территориальном составе: первая включала 7 участников из г. Новосибирска, вторая – 5 школьников из г. Санкт-Петербурга и 7 из г. Владивостока. В данных городах наблюдается активное использование ИИ-технологий в школах, университетах и учреждениях дополнительного образования. Рекрутирование осуществлялось через партнёрские школы, включение несовершеннолетних участников проводилось при наличии информированного согласия родителей. Дискуссия продолжалась 1,5–2 часа и проходила по заранее разработанному гайду. Все данные были кодированы, выделено 5 основных тем: амбивалентность восприятия, ИИ-компетенции, этическая дилемма, поколенческий разрыв, образ школы будущего.

С целью реконструкции институционального контекста, в котором разворачиваются повседневные практики школьников, был проведен анализ программ дополнительного образования в сфере ИИ на трёх региональных платформах: федеральной системы ПФДО **[5]**, портала дополнительного образования г. Санкт-Петербурга **[7]** и образовательного навигатора Новосибирской области **[6]**. Поиск образовательных программ осуществлялся по ключевым запросам «ИИ» и «нейросет*». В итоговом датасете присутствуют характеристики программ, а именно: название; возраст участников; учреждение, реализующее программу; описание программы. Обработка и анализ данных выполнялись в среде Python с использованием стандартных пакетов: pandas, NumPy, matplotlib, plotly.

Основной аналитической рамкой выступает теория структурации Э. Гидденса **[19]**, интерпретируемая применительно к школьному контексту. В этой перспективе ИИ рассматривается как ресурс и одновременно ограничение, включенное в процесс взаимного конституирования структуры (правила, нормы академической честности, роли учителя и ученика) и действия (повседневные практики использования нейросетей). Дуальность структуры проявляется в том, что школьники, применяя ИИ в рамках существующих правил, одновременно воспроизводят и трансформируют эти правила. Они определяют неформальные границы допустимого, вырабатывают стратегии легитимации или сокрытия, пересматривают представление о самостоятельной работе. Концепты агентности ребёнка и этической симметрии из социологии детства **[12; 13]** позволяют рассматривать школьников как рефлексивных субъектов, способных к моральному суждению и совместному конструированию норм.

Результаты и дискуссия

Неформальные границы допустимого и стратегии легитимации ИИ школьниками. Согласно данным проведенных фокус-групп, большинство школьников определяют роль ИИ в современной образовательной системе позитивно, используя метафоры помощника, наставника, причем не только для учеников, но и для учителей. ИИ воспринимается как быстрый, доступный и эффективный инструмент, открывающий новые возможности для обучения, развития и освобождения от рутинных задач.

Актуализировались функции ИИ, связанные с бесплатным репетиторством для объяснения сложных тем, составлением планов и поиском информации. Важна роль ИИ как компаньона и психолога, что подчёркивает потенциал технологии в качестве поддержки подростков, в том числе и в сложных жизненных ситуациях, поисках себя, профессиональном самоопределении («*мне подруга написала – с нейронкой пообщалась лучше, чем со своими родителями, реально помогло*» муж., 14 лет, г. Владивосток).

Базовая установка на «помощь» вступает в противоречие с осознанием рисков, что формирует ключевую амбивалентность. Главный страх – снижение способности к самостоятельному мышлению, особенно у младших школьников, уже социализирующихся в эпоху доминирования ИИ-технологий. Как отмечает один из респондентов: «*для младшего поколения это не очень хорошо, потому что они не знают, как пользоваться своим мозгом... изначально учась этим инструментом неправильно, они получают в итоге не очень хорошие процессы образования*» (жен., 16 лет, г. Новосибирск).

Также отмечается образующаяся зависимость от ИИ, что приводит к потере критического восприятия и снижению интеллектуальной и творческой активности: «*для техники прогресс, для мозга регресс, с точки зрения образования у нас может наблюдаться тренд на деградацию*» (муж., 15 лет, г. Владивосток); «*я очень боюсь того, что люди могут сами ничего не делать и только нейросетью пользоваться*» (жен., 14 лет, г. Новосибирск).

Школьники признают удобство нейросетей, но при этом подчеркивают риск лени, зависимости и утраты самостоятельности. Подобное напряжение снимается через выработку условий допустимости: ИИ хорош, если он помогает понять тему, и плох, если подменяет мышление.

Дилемма «помощь или списывание» является центральной, школьники проводят четкую, хоть и субъективную грань: «списывание» – это бездумное копирование без понимания, «помощь» – это когда ученик понимает материал и использует ИИ для структурирования, проверки или поиска информации, оставаясь ведущим в процессе. Школьник из г. Владивостока отмечает, что есть два подхода: «*либо ты просто полностью полагаешься на ИИ, он за тебя делает домашки, как раньше списывание готовых заданий, или, когда понимаешь, но просто не уверен, правильно ты решил или нет, тогда это помощь*»; учащийся из г. Санкт-Петербурга дополняет, что «*правильное использование ИИ предполагает изначальный уровень определенных знаний, тогда только можно критически проверить информацию*».

Несмотря на широкое использование, навыки работы школьников с ИИ формируются стихийно («*методом проб и ошибок*»). В школах отсутствует системное обучение, а реакция учителей варьируется от жёсткого запрета до

нейтралитета, что усиливает амбивалентность восприятия и оставляет учеников один на один с этическими и практическими дилеммами.

Интересный феномен, выявленный в фокус-группах, – это парадокс, когда подготовка к сдаче работы, сделанной с помощью ИИ, требует больших усилий, чем выполнение этой работы с нуля. В этом контексте ИИ выступает не как способ избежать работы, а как мотиватор для более глубокого изучения темы («*я очень много раз прочитываю материал, перепроверю снова, чтобы если возникнут какие-то вопросы, смог на все ответить*» муж., 14 лет, г. Владивосток).

ИИ оказывается полезным для части участников именно как инструмент поддержки, а не как замена самостоятельной работы. Самоэффективность в этой логике связана не просто с наличием навыков, а с убежденностью субъекта в собственной способности справиться с задачей; поэтому школьники высоко оценивают ИИ в ситуации помощи в уточнении решения, структурирования материала или снижения тревоги перед сложным заданием.

Доверие к ИИ у школьников носит условный и прагматичный характер, который можно свести к формуле «*доверяй, но проверяй*». Оно не дается априори, а выстраивается на основе личного опыта, верификации информации из нескольких источников и предметного контекста.

Школьники сталкивались с неточностями и понимают природу ошибок ИИ, связывая их с неправильным запросом или особенностями самого инструмента. «*Бывает, я просто неправильно задавала вопрос. ... то есть нужно уметь правильно задавать вопрос нейросети, чтобы она выдала правильный ответ*» (жен., 16 лет, г. Санкт-Петербург).

ИИ не просто «внедряется» в уже готовую школу, а постепенно перестраивает повседневные формы учебного взаимодействия, выступает частью процесса взаимного конституирования структуры и действия. Ученики используют нейросети в рамках существующих правил, но тем самым формируют новые нормы допустимого поведения, стратегии подготовки и представления о том, что считается самостоятельной работой.

Ученики как агенты в контексте современной школы создают и новые неформальные правила. Они дифференцируют предметы и учителей: ИИ легитимен для «неважных» предметов и для рутинной работы, но не для тех дисциплин, где требуется их личная вовлечённость.

Учащиеся используют знание о цифровой некомпетентности некоторых учителей как ресурс для сокрытия своих действий: «*если ты покажешь учителю старой закалки презентацию, сделанную ИИ, он, скорее всего, не заметит разницы*» (муж., 14 лет, г. Новосибирск). Восприятие учителя как неспособного идентифицировать ИИ и его негативная реакция формируют позицию «скрытого сопротивления» и дуализма структуры, где правила одновременно ограничивают и наделяют полномочиями. Ученики не просто их нарушают, а активно участвуют в их пересмотре.

Амбивалентность восприятия ИИ школьниками связана с сосуществованием инструментальной рациональности и нормативно-этической настороженности. Школьники выступают не за абсолютный запрет или полное бесконтрольное одобрение, а за легитимацию ИИ, но с определёнными ограничениями. Участники фактически проводят границу между допустимым использованием и злоупотреблением, стремясь согласовать пользу технологии с этическими нормами и академической честностью.

Итак, демонстрируется амбивалентная норма условного принятия, когда ИИ признается полезным инструментом, но его использование ограничено, контролируемо и связано с сохранением ведущей роли учителя и собственной умственной активности школьника. Реакция учителя выступает важной субъективной нормой, влияющей на готовность школьников использовать ИИ.

Образ будущего: нарративы и сценарии развития школы с ИИ. В отличие от учителей, для современных школьников генеративный искусственный интеллект в образовании – это уже сложившаяся повседневность. Новая парадигма образования развивается в направлении использования инструментов и технологий ИИ, но без потери значимости и ведущей роли учителя, с новыми стандартами обучения, контроля знаний, этических норм регулирования **[2]**.

Участники фокус-групп считают, что даже в среднесрочной перспективе школа не останется без учителей, просто поменяется их роль. Учитель и ИИ придут в состояние гармоничного партнерства, а не замещения одного другим. ИИ можно будет делегировать всю рутинную работу, он станет эффективным наставником и помощником, в том числе и в построении индивидуальных траекторий обучения для качественного усвоения материала: «*проще будет осваивать темы, так как искусственный интеллект будет объяснять совершенно по-другому*» (жен., 14 лет, г. Новосибирск). Поэтому главный вызов будущего – это конструирование новой образовательной модели, в которую уже встроен ИИ, прошедший эволюцию от нововведения до повседневного инструмента: «*ИИ станет обыденностью, как интернет*» (муж., 15 лет, г. Владивосток).

Вопрос о том, станет ли переход к новой модели с ИИ прогрессивным или регрессивным для образования, школьники связывают с тем, удастся ли преодолеть ключевые риски. В исследовании Центра универсального образования показано, что сегодня потенциальный вред от внедрения ИИ нередко перевешивает выгоды: речь идёт о когнитивных рисках (зависимость, нарушения развития мышления), социальных (подрыв доверия между детьми и взрослыми, ухудшение эмоционального благополучия), угрозах безопасности и приватности, а также о новых формах неравенства, связанных с разным доступом к технологиям и уровнем ИИ-грамотности **[15]**.

Школьники выделяют следующие проблемы настоящего, влияющие на дальнейший сценарий развития ИИ в образовании: скрытое использование ИИ при отсутствии легальной регламентации, несформированной или запрещающей позиции учителей, а также возникающей зависимости и потери самостоятельности. Отсутствие единой политики приводит к субъективности, когда всё зависит от личности учителя, что создаёт неравные условия для учеников и усиливает неопределённость.

Анализ высказываний участников фокус-групп позволил выделить два нарратива: дистопический («*для техники прогресс, для мозга регресс*») и обыденный («*ИИ как новый Google*»). Школьники понимают, что технологический прогресс не синонимичен человеческому развитию, возможен регресс когнитивных способностей. Технологический контроль не решает проблему мотивации: ученики будут игнорировать любую систему, если не видят в ней смысла: *«...если у нас есть родители... дети игнорируют их, то у них какая-то программа пойдет в игнор ещё сильнее»* (жен., 16 лет, г. Новосибирск). Особенность этого нарратива в том, что он демонстрирует рефлексивную компетентность. Участники не просто констатируют риски, но предлагают механизмы их преодоления («*нужно обучать правильному использованию*», «*нужно тренировать мозг*»). Это указывает на то, что дистопическое воображение не ведёт к пассивному фатализму, а, напротив, стимулирует поиск решений.

Нарратив «обыденности» описывает ИИ как технологию, которая станет привычной и перестанет привлекать внимание: «*...как 20 лет назад вводился Google... ИИ будет чем-то обыденным*» (жен., 15 лет, г. Новосибирск). Этот нарратив, как попытка лишить ИИ-технологию её устрашающего или чрезмерно оптимистического ореола, отражает интуитивное понимание того, что большинство технологических революций в итоге становятся рутиной.

На основе анализа конкурирующих нарративов можно выделить три основных сценария развития образования в контексте ИИ. Утопический (в описанных нарративах воспринимался скорее с иронией, что *«будущее за роботами»*) связан с полной автоматизацией, стандартизацией учебного процесса, когда ИИ берёт на себя функции учителя (объяснение, оценка, планирование) и воспринимается как безусловное благо. При этом игнорируются человеческая уникальность и разнообразие, не учитываются возможности ошибок и «галлюцинаций» ИИ, усиливается цифровое неравенство. Реалистический сценарий связан с сохранением человеческого контроля над процессом обучения, когда ИИ дополняет, а не замещает учителя. Для его реализации требуется высокий уровень цифровой грамотности всех участников, необходимость четкой регламентации и нормативно-правового регулирования, механизмов устранения конфликтов между формальными правилами и реальными практиками. Именно направляемый процесс обучения всех участников способствует развитию такого сценария. Антиутопический сценарий (основан

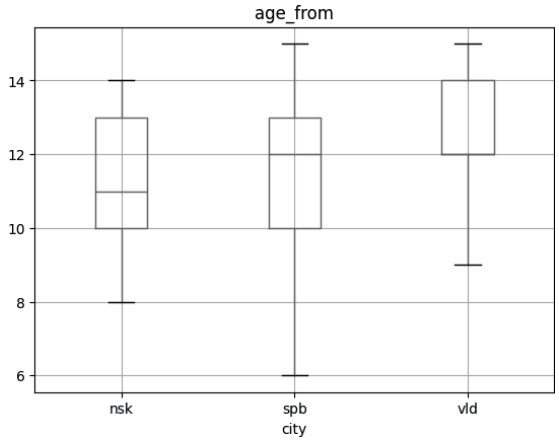

Рис. 1. Распределение возраста участников программ ДО (нижняя граница)

Источник: составлено авторами на основе **[5–7]**.

Fig. 1. Age distribution of supplementary education program participants (lower bound)

Source: compiled by the authors based on **[5–7]**.

на актуализации возможных рисков; при их устранении он будет преодолён) связан с потерей критического мышления и автономии, необратимой деградацией человеческого интеллекта, технологической зависимостью и утратой смысла образования как процесса становления личности.

Итак, будущее школы описывается амбивалентно: признается необратимость внедрения ИИ, и одновременно эта технология интерпретируется как прогрессивная и рисковая. Оптимальное будущее школы, по мнению участников, в том, что учитель и ИИ находятся в отношении дополнения, а не замещения; действуют принципы этической симметрии.

Институциональный контекст: региональные программы дополнительного ИИ-образования. Анализ фокус-групп показывает, что у школьников развиты лишь отдельные, преимущественно инструментальные компоненты ИИ-грамотности. Учащиеся осознают проблему недостоверности информации, но их методы проверки разрознены и интуитивны, а не методичны: «*можно примерно на первый взгляд определить, имеет ли информация смысл*» (муж., 14 лет, г. Владивосток). Ученики рефлексируют над этическими дилеммами, но их моральные суждения часто основаны на прагматизме («поймают/не поймают», «для какого учителя»), а не на универсальных принципах академической честности. ИИ используется для решения конкретной учебной задачи (найти конспект, решить пример) без видения, как это может изменить сам подход к обучению.

Цифровые компетенции необходимы, чтобы безопасно и эффективно работать с любыми цифровыми технологиями; сюда входят технические умения, информационная грамотность и коммуникативные навыки **[15]**. ИИ-грамотность добавляет специфический набор навыков для работы именно с интеллектуальными системами, а более осознанный уровень взаимодействия с технологией связан с формированием метаграмотности, позволяющей осознанно интегрировать ИИ в собственный познавательный процесс **[9; 16]**.

В ходе парсинга сайтов организаций, реализующих программы дополнительного образования в области искусственного интеллекта, были получены данные о территориальном и институциональном распределении таких инициатив.

Наибольшее количество программ сосредоточено в Санкт-Петербурге (98 единиц), затем следуют города Новосибирской области (17), г. Владивосток (12), г. Новосибирск (9) и другие города Приморского края (6). Это показывает, что ИИ-ориентированное дополнительное образование в текущей выборке имеет явно выраженную концентрацию в крупных урбанизированных центрах и регионах с развитой цифровой инфраструктурой, тогда как в малых городах и сельских территориях подобные программы представлены существенно слабее.

Была проведена перекодировка типов организаций, реализующих программы в области ИИ, что позволило выделить основные институциональные форматы. Наиболее многочисленную группу составляют школы (78 организаций), что свидетельствует о постепенной интеграции ИИ-курсов в школьное пространство, в том числе за счёт кружков, факультативов и профильных направлений. Второе место занимают организации дополнительного образования (39) – центры, технопарки, кружки и прочие структуры, работающие в логике внеурочной и внешкольной активности.

На *рисунках 1* и *2* представлено распределение минимального и максимального возраста участия по трём городам: Новосибирску (nsk), Санкт-Петербургу (spb) и Владивостоку (vld).

Для минимального возраста включения в программы ДО во всех трех городах медианы составляют 11–12 лет. Нижние границы (минимальные значения) составляют 8 лет для г. Новосибирска, 6 лет – для г. Санкт-Петербурга и 9 лет – для г. Владивостока; верхние значения доходят до 14–15 лет во всех трёх городах.

Медианы максимального возраста участия для всех городов смещаются к старшему подростковому возрасту – 16–17 лет. Верхние значения доходят до 18 лет в г. Новосибирске и г. Владивостоке и до 22 лет – в г. Санкт-Петербурге.

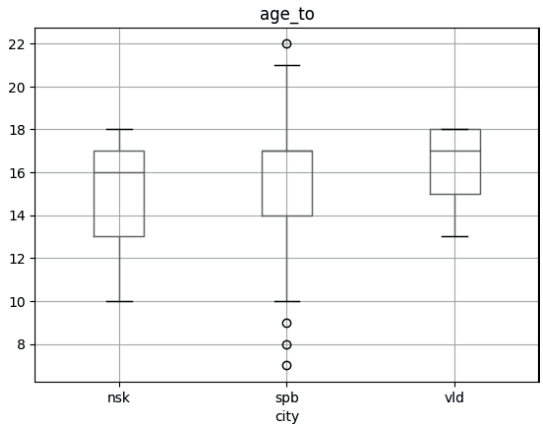

Рис. 2. Распределение возраста участников программ ДО (верхняя граница)

Источник: составлено авторами на основе **[5–7]**.

Fig. 2. Age distribution of supplementary education program participants (upper bound)

Source: compiled by the authors based on **[5–7]**.

Таким образом, большинство программ ориентировано на учащихся от раннего до старшего подросткового возраста, при этом г. Санкт-Петербург демонстрирует самый широкий диапазон как стартовых, так и максимальных возрастов, а г. Владивосток – более высокие верхние пороги участия.

Очищенные от «мусорных» слов и нормализованные краткие описания программ были преобразованы в векторное представление с помощью TF-IDF, где для каждого слова и биграммы рассчитывалась взвешенная частота, отражающая его важность в конкретном тексте относительно всего корпуса.

Косинусное сходство между векторными представлениями программ в городах показало наибольшую близость содержательных профилей г. Новосибирска и г. Санкт-Петербурга (0,69), тогда как у г. Владивостока с г. Новосибирском косинусное сходство составило 0,51, с г. Санкт-Петербургом – 0,60.

Далее был применен алгоритм k-means при k = 6»; привести значения silhouette score для проверенных k и диапазон перебора и при этом сохраняющим интерпретируемость кластеров в терминах содержания программ. Количественное распределение программ по кластерам приведено на *рисунке 3*: кластер 0 – акцент на критическом осмыслении ИИ, работе с текстами и медиапроектами; кластер 1 – ИИ встроен в инженерный и робототехнический контекст, включая траектории для будущих педагогов; кластер 2 – связка ИИ, анализа данных, Python и цифровой экономики; кластер 3 – создание музыки, графики, игр и проектов с использованием нейросетей; кластер 4 – технические курсы, ориентированные на написание кода, нейронные сети и работу с данными; кластер 5 – курсы по базовой ИИ-грамотности и применению ИИ / анализа данных в практических задачах.

На *рисунке 4* представлена Sankey-диаграмма, отображающая нормированные доли программ по кластерам для трёх регионов. Ширина потоков пропорциональна числу программ; nsk — Новосибирск, spb — Санкт-Петербург, vld — Владивосток. В Новосибирске основной поток идёт в технические кластеры 2 и 4, что отражает ориентацию на data science и программирование. Санкт-Петербург демонстрирует более сбалансированный профиль: заметны доли как технических кластеров (2, 4), так и критико-медийных и базовых (0, 5). Владивосток выделяется преобладанием творческих и прикладных направлений (кластеры 3 и 5) при относительно меньшей доле строго технических курсов, что подчёркивает межрегиональные различия в содержательном профиле ИИ образования.

В целом данные указывают на то, что ИИ-образование для детей и подростков в текущей выборке программ преимущественно институционали-

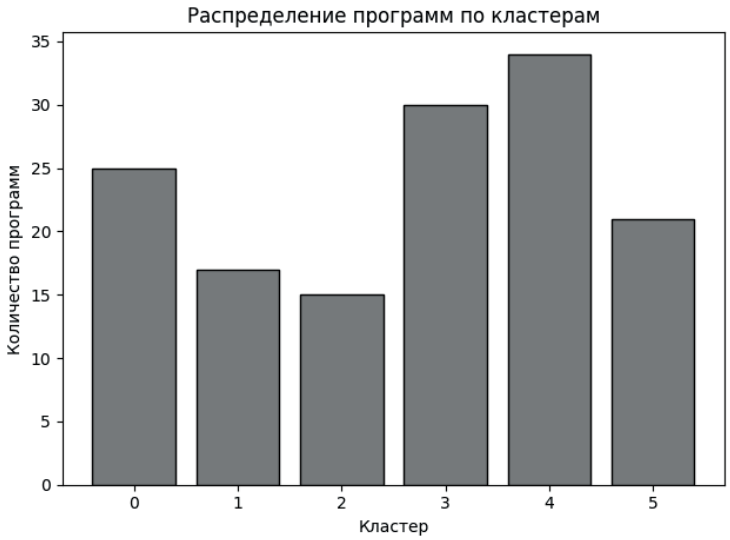

Рис. 3. Распределение программ ДО по кластерам
Источник: составлено авторами на основе **[5–7]**.
Fig. 3. Distribution of supplementary education programs by cluster
Source: compiled by the authors based on **[5–7]**.

зируется в школе и системе дополнительного образования. Акцент делается на программы технического профиля. Дополнительное образование в сфере ИИ-грамотности имеет региональные особенности (возраст участия, содержание программ), последние в современных реалиях часто нивелируются онлайн-курсами и сервисами.

Заключение

Современная школа находится в точке социотехнического разрыва, когда институциональные рамки (правила, учебные планы, стандарты) не поспевают за технологическими инновациями. Лакуны заполняют несистематизированные самостоятельные практики учеников. Наблюдается разрыв между техническими и рефлексивными навыками: школьники обладают высокими техническими навыками использования ИИ-инструментов, но демонстрируют недостаточный уровень критической оценки информации и осознания рисков, особенно в области безопасности и конфиденциальности.

Учитель остаётся ключевой фигурой. От его позиции и гибкости зависит, станет ли ИИ «помощником» или «врагом». Учителя, которые готовы к диалогу и обучают рефлексивному использованию, формируют у детей системное и критическое мышление. Педагоги с запретительной позицией лишь стимулируют скрытое и нерефлексивное обращение с ИИ.

На основе реализованного исследования можно говорить о том, что амбивалентность восприятия ИИ школьниками не является признаком когнитивной незрелости или непоследовательности. Это структурно обусловленная позиция школьников как агентов, находящихся в ситуации, когда институциональные правила (школьные регламенты, позиция учителя) не поспевают за технологическими изменениями, и вынужденных самостоятельно конструировать границы допустимого. Выявлена амбивалентная норма условного принятия: ИИ полезен, но при сохранении когнитивной автономии и ведущей роли учителя. Это указывает на неформальный нормативный порядок, стихийно формируемый самими учащимися.

Институциональную неопределённость в школе в сфере применения ИИ-инструментов частично компенсируют программы дополнительного образования. Анализ данных программ (в городах г. Санкт-Петербург, г. Новосибирск, г. Владивосток) показывает, что восприятие ИИ и доступ к нему неравномерны. Если в школьных практиках преобладает стихийное исполь-

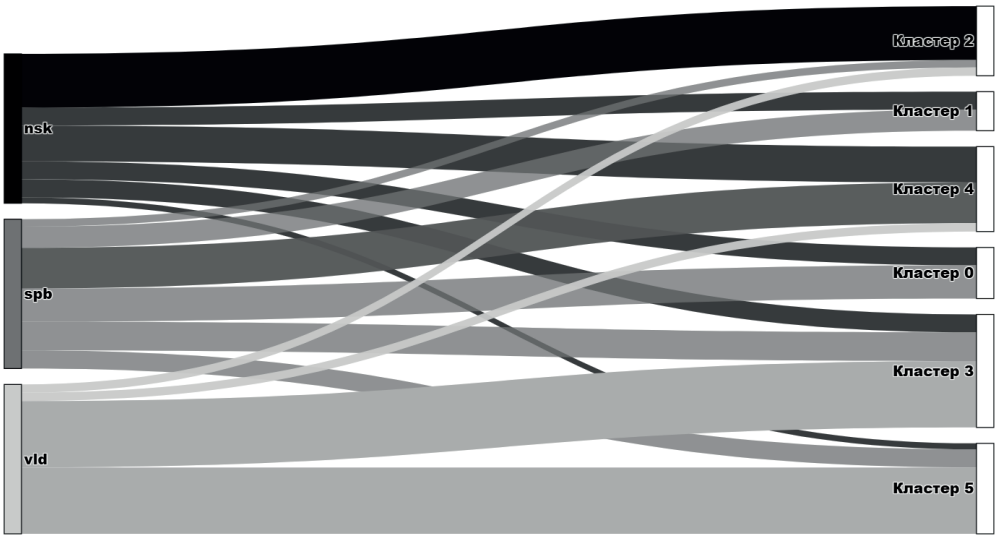

Рис. 4. Распределение программ по шести содержательным кластерам (г. Новосибирск, г. Санкт-Петербург, г. Владивосток)

Источник: составлено авторами на основе **[5–7]**.

Fig. 4. Distribution of programs across six content clusters (Novosibirsk, St. Petersburg, Vladivostok)

Source: compiled by the authors based on **[5–7]**.

зование, то системы дополнительного образования предлагают преимущественно технические, а не этико-рефлексивные треки обучения, концентрируясь в крупных урбанизированных центрах. При этом у самих школьников отмечается запрос на этическую составляющую. Это создаёт разрыв между инструментальной ИИ-грамотностью и метаграмотностью (способностью осознанно интегрировать ИИ в собственный познавательный процесс и оценивать последствия его применения).

Обнаружены межрегиональные различия в профилях программ ИИ-образования: технический уклон в г. Новосибирске, сбалансированный медийно-технический подход в г. Санкт-Петербурге и творческо-прикладной фокус в г. Владивостоке.

Перспективным решением в преодолении институциональной неопределённости может стать формирование пространства этической симметрии в образовании, предполагающего совместное обсуждение правил использования ИИ учителями, учениками и родителями. В этих условиях трансформируется роль педагога – из транслятора знаний он становится наставником по критической работе с информацией. Необходимым условием этого процесса является интеграция этико-рефлексивного компонента в программы ИИ-образования на всех уровнях.

Литература / References

1. Искусственный интеллект в школе: добро или зло? // ВЦИОМ. Аналитический обзор. 2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-v-shkole-dobro-ili-zlo (дата обращения: 14.07.2026).
   Artificial Intelligence in School: Boon or Bane? Analytical Review. 2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-v-shkole-dobro-ili-zlo (accessed 14.07.2026). (In Russ.)
2. Константинова Л. В., Ворожихин В. В., Петров А. М., Титова Е. С., Штыхно Д. А. Генеративный искусственный интеллект в образовании: дискуссии и прогнозы. *Открытое образование*. 2023. Т. 27, № 2. С. 36–48. https://doi.org/10.21686/1818-4243-2023-2-36-48
   Konstantinova L.V., Vorozhihin V.V., Petrov A.M., Titova E.S., Shtykhno D.A. Generative artificial intelligence in education: discussions and forecasts. *Open education*. 2023. Vol. 27, No. 2. P. 36–48. https://doi.org/10.21686/1818-4243-2023-2-36-48 (In Russ.)

3. Костина Л. М., Николаева А. В., Швецова Н. В. Представления обучающихся об искусственном интеллекте при организации персонализированного образования. *Психология образования в поликультурном пространстве*. 2024. № 4 (68). С. 63–71
https://doi.org/10.24888/2073-8439-2024-68-4-63-71
Kostina L. M., Nikolaeva A. V., Shvetsova N. V. Students' perceptions of artificial intelligence in personalized education. *Psychology of Education in a Multicultural Space*. 2024. No. 4 (68). P. 63–71. https://doi.org/10.24888/2073-8439-2024-68-4-63-71 (In Russ.)
4. Костина Л. М., Швецова Н. В. Отношение к искусственному интеллекту учащихся основной и средней школы. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2024. № 213. С. 192–201. https://doi.org/10.33910/1992-6464-2024-213-192-201
Kostina L. M., Shvetsova N. V. Attitudes toward artificial intelligence among secondary school students // Proceedings of Herzen Russian State Pedagogical University. 2024. No. 213. P. 192–201. https://doi.org/10.33910/1992-6464-2024-213-192-201 (In Russ.)
5. Навигатор в мире дополнительного образования Приморского края. URL: https://25.pfdo.ru/app/the-navigator/navigator (дата обращения: 14.07.2026)
Navigator in the world of supplementary education in Primorsky Krai. URL: https://25.pfdo.ru/app/the-navigator/navigator (accessed 14.07.2026) (In Russ.)
6. Навигатор дополнительного образования Новосибирской области URL: https://navigator.edu54.ru
Navigator of Continuing Education in Novosibirsk Oblast. URL: https://navigator.edu54.ru
7. Навигатор дополнительного образования Санкт-Петербург. URL: https://dopobr.petersburgedu.ru
Navigator of Continuing Education in St. Petersburg. URL: https://dopobr.petersburgedu.ru
8. Опрос «Взрослые и дети в интернете» среди родителей и детей в возрасте от 6 до 17 лет (1157 человек) // Лаборатория Касперского. 2026. URL: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/kazhdyj-tretij-shkolnik-schitaet-snizhenie-nagruzki-preimushestvom-ispolzovaniya-ii-dlya-ucheby (дата обращения: 14.07.2026)
Survey "Adults and Children Online" among Parents and Children Aged 6–17 (1157 respondents) // Kaspersky Lab. 2026. URL: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/kazhdyj-tretij-shkolnik-schitaet-snizhenie-nagruzki-preimushestvom-ispolzovaniya-ii-dlya-ucheby (accessed 14.07.2026). (In Russ.)
9. Смышляева О. В., Груздева М. Л. Определение понятий грамотности и компетенций в области искусственного интеллекта в контексте педагогического образования. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования*. 2025. Т. 22, № 3. С. 371–381. http://doi.org/10.22363/2312-8631-2025-22-3-371-381
Smyshlyaeva O. V., Gruzdeva M. L. Definition of the concepts of literacy and competencies in the field of artificial intelligence in the context of pedagogical education. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Informatization of education. 2025. Vol. 22, No. 3. P. 371–381
URL: http://doi.org/10.22363/2312-8631-2025-22-3-371-381 (In Russ.)
10. Ушкин С. Г., Коваль Е. А. Практики использования чат-ботов с искусственным интеллектом российскими подростками. *Социология науки и технологий*. 2024. Т. 15, № 4. С. 124–141.
https://doi.org/ 10.24412/2079-0910-2024-4-124-141.
Ushkin S. G., Koval E. A. Practices of using AI-powered chatbots among Russian adolescents. *Sociology of Science and Technology*. 2024. Vol. 15, No. 4. P. 124–141. (In Russ.)
https://doi.org/ 10.24412/2079-0910-2024-4-124-141
11. Филимонова И. В. Этическая сторона использования искусственного интеллекта в образовании. *Вестник евразийской науки*. 2024. Т. 16, № s1. URL: https://esj.today/PDF/64FAVN124.pdf
Filimonova I. V. The ethical dimension of artificial intelligence use in education. *Eurasian Science Bulletin*. 2024. Vol. 16, No. s1. URL: https://esj.today/PDF/64FAVN124.pdf (In Russ.)
12. Хуснутдинова М. Р., Филипова А. Г. Как школьники статьи писали: рефлексия о применении участвующей методологии. *Психолого-педагогические исследования.* 2025. Том 17, №2. С. 135–148. https://doi.org/10.17759/psyedu.2025170209
Khusnutdinova M. R., Filipova A. G. How schoolchildren wrote articles: reflection on the application of the participation methodology. *Psychological-Educational Studies*. 2025. Vol. 17, No. 2. P. 135–148. https://doi.org/10.17759/psyedu.2025170209 (In Russ.)
13. Хуснутдинова М. Р., Филипова А. Г. «Распаковка» агентности в школьном проекте: перспективы участвующего подхода. *Образование и саморазвитие*. 2024. Т. 19, № 20. С. 139–154.
https://doi.org/10.26907/esd.19.2.10
Khusnutdinova M.R., Filipova A.G. «Unpacking» agency in a school project: perspectives of a participatory approach. *Education and Self-Development*. 2024. Vol. 19, No. 2. P. 139–154.
https://doi.org/10.26907/esd.19.2.10 (In Russ.)
14. Школьники с 1 сентября начнут изучать профиль «Искусственный интеллект» URL: https://ria.ru/20260520/shkoly-2093432931.html (дата обращения: 16.07.2026)
Schoolchildren will begin studying the Artificial Intelligence profile starting September 1. URL: https://ria.ru/20260520/shkoly-2093432931.html (accessed 16.07.2026) (In Russ.)
15. AI competency framework for students/teachers UNESCO, 2024. https://unesco-asp.dk/wp-content/uploads/2025/02/AI-Competency-framework-for-teachers_UNESCO_2024.pdf

16. Burns M., Winthrop R., Luther N., Venetis E., Karim R. A new direction for students in an ai world: prosper, prepare, protect. Center for universal education, 2026. https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2026/01/a-new-direction-for-students-in-an-ai-world-full-report.pdf
17. Casal-Otero, L., Catala, A., Fernández-Morante, C. et al. AI literacy in K-12: a systematic literature review. *International Journal of STEM Education*. 2023. Vol. 10, № 29 https://doi.org/10.1186/s40594-023-00418-7
18. Derakhshan A., G. S. Lalli. A Phenomenological Study on the Role of Teacher Communication Behaviours in High School Students' Willingness to Attend AI-Enhanced Classrooms. *European Journal of Education*. 2025. Vol. 60, No. 4: https://doi.org/10.1111/ejed.70309.
19. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984. 402 p.
20. Miao F., Holmes W. Guidance for generative AI in education and research. UNESCO, 2023 URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000386693 (accessed 13.07.2026).
21. Zhang S., Ganapathy Prasad, P., Schroeder, N. L. Learning About AI: A Systematic Review of Reviews on AI Literacy. *Journal of Educational Computing Research* 2025. Vol. 63, № 5. P. 1292–1322. https://doi.org/10.1177/07356331251342081
22. Zhou X., Li, Y., Chai, C. S., & Chiu, T. K. F. Defining, enhancing, and assessing artificial intelligence literacy and competency in K-12 education from a systematic review. *Interactive Learning Environments*. 2025. Vol 33, № 10. P. 5766–5788. https://doi.org/10.1080/10494820.2025.2487538

◆

Информация об авторах

Оксана Геннадьевна Зубова, канд. полит. наук, старший научный сотрудник Лаборатории комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия; доцент кафедры современных технологий Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: zubovaoksana@bk.ru;

Александра Геннадьевна Филипова, д-р соц. наук, заведующая Лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия, e-mail: alexgen77@list.ru

Маргарита Рафаильевна Хуснутдинова, канд. соц. наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия, e-mail: penkovamargo@yahoo.com

Information about the authors

Oksana G. Zubova, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Laboratory for Comprehensive Childhood Studies, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia; Associate Professor, Department of Contemporary Technologies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: zubovaoksana@bk.ru

Aleksandra G. Filipova, Doctor of Sociology, Head of the Laboratory for Comprehensive Childhood Studies, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, e-mail: alexgen77@list.ru;

Margarita R. Khusnutdinova, Candidate of Sociology, Leading Researcher, Laboratory for Comprehensive Childhood Studies, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, e-mail: penkovamargo@yahoo.com

Поступила в редакцию 16.07.2026 Одобрена после рецензирования 16.08.2026 Принята к публикации 25.08.2026

Received 16.07.2026 Approved 16.08.2026 Accepted 25.08.2026

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 144–150.
Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 144–150.

Научная статья
УДК 327
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/144-150

Внешнеполитическая стратегия Турции в Центральной Азии

Арсен Майрамбекович Усенов
Кыргызско-Российский Славянский университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Бишкек, Кыргызстан, a.m.usenov@krsu.kg

Аннотация. Рассмтриваются особенности внешнеполитической стратегии Турции в отношении государств Центральной Азии. Обращено внимание на концепцию неоосманизма, которая занимает ключевое место в обосновании внешней политики и геополитики Турции, в частности, на такие её составные части, как пантюркизм и панисламизм. Особое внимание уделено современному этапу внешнеполитической стратегии Турции в Центральной Азии при Р. Т. Эрдогане. Показано, что, несмотря на сильные позиции в культурно-гуманитарной сфере в Центральной Азии, финансовые, экономические и военные возможности Турции недостаточны для конкуренции с глобальными акторами.
Ключевые слова: *Центральная Азия, Турция, геополитическая конкуренция, неоосманизм, пантюркизм, панисламизм, внешняя политика*
Для цитирования: Усенов А. М. Внешнеполитическая стратегия Турции в Центральной Азии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 144–150.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/144-150

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/144-150

Turkey's Foreign Policy Strategy in Central Asia

Arsen M. Usenov
Kyrgyz-Russian Slavic University named after the first President of the Russian Federation,
Bishkek, Kyrgyzstan, a.m.usenov@krsu.kg

Abstract. The article considers the peculiarity of Turkey's foreign policy strategy towards the Central Asian states. Attention is drawn to the concept of neo-Ottomanism, which occupies a key place in the justification of Turkey's foreign policy and geopolitics, in particular, to such components as pan-Turkism and pan-Islamism. Particular attention is paid to the current stage of Turkey's foreign policy strategy in Central Asia under R. T. Erdogan. It is shown that despite its strong positions in the cultural and humanitarian sphere in Central Asia, Turkey's financial, economic and military capabilities are insufficient to compete with global actors.
Keywords: *Central Asia, Turkey, geopolitical competition, neo-Ottomanism, pan-Turkism, pan-Islamism, foreign policy*
For citation: Usenov A. M. Turkey's Foreign Policy Strategy in Central Asia // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 144–150. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/144-150

Введение

Одним из ключевых направлений внешнеполитической стратегии Турции на сегодняшний день является Центральная Азия, которая попала в поле интересов Анкары ещё до официальной даты распада СССР. Турция в числе первых признала независимость республик Центральной Азии и за более чем тридцать лет сотрудничества смогла войти в число приоритетных партнёров большинства стран региона, переименование Тюркского совета в Организацию тюркских государств в 2021 г. ознаменовало начало нового институционального подхода Турции в сторону углубления и расширения интеграции со странами – действующими участниками организации и не только. В целях обоснования своего присутствия в Центральной Азии Турция изначально опирается на концепцию неоосманизма с выраженным акцентом на культурную и историческую общность тюркских народов (пантюркизм) в сочетании с панисламизмом.

Турция выступает одним из геополитических акторов региональной направленности в регионе и конкурирует с такими глобальными акторами, как Россия и Китай. Однако внешняя политика Анкары в Центральной Азии характеризуется периодическим ослаблением и активизацией подходов в зависимости от ситуации внутри страны и за её пределами. В отличие от Москвы и Пекина, Турция нередко прибегает к откровенно прямолинейным попыткам навязывания собственных интересов, будь то вопросы интеграции или же углубления культурно-гуманитарного сотрудничества. Так, стратеги-

© Усенов А. М., 2026

ческой целью первого этапа сотрудничества изначально было максимальное вовлечение Центральной Азии в поле влияния Турции, что было бы возможно при трансформации новых независимых государств согласно турецкой модели развития и, более того интеграции стран региона с Турцией. Однако эти инициативы на заре становления независимости государств региона были восприняты однозначно отрицательно, в связи с чем Турция долгое время придерживалась стратегии "мягкого" институционального вовлечения. Кардинальные изменения во внешней политике Турции в Центральной Азии связаны с деятельностью действующего президента Р. Т. Эрдогана, который, исходя из укрепления собственной власти в стране, изменил и стратегию в Центральной Азии на прагматичную с сочетанием "мягких" и "жёстких" способов воздействия.

Цель данной статьи – выявить ключевые особенности, сильные и слабые стороны стратегии Турции и определить соотношение проекта ОТГ с евразийскими проектами проектами по экономике и безопасности.

Теоретико-методологическая база исследования опирается на системный подход, учитывая всю сложность, взаимозависимость и взаимовлияние процессов в международных отношениях. Для рассмотрения эволюции внешней политики Турции в Центральной Азии и классификации этапов применен сравнительно-исторический метод.

Концепция неоосманизма в стратегии регионального и трансрегионального лидерства Турции

Концептуальную основу внешней политики современной Турции составляет неоосманизм, который предполагает возвращение былого величия государства времён Османской империи с учётом современных реалий, что говорит о необходимости включения в ареал влияния Турции не только бывших территорий Османской империи, но и новых регионов. Таким образом, претензии на лидерство Турции выходят далеко за границы окружающего региона, характеризуя их трансрегиональность.

Основу неоосманизма составляют четыре принципа: крови, османского мышления, почвы и языка. Принцип крови означает ориентацию, прежде всего, на тюркские народы. Принцип почвы связывает концепцию с османским прошлым, которое пропагандируют новые лидеры Турции. Обозначенные принципы, в свою очередь, являются идеологической базой для формирования нового османского мышления – надтурецкой идентичности за счёт применения средств экономического и культурно-гуманитарного воздействия, что должно привести (как считает турецкое руководство) к трансформации Турции в надрегионального лидера **[5, с. 33]**.

В концепцию неоосманизма эксплицитно включаются такие интегративные идеи, как пантюркизм и панисламизм. Пантюркизм предполагает включение в ареал влияния Турции тюркскх нароов и государств. По логике пантюркизма, наряду с тюркоязычными странами Центральной Азии в зону потенциального влияния Анкары подпадают и тюркоязычные территории Российской Федерации, Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) Китая и другие субъекты государств, населённые "тюрками". Панисламизм же ставит своей целью использование ислама как фактора сближения с мусульманскими странами и возвращение Турции роли центра мусульманской цивилизации, сопоставимой с ролью Османской империи. Принципы стратегии Турции в интерпретации одного из идеологов внешней политики Турции и бывшего премьер-министра Ахмета Давутоглу выглядят следующим образом: "неоосманизм + пантюркизм + ислам = Великая Турция" **[4]**.

В 2023 г. Р. Эрдоган в честь столетия Турецкой Республики объявил о начале "Века Турции". Глава государства обозначил, что "современная Турция является страной, которая помогает угнетенным не только в своем родном регионе, но и во всем мире, как и желал того основатель республики Гази Мустафа Кемаль Ататюрк". Внешнеполитическое ведомство Турции заявило о направлении внешней политики в "Век Турции" на "укрепление регионального мира и безопасности, расширение институционализации внешних отношений, активизацию экономического развития и процветания и на воздействие на преобразование глобальной системы". Таким образом, Анкара обозначила свою миротворческую, созидательную роль в регионах мира.

Новая "тюркская" стратегия Турции

Началом новой стратегии Турции в регионе следует считать период избрания Реджепа Тайипа Эрдогана президентом республики в 2014 г. с последующим расширением полномочий. На данном этапе происходит усиление пантюркизма и панисламизма в турецкой стратегии, расширение геоэкономических и интеграционных проектов Турции в регионе, что обрело более конкретные очертания с 2016 г. после неудавшейся попытки государственного переворота в Турции, которая стала катализатором изменения внутриполитического и внешнеполитического курса республики.

Эрдоган продолжил заложенные до него идейные принципы неоосманизма и пантюркизма, в то же время возродил исламскую концепцию, что подразумевало возрождение былой соборности народа Турции докемалистского периода, как и претензию на сплочение других мусульманских государств под эгидой Анкары. Символичным показателем акцентуализации панисламистского вектора является и преобразование музея Айя-София в мечеть в 2020 г. **[3]**.

На фоне имевшегося политического кризиса в Турции в 2016 г. и уголовного преследования организаций и лиц, которых Анкара воспринимает как сторонников оппозиционера Ф. Гюлена, Турция особо акцентирует внимание своих партнёров на необходимости совместной борьбы с "гюленистами", в том числе путём артикуляции данной повестки в странах Центральной Азии.

В свою очередь, смена правящего режима в Узбекистане с последующим изменением внешнеполитической парадигмы Ташкента в сторону нормализации отношений с внешним миром привела к желаемой для Турции активизации турецко-узбекских отношений, которые с середины 2000-х гг. находились в атмосфере взаимного недоверия. Это позволило Анкаре восстановить свой имидж в республике путём введения ускоренных механизмов экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества. Так, в 2017 г. состоялся первый за 20 лет государственный визит президента Узбекистана в Турцию, в ходе которого было подписано более 20 документов в сфере экономики, образования, культуры, здравоохранения, банкинга и военной промышленности **[9]**.

Благодаря восстановлению отношений с Узбекистаном, Турции удалось интенсифицировать региональную повестку сотрудничества с Центральной Азией. 15 октября 2019 г. на очередном саммите Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ) в Баку Узбекистан официально вступил в состав Совета. Таким образом, в данную организацию вошли уже 3 из 4 тюркоязычных государств региона. А 12 ноября 2021 г. на саммите Совета сотрудничества тюркоязычных государств в городе Стамбул Тюркский Совет был переименован в Организацию тюркских государств (ОТГ), а Туркменистан вступил в ОТГ в качестве наблюдателя **[8]**.

По итогам саммита ССТГ в Стамбуле в ноябре 2021 г. между членами совета был подписан стратегический документ "Видение тюркского мира – 2040". Он представляет собой дорожную карту по углублению сотрудничества между тюркоязычными государствами на ближайшие два десятилетия в приоритетных сферах, в частности в сфере безопасности, транспорта и таможни, информационно-коммуникационных технологий, энергетики, туризма, здравоохранения, окружающей среды, сельского хозяйства, культуры, образования и науки, молодёжи и спорта, работы с диаспорами и т. д. **[6]**. Это говорит о том, что в перспективе Турция ставит стратегическую задачу по полномасштабному вовлечению государств Центральной Азии в свою сферу внимания. На сегодняшний день стоит вопрос о включении Туркменистана в ОТГ в качестве полноценного участника организации, что продвигается с трудом, учитывая желание Туркменистана сохранять свой нейтралитет и негласное несогласие с доминированием Турции в реализации сотрудничества.

По итогам саммита ОТГ в Бишкеке в 2024 г. была принята хартия Тюркского мира – документ, направленный на развитие сотрудничества между тюркскими государствами, подготовленный на основе ранее принятых решений и документов (Нахичеванские соглашения, "Видение Тюркского мира – 2040"). На сайте Центра стратегических исследований тюркского мира Кыргызско-Турецкого университета "Манас" отмечается, что этот документ является важным шагом для сотрудничества между тюркскими народами во имя

будущего развития общего культурного наследия, общего алфавита и общего тюркского языка.

Современная внешнеполитическая стратегия Турции в Центральной Азии формируется на основе прагматичного курса с чередованием "мягких" и "жёстких" подходов. Так, в целях прикрытия деятельности, аффилированных с Гюленом образовательных учреждений, Турция прибегала к средствам дипломатического давления, требуя их закрытия и передачи гюленистов Турции. Взамен Турция начала реализацию в странах Центральной Азии новых образовательных проектов, таких как "Маариф". В результате все учреждения, которые связывают с Гюленом, стали закрываться в Центральной Азии, кроме Кыргызстана, который обозначил особую позицию, обосновав своё суверенное право на самостоятельное определение угроз в стране. Несмотря на это, в 2021 г. турецкими спецслужбами из Кыргызстана был похищен основатель лицеев "Сапат" (бывший "Себат") Орхан Инанды, о чём спустя месяц после его исчезновения заявил лично Р. Эрдоган **[10]**. В начале 2025 г. Кыргызстан передал сеть школ "Сапат" турецкому фонду "Маариф".

Учитывая применение Анкарой в Центральной Азии средств как "мягкого" воздействия (например, прямой и публичной дипломатии, экономического сотрудничества), так и средств "жёсткого" характера (дипломатического давления, проведение операций спецслужб в иностранном государстве), мы можем констатировать переход Турции от стратегии "мягкой" силы (*Soft Power*) к "умной" силе (*Smart Power*).

Инструменты реализации внешнеполитической стратегии Турции в странах Центральной Азии весьма разнообразны и включают в себя как соответствующие механизмы расширения экономического влияния (торговля и инвестиции), так и культурно-гуманитарное и военно-техническое сотрудничество. Между тем, эксперты отмечают, что причиной успешности современной внешней политики Турции являются не объективные показатели сфер сотрудничества, а прежде всего популизм турецкого лидера Р. Эрдогана. Тем не менее, по мнению С. Притчина, этот инструмент внешней политики Анкары является ограниченным по времени, поскольку "после его ухода с политической арены Турции будет сложно найти достойную замену харизматичному и амбициозному действующему лидеру страны" **[7, с. 58]**.

Однако, экспрессивный и жёсткий характер турецкого лидера не всегда может приносить пользу процессам "тюркской интеграции". Так, например, односторонняя и несогласованная инициатива и заявление лидера Турции о принятии непризнанной странами Центральной Азии Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК) наблюдателем в ОТГ во время саммита в Самарканде в 2022 г. вызвали ожидаемую реакцию протеста внешнеполитических ведомств Казахстана и Узбекистана. С другой стороны, подобные шаги могут стать катализатором окончательного отхода Туркменистана от рассмотрения полноправного вступления в ОТГ, который до сих пор занимает позицию наблюдателя вопреки ожиданиям Турции.

Уже к середине 1990-х гг. Турция заняла передовые места в объёме внешних инвестиций в ряде государств региона. Но период доминирования Турции в инвестиционных проектах заканчивается в 2000-х гг., когда в регионе активизируются инвестиции из России, Китая и стран Запада. То же самое касается и торговых отношений.

Помимо экономической сферы Турция придаёт большое значение культурно-гуманитарному сотрудничеству со странами Центральной Азии, которое реализуется в рамках специальных организаций, например, в рамках ТЮРКСОЙ. С 1992 г. Турция вошла в сектор образования в центральноазиатских государствах и оказала значительное влияние на процессы латинизации письменности в Узбекистане и Казахстане **[2]**. К тому же, путём публичной дипломатии, распространения по турецким информационным ресурсам в Центральной Азии идей общетюркской идентичности, Турция способствует массовой популяризации турецкого языка и культуры в регионе. Так, в Казахстане турецкий язык стал вторым по популярности языком для изучения после английского **[1]**. В Казахстане с 2010 г. функционирует Культурный центр "Институт Юнуса Эмре", где обучают турецкому языку. Также по стране имеются многочисленные центры по изучению турецкого языка.

В Кыргызстане центры турецкого языка и культуры функционируют в Кыргызско-Турецком университете "Манас", Кыргызско-Российском Славянском университете, Бишкекском государственном университете. При посольстве Турции работает центр изучения турецкого языка TÖMER, который способствует не только изучению языка, но и выезду студентов из Кыргызстана в Турцию в целях обучения.

Кроме этого, Турция нацелена на внедрение протурецких учебников в школах региона. Так, в июне 2022 г. на заседании Международной тюркской академии с участием министров образования и науки тюркских государств в штаб-квартире Академии в Нур-Султане были утверждены тексты учебников по общей тюркской истории, литературе и географии тюркского мира, а также соответствующие учебные программы. Данные книги предложены для изучения в средних школах тюркских государств.

Весьма активно участие Турции в спонсировании и поддержке в проведении Всемирных игр кочевников (ВИК), которые проводятся раз в два года. В последние годы особое место в организации игр занимает Билал Эрдоган – президент Всемирной конфедерации этноспорта, сын Р. Эрдогана.

Укрепляется воздействие Турции и через религиозный фактор. К примеру, в Кыргызстане имеются протурецкие общественные, благотворительные фонды с религиозным уклоном. Также свою работу в регионе ведёт турецкая организация "Türkiye Diyanet Vakfı", специализирующаяся на религиозной благотворительности, в том числе строительстве объектов религиозного культа. На средства этого фонда в Бишкеке была возведена в 2018 г. центральная мечеть города. Средства на строительство крупнейшей мечети в Центральной Азии в Астане выделила в 2020 г. одна из турецких компаний.

Менее удачными, по сравнению с культурно-гуманитарным и экономическим направлением внешней политики Турции в регионе, являются попытки Анкары вовлечь страны в качестве союзников в своих военных кампаниях. Здесь все партнёры по Центральной Азии проявляют осторожность, предпочитая придерживаться своих национальных интересов. К примеру, во время вооружённого конфликта в Нагорном Карабахе в 2020 г. республики Центральной Азии заняли нейтральную позицию, выразив приверженность мирному урегулированию конфликта, хотя незадолго до известных событий Эрдоган призывал членов СТГ поддержать Баку в Карабахском кризисе. Тем не менее, после карабахской кампании 2020 г., где Азербайджан одержал победу благодаря использованию турецких беспилотников Bayraktar TB2, интерес к военно-техническому сотрудничеству с Турцией в регионе стал нарастать. Начиная с 2021 г. Узбекистан, Казахстан, Таджикистан и Кыргызстан подписали с Турцией рамочные соглашения о сотрудничестве в военной сфере. В последние годы Кыргызстан закупил у Турции серию беспилотников Bayraktar в рамках программы по модернизации вооружённых сил республики.

После январских событий в Казахстане, когда республика была вынуждена обратиться за помощью к ОДКБ, Турция собрала саммит ОТГ, на котором министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу предложил членам организации создать институциональный механизм реагирования на вызовы безопасности и стабильности, что было воспринято как предложение по созданию военно-политического блока. Однако ни одна из постсоветских стран, входящих в состав ОТГ, не поддержала инициативу Турции. К тому же формированию военного альянса тюркских стран препятствует вхождение Казахстана и Кыргызстана в ОДКБ, который выступает в качестве важного фактора безопасности, что было продемонстрировано в разрешении январских событий в Казахстане. Сама Турция входит в западный военно-политический блок НАТО, что однозначно противоречит приоритетам Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана, не говоря о Туркменистане.

Заключение

Результаты проведённого исследования позволяют сделать следующие выводы. Ключевыми особенностями внешнеполитической стратегии Турции в Центральной Азии являются стремление Анкары в максимальной степени вовлечь тюркоязычные страны Центральной Азии в ареал своего влияния. Для этих целей используется концепция неоосманизма с акцентом на применение идей пантюркизма и панисламизма при центральной роли Тур-

ции. Наиболее сильная сторона внешней политики Анкары – культурно-гуманитарная составляющая, основанная на общности языка. Вместе с тем, сильны перспективы Турции в части военно-технического сотрудничества с Центральной Азией в части поставок прежде всего беспилотных летательных аппаратов оборонительного назначения.

С 2014 г., с избранием Эрдогана президентом Турции и одновременным усилением полномочий главы государства, характер имплементации внешней политики Турции в регионе стал более прагматичным, трансформировавшись от применения традиционной "мягкой силы" по отношению к своим партнёрам в регионе к "умной силе", что выражается в участившемся обращении Анкары к инструментам дипломатического давления, проведении операций спецслужб и иногда в пренебрежении позицией партнёров в вопросе формирования общей повестки саммитов.

Инвестиции Турции в экономику этих стран в последние годы демонстрируют положительную динамику. Однако Анкара, в силу ограниченности финансовых возможностей, не способна претендовать на роль ведущего стратегического партнёра, тем самым конкурируя с такими державами, как Россия и Китай. Тем не менее, понимание того, что Турция является альтернативным дополнением к ближайшим в географическом отношении партнёрам центральноазиатских государств, всё более кристаллизируется внутри региона. Активное участие центральноазиатских стран в Организации тюркских государств является ещё одним свидетельством этому. В ближайшие годы в рамках Организации Турция будет продвигать широкий спектр общих идей, начиная от вопросов транспортно-логистической привязки Турции, Каспия и Центральной Азии, вплоть до предложения экономической и политической интеграции. Однако возможность поддержки амбициозных замыслов Турции со стороны государств Центральной Азии маловероятна, учитывая сохраняющееся и пристальное внимание к вопросам сохранения суверенитета и реализации национальных интересов в условиях многовекторной внешней политики. К тому же в последние годы в центральноазиатском регионе доминирует тенденция налаживания долгосрочного и углублённого сотрудничества внутри самого региона, что подразумевает и выработку согласованных шагов по сотрудничеству с общими партнёрами региона. Тем не менее, возможности стать полноценной альтернативой евразийским архитектурам экономики и безопасности у Турции нет, что связано с географической отдалённостью региона, языковым барьером (несмотря даже на близость языков), слабыми финансовыми возможностями Анкары, вхождением Турции в военный альянс НАТО и в целом необходимостью разрешения внутриполитических конфликтов в самой Турецкой Республике.

Литература / References

1. В Казахстане растёт интерес к турецкому языку. URL: https://www.aa.com.tr/ru/2251642 (дата обращения: 18.12.2024).
   Interest in Turkish language is growing in Kazakhstan. URL: https://www.aa.com.tr/ru/2251642 (accessed 18.12.2024). (In Russ.)
2. Димитриади М. Прощай, кириллица: как Турция переписала алфавит в Средней Азии. URL: https://rtvi.com/stories/proshchay-kirillitsa-kak-turtsiya-perepisala-alfavit-v-sredney-azii/ (дата обращения: 20.12.2024).
   Dimitriadi M. Goodbye, Cyrillic: How Turkey rewrote the alphabet in Central Asia. URL: https://rtvi.com/stories/proshchay-kirillitsa-kak-turtsiya-perepisala-alfavit-v-sredney-azii/ (accessed 20.12.2024). (In Russ.)
3. Ёлкин С. Собор Святой Софии: как Эрдоган музей в мечеть превращал. URL: https://www.dw.com/ru/54308508 (дата обращения: 17.12.2024).
   Yelkin S. Hagia Sophia: how Erdogan turned a museum into a mosque. URL: https://www.dw.com/ru/54308508 (accessed 17.12.2024). (In Russ.)
4. Искендеров П. Турция рвётся в региональные лидеры (III). URL: https://www.fondsk.ru/news/2014/02/02/turcija-rvetsja-v-regionalnye-lidery-iii-25545.html?print (дата обращения: 13.12.2024).
   Iskenderov P. Turkey is striving to become a regional leader (III). URL: https://www.fondsk.ru/news/2014/02/02/turcija-rvetsja-v-regionalnye-lidery-iii-25545.html?print (accessed 13.12.2024). (In Russ.)

5. Мехдиев Э. Т. "Неоосманизм" в региональной политике Турции. *Вестник МГИМО*. 2016. № 2 (47). С. 32–38.
Mekhdiev E. "Neo-Ottomanism" in Turkey›s regional policy. *MGIMO Bulletin*. 2016. № 2 (47). P. 32–38. (In Russ.)
6. По итогам Саммита СТГ в г. Стамбул подписано решение о принятии "Видения тюркского мира – 2040". URL: https://mfa.gov.kg/ru/osnovnoe-menyu/press-sluzhba/novosti/po-itogam-sammita-sstg-v-g-stambul-podpisano-reshenie-o-prinyatii-videniya-tyurkskogo-mira--2040-618f48d2f1082 (дата обращения: 21.12.2024).
Following the CCTS Summit in Istanbul, a decision was signed to adopt the "Turkic World Vision 2040". URL: https://mfa.gov.kg/ru/osnovnoe-menyu/press-sluzhba/novosti/po-itogam-sammita-sstg-v-g-stambul-podpisano-reshenie-o-prinyatii-videniya-tyurkskogo-mira--2040-618f48d2f1082 (accessed 21.12.2024). (In Russ.)
7. Притчин С. А. Турецкая стратегия в отношении Центральной Азии на современном этапе: сильные стороны и ограничители. *Ойкумена. Регионоведческие исследования.* 2024. № 2. С. 52–62.
Pritchin S. Turkey's strategy towards Central Asia at the current stage: strengths and limitations. *Ojkumena. Regional Researches*. 2024. № 2. P. 52–62. (In Russ.)
8. Совет сотрудничества тюркоязычных государств переименован в Организацию тюркских государств. URL: https://rus.azattyk.org/a/31559425.html (дата обращения: 20.12.2024).
The Cooperation Council of Turkic Speaking States has been renamed to the Organization of Turkic States. URL: https://rus.azattyk.org/a/31559425.html (accessed 20.12.2024). (In Russ.)
9. Узбекистан – Турция: новый этап сотрудничества. URL: https://president.uz/ru/lists/view/1175 (дата обращения: 20.12.2024).
Uzbekistan – Turkey: a new stage of cooperation. URL: https://president.uz/ru/lists/view/1175 (accessed 20.12.2024). (In Russ.)
10. Эрдоган: Турецкие спецслужбы задержали Орхана Инанды. URL: https://www.kp.kg/daily/28299/4439881/ (дата обращения: 20.12.2024).
Erdogan: Turkish secret services detained Orhan Inanda. URL: https://www.kp.kg/daily/28299/4439881/ (accessed 20.12.2024). (In Russ.)

◆

Информация об авторе

Арсен Майрамбекович Усенов, старший научный сотрудник Института стратегического анализа и прогноза Кыргызско-Российского Славянского университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызстан, e-mail: a.m.usenov@krsu.kg

Information about the author

Arsen M. Usenov, Senior Researcher, Institute for Strategic Analysis and Prognosis, Kyrgyz-Russian Slavic University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan, e-mail: a.m.usenov@krsu.kg

Поступила в редакцию 23.01.2025 Одобрена после рецензирования 13.05.2026 Принята к публикации 25.08.2026

Received 23.01.2025 Approved 13.05.2026 Accepted 25.08.2026

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 151–160.
Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 151–160.

Научная статья
УДК 327.83
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/151-160

Нарративы внешней культурной политики РФ в Монголии (2022–2024 гг.)

Алишер Сафаров
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, safarov@sfedu.ru
Илья Викторович Николаев
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, ivnikolaev@sfedu.ru

Аннотация. Целью исследования является систематизация институциональных практик, нарративов и форматов внешней культурной политики РФ в Монголии в 2022–2024 гг. в условиях роста значения восточного вектора внешней политики РФ, а также давления со стороны государств Запада на Россию и монгольские политические элиты. Методология исследования базируется на событийном подходе, применяемом для ранжирования типов действий, и дискурс-анализе – для выявления доминирующих нарративов культурной политики. Результаты исследования показали, что приоритетными нарративами являются: российское искусство, русский язык, историческая память; к эпизодическим – праздники и традиции, окружающая среда, межконфессиональный диалог и др. Новизна статьи заключается в выявлении эмпирически обоснованной нарративной структуры внешней культурной политики РФ в Монголии. Материалы исследования могут быть применены при разработке культурных мероприятий за рубежом, стратегий позиционирования РФ в приграничных странах.
Ключевые слова: *внешняя культурная политика, культура, Российская Федерация, Монголия, историческая память, популяризация русского языка*
Для цитирования: Сафаров А., Николаев И. Ю. Нарративы внешней культурной политики РФ в Монголии (2022–2024 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 151–160.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/151-160

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/151-160

Narratives of the Russian Federation's Foreign Cultural Policy in Mongolia (2022–2024)

Alisher Safarov
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, safarov@sfedu.ru
Ilya V. Nikolayev
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, ivnikolaev@sfedu.ru

Abstract. The aim of the study is to systematize institutional practices, narratives, and formats of Russia's foreign cultural policy in Mongolia during 2022–2024, against the backdrop of increasing importance of the eastern vector of Russian foreign policy and pressure from Western states on both Russia and Mongolian political elites. The methodology combines an event-based approach for ranking types of actions and discourse analysis to identify dominant narratives of cultural policy. The results show that priority narratives include Russian art, the Russian language, and historical memory, while episodic ones encompass holidays and traditions, environmental issues, interfaith dialogue, etc. The novelty lies in empirically grounded identification of the narrative structure of Russia's foreign cultural policy towards Mongolia. Findings can be applied when designing overseas cultural events and strategies for positioning Russia in bordering countries.
Keywords: *foreign cultural policy, culture, Russian Federation, Mongolia, historical memory, popularization of the Russian language*
For citation: Safarov A., Nikolayev I. V. Narratives of the Russian Federation's Foreign Cultural Policy in Mongolia (2022–2024) // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 151–160.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/151-160

Введение

Поворот на Восток, последовательно осуществляемый российским правительством после финансового кризиса 2007–2008 гг. и достигший своего пика в период специальной военной операции **[21]**, актуализирует внешнеполитические и экономические связи с Монголией. В сентябре 2024 г. республика была названа президентом РФ В. В. Путиным во время его официального визита в Улан-Батор одним из приоритетов внешней политики Российской Федерации на евразийском направлении **[19]**. Монголия имеет для России статус всеобъемлющего стратегического партнера, что было подтверждено в соответствующем договоре 2019 г. **[8]**. В свою очередь, для Монголии поддержание сбалансированных, дружественных отношений с Россией и Китаем является приоритетом.

Конструктивные установки стратегического планирования имеют реальное воплощение в экономической сфере: товарооборот между странами достиг исторического максимума в 2022 г. Развиваются совместные проекты в энергетической сфере (реконструкция электростанций в Монголии, проект газопровода "Союз Восток", импорт российской нефти и т. п.). Совместно с Китаем формируется инфраструктура логистического коридора "КНР – Монго-

© Сафаров А., Николаев И. Ю., 2026.

лия – РФ". В военной сфере Россия поддерживает добрососедские отношения с Монголией, проводя ежегодные совместные учения "Селенга" **[4]**, а также приглашая делегации соседней страны к участию в военных смотрах и парадах. Интенсификация взаимодействия в экономической и политической сферах способствует развитию культурной дипломатии в отношениях между Россией и Монголией. Дополнительными факторами, актуализирующими культурные контакты, являются активность антироссийских сил, направленная на демонизацию России в представлениях монгольского населения; а также потребность в сохранении баланса сил России и Китая на Дальнем Востоке, в котором Монголия выступает важнейшим игроком.

Культурные отношения России и Монголии в отдельных аспектах рассматриваются в многочисленных научных исследованиях. Процессы конструирования образов России в представлениях жителей Монголии исследуются в работах П. К. Дашковского, Е. А. Шершнева, Н. Цэдэв **[6]**; Х. Норовсамбуу **[28]**; Т. Н. Литвиновой, А. С. Железнякова **[12]**; Б. Б. Нимаевой **[15]**; конфигурация образа России в монгольских учебниках истории является предметом исследования М. Г. Цыреновой, Х. Баярмы **[24]**. Совместные и национальные усилия по сохранению общей исторической памяти, ключевым событием для которой является Халхин-Гольский конфликт 1939 г., рассматриваются в трудах Я. С. Пацеля **[16]**, Л. Б. Жабаевой **[9]**; О. Н. Барабанова, С. Г. Лузянина, Д. В. Стрельцова **[2]**. В аспекте народной дипломатии и трансграничного сотрудничества в различных формах их проявления культурные взаимодействия России и Монголии упоминаются в работах С. Г. Жамбаловой **[10]**; Н. У, Юй. Чжоу, Ц. Чжан **[22]**; Е. А. Вахниной **[5]** и др. Отношения России и Монголии в сфере популяризации национальных языков и поддержки русскоязычного населения отражены в исследованиях Ч. С. Цыбенова, Г. А. Дырхеева и др. **[23]**; В. Ю. Михальченко **[13]**. В качестве самостоятельного объекта исследования культурная политика России рассматривается в работах В. К. Назарова, Ш. Оюундэлгэрэх **[14]**; О. Джагаевой **[7]**; В. Родионова, Т. Бадмацыренова и др. **[29]**. Результаты этих исследований требуют актуализации и дополнения в части политического анализа активности российского правительства в сфере культурного взаимодействия с Монголией и её населением.

Целью исследования является политико-аналитическая интерпретация внешней культурной политики Российской Федерации в отношении Монголии в 2022–2024 гг. на основе систематизации институциональных практик, нарративов и форматов культурной дипломатии. Исследование направлено на восполнение теоретико-аналитического пробела в оценке культурной составляющей внешней политики РФ в регионе Восточной Азии, в частности — в условиях усиливающегося геополитического соперничества и изменяющейся региональной динамики.

Метод и материалы

Глобализационные процессы, развернувшиеся после Второй мировой войны, не привели мир к культурной и политической гомогенизации, а, в соответствии с идеями Говарда Дж. Виарда, оказались способными породить ещё большее разнообразие культур и ценностей **[30, p. 7]**. В этих условиях происходит "своего рода "ренессанс" для культуры во внешней политике" **[20, с. 522]**. Это способствует включению таких концептов, как "мягкая сила" и "внешняя культурная политика" в доктринальные документы, определяющие внешнюю политику государств. Указанные понятия не являются тождественными: "внешняя культурная политика" реализуется при поддержке государства, имеет задокументированную стратегию, в то время как "мягкая сила" может быть нерегламентированной и не преследовать цель достижения национальных интересов. Таким образом, внешняя культурная политика в рамках нашего исследования рассматривается как "отрасль внешнеполитической деятельности, направленная на достижение национального интереса посредством использования различных ресурсов культуры" **[20, с. 523]**. Трансляция элементов национальной культуры и языка преследует ключевую цель "создания благоприятной внешнеполитической конъюнктуры, способствующей более эффективной реализации внешнеполитического курса" **[3, с. 26]**. Оптимальным результатом деятельности государства в сфере внешней культурной политики является формирование "общей зоны или метапространства для

человеческих контактов и обмена культурами, идеями и убеждениями" **[27, p. 14]** в двух- или многосторонних межгосударственных взаимодействиях.

В качестве основных задач внешней культурной политики мы выделяем: предоставление зарубежной публике возможности ознакомления с национальной культурой "страны-экспортёра", освещение культурных достижений, создание позитивного образа и благоприятных условий для реализации политических и экономических задач страны на международной арене. Инструментами внешней культурной политики называют: искусство во всех его проявлениях, международные выставки; языковые, образовательные программы и академический обмен; перевод и распространение литературы; трансляция новостей и телевещание; межконфессиональный диалог и др. **[26]**.

Мы исходим из предположения, что перечисленные задачи в рамках деятельности российского правительства в отношении монгольского населения реализуются в ряде публичных культурных акций. В связи с этим метод представленного исследования опирается на принципы событийного анализа. На основе открытых источников, ассоциированных с российским правительством, были выявлены акции государственных субъектов России в культурной сфере Монголии. Действия России были классифицированы в категории по содержанию транслируемого нарратива. Для каждой категории рассчитаны число и доля акций и сопоставлены между собой. Эти операции позволили раскрыть основные направления внешней культурной политики РФ в Монголии и ранжировать их по интенсивности.

Для формирования эмпирической базы исследования были использованы открытые информационные ресурсы российских органов власти (МИД, Россотрудничество, посольство РФ в Монголии), фонда "Русский мир", являющегося оператором ряда государственных инициатив в сфере внешней культурной политики и публичной дипломатии, а также материалы средств массовой информации России и Монголии за период с февраля 2022 г. по сентябрь 2024 г. Хронологические рамки обусловлены началом СВО как ключевого события, трансформировавшего российскую внешнюю политику, а также официальным визитом президента РФ в Монголию в сентябре 2024 г.

Результаты

В ходе анализа эмпирических материалов, репрезентирующих деятельность российских государственных органов и связанных с ними субъектов в культурной сфере Монголии, были выявлено 300 акций, которые были распределены в соответствии с тематическим содержанием на 15 классов. Количественный анализ позволил ранжировать нарративы по частоте представленности в корпусе акций *(см. табл. 1)* на приоритетные и эпизодические. Далее раскроем содержание ключевых нарративов и совокупности акций, репрезентирующих их в реальной культурной деятельности российских субъектов.

Укрепление позиций русского языка. В начале XXI в. обязательным языком для изучения монгольскими школьниками стал английский, а русский – получил статус факультативного **[18]**, также был отменен государственный экзамен по русскому языку **[1]**. Однако ситуация претерпела изменения: русский язык как обязательный предмет изучения был введён в школах страны с седьмого класса **[11, с. 112]**, что ещё не решило проблему того, что он больше используется взрослым населением, а не молодежью.

Одной из причин низкого уровня распространенности русского языка называют слабую имиджевую политику РФ, плохую осведомленность монгольского населения о многогранной культуре России **[17]**. Тем не менее, 51% жителей Монголии назвали русских народом, выстраивание отношений с которым не осложнено значительными трудностями и связано с позитивными эмоциями и спокойствием **[6, с. 126]**. Около 49% монгольских респондентов оценивают отношения двух государств в 2019 г. как "удовлетворительные", около 3% – как "отличные", 13% – как "неважные" и 1,5% – как "плохие" **[12, с. 132]**. Это подтверждает, что имидж Российской Федерации и российского народа имеет умеренную негативную эмоциональную оценку, однако обладает перспективами для повышения позитивной. Учитывая настроения, стратегия внешней культурной политики в отношении русского языка не ограничивается исключительно мерами по привлечению к его изучению, а

Табл. 1. Нарративы внешней культурной политики России в Монголии (2022–2024 гг.)
Table 1. Narratives of Russia's Foreign Cultural Policy in Mongolia (2022–2024)

Категория нарративов по степени значимости	Наименование нарратива	Доля акций, раскрывающих нарративы (%)
Приоритетные нарративы	Достижения российского искусства, в т. ч.:	30,5
	– литературное наследие России	15,1
	– российский кинематограф и анимация	5,7
	– художественное наследие российских художников и фотографов	4,6
	– российское музыкальное искусство и музыкальная индустрия	2,7
	– российский театр	2,4
	Русский язык как ценность	24,5
	Историческая память российского и монгольского народов	19,6
Эпизодические нарративы	Праздники и традиции	7,3
	Окружающая среда и экология	2,4
	Православие и межконфессиональный диалог	2,4
	Символы национальной культуры	2,1
	Взаимодействие с соотечественниками в Монголии	2,1
	Достижения России в освоении космического пространства	2,0
	Спорт	1,0

Источник: составлено на основе материалов исследования.
Source: compiled by the authors based on the research data.

предполагает также знакомство с иными элементами российской культуры, истории и политики и имеет цель создать многогранное представление о Российской Федерации.

Спектр российских инициатив по продвижению русского языка в Монголии широк. Монгольские и российские авторы разрабатывают и публикуют учебные пособия, целевой аудиторией которых является население Монголии[1]. Организованы курсы повышения квалификации для преподавателей русского языка, языковые школы для студентов-русистов; для помощи преподавателям в Монголии приглашаются студенты-филологи из российских вузов, а лица, внесшие вклад в популяризацию русского языка, получают награды. Назначаются "послы русского языка". Открываются российско-монгольские школы и детские сады с русским языком обучения; проводится работа по унификации учебных стандартов монгольских и российских школ. Проводятся языковые конкурсы, победители которых награждаются документами, дающими преимущество при поступлении в российские вузы. Выстраиваются побратимские отношения между российскими и монгольскими школами и училищами. Открываются центры русского языка, включающие художественную и учебно-методическую литературу, специальные кружки читателей, осуществляется дарение азбук и словарей.

Сохранение исторической памяти. Особое внимание справедливо уделяется совместной победе советско-монгольских войск на реке Халхин-Гол, которая остается краеугольным нарративом на протяжении многих лет **[16,**

[1] Здесь и далее сведения о российских культурных акциях в Монголии приведены по материалам сайтов: "Русский Дом в Улан-Баторе" (https://mongolia.rs.gov.ru/), "Русский мир" (https://russkiymir.ru/), "Посольство Российской Федерации в Монголии" (https://mongolia.mid.ru/ru/).

с. 101]. Данному событию посвящаются фильмы, выставки, культурно-просветительские мероприятия, отражающие, как возникновение угрозы в лице японского милитаризма стало причиной объединения монгольских и советских сил **[9, с. 94]** и изменения направления внешней экспансии японцев **[2, с. 17]**. Открываются памятники военным деятелям СССР, проводятся экспедиции и конференции, ралли и конные заезды, побратимские проекты между Россией, Белоруссией и Монголией, фотовыставки, показы фильмов, телевизионных программ и репортажей, возложение цветов, конкурсы стихов на военную тематику, распространение георгиевской ленточки, функционируют исторические клубы, концерты.

Таким образом, Россия предпринимает активные усилия по продвижению проектов сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне и её событиях через различные каналы. Примечательно, что исторические сюжеты Второй мировой войны оказались единственными в репертуаре российской внешней культурной политике в части исторической памяти. Будучи одним из немногих консенсусных элементов российской истории во внутриполитической повестке, память о трагических событиях середины XX в. выступает центральным элементом российских усилий по сохранению исторической правды и на мировой арене, и на уровне двусторонних отношений, в том числе с Монголией.

Российское искусство (литература, театр, музыка, живопись, кинематограф). Произведения российских авторов прозы и поэтов становятся объектом коммуникации, анализа, средством более глубокого знакомства с российской историей, культурой, языком. Для реализации потенциала применения литературного наследия в российской внешней культурной политике в Монголии организуются мероприятия различных форматов: конкурсы выразительного чтения, викторины, обсуждения, лекции, книжные выставки, акция "Литературный диктант", дни и недели писателей и поэтов, презентации об их творческом и жизненном пути.

Эффективность литературных акций обеспечивается несколькими факторами. В первую очередь, это многогранный подход к осмыслению литературного наследия. Организаторы мероприятий выходят за рамки исключительно литературного поля, включая в структуру проектов театральные постановки по мотивам литературных произведений, приуроченные к знаковым датам и местам (например, в честь годовщины Царскосельского лицея); проводят выставки рисунков по произведениям авторов, показы мультипликационных и кинематографических фильмов на основе литературных сюжетов. Второй фактор – диалогичность коммуникации. Производится адаптация прозаических и поэтических текстов к монгольскому языку. Это способствует большей заинтересованности в творчестве российских авторов среди посетителей мероприятий, не владеющих русским языком на высоком уровне. Следующий фактор – многообразие представленных поэтических и прозаических школ, формирующее у монгольской аудитории многогранный образ российской культуры и истории. Дополнительным инструментом является организация личных встреч с российскими писателями, что открывает возможность для уточнения вопросов, интересующих российское общество, а также актуализирует личностный фактор воздействия на аудиторию.

Важное место в структуре внешней культурной политики страны занимают показы продуктов российской анимации и кинематографа. В условиях, когда целевой аудиторией является молодежь, инструментарий современной массовой культуры оказывается весьма перспективным. Для большей вовлеченности некоторые произведения также были переведены на монгольский язык. Продукты анимации и кино могут освещать события истории и культуры России, подкрепляя результаты активности по другим направлениям культурной дипломатии. Например, показ полнометражного фильма "Сталинград" был проведен в Монголии ко дню Сталинградской битвы.

Наряду с литературой и кинематографом внимание в российской внешней культурной политики в Монголии уделяется освещению достижений в музыкальной, театральной сферах и живописи. Проведение концертов, спектаклей, мастер-классов по балету, конкурсов и личных встреч с художниками, драматургами и музыкантами является одними из распространенных форматов взаимодействия с аудиторией. Мероприятия сопряжены с другими сюже-

тами (например, ставятся театральные спектакли по теме сражения на р. Халхин-Гол). Преимуществом внешней культурной политики России на данном треке является грамотное сочетание традиционализма и современности. Так, выступления коллективов, специализирующихся на народном творчестве и раскрывающих монгольской публике колорит российской народной культуры, сменяются выставками с использованием новейших интерактивных технологий взаимодействия с известными произведениями живописи. Подобные меры стратегии позволяют одновременно формировать имидж культурно и исторически богатой и при этом технологически развитой страны.

Эпизодические нарративы. Образовательно-кадровое сотрудничество имеет значение для развития межцивилизационного диалога **[25]** и оценивается в качестве одного из ключевых средств стратегии "мягкой силы" России в Монголии **[29, p. 1104]**. Кадровое сотрудничество охватывает востребованные сферы, среди которых можно выделить энергетическую, строительную и металлургическую. Подобные меры имеют особую актуальность как в связи с недавно подписанными соглашениями по развитию новых проектов, так и по уже функционирующим (например, ТЭЦ-3 и ТЭЦ-4). Основные форматы мероприятий в указанной сфере – организация мастер-классов, конференций, семинаров, курсов повышения квалификации, ярмарок вузов, предоставление квот на обучение, усиленное сотрудничество между монгольскими вузами и организациями-представителями России. Также для успешной реализации процессов обучения российская сторона предпринимает акции оказания гуманитарной помощи в виде предоставления оборудования или учебной литературы.

Нарратив "Праздники и традиции" российской внешней культурной политики служит средством трансляции идентичности России через значимые даты и праздничные мероприятия. Последние сопровождаются ритуалами и символами, которые не играют роли в повседневной жизни, актуализируясь только в определенных условиях с целью объединения сообщество, создавать особый контекст, связанный с укорененными традициями и историей. В этом контексте примечателен перечень праздников, с которыми знакомят монгольскую аудиторию: Новый год, Масленица, Татьянин день, Международный женский день, День России, День коренных народов, День славянской письменности, День русского языка, День Победы, День знаний, День защиты детей и др. Мероприятия включали обзор таких символов, как матрешка, традиционные костюмы различных народов России, праздничная ёлка, георгиевская ленточка, а также известные персонажи сказок народов России и литературных произведений. Кроме этого, транслируются российские ценности: важность семьи, уважение к различным религиям, традициям народов и др. Не были оставлены без внимания и религиозные праздники. Для расширения представления о православии были организованы концертные программы, просветительские мероприятия.

Внешняя культурная политика России связана и с демонстрацией уважения к экологии. Для этого осуществляются посадки деревьев, открытие аллей, проведение конкурсов и фестивалей экологической тематики. Примечательно то, что нередко экологические акции метафорически связываются с успехами двусторонних политических отношений и мер по сохранению исторической памяти: например, сотрудники посольства РФ в Монголии совместно с персоналом МИД Монголии приняли участие в посадке 100 саженцев различных растений в честь столетия дипломатических отношений. Охрана природы связывалась и с праздниками календаря: например, в Синичкин день монгольским школьникам рассказали о видах птиц в Российской Федерации. Для поддержания высокого уровня экологической культуры в Монголии Россия проводит акцию "Экологический диктант".

Форматы акций. Таким образом, стратегия внешней культурной политики России в Монголии демонстрирует обилие форматов **акций**, посвященных различным культурным сюжетам *(см. табл. 2)*. Список основных форматов мероприятий включает конкурсы, лекционные и семинарские занятия, открытые уроки, публикацию научных трудов, открытие и реконструкцию военных мемориалов и памятников, спектакли и концертные мероприятия, выставки фотографий и картин, экспедиции, встречи с деятелями культуры и др. Основными субъектами, реализующими внешнюю культурную политику

Табл. 2. Основные форматы мероприятий внешней культурной политики Российской Федерации в Монголии (2022–2024 гг.)
Table 2. The main formats of events of the foreign cultural policy of the Russian Federation in Mongolia (2022–2024)

Формат акций	Доля формата в совокупности акций (%)
Образовательные курсы, уроки, программы повышения квалификации	31,0
Конкурсы, викторины, олимпиады	15,0
Выставки	9,0
Реставрация мемориалов, памятников, возложение цветов	6,8
Показы анимационных фильмов, кино	6,8
Праздничные мероприятия	6,8
Встречи представителей вузов, ярмарки вузов	5,9
Встречи с деятелями российской культуры	4,6
Проведение экспозиции	3,4
Проведение концертов	2,8
Дарение книг	2,5
Проведение спектаклей	1,8
Оказание гуманитарной помощи	1,5
Проведение фестивалей	1,2
Посадка деревьев	1,2

Источник: составлено на основе материалов исследования.
Source: compiled by the authors based on the research data.

РФ, являются РЦНК (г. Улан-Батор), работники дипломатических ведомств РФ в Монголии, высшие учебные заведения, а также неправительственные организации и объединения, творческие коллективы, отдельные деятели культуры.

Выбор форматов акций внешней культурной политики определяется потребностью в популяризации русского языка и искусства в среде монгольской молодёжи. Если ориентация на детскую целевую аудиторию объясняется долгосрочными задачами укрепления позиций России в мировоззрении населения страны-соседа, то работа с подростками и зрелой молодёжью является фактически восстановлением упущенных возможностей в период 1990-х – 2000-х гг. После распада СССР интенсивность культурно-гуманитарного взаимодействия России и Монголии – некогда с "шестнадцатой советской республикой", значительно снизилась, что закономерно привело к усилению влияния других субъектов мировой политики, сопровождавшегося критикой СССР **[28, p. 15]**. В итоге РФ была вынуждена предпринимать значительные усилия по восстановлению ранее имевшегося уровня взаимодействия **[7, с. 57]**.

Выводы

Внешняя культурная политика Российской Федерации в Монголии в 2022–2024 гг. характеризуется многообразием направлений деятельности, разнообразием вовлеченных в организацию субъектов и форматов мероприятий, неоднородностью целевой аудитории. Центральными направлениями активности являются популяризация достижений российского искусства и русского языка среди местного населения, в особенности среди детской, под-

ростковой и молодежной аудитории, а также сохранение исторической памяти о вкладе советских солдат в победу во Второй мировой войне.

Внешняя культурная политика Российской Федерации в Монголии не представляет собой однобокую репрезентацию исторического и культурного богатства: она опирается на принципы диалогичности, взаимодействия с монгольскими гражданами, реализуется с учётом локальной специфики. Это отражается в переводах произведений российской классики, сопряжении продуктов творчества обеих культур, развитии исторических сюжетов, которые играют значимую роль в исторической памяти обеих сторон и т. д. Данный подход представляется эффективным в условиях "поворота на Восток" и грядущего "века Азии". Формирование взаимных представлений российского и монгольского народов как о дружественных соседях, обладающих развитыми и исторически укорененными культурами, является залогом продуктивных и взаимовыгодных межгосударственных отношений двух стран.

Литература / References

1. Артамонова Т. А. Формирование единых евразийских ценностей у студентов России и Монголии средствами образования // Психология личности студента в России и Монголии: культурно-историческое своеобразие и социальные факторы формирования / отв. ред. И. В. Фотиева, А. В. Иванов. Барнаул: ООО "Пять плюс", 2015. С. 30–40.
   Artamonova T. A. Formation of Common Eurasian Values among Students of Russia and Mongolia through Education // Psychology of Student Personality in Russia and Mongolia: Cultural-Historical Specificity and Social Factors of Formation. Ed. by I. V. Fotieva, A. V. Ivanov. Barnaul, Pyat Plus LLC, 2015. P. 30–40. (In Russ.)
2. Барабанов О. Н., Лузянин С. Г., Стрельцов Д. В. Юбилей Халхин-Гола и политика исторической памяти в отношениях России с Монголией и Японией. Доклад Международного дискуссионного клуба "Валдай". Москва, 2019. 34 с.
   Barabanov O. N., Luzyanin S. G., Streltsov D. V. The Anniversary of Khalkhin Gol and the Politics of Historical Memory in Russia's Relations with Mongolia and Japan. Report on the Valdai International Discussion Club. Moscow, 2019. 34 p. (In Russ.)
3. Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Выработка определения внешней культурной политики в современном научном дискурсе. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2012. № 4 (18). Ч. I. С. 25–27.
   Bogolyubova N. M., Nikolaeva Yu. V. Defining Foreign Cultural Policy in Contemporary Scholarly Discourse. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice*. 2012. №. 4 (18). Part I. P. 25–27. (In Russ.)
4. В Монголии состоялось открытие российско-монгольских учений "Селенга-2024" // ТАСС. URL: https://tass.ru/politika/21633449 (дата обращения: 15.02.2025).
   The Opening of the Russian-Mongolian Selenga-2024 Exercises Took Place in Mongolia // TASS. URL: https://tass.ru/politika/21633449 (accessed 15.02.2025). (In Russ.)
5. Вахнина Е. А. Особенности восприятия межкультурной коммуникации молодежью России, КНР и Монголии (нравственный аспект) // Материалы Афанасьевских чтений. 2024. № 3 (50). С. 18–21.
   Vakhnina E. A. Features of the Perception of Intercultural Communication by Young People in Russia, China, and Mongolia (the Moral Aspect) // Materials of the Afanasyev Readings. 2024. No. 3 (50). P. 18–21. (In Russ.)
6. Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Цэдэв Н. Социологическое изучение образа России в представлениях населения Западной и Центральной Монголии. *Народы и религии Евразии*. 2022. Т. 27. № 2. С. 121–135. https://doi.org/10.14258/nreur(2022)2-07
   Dashkovsky P. K., Shershneva E. A., Tsedev N. A Sociological Study of the Image of Russia in the Perceptions of the Population of Western and Central Mongolia. *Peoples and Religions of Eurasia*. 2022. Vol. 27. No. 2. P. 121–135. https://doi.org/10.14258/nreur(2022)2-07 (In Russ.)
7. Джагаева О. Россия и Монголия: новый этап культурного сотрудничества. *Азия и Африка сегодня*. 2005. № 5 (574). С. 56–59.
   Dzhagaeva O. Russia and Mongolia: A New Stage of Cultural Cooperation. *Asia and Africa Today*. 2005. No. 5 (574). P. 56–59. (In Russ.)
8. Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Монголией // Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/58600/ (дата обращения: 15.02.2025).
   Treaty on Friendly Relations and Comprehensive Strategic Partnership between the Russian Federation and Mongolia. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: https://www.

mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/58600/ (accessed 15.02.2025). (In Russ.)
9. Жабаева Л. Б. Халхин-Гол – объединяющий фактор истории России и Монголии. *Magna Adsurgit: Historia Studiorum*. 2020. № 1. С. 86–95. https://doi.org/10.22162/2712-8431-2020-9-1-86-95
Zhabaeva L. B. Khalkhin Gol as a Unifying Factor in the History of Russia and Mongolia. *Magna Adsurgit: Historia Studiorum*. 2020. No. 1. P. 86–95. https://doi.org/10.22162/2712-8431-2020-9-1-86-95. (In Russ.)
10. Жамбалова С. Г. Сотрудничество Монголии и Бурятии в XXI веке: народная дипломатия. *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2024. № 3 (57). С. 143–148. https://doi.org/10.18324/2224-1833-2024-3-143-148.
Zhambalova S. G. Cooperation between Mongolia and Buryatia in the 21st Century: People's Diplomacy. *Problems of Socio-Economic Development of Siberia*. 2024. №. 3 (57). P. 143–148. https://doi.org/10.18324/2224-1833-2024-3-143-148 (In Russ.)
11. Леонтьев Э. П. Перспективы русского языка в современной Монголии // Terra scimus: сборник статей по итогам научно-практического алтаеведческого семинара. Барнаул, 21 октября 2020 г. / под ред. Н. В. Халиной, С. А. Манскова. Вып. II. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2020. С. 111–116.
Leontyev E. P. Prospects for the Russian Language in Contemporary Mongolia. In: Terra Scimus: Collected Papers Based on the Results of the Scientific and Practical Altai Studies Seminar. Barnaul, October 21, 2020. Ed. by N. V. Khalina, S. A. Manskov. Issue II. Barnaul, Altai State University, 2020. P. 111–116. (In Russ.)
12. Литвинова Т. Н., Железняков А. С. Взаимное восприятие образов России и Монголии в контексте трансцивилизационного взаимодействия. *Социологические исследования*. 2019. № 5. С. 129–138. https://doi.org/10.31857/S013216250004967-6
Litvinova T. N., Zheleznyakov A. S. Mutual Perception of the Images of Russia and Mongolia in the Context of Trans-Civilizational Interaction. *Sociological Studies*. 2019. No. 5. P. 129–138. https://doi.org/10.31857/S013216250004967-6 (In Russ.)
13. Михальченко В. Ю. Национальные языки в эпоху глобализации: языки России и Монголии. *Вопросы филологии*. 2010. № 1 (34). С. 39–47.
Mikhalchenko V. Yu. National Languages in the Era of Globalization: The Languages of Russia and Mongolia. *Issues of Philology*. 2010. No. 1 (34). P. 39–47. (In Russ.)
14. Назаров В. К., Оюундэлгэрэх Ш. Культурная политика России и Монголии: сравнительный анализ. *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета*. 2019. Т. 2. № 2 (38). С. 46–52.
Nazarov V. K., Oyundelgerekh Sh. Cultural Policy of Russia and Mongolia: A Comparative Analysis. *Scholarly Notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University*. 2019. Vol. 2, No. 2 (38). P. 46–52. (In Russ.)
15. Нимаева Б. Б. Стереотипы взаимоотношений России и Монголии как фактор эффективной внешнеполитической деятельности. *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2016. № 3 (34). С. 153–164.
Nimaeva B. B. Stereotypes of Russia-Mongolia Relations as a Factor of Effective Foreign Policy Activity. *Issues of National and Federal Relations*. 2016. No. 3 (34). P. 153–164. (In Russ.)
16. Пацеля Я. С. Политика памяти Монголии о Второй мировой войне в контексте отношений с Российской Федерацией. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2024. № 3 (70). С. 100–109. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/100-109
Patselya Ya. S. Mongolia's Memory Policy on the Second World War in the Context of Relations with the Russian Federation. *Ojkumena. Regional Researches*. 2024. No. 3 (70). P. 100–109. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/100-109 (In Russ.)
17. Презентация коллективной монографии российских и монгольских исследователей "Русский язык в Монголии: сфера образования" // Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы. URL: https://ru.mapryal.org/news/prezentatciya-kollektivnoj-monografii-rossijskih-i-mongolskih-issledovatelej-russkij-yazik-v-mongolii-sfera-obrazovaniya (дата обращения: 10.03.2025).
Presentation of the Collective Monograph by Russian and Mongolian Scholars "The Russian Language in Mongolia: The Sphere of Education." International Association of Teachers of Russian Language and Literature. URL: https://ru.mapryal.org/news/prezentatciya-kollektivnoj-monografii-rossijskih-i-mongolskih-issledovatelej-russkij-yazik-v-mongolii-sfera-obrazovaniya (accessed 10.03.2025). (In Russ.)
18. Родионов В. А. Российские ресурсы "мягкой силы" в Монголии: текущее состояние и потенциал использования. *Власть*. 2020. № 2. С. 283–291 https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7169.
Rodionov V. A. Russian Soft Power Resources in Mongolia: Current State and Potential for Their Use. *Vlast*. 2020. №. 2. P. 283–291. https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7169. (In Russ.)
19. Российско-монгольские переговоры // Президент РФ. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/74991 (дата обращения: 15.02.2025).
Russian-Mongolian Negotiations. President of Russia. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/74991 (accessed 15.02.2025). (In Russ.)

20. Табаринцева-Романова К. М. Внешняя культурная политика и культурная дипломатия: "лингвистические повороты" в политологическом дискурсе. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2024. Т. 8. Вып. 4. С. 520–530. https://doi.org/10.35634/2587-9030-2024-8-4-520-530
Tabarintseva-Romanova K. M. Foreign Cultural Policy and Cultural Diplomacy: "Linguistic Turns" in Political Science Discourse. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2024. Vol. 8, No. 4. P. 520–530. https://doi.org/10.35634/2587-9030-2024-8-4-520-530. (In Russ.)
21. Торкунов А. В., Стрельцов Д. В. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски. *Мировая экономика и международные отношения.* 2023. Т. 67, № 4. С. 5–16. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16.
Torkunov A. V., Streltsov D. V. Russia's Pivot to the East Policy: Problems and Risks. *World Economy and International Relations.* 2023. Vol. 67. No. 4. P. 5–16. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16 (In Russ.)
22. У Н., Чжоу Юй., Чжан Ц. Связи между людьми как культурная основа приграничного субрегионального сотрудничества между Китаем, Россией и Монголией // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2022. № 25. С. 62–67.
Wu N., Zhou Yu, Zhang C. People-to-People Ties as a Cultural Foundation of Cross-Border Subregional Cooperation between China, Russia, and Mongolia. Russia and China: Problems of Strategic Interaction. Collection of the Eastern Center. 2022. No. 25. P. 62–67. (In Russ.)
23. Цыбенова Ч. С., Дырхеева Г. А., Жалсанова В. Г., Цэрэнчимэд С., Цогт-Очир Ц., Дашдондог Э. Русский язык в современной Монголии. *Этнодиалоги.* 2024. № 3 (74). С. 97–134. https://doi.org/10.37492/ETNO.2024.74.3.005.
Tsybenova Ch. S., Dyrkheeva G. A., Zhalsanova V. G., Tserenchimed S., Tsogt-Ochir C., Dashdondog E. The Russian Language in Contemporary Mongolia. *Ethnodialogues*. 2024. No. 3 (74). P. 97–134. https://doi.org/10.37492/ETNO.2024.74.3.005 (In Russ.)
24. Цыренова М. Г., Баярма Х. Как формируется образ России в школьных учебниках истории Монголии. *Преподавание истории в школе*. 2021. № 8. С. 40–46.
Tsyrenova M. G., Bayarma Kh. How the Image of Russia Is Formed in Mongolian School History Textbooks. *Teaching History at School*. 2021. No. 8. P. 40–46. (In Russ.)
25. Энхтувшин Б. Сотрудничество между Монголией и Россией в области образования и науки // Россия и Монголия: история, дипломатия, экономика, наука. 2016. Т. 6. С. 17–25.
Enkhtuvshin B. Cooperation between Mongolia and Russia in Education and Science // Russia and Mongolia: History, Diplomacy, Economy, Science. 2016. Vol. 6. P. 17–25. (In Russ.)
26. Cultural Diplomacy, Political Influence, and Integrated Strategy // Strategic Influence: Public Diplomacy, Counterpropaganda, and Political Warfare. Ed. by Michael J. Waller. Washington, DC, Institute of World Politics Press, 2009. P. 82–87.
27. Grincheva N. The Past and Future of Cultural Diplomacy. *International Journal of Cultural Policy*. 2024. Vol. 30, No. 2. P. 172–191. https://doi.org/10.1080/10286632.2023.2183949
28. Norovsambuu Khishigt. Images of Russia and Russians in Mongolia: Historical Memory and Modernity. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences*. 2017. Vol. 33. Issue 5. P. 11–20. https://doi.org/10.22162/2075-7794-2017-33-5-11-20
29. Rodionov V., Badmatsyrenov T., Aktamov I., Badaraev D., Vinokourova A. V. Factors of Soft Power in Russia's Foreign Policy towards Mongolia. *Research Paradigms Transformation in Social Sciences*. 2018. Vol. 35. P. 1100–1107. https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.02.129
30. Wiarda H. J. Culture and Foreign Policy: The Neglected Factor in International Relations. London, Routledge, 2016.

◆

Информация об авторах

Алишер Сафаров, ассистент кафедры зарубежной истории и международных отношений Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: safarov@sfedu.ru

Илья Викторович Николаев, старший преподаватель кафедры зарубежной истории и международных отношений Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: ivnikolaev@sfedu.ru

Information about the authors

Alisher Safarov, Assistant, Department of Foreign History and International Relations, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: safarov@sfedu.ru

Ilya V. Nikolayev, Senior Lecturer, Department of Foreign History and International Relations, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: ivnikolaev@sfedu.ru

Поступила в редакцию 24.01.2025 Одобрена после рецензирования 17.08.2026 Принята к публикации 25.08.2026

Received 24.01.2025 Approved 17.08.2026 Accepted 25.08.2026

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 161–174.
Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 161–174.

Научная статья
УДК 001
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/161-174

Социальные и гуманитарные исследования российского Дальнего Востока (2001–2025 гг.): библиометрический обзор

Антон Александрович Киреев
Дальневосточный федерльный университет, Владивосток, Россия, antalkir@yandex.ru

Аннотация. В статье представлена библиометрическая картина состояния и тенденций исторических, экономических, политологических и социологических исследований Дальневосточного макрорегиона в первой четверти XXI в. Опираясь на данные РИНЦ, автор анализирует агрегированные параметры 18 тыс. публикаций о РДВ, рассматривает их институциональную и географическую структуру, объектное, предметное и теоретико-методологическое содержание, оценивает их воздействие на другие области науки. Выявляется связь долгосрочной динамики исследований РДВ с государственной политикой "поворота на Восток" и формированием в макрорегионе системы институтов развития.
Ключевые слова: *библиометрия, исследования российского Дальнего Востока, РИНЦ, науковедение, история и социология дальневосточной науки, управление наукой*
Для цитирования: Киреев А. А. Социальные и гуманитарные исследования российского Дальнего Востока (2001–2025 гг.): библиометрический обзор // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 161–174. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/161-174

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/161-174

Social and Humanitarian Research of the Russian Far East (2001–2025): A Bibliometric Review

Anton A. Kireev
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, antalkir@yandex.ru

Abstract. This article presents a bibliometric landscape of the status and trends of historical, economic, political, and sociological research of the Russian Far East (RFE) in the first quarter of the 21st century. Using Russian Science Citation Index data, the author analyzes aggregated parameters of 18 thousand publications on the RFE, examines their institutional and geographic structure, objects, problems, theoretical and methodological content, and assesses their impact on other fields of scholarship. The author identifies a connection between the long-term dynamics of research of the RFE, Russia's Turn to the East and the formation of a system of development institutions in the macroregion.
Keywords: *bibliometrics, Russian Far East studies, RSCI, science studies, history and sociology of Far Eastern science, science governance*
For citation: Kireev A. A. Social and Humanitarian Research of the Russian Far East (2001–2025): A Bibliometric Review // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 161–174.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/161-174

В процессе развития любая научная область рано или поздно достигает рубежа, когда необходимость рефлексии её состояния, проблем и перспектив становится очевидной. По достижении определенного порога сами масштаб и сложность данной области науки превращаются в препятствие управлению ею как целым, если это целое не является объектом специального науковедческого анализа. Впрочем, потребность в науковедческих исследованиях существует не только на макроуровне, в сферах прогнозирования, планирования, финансирования и регулирования науки, главным субъектом которых выступает государство. Нужда в них не менее остра и на уровне отдельного учёного, определяющего направление своей деятельности в широком предметном поле. Обзоры крупных научных областей, карты их сложно организованного пространства особенно актуальны для молодых исследователей, зачастую прокладывающих собственный маршрут в науке "на ощупь", случайным образом.

Многократный рост количества публикаций по социально-гуманитарным проблемам российского Дальнего Востока (РДВ), наблюдавшийся в постсоветский период, давно создал предпосылки для того, чтобы эта область научных исследований сама стала объектом изучения. Интуитивно ориентироваться в этом массиве публикаций, ежегодно пополняемом сотнями новых текстов, на сегодня уже практически невозможно. Традиционные описательные приёмы упорядочения исследований, посвященных макрорегиону, их тематической, хронологической и методологической классификации также ока-

© Киреев А. А., 2026

зываются всё менее эффективными. Лучшим, наиболее ценным результатом применения такого экспертного подхода являются крупные историографические обзоры, систематизирующие и анализирующие десятки, а иногда и сотни исследований. Однако даже самые представительные из обзоров этого типа, входящие в состав капитальных трудов по истории Дальнего Востока России[1], охватывают лишь некоторую часть научных работ в своей области и обычно успевают существенно устареть ещё до выхода в свет.

Преодолеть объективные ограничения, с которыми сталкивается традиционный подход к изучению научно-публикационной деятельности, и значительно расширить его пространственные, временные и предметные границы позволяют методы библиометрического анализа. Примеры проведения подобного количественного анализа социальных и гуманитарных исследований РДВ пока очень немногочисленны и касаются довольно узких тем **[2; 5]**. Наиболее масштабное библиометрическое исследование, охватывавшее проблематику регионоведения РДВ, было предпринято в 2014 г. Опираясь на материалы Научной электронной библиотеки (eLibrary), авторы оценивали особенности состояния экономической науки в дальневосточном макрорегионе[2] на начало 2010-х гг. **[6]**. Однако за последующие годы объём и представительность базы eLibrary, а также разнообразие аналитического инструментария, предоставляемого Российским индексом научного цитирования (РИНЦ), значительно возросли. Это создает условия для проведения более широкого и детализированного изучения структуры и динамики научных исследований Дальнего Востока России.

Целью настоящей статьи будет определение состояния и тенденций развития социальных и гуманитарных исследований РДВ в первой четверти XXI в. Под "социальными и гуманитарными исследованиями РДВ" в данном случае понимаются научные публикации по истории, экономике, политологии и социологии, посвященные дальневосточному макрорегиону[3]. Публикации по четырем названным отраслям знания составляют основную часть общей совокупности социогуманитарных исследований РДВ. Кроме того, эти отрасли науки отличаются сравнительно более тесными взаимными связями, как в проблемно-методологическом, так и в кадровом и организационном аспектах.

Количественное описание и оценка современного состояния и динамики массива социальных и гуманитарных исследований РДВ в данной статье будут осуществляться в рамках четырех блоков вопросов: 1) общие (агрегированные) показатели изучаемого массива публикаций; 2) социальная организация исследований РДВ (их субъекты); 3) внутреннее содержание этих исследований (их объекты, предметы и средства); 4) воздействие исследований РДВ на другие научные области (использование их результатов). В заключительной части статьи, на основе проведенных измерений, будут охарактеризованы ключевые особенности, проблемы и перспективы обсуждаемой области исследований.

Информационной основой данного исследования послужила база публикаций eLibrary, а точнее та её часть, которая входит в РИНЦ. Из этой базы посредством поиска по терминам "Дальний Восток" и "Дальневосточный федеральный округ" (в названиях и ключевых словах, с учетом морфологии) была выделена подборка публикаций для библиометрического анализа. Эта подборка (далее – базовая выборка) была ограничена тематически (тематики "История. Исторические науки", "Экономика. Экономические науки", "Политика. Политические науки", "Социология") и хронологически (годы издания – с 2001 по 2025[4]), и охватывала все типы публикаций, присутствующие в РИНЦ. Отбор производился в два этапа, для устранения из базовой выборки попавших в неё на первом этапе публикаций по другим тематикам.

---

[1] См., например: **[4, с. 11–54]**.

[2] Следует отметить, что объектом этого исследования были публикации, связанные с РДВ не по своему предмету, а по аффилиациям авторов.

[3] Т. е. исследования, объектом которых является макрорегион в границах ДФО 2018 г.

[4] Состав базовой и других выборок публикаций, использованных в исследовании, был определён по состоянию на февраль 2026 г.

Базовая выборка, а также другие подборки (референсная выборка и массивы цитирующих публикаций) изучались с помощью методов дескриптивной и аналитической статистики. Большая часть этих методов, позволяющих вычислять значения валовых и структурных показателей выборок публикаций, встроена в программный комплекс РИНЦ и применялась в автоматическом режиме. Кроме того, автором производились дополнительные расчеты показателей распределения и динамики публикаций и их признаков, не предусмотренные сервисами РИНЦ (в т. ч. посредством анализа временных рядов). Для обобщения и интерпретации результатов исследования применялся сравнительный подход как в своей синхронной (сравнение одновременных состояний базовой и других выборок), так и в диахронной (сравнение состояний базовой и других выборок в разные периоды) разновидностях.

***

Прежде чем переходить к анализу базовой выборки, следует сделать несколько замечаний, касающихся ограничений эмпирической основы данного исследования. Эти ограничения относятся как к используемой библиометрической базе РИНЦ в целом, так и к извлечённым из неё конкретным выборкам.

Несмотря на то, что база РИНЦ дает на сегодня самую полную и представительную картину потока российских (и шире – русскоязычных) научных публикаций и не имеет в этом плане аналогов среди отечественных и международных библиометрических баз (включая базы WoS и Scopus), ей, как уже неоднократно отмечалось **[3; 12]**, присущ ряд значимых недостатков. Для настоящего исследования в числе этих недостатков особенно существенны два: 1) неравномерный охват базой РИНЦ публикаций разных лет (менее полная представленность в базе работ, изданных в первой половине 2000-х гг.)[5] и 2) смещённость состава базы по типу публикаций (большая репрезентативность базы по журнальным статьям и диссертациям, нежели по монографиям и сборникам).

Что касается ограничений самой базовой выборки, то они обусловлены прежде всего двумя обстоятельствами. Во-первых, необходимо подчеркнуть, что выборка охватывает те исследования, которые рассматривают дальневосточный макрорегион (РДВ) в его целостности, как единый объект изучения. В неё не вошли публикации, посвященные отдельным пространственным объектам (субъектам федерации, муниципалитетам, поселениям и т. п.), располагающимся в географических пределах этого макрорегиона (если только последние не изучались исследователями в связи с основным объектом (РДВ) в качестве его частей). Во-вторых, базовая выборка не включает те публикации о дальневосточном макрорегионе, в метаданных которых в РИНЦ (в названии и ключевых словах) этот объект изучения по каким-то причинам не упоминается. Наиболее частой причиной такого неупоминания является отсутствие в самоописании публикации ключевых слов, что опять-таки характерно в большей степени для книжных изданий.

Указанные выше ограничения эмпирической основы данного исследования должны учитываться при интерпретации и использовании его результатов.

Анализ состояния социальных и гуманитарных исследований РДВ целесообразно начать с рассмотрения общих (суммарных и средних) показателей базовой выборки публикаций за весь изучаемый период (2001–2025 гг.). Корректное истолкование значений этих показателей возможно лишь в сравнении. В качестве референсных для базовой выборки в этой статье используются значения соответствующих показателей сформированной аналогичным путем выборки публикаций, посвященных сибирскому макрорегиону[6] России (*табл. 1*).

Как можно видеть из *таблицы 1*, социальные и гуманитарные исследования РДВ представляют собой научную область, в рамках которой в из-

[5] Формирование базы РИНЦ в нынешнем виде началось с 2005 г.

[6] Из всех макрорегионов страны Сибирь (СФО) с точки зрения истории своего освоения (и в т. ч. освоения научного) наиболее близка к РДВ.

Табл. 1. Общие показатели базовой (РДВ) и референсной (Сибирь) выборок публикаций.
Table 1. General indicators of the basic (RFE) and reference (Siberia) samples of publications.

Показатели	РДВ	Сибирь
Общее число публикаций	17 948	34 059
Число статей в журналах	9 231	15 646
Число статей в журналах, входящих в Web of Science или Scopus	1 110	3 167
Средневзвешенный импакт-фактор журналов, в которых были опубликованы статьи	0,493	0,388
Число авторов	11 428	16 479
Среднее число публикаций в расчете на одного автора	1,57	2,07
Суммарное число цитирований публикаций	68 177	13 6434
Среднее число цитирований в расчете на одну статью	3,80	4,01
Число статей, процитированных хотя бы один раз	9 351	18 371
Число самоцитирований (из статей этой же подборки)	17 457	37 348
Индекс Хирша	78	111

Источник: **[8]**.
Source: **[8].**

учаемый период было произведено около 18 тыс. публикаций. По валовому показателю продуктивности эта область уступает исследованиям Сибири в 1,9 раза, что можно объяснить целым комплексом причин – от более раннего начала освоения сибирского макрорегиона и создания в нем сети научных учреждений до его большей доли в населении, экономике и научном потенциале страны. При этом следует отметить, что на протяжении основной части изучаемого периода превосходство Сибири (СФО) над РДВ (ДФО) по величине населения и экономики было не менее чем 2-кратным[7]. Это говорит об относительно более высоком уровне интереса российских учёных к РДВ как объекту социальных и гуманитарных исследований.

Сообщество исследователей, стоящих за публикациями базовой выборки, весьма обширно (11,4 тыс. авторов) и лишь в 1,5 раза уступает по численности сообществу исследователей Сибири (16,5 тыс. авторов). Вместе с тем на одного автора базовой выборки приходится в среднем только 1,51 публикации, что значительно меньше значения того же показателя референсной выборки. Это указывает на то, что в научной деятельности подавляющего большинства авторов исследований РДВ данный объект является периферийным или новым.

Судя по данным *таблицы 1*, для исследований РДВ характерно абсолютное преобладание малых и оперативных форм производства научного знания. Об этом свидетельствует то, что более половины объёма базовой выборки (51,4%)[8] составляют публикации типа "статья в научном журнале". Среди научных публикаций о Сибири на долю журнальных статей приходится лишь 45,9%.

Важным параметром научной публикации является статус (известность, репутация, престиж) периодического издания (или выпускающего книгу издательства), посредством которого она становится доступной читателям. Такой статус определяет меру видимости публикации, степень внимания и

[7] Так, накануне расширения границ ДФО в 2018 г. он уступал СФО по населению в 3,1 раза, а по ВРП – в 2 раза (рассчитано по: **[9; 10]**).

[8] Здесь и далее процентные величины рассчитаны автором на основе данных РИНЦ.

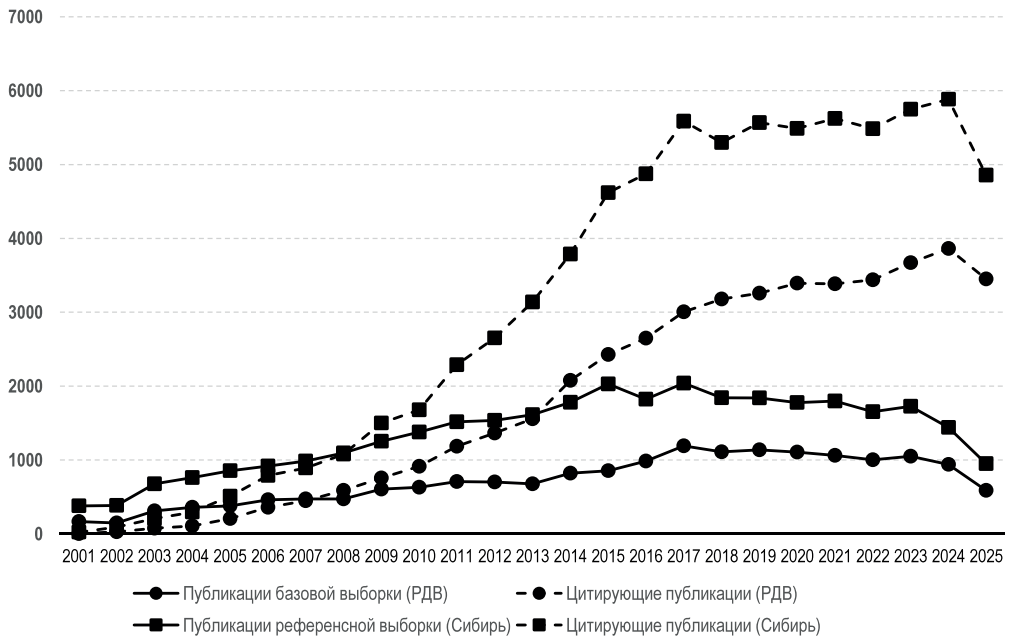

Рис. 1. Динамика базовой и референсной выборок публикаций и их цитирующих массивов (2001–2025 гг.).
Источник: **[8]**.

Fig. 1. Dynamics of the basic and reference samples of publications and their citation arrays (2001–2025).
Source: **[8]**.

исходное отношение к ней научной аудитории. С этой точки зрения нельзя не отметить сравнительно низкую представленность публикаций из базовой выборки в журналах, индексируемых в WoS и Scopus: их доля составляет 6,2%, что значительно ниже соответствующего показателя для референсной выборки (9,3%). В то же время по средневзвешенному импакт-фактору журналов, в которых опубликованы статьи из базовой выборки, они существенно превосходят статьи референсной выборки. Это можно объяснить тем, что внутри России исследования РДВ публикуются в среднем в более известных и цитируемых изданиях, чем исследования Сибири.

Оценить различные виды влияния определенной научной области на другие области науки позволяют показатели цитирования. Как следует из *таблицы 1*, по среднему числу цитирований на одну публикацию исследования РДВ несколько отстают от исследований Сибири. Их относительно меньшее воздействие на широкую научную аудиторию можно зафиксировать и с помощью такого показателя, как индекс Хирша, который отражает одновременно уровни продуктивности и востребованности некоторой области исследований **[11, с. 102–104]**. В то же время в абсолютном измерении, в масштабе социальных и гуманитарных исследований в целом, значения среднего числа цитирований и индекса Хирша публикаций базовой выборки низкими считать нельзя.

Доля публикаций, процитированных хотя бы один раз (52,1%), и доля самоцитирований (25,6%) могут быть использованы для оценки соответственно качественного уровня публикаций базовой выборки и степени её внутренней связности (взаимовлияния входящих в неё исследований). По обоим этим показателям исследования РДВ близки к исследованиям Сибири и находятся на уровнях не ниже средних для социогуманитарных исследований в целом.

Данные РИНЦ дают возможность распределить публикации базовой и референсной выборок по году издания и обнаружить таким путём основные особенности долгосрочной динамики исследований РДВ за первую четверть XXI в. Следует оговориться, что статистика количества публикаций в РИНЦ по годам отражает не только научно-публикационные процессы, но и нерав-

Табл. 2. Распределение аффилиаций авторов базовой выборки по организациям (топ-10).
Table 2. Distribution of affiliations of authors in the basic sample by organization (top 10).

Организация (город)	Количество аффилиаций в выборке
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток)	1 766
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)	1 663
Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)	1 196
Институт экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск)	1 172
Владивостокский государственный университет (г. Владивосток)	517
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ*	447
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)	445
Комсомольский-на-Амуре государственный университет (г. Комсомольск-на-Амуре)	406
Дальневосточный юридический институт МВД РФ им. И. Ф. Шилова (г. Хабаровск)	380
Благовещенский государственный педагогический университет (г. Благовещенск)	249

*Авторы из РАНХиГС связаны в основном с филиалами этого вуза в г. Хабаровске и г. Владивостоке.
Источник: **[8]**.
Source: **[8]**.

Табл. 3. Распределение аффилиаций авторов базовой выборки по городам* РФ.
Table 3. Distribution of affiliations of authors in the basic sample by cities* of the Russian Federation.

Город (федеральный округ)	Количество аффилиаций	Доля в базовой выборке, %
Владивосток (ДФО)	4 603	25,9
Хабаровск (ДФО)	3 851	21,7
Москва (ЦФО)	2 921	16,5
Новосибирск (СФО)	794	4,5
Санкт-Петербург (СЗФО)	681	3,8
Благовещенск (ДФО)	668	3,8
Комсомольск-на-Амуре (ДФО)	526	3
Иркутск (СФО)	274	1,5
Улан-Удэ (ДФО)	273	1,5
Якутск (ДФО)	266	1,5
Биробиджан (ДФО)	227	1,3
Чита (ДФО)	184	1

*Города с долей в базовой выборке от 1% и выше.
Источник: рассчитано на основе **[8]**.
Source: calculated based on **[8]**.

Табл. 4. Распределение публикаций базовой выборки по журналам (топ-10).
Table 4. Distribution of publications in the basic sample by journal (top 10).

Журнал (город)	Количество публикаций из выборки
Россия и АТР (г. Владивосток)	333
Власть и управление на Востоке России (г. Хабаровск)	315
Ойкумена. Регионоведческие исследования (г. Владивосток)	252
Регионалистика (г. Хабаровск)	169
Пространственная экономика (г. Хабаровск)	167
Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке (г. Хабаровск)	165
Экономика и предпринимательство (г. Москва)	139
Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке (г. Владивосток)	127
Клио (г. Санкт-Петербург)	120
Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток)	113

Источник: **[8]**.
Source: **[8]**.

номерность комплектования этой библиометрической базы в разные периоды её существования. Как уже отмечалось, база РИНЦ особенно неполна для периода первой половины 2000-х гг. Применительно к двум рассматриваемым выборкам наибольшие сомнения в полноте данных РИНЦ вызывают 2001 и 2002 гг., число учтённых в базе публикаций за которые было очень незначительным и даже снижалось. С 2003–2004 гг. (*рис. 1*) количество индексируемых в РИНЦ исследований РДВ и Сибири начинает устойчиво и, что важно, без резких всплесков возрастать, что в общем говорит в пользу существенного повышения уровня репрезентативности изучаемых выборок.

Как показывает статистика РИНЦ (*рис. 1*), в конце 2000-х гг. (2009 г.) рост количества публикаций базовой и референсной выборок пережил заметный скачок. Особенно выраженным он был у исследований РДВ (28,1% прироста публикаций в 2009 г. к 2008 г.). Эта активизация научных исследований, по-видимому, стала откликом на инициированный российским правительством в 2006–2007 гг. "поворот на Восток". Следующий, более продолжительный подъем публикационной деятельности пришелся на середину 2010-х гг. С 2013 по 2017 гг. количество публикуемых за год исследований РДВ увеличилось на 76%. Это значительно превышало прирост количества исследований Сибири, который за те же годы составил 26%. Такой подъем продуктивности работы исследователей РДВ можно связать с кардинальным обновлением дальневосточной политики государства, нашедшим воплощение в создании в эти годы макрорегиональной системы институтов развития (Минвостокразвития, КРДВ, ТОРы, СПВ, ВЭФ).

По достижении в 2017 г. пикового уровня количество публикаций базовой выборки начало снижаться. В итоге в 2025 г. количество исследований РДВ, учтенных в РИНЦ, составило лишь около половины от уровня 2017 г. (49,4%). Даже если сделать поправку на возможную неполноту данных за 2025 г., столь значительное падение продуктивности исследователей макрорегиона нуждается в объяснении. На мой взгляд, важным фактором подобной динамики было происходившее в этот период фокусирование внимания федерального центра на западных рубежах России, которое сопровождалось заметным сокращением институциональной и инвестиционной активности государства на востоке страны. Вместе с тем, ужесточение антироссийских

Табл. 5. Изучаемые географические объекты по категориям (топ-3 по упоминаниям в ключевых словах публикаций базовой выборки).
Table 5. Studied geographic objects by category (top 3 by mentions in keywords of publications in the basic sample).

Географические объекты	Количество упоминаний
Регионы мира	
Азиатско-Тихоокеанский регион	473
Центральная Азия	151
Арктика	108
Страны мира	
Китай	755
Япония	339
Корея	175*
Внутренние регионы зарубежных стран	
Маньчжурия (Северо-Восточный Китай)	286
КВЖД	91
Хэйлунцзян	54
Макрорегионы России	
Сибирь	868
Восточная Сибирь	146
Западная Сибирь	41
Регионы РДВ	
Приморский край	219
Хабаровский край	187
Сахалин	113

*В т. ч. Республика Корея – 83, КНДР – 20.
Источник: подсчитано на основе **[8]**.
Source: calculated based on **[8]**.

санкций и сворачивание связей с европейскими соседями России с 2022 г., которые объективно повышали значимость ДФО как портала трансграничных отношений, не могли не способствовать поддержанию государственного, общественного и научного интереса к макрорегиону. По всей видимости, именно этим были обусловлены более медленные темпы снижения числа исследований РДВ в сравнении с исследованиями Сибири в 2024–2025 гг. (*рис. 1*).

Получить более детальную информацию об исследованиях РДВ, их социальной организации, объектном, предметном и теоретико-методологическом содержании позволяет анализ внутреннего состава и структуры базовой выборки. Так, данные о распределении публикаций выборки по аффилиациям их авторов указывают на высокую степень институциональной и пространственной сложности исследовательского сообщества: авторы аффилированы с 840 организациями, представляющими почти все регионы России. Вместе с тем, общая организационная и географическая раздробленность исследовательского сообщества сочетается с наличием ряда мест высокой концентра-

Табл. 6. Общие показатели базовой выборки и массива цитирующих публикаций.
Table 6. General indicators of the basic sample and the array of citing publications.

Показатели	Базовая выборка	Цитирующий массив
Общее число публикаций	17 948	45 482
Число статей в журналах	9 231	26 543
Число статей в журналах, входящих в Web of Science или Scopus	1 110	5 172
Средневзвешенный импакт-фактор журналов, в которых были опубликованы статьи	0,493	0,541
Число авторов	11 428	38 110
Среднее число публикаций в расчете на одного автора	1,57	1,19
Суммарное число цитирований публикаций	68 177	222 224
Среднее число цитирований в расчете на одну статью	3,80	4,89
Число статей, процитированных хотя бы один раз	9 351	26 661
Число самоцитирований (из статей этой же подборки)	17 457	77 563
Индекс Хирша	78	112

Источник: **[8]**.
Source: **[8]**.

ции исследователей РДВ: 10 ведущих организаций в этой научной области, сосредоточенных практически полностью в городах юга Дальнего Востока, в особенности во Владивостоке и Хабаровске (*табл. 2*), аккумулируют до половины (46,4%) всех аффилиаций выборки.

Распределение всех организаций авторов базовой выборки по городам и макрорегионам России показывает, что почти две трети аффилиаций (62,6%) относятся к самому дальневосточному макрорегиону. При этом бо́льшая часть этих организационных аффилиаций (47,6% от всех) связана с академическими институтами и вузами Владивостока и Хабаровска (*табл. 3)*. За пределами РДВ крупнейшими центрами изучения этого макрорегиона являются Москва (ведущая организация – МГУ им. М. В. Ломоносова) и Санкт-Петербург (СПбГУ), а также города Сибири – Новосибирск (ИАЭ СО РАН) и Иркутск (ИГУ).

Существенно иную пространственную структуру имеет размещение научных журналов как важнейших агрегаторов и распространителей результатов социальных и гуманитарных исследований РДВ. Как видно из *таблицы 4*, 8 из 10 журналов с наибольшим количеством публикаций из базовой выборки издаются в городах РДВ. Однако на первую десятку журналов приходится в общей сложности лишь немногим более пятой части (20,6%) от всех статей, вошедших в выборку. Основная же часть статей, посвященных РДВ в первой четверти XXI в., выходила в свет в журналах, издаваемых в Москве и других городах Европейской России. Подобная географическая структура передачи и ретрансляции знаний о дальневосточном макрорегионе отражает, с одной стороны, относительно более высокие численность и распыленность научных журналов социогуманитарного профиля (в сравнении с организациями), а с другой – выраженное доминирование среди них (по количеству и престижности) изданий, выпускаемых в западных регионах страны. Следует, кроме того, отметить особенно низкую обеспеченность историков, экономистов, политологов и социологов, работающих на РДВ, профильными дальневосточными журналами, а также недостаток среди последних изданий, специализированных на собственно макрорегиональной, общедальневосточной проблематике.

Выявить содержательные характеристики социальных и гуманитарных исследований РДВ можно с помощью анализа распределений публикаций ба-

зовой выборки по указанным в них ключевым словам. Выбор ключевых слов для своей публикации является наиболее определенным маркером объектных, предметных, теоретических и методологических интересов автора.

Статистика упоминаний ключевых слов, в частности, показывает, какие географические объекты чаще всего изучаются авторами выборки в связи с дальневосточным макрорегионом. В *таблице 5* представлены наиболее упоминаемые (топ-3) в публикациях базовой выборки географические объекты в категориях "регионы мира", "страны мира", "внутренние регионы зарубежных стран", "макрорегионы России" и "регионы РДВ". Так, среди регионов мира в сопряжении с РДВ наиболее часто фигурирует Азиатско-Тихоокеанский регион. Заметно отстают от него по частоте упоминаний Центральная Азия и Арктика, внимание к которым стало расти с конца 2000-х гг. В категории стран мира безусловно доминирует Китай, превосходящий занимающие второе и третье места Японию и Корею вместе взятые. Остальные указываемые в ключевых словах страны (США, Монголия, Германия, Великобритания, Вьетнам) привлекают к себе существенно меньший интерес исследователей РДВ. Преимущественное внимание изучающих РДВ к Китаю подтверждается и тем, что в категории внутренних регионов зарубежных стран ими упоминаются только китайские территории (Маньчжурия, зона КВЖД и провинция Хэйлунцзян).

В категории макрорегионов России абсолютным лидером внимания исследователей РДВ выступает Сибирь (СФО). Лидерство этого непосредственного соседа дальневосточного макрорегиона ещё более усиливается тем, что второе и третье места по числу упоминаний в этой категории занимают его основные географические компоненты – Восточная и Западная Сибирь. В пределах самого Дальнего Востока России в связи с макрорегионом в целом исследователи чаще всего изучают регионы его южной части. Присутствие в топ-3 регионов РДВ Приморского и Хабаровского краёв очевидно связано, в т. ч. с особенностями пространственного распределения авторов базовой выборки. Относительно тесную сопряжённость с макрорегиональными исследованиями Сахалина, судя по всему, следует объяснять, прежде всего, выдающейся ролью данного региона в экономике и трансграничных связях РДВ.

Обращаясь к предметному содержанию исследований РДВ, необходимо в первую очередь охарактеризовать распределение публикаций базовой выборки по четырем рассматриваемым отраслям знания (тематикам РИНЦ). Подавляющую часть выборки составляют публикации по тематикам "История. Исторические науки" (8 879 публикаций) и "Экономика. Экономические науки" (7 528 публикаций), на которые приходится соответственно 49,5% и 41,9% от её объёма[9]. Публикации по тематикам "Политика. Политические науки" (913) и "Социология" (604) охватывают соответственно лишь 5,1% и 3,4% от объёма базовой выборки. Такая отраслевая структура исследований РДВ 2001–2025 гг. обусловлена объективными особенностями генезиса отечественной, в т. ч. дальневосточной, науки, в частности более ранним, опережающим формированием исторического и экономического знания и запаздыванием политологического и социологического, полноценное развитие которых стало возможным только в постсоветский период. В свою очередь, отраслевая структура исследований РДВ предопределила основные черты их предметного содержания.

Так, общее доминирование в структуре базовой выборки публикаций исторической тематики нашло отражение и на более частном – проблемном – уровне организации предметного поля исследований РДВ. Судя по статистике использования ключевых слов, крупнейшей проблемной областью исследований макрорегиона является история российского Дальнего Востока (с 1860-х гг. до наших дней). Ключевые слова, относящиеся к этой проблемной области, употребляются в публикациях выборки 2 599 раз. Второй по величине проблемной областью, как всего предметного поля исследований РДВ, так и его исторического сегмента (2 458 упоминаний), выступает этнография (включая этнологию и антропологию). Третью позицию в рамках исторических исследований дальневосточного макрорегиона занимает археология (во

[9] Доля экономических публикаций в выборке в изучаемый период устойчиво росла. Если в 2001–2005 гг. она составляла 18,5%, то в 2021–2025 гг. – 50,3%.

временном диапазоне от палеолита до средневековых государств Цзинь и Восточное Ся) с 567 упоминаниями.

В экономическом сегменте исследований РДВ наибольший интерес учёных привлекает проблематика инвестиций (997 упоминаний). На втором месте находятся исследования проблем торговли (как внутренней, так и экспортно-импортной) с 615 упоминаниями. Замыкает тройку самых крупных проблемных областей исследований РДВ экономического профиля изучение промышленного производства макрорегиона (327 упоминаний).

Предметная структура политологического сегмента исследований РДВ, исходя из употребляемых ключевых слов, организована, прежде всего, по видам государственной политики. Приоритетным вниманием исследователей макрорегиона пользуется внешняя политика государств (302 упоминания). На втором и третьем местах располагаются такие проблемные области исследований, как региональная политика (160 упоминаний) и миграционная политика (124 упоминания). К целенаправленному изучению других отраслевых политик (экономической, национальной и т. д.) исследователи РДВ обращаются значительно реже.

Что касается социологических публикаций, то этот наиболее компактный сегмент исследований РДВ связан главным образом с разработкой демографической проблематики, упоминаемой в базовой выборке 1 994 раза. Поскольку число упоминаний демографической проблематики более чем в 3 раза превосходит размеры социологического сегмента исследований РДВ (604 публикации), эту проблемную область скорее следует рассматривать как межотраслевую, много- и междисциплинарную. Помимо социологов, в изучение демографических проблем макрорегиона, и особенно вопросов миграции (1 239 упоминаний, или 62,1% от объёма данной области), вовлечены историки, экономисты и политологи.

Ещё одной крупной проблемной областью исследований РДВ, имеющей фактически многодисциплинарный характер, являются международные отношения. Различные термины, описывающие проблематику международных отношений[10], упоминаются в ключевых словах публикаций базовой выборки 2 189 раз. При этом бо́льшая часть используемых в качестве ключевых слов терминов относится не к межгосударственным, а к межобщественным (трансграничным) отношениям. Это отражает в т. ч. преобладание в изучении международных отношений РДВ экономических исследований над публикациями политологов и представителей других отраслей науки.

Весьма показательно для понимания специфики предметного содержания исследований РДВ первой четверти XXI в. соотношение в них проблематик безопасности и развития. Комплексы терминов этих двух наддисциплинарных проблемных областей представлены в ключевых словах публикаций базовой выборки в существенно разном объёме. Если различные виды безопасности[11] упоминаются в публикациях выборки в совокупности 332 раза, то термины из дискурса развития – 1 539 раз. Примечательно также, что почти половина (737) из этих 1 539 упоминаний состоит из терминов, касающихся институтов развития (ТОР, СПВ, ВЭФ, преференции, "дальневосточный гектар"), система которых создавалась в макрорегионе с первой половины 2010-х гг. Таким образом, переход правительства к новой (селективной) политике на РДВ способствовал заметному усилению обозначившейся с 2000-х гг. тенденции к смещению внимания исследователей макрорегиона к проблематике развития.

Вопросам теории и методологии, как показывает анализ ключевых слов публикаций базовой выборки, в социальных и гуманитарных исследованиях РДВ отводится крайне незначительное место. Так, наиболее часто встречающаяся в публикациях выборки отсылка к теории – выражение "теория и история культуры" – упоминается только 40 раз. Ещё более редки упоминания в ключевых словах публикаций конкретных методов (например, по 20 раз в выборке встречаются термины "кластер-анализ" и "модель"). Несколько чаще

---

[10] В том числе "экспорт", "внешняя политика", "внешняя торговля", "международные отношения", "российско-китайские отношения", "международное сотрудничество" и т. д.

[11] В том числе "экономическая", "продовольственная", "национальная", "энергетическая".

в публикациях фигурируют инструменты решения прикладных задач ("мониторинг" и "прогноз" – 44 и 30 упоминаний соответственно). В целом можно констатировать, что разработка теоретико-методологических проблем социальных и гуманитарных исследований РДВ как самостоятельное направление в их предметном поле пока не сложилось.

Как уже отмечалось, в качестве индикаторов влияния некоторого множества публикаций в библиометрии обычно используются различные показатели цитирования **[1, с. 14–18; 7, с. 191–192]**. Наиболее детально научное влияние исследований РДВ можно оценить с помощью описания совокупности цитирующих публикаций (цитирующего массива) и сопоставления её параметров с параметрами совокупности цитируемых публикаций (базовой выборки). Основные количественные параметры цитирующего массива в сравнении с параметрами базовой выборки приведены в *таблице 6*. Как следует из неё, общий объём массива публикаций, цитирующих исследования РДВ, превосходит их объём более чем в 2,5 раза, что можно считать показателем весьма значительного влияния (для Сибири их соотношение составляет менее чем 2,3 раза). При этом *рисунок 1* показывает, что темпы роста цитирующего массива вплоть до 2017 г., как правило, опережали темпы роста базовой выборки, а в 2018–2024 гг. цитирующий массив сохранял свою позитивную динамику, несмотря на постепенное сокращение количества новых исследований РДВ. В результате в последнее пятилетие изучаемого периода (2021–2025 гг.) среднее пятилетнее значение отношения объёмов цитирующего массива и базовой выборки достигло 4 раз (для исследований Сибири тот же показатель составил 3,8 раза). Необходимо также отметить, что цитационное воздействие исследований РДВ выходит за рамки четырёх отраслей знания, присутствующих в их составе: пятая часть цитирующих публикаций (20,1%) принадлежит к другим тематикам РИНЦ (среди которых лидируют, в нисходящем порядке, "Государство и право. Юридические науки", "География", "Народное образование. Педагогика", "Культура. Культурология").

Востребованность исследований РДВ и их воздействие на другие области науки можно оценить не только с количественной (показатели объёма), но и с качественной точки зрения. По основным параметрам, характеризующим положение множества публикаций в структуре научного знания, цитирующий массив имеет более высокие значения, чем базовая выборка (*табл. 6*). Так, массив публикаций, цитирующих исследования РДВ, превосходит последние по доле публикаций в журналах WoS и Scopus (11,4% против 6,2%), по средневзвешенному импакт-фактору журналов (0,541 против 0,493), по среднему числу цитирований на публикацию (4,89 против 3,80), по доле статей, процитированных хотя бы один раз (58,6% против 52,1%), и, наконец, по индексу Хирша (112 против 78). Таким образом, публикации, цитирующие исследования РДВ, в целом отличаются от них более высокой видимостью, престижностью и востребованностью, а также более высоким статусом в структуре науки. Иными словами, исследования РДВ вовлечены в процесс восходящего движения научного знания, выступая базой для производства информации более "высоких переделов", её более сложных и общественно ценимых видов.

***

Проведённый краткий библиометрический обзор мог охватить лишь небольшой круг вопросов, касающихся состояния и динамики социальных и гуманитарных исследований РДВ первой четверти XXI в. Тем не менее он позволил зафиксировать и реконструировать ряд важных особенностей социальной организации (субъектов) этих исследований, их содержания (объектов, предметов и средств), а также их положения (использования их результатов) в более широком научном контексте. К наиболее существенным выводам данного исследования, на мой взгляд, можно отнести следующие:

Исследования РДВ представляют собой относительно небольшую (по количеству публикаций и числу авторов), но сравнительно быстро растущую область российского социального и гуманитарного знания (в сравнении, например, с исследованиями Сибири). Ускорение роста количества исследований РДВ с конца 2000-х гг., судя по всему, стало следствием политики "поворота на Восток" и общего повышения государственного и общественного внимания к макрорегиону. Постепенное снижение продуктивности в этой научной обла-

сти после 2017 г. можно объяснить переключением внимания и активности российского государства и общества на западные макрорегионы страны.

Для исследователей РДВ характерна весьма высокая степень институциональной и пространственной концентрации. Почти две трети исследований РДВ выполнены авторами, аффилированными с организациями, расположенными на территории самого макрорегиона, и почти половина – с академическими институтами и вузами г. Владивостока и г. Хабаровска. Крупнейшими центрами изучения РДВ за его пределами являются г. Москва, г. Новосибирск и г. Санкт-Петербург.

Пространственное распределение журналов, публикующих исследования РДВ (т. е. вторичных субъектов, агрегаторов и распространителей соответствующего знания), отличается высокой дисперсностью. Большая их часть издается вне дальневосточного макрорегиона (в городах Европейской России) и не специализирована на этом объекте.

Основными географическими объектами, в той или иной связи с которыми изучается дальневосточный макрорегион, являются Сибирь и Китай. Внимание исследователей РДВ к отношениям с ними значительно превосходит (особенно в последние годы) научный интерес к взаимодействию макрорегиона с АТР.

Ведущей отраслью знания в структуре исследований РДВ в первой четверти XXI в. были исторические науки (в рамках которых крупнейшими областями исследований являлись история РДВ с 1860-х гг. и этнография). Однако со второй половины 2010-х гг. в исследованиях макрорегиона наблюдался значительный рост доли экономических публикаций. Подобная "экономизация" исследований РДВ, по-видимому, тесно связана с фокусировкой интересов его исследователей на таких междисциплинарных областях, как международные отношения и проблемы макрорегионального развития, в составе которых публикации экономического профиля занимают преобладающее место.

К специальной разработке теоретических и методологических проблем изучения дальневосточного макрорегиона его исследователи обращаются крайне редко. В этом отношении исследования РДВ до сих пор остаются в основном потребителями и ретрансляторами научного знания, созданного на эмпирическом материале других регионов мира.

Исследования РДВ первой четверти XXI в. в целом характеризуются значительным уровнем научной востребованности результатов. Разнодисциплинарный спрос на них в российской науке продолжал расти даже на фоне падения количества новых исследований макрорегиона после 2017 г. При этом результаты исследований РДВ используются в публикациях, имеющих в среднем более высокий научный статус, обладающих большей научной видимостью, престижностью и цитируемостью.

Учитывая тесную связь динамики социальных и гуманитарных исследований РДВ с "восточным поворотом" внутренней и внешней политики России, который имеет стратегический характер, можно ожидать, что тенденции к общему росту количества таких исследований, расширению их предметного поля и научной востребованности, несмотря на вероятные краткосрочные колебания, сохранят свою значимость в длительной перспективе.

Литература

1. Бредихин С. В., Ляпунов В. М., Щербакова Н. Г. Библиометрические сети научных статей и журналов. Новосибирск: ИВМиМГ СО РАН, 2021. 334 с.
Bredikhin S. V., Lyapunov V. M., Shcherbakova N. G. Bibliometric Networks of Scientific Articles and Journals. Novosibirsk: ICM&MG SB RAS, 2021. 334 p. (In Russ.)
2. Бусыгина Т. В., Рыкова В. В. Информационно-библиографические ресурсы собственной генерации ГПНТБ СО РАН по истории Сибири и Дальнего Востока. *Информационные ресурсы России*. 2016. № 6. С. 11–16.
Busygina T. V., Rykova V. V. Information and Bibliographic Resources of the SB RAS Public Scientific and Technical Library on the History of Siberia and the Far East. *Information Resources of Russia*. 2016. No. 6. P. 11–16. (In Russ.)
3. Галеев И. Х. Оценка полноты и интеллектуальности РИНЦ. *Образовательные технологии и общество*. 2014. Т. 17. № 3. С. 583–602.

Galeev I. Kh. Assessment of the Completeness and Intellectuality of the RSCI. *Educational Technologies and Society*. 2014. Vol. 17. No. 3. P. 583–602. (In Russ.)
4. Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг. / под общ. ред. чл.-корр. РАН Н.Н. Крадина, отв. ред. Г. А. Ткачева. Владивосток: Дальнаука, 2020. 944 с.
   The Far East of the USSR: 1941–1945 / Gen. ed. N. N. Kradin, ed. G. A. Tkacheva. Vladivostok: Dalnauka, 2020. 944 p. (In Russ.)
5. Демьяненко А. Н. О социологии науки и библиометрии: заметки по случаю юбилея. *Регионалистика*. 2019. Т. 6. № 2. С. 5–22.
   Demyanenko A. N. On the Sociology of Science and Bibliometrics: Notes on the Occasion of the Anniversary. *Regionalistica*. 2019. Vol. 6. No. 2. P. 5–22. https://doi.org/10.14530/reg.2019.2.5 (In Russ.)
6. Демьяненко А. Н., Демьяненко Н. А. География экономической науки: постановка проблемы. *Пространственная экономика*. 2014. № 1. С. 65–78.
   Demyanenko A. N., Demyanenko N. A. Geography of Economic Science: Statement of the Problem. *Spatial Economics*. 2014. No. 1. P. 65–78. (In Russ.)
7. Лазарев В. С. Библиометрия, наукометрия и информетрия. Часть 4. Методы. *Управление наукой: теория и практика*. 2022. Т. 4. № 1. С. 180–214.
   Lazarev V. S. Bibliometrics, Scientometrics, and Informetrics. Part 4. Methods. *Science Management: Theory and Practice*. 2022. Vol. 4. No. 1. P. 180–214. (In Russ.)
8. Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. URL: https://www.elibrary.ru/itembox.asp (дата обращения: 16.02.2026).
   Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. URL: https://www.elibrary.ru/itembox.asp (accessed 16.02.2026). (In Russ.)
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018.1162 с.
   Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2018: Statistical Collection / Rosstat. Moscow, 2018.1162 p. (In Russ.)
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с.
    Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2019: Statistical Collection / Rosstat. Moscow, 2019. 1204 p. (In Russ.)
11. Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии / под. ред. М. А. Акоева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 250 с.
    Handbook of Scientometrics: Indicators of Science and Technology Development / ed. M. A. Akoev. Yekaterinburg: Ural University Press, 2014. 250 p. (In Russ.)
12. Сравнительный анализ возможностей WoS и eLibrary для анализа библиографических сетей / Д. В. Мальцева, И. А. Павлова, Л. В. Капустина [и др.]. *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2023. № 56. С. 7–68.
    Comparative Analysis of WoS and eLibrary Capabilities for Bibliographic Network Analysis / D. V. Maltseva, I. A. Pavlova, L. V. Kapustina [et al.]. *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling*. 2023. No. 56. P. 7–68. (In Russ.)

◆

Информация об авторе

Антон Александрович Киреев, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: antalkir@yandex.ru

Information about the author

Anton A. Kireev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: antalkir@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.04.2026 Одобрена после рецензирования 13.08.2026 Принята к публикации 25.08.2026

Received 11.04.2026 Approved 13.08.2026 Accepted 25.08.2026

Требования к объёму и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, переносов, неразрывных пробелов. В заголовках **не набирать** заголовки полностью ПРОПИСНЫМИ буквами. Простановка буквы **ё** обязательна.
3. Шрифт – Times New Roman, 14 пт; межстрочный интервал – 1,5.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 1,5 см, левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., учёная степень, учёное звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова, а также сведения об авторе (авторах) предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведённой цитаты. Например: **[2, с. 5]**. Если страница не указывается, а даётся ссылка на работы целиком, то их нумерация даётся через точку с запятой. Например: **[2; 5; 7]**.
7. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: **(ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5)**; **(Рукопись Иванова А. К. Из архива автора)**.
8. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (даётся в конце текста статьи или сноской). Например: **ГАПК – Государственный архив Приморского края**. Слова "годы" и "века" должны даваться в сокращении, а для обозначения веков следует использовать римские цифры в латинской раскладке. Например: 1990 г.; 1990-х; 1990-е гг.; 1980-х – 1990-х гг.; 1980-е – 1990-е гг.; XIX в.; XX–XXI вв. и т.д.
9. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учёта соавторов и хронологии.
10. В списке сначала указывается литература на кириллице (начиная с литературы на русском языке), далее на латинице, и после в других системах письма.
11. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена).
12. Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2022)**
13. В англоязычной версии списка литературы ("References") описания всех неанглоязычных публикаций должны быть переведены на английский язык. При этом в скобках после описания публикации должен быть указан её оригинальный язык. Например: (In Russ.)
14. Порядок расположения публикаций в списке литературы и "References" идентичен.
15. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution). Образец оформления рукописи, включая список литературы и "References", доступен на сайте журнала.
16. При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (DOI), его необходимо указывать. Например: **https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2017.05.009**
17. Объём статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объём других материалов – до 0,3 п.л.
18. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (jpeg, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow.
19. Указание источника иллюстраций – обязательно.
20. Русскоязычные заголовки иллюстраций обязательно сопровождаются переводом на английский язык.
21. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (чёрный, белый, серый 50 %).
22. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: **ojkum@rambler.ru**).

Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.
Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2026. Т. 20, № 3

Подписано к печати 02. 09. 2026 г. Вышло в свет 21. 09. 2026 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 15,40. Уч. -изд. л. 17,64. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВВГУ
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Индекс 79089

